

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ
В СТРАНАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

Учреждение Российской академии наук
Институт славяноведения РАН

К двадцатилетию революций 1989 г.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
(90-е годы XX века —
начало XXI столетия)

Москва
2008

Ответственный редактор:
доктор философских наук, профессор Ю. С. Новопашин

Рецензенты:
доктор исторических наук Е. П. Серапионова,
кандидат исторических наук С. А. Романенко

Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX века — начало XXI столетия). — М.: Институт славяноведения РАН, 2008. — 352 с.

В коллективной монографии сосредоточено внимание на процессе трансформационного изменения или демократической реформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, начавшемся после победы в них антитоталитарных революций 1989—1990 гг. Авторами соответствующих глав рассматриваются разные этапы постреволюционного реформаторства, что создает в совокупности довольно объемную картину. На основе широкой источниковой базы с привлечением изданных в последнее время публикаций документов и новейшей зарубежной литературы проведен анализ политики реформаторского эволюционизма как доминирующего направления преобразовательной деятельности, посредством которой за истекшие два десятилетия в основном успешно решены задачи переходного периода от государственного социализма к постиндустриальному обществу.

Для историков, политологов, преподавателей, студентов.

Введение

Выход в свет данной коллективной работы по современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы приурочен к двадцатилетью победы в них антитоталитарных революций 1989 г., положивших начало процессу трансформационного изменения или демократической реформации этих стран. Правда, в академической среде не перевелись скептики, которые считают, что и в наши дни еще не настало время для подлинно научного анализа событий, последовавших за крахом государственного социализма* на европейской земле и развалом СССР. Для такого анализа, говорят они, необходимы известное отстранение (историческая ретроспектива) и соответствующий доказательный багаж (источники), в т. ч. архивный. А поскольку, дескать, ни того, ни другого применительно к современности быть не может, она и представляет собой больше сферу спекулятивных упражнений для политиков и журналистов, чем предмет приложения сил для серьезных исследователей. В подкрепление подобной позиции следуют нередко ссылки на исторические авторитеты, например на В. О. Ключевского, который относительно одного из переломных периодов своего времени, только что пережитого им, заметил, в частности, следующее: мы знакомы с событиями, мы знаем даже, чем они вызваны, но мы «не знаем их последствий и потому не можем сделать их объектом истории»¹.

Однако именно в силу того, что авторам представляемого труда известны причины — конечно, не все, но во всяком случае многие — революционных перемен в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, вполне оправдана их реконструкция на страницах этого труда (вкуче с многочисленными и далеко не однозначными внутриобщественными последствиями данных перемен) в качестве объекта истории. Причем объекта, включающего не только более или менее успешные попытки научного

---

* Не будет ошибкой пользоваться в данном случае и понятием реального социализма как синонимом государственного, поскольку последний только и существовал в реальности, а не в одних лишь теоретических построениях.

воспроизводства фактической канвы демократических преобразований в политической, экономической и социокультурной областях соответствующего отдельно взятого государства, но и выход на региональные и межрегиональные проблемы, тоже представляющие собой последствия революционных перемен и трансформационного процесса в целом.

За два десятилетия со времени бархатных и небархатных революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы появилось уже немало публикаций, в которых затрагиваются вопросы взаимодействия в историческом разрезе властных и безвластных (термин В. Гавела) в этих странах, о сути перехода в них от государственного социализма к постиндустриализму и т. п. Но анализируются в упомянутых публикациях по преимуществу радикальные, антикоммунистического плана изменения в социально-политической сфере, характерные для конца 1980-х гг. Что же касается внутрисистемного *реформаторского эволюционизма*, пришедшего в 90-е гг. прошлого века на смену *революционному радикализму* и ставшего в рассматриваемых странах определяющим для «властно-безвластного» взаимодействия, — его исследование продвинулось в российской науке гораздо меньше. Конкретно-исторические работы на эту тему остаются в нашем общественном сознании еще в большом дефиците.

Можно отметить, что отдел современной истории Института славяноведения РАН издал в последние годы две коллективные монографии, нацеленные так или иначе на преодоление отмеченного дефицита*. Но, конечно, тема реформаторского эволюционизма далека пока что от своей всесторонней разработки. Памятуя об этом, те же авторы, что написали предыдущие две книги, подготовили и настоящий труд, посвященный изучению трансформационного процесса. Этот процесс материализуется в странах региона прежде всего, повторим, посредством политики реформаторского эволюционизма. Ее суть авторский коллектив усматривает в неспешном, но последовательном продвижении от экономики постсоциализма, выступающей преимущественно в государственной и муниципальной форме, к постиндустриальной экономике в трех ее главных формах — частной, коллективной и государственно-муниципальной. Непременная составляющая реформаторских усилий в данном контексте —

* См.: Власть — общество — реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., Наука, 2006. 442 с.; История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., Наука, 2007. 397 с.

решение задачи всестороннего упрочения демократической структуры государства как обязательной надстройки над плюрализмом форм собственности. Хотя, разумеется, лишь к этому дело не сводится. В широком смысле под политическим аспектом трансформационного процесса авторы книги понимают все многообразие перехода от репрессивной по существу организации коммунистической власти, запрограммированной на подавление инакомыслия и, так сказать, идеологическую стерилизацию населения, к правовому государству постиндустриализма, которое должно быть не господствующей над народом силой, а его партнером, гарантом реализации всеми членами гражданского общества своих конституционных прав. Кстати говоря, в этой работе под названием «Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е гг. XX в. — начало XXI столетия)» наиболее полно освещены преобразования именно в политической сфере, хотя понятие общественных трансформаций охватывает и социально-экономическую область, и социокультурную. Исследовательский материал по ним тоже наличествует, но все же акцент сделан не на нем.

Раскрытие авторами темы данного коллективного труда не предполагает анализа российских проблем, однако в некоторых случаях обращение к ним вполне оправдано хотя бы в интересах тех или иных сравнений. В России, к примеру, до сих пор сохраняется традиция восхвалять не эволюционистов — сторонников постепенных реформ, будничной созидательной работы, а представителей революционного радикализма, склонных к шумовым, нередко кровавым и разрушительным эффектам (Иван Грозный, Петр I, В. Ленин, И. Сталин, Б. Ельцин и др.). «Посмотрите на многие нынешние митинги, собрания трудящихся, — писал в конце 90-х гг. один отечественный ученый. — Люди несут портреты Сталина, истреблявшего их миллионами, а не “волонтариста” Хрущева, выпустившего миллионы жертв сталинизма из тюрем и лагерей и реабилитировавшего тех, кто не вынес мучений. Да и “застойный” Брежнев, при котором худо-бедно всем платили регулярно зарплату, не в чести у тех, кто и эту заработанную малость воровски не отдает сейчас людям, претендуя между тем на всенародную любовь»².

О ком конкретно идет речь в конце процитированного отрывка, не уточняется, — оно и так понятно! И приходится, как это ни печально, согласиться с обобщающими словами автора о том, что «величие правителей на Руси измеряется, к сожалению, не созиданием, а разрушением и числом загубленных душ. И до тех пор, пока мы будем в немом вос-

хищении стоять перед памятником Петру, изваянному уже в наши дни Церетели, или сочувственно переживать, как “Иван Грозный убивает своего сына”, жизнь на Руси не станет более уютной»³.

Вопрос о том, «как нам обустроить Россию», чтобы большинство ее населения жило не хуже, чем граждане хотя бы тех же стран Центральной и Юго-Восточной Европы, близок к проблематике данной книги, но все же это большая и самостоятельная тема. Ее пришлось коснуться с единственной целью: чтобы подчеркнуть несовпадение векторов реформаторства в России, с одной стороны, и в государствах за ее пограничными столбами — с другой. А в чем конкретно и прежде всего с экономической точки зрения заключается это несовпадение, почему у нас оказался затяжным, прямо-таки перманентным переходный период от государственного социализма к постиндустриальному общественному строю — на эти и им подобные вопросы отвечает уже немалая отечественная, главным образом экономическая, научная литература*.

Здесь же уместно обратиться к исторической стороне дела и подчеркнуть, как о том уже упоминалось, что на просторах нашей Родины преобладал многие десятилетия, даже столетия революционный радикализм ее правителей, в частности и перечислявшихся выше. Они стремились с помощью преимущественно принудительных мер, подлинного грабежа населения осуществить преобразования, которые должны были сделать российское государство «военною державой и грозой всего света»⁴. О петровской реформе в этом направлении В. О. Ключевский писал, например, что она «вытягивала из народа силы и средства для борьбы господствующих классов с народом... После Петра, — заключал историк, — государство стало сильнее, но народ беднее»⁵. В другом месте он вновь констатировал: «Чтобы защитить отечество от врагов, Петр опустошил его больше всякого врага»⁶. И подобные характеристики применимы к любому из наших «великих» революционеров-реформаторов. Иными словами, у всех сиятельных российских преобразователей (царей, императоров, генсеков, президентов) наблюдается одна общая, роднящая их черта. Они хотели как лучше, а получалось как всегда, т. е. еще хуже, чем до их прихода к власти.

---

* См., напр.: *Гайдар Е. Т.* Государство и эволюция // Сочинения в 2-х томах. М., 1997. Т. 1. С. 11—169; он же. Экономические реформы и иерархические структуры // Там же. Т. 2. С. 6—275; *Попов Г. Х.* О мире, в котором Россия должна выжить... М., 2004. С. 9—40, 287—341.

Что же касается европейских государств, в них революционный радикализм со времен Французской революции никогда не играл больше решающей роли не только в западной части континента, но и в восточно-европейском регионе. Очень быстро после антикоммунистических выступлений 1989 г. было осознано, что в дальнейшем каких-либо успехов можно добиться не обещанием с сегодня на завтра манны небесной, не провозглашением погромных лозунгов на манер ленинского «грабь награбленное» и не развязыванием тем самым братоубийственной свары из чувства, допустим, мести бывшим промосковским правителям, а исключительно за счет политики народного сплочения, сохранения общественного спокойствия и мирной активизации граждан во всех сферах их жизнедеятельности.

Не надо, разумеется, идеализировать нынешние государства этого региона, но факт остается фактом: почти все из них, являясь очевидными «постепеновцами», справились тем не менее с поворотом от коммуно-тоталитаризма (или авторитаризма) к парламентскому плюрализму в политике, рыночному хозяйствованию в экономике и творческой составляющей в области культуры гораздо быстрее и эффективнее, чем российский бюрократический Левиафан, застрявший, как видно, в непролазной коррупционной грязи переходного периода не на одно десятилетие.

Такое положение дел имеет, конечно, свои причины, вопрос о которых, в частности, затрагивается — правда, походя — в упоминавшихся работах патриарха народно-демократического лагеря России Г. Х. Попова и главы младореформаторов Е. Т. Гайдара (тот и другой имеют опыт «хождения во власть» и благодаря своим научным трудом известны в академическом мире). Начнем знакомство с их позициями по интересующим нас сюжетам с тезиса о том, что в целом более успешное и более целенаправленное, чем в России, продвижение стран Центральной и Юго-Восточной Европы по пути демократических реформ объясняется в числе прочего сохранением в них объективных предпосылок для возрождения в 1989—1991 гг. в качестве влиятельных субъектов революционного процесса партий антикоммунистического толка, в то время как в СССР, по словам Г. Х. Попова, «отсутствовали какие-либо серьезные основы для появления партий-антагонистов КПСС. В этом, — пишет он, — состояло радикальное отличие нашей страны от ее бывших восточноевропейских партнеров по союзнагерю, в которых в эмиграции сохранились многие прежние партии, а внутри стран, несмотря на репрессии, оставался значительный «запас» их членов»⁷.

Обращается внимание в соответствующих изданиях и на тот факт, что неформальная научная и политическая элита названных стран никогда не прекращала попыток разработать те или иные проекты организации хозяйственной и всей общественной жизни, альтернативные культивируемой модели реального социализма. Да и сами восточноевропейские правители, например венгерские, польские или чехословацкие, все же гораздо меньше держались разрушительного принципа *après nous le déluge* («после нас хоть потоп»), чем представители кремлевского геронтологического клана. «Чешские коммунисты, — констатировал Е. Т. Гайдар в своей книге «Дни поражений и побед», — оставили страну в относительно финансовом порядке, с низким внешним долгом и ограниченными финансовыми диспропорциями. Традиционная чешская финансовая респектабельность пересилила деструктивные тенденции разваливающегося позднего социализма. Сыграл свою роль и национальный характер чехов с его устойчивой мелкобуржуазностью, которую так не любил Ленин»⁸.

Не вдаваясь в детали, заметим в скобках, что в условиях советского позднего социализма теоретико-концептуальный, позитивный элемент противостояния партийно-государственным структурам напрочь отсутствовал. Все помыслы фигурантов этого противостояния занимало лишь стремление свалить данные структуры, выполнив тем самым главную, но в сущности только негативную задачу любой революции.

Следует коснуться также вопроса о многопартийности, без которой нет подлинного парламентаризма и невозможно двигать вперед реформы народно-демократического характера. Хотя отнюдь не всегда именно отмеченный характер преобразований выдерживается в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, но заметные шаги в этом направлении все же делаются, ибо такого откровенного игнорирования власти интересов собственного населения, как в современной России, реальная многопартийная система с влиятельной оппозицией не допускает по определению.

В России тоже, убежден Г. Х. Попов, имела место в 1989—1991 гг. народно-демократическая революция, завершившаяся определенными реформами, но реформами — опять же в противоположность другим социалистическим странам — исключительно номенклатурно-бюрократического разлива⁹. В результате этой антиКПССовской революции ельцинско-путинская властная вертикаль с помощью выборов закрепила бюрократию в качестве единственной правящей страной силы, утвердив тем самым фактическую однопартийность во всех звеньях и на всех уровнях госуправления. То есть бюрократия навязала российскому населе-

нию худший из возможных вариантов реформ, заставив народ заплатить за этот свой неудачный выбор. Заплатить народу пришлось и за то, чтобы сама бюрократия переносила трансформационные пертурбации в наиболее комфортных условиях.

Теперешняя пропугинская «Единая Россия» в качестве основной партии вездесущей бюрократии — наглядный, хотя и не единственный, пример фактической чиновничьей однопартийности, существенно искажающей многие преимущества парламентской и непарламентской партийной организации. Более того, монополярная однопартийная ситуация, которой не наблюдается ни в одной из стран Центральной и Юго-Восточной Европы, не может не превращать постепенно, но неуклонно это объединение отечественных столоначальников в главный инструмент авторитаризма, тоталитаризма, диктатуры. Подобное объединение, какие бы демократические формулы оно не изображало на собственном фронте, неизбежно вырождается в конечном счете в антидемократический, антипарламентский механизм.

Свое детище руководители «Единой России» самодовольно именуют «правлящей партией», хотя в демократическом обществе таковой вообще быть не может. Прав Г. Х. Попов, когда пишет, что «есть в демократическом обществе партия, победившая на выборах... Представить себе, — уточняет он, — что в демократической стране на выборах произойдет тотальный захват всех структур власти — во всех ветвях, на всех уровнях — невозможно. Поэтому те, кто говорит о правящей партии или задаче стать правящей партией — по существу живут критериями государственного социализма и большевистской идеологии»¹⁰.

Думается, эти примеры иллюстрируют тезис о несовпадении векторов реформаторства в России и странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Последние по своему политико-государственному устройству есть по преимуществу парламентские республики, и их демократическая реформация нацелена на укрепление этой формы правления. Россия — президентская федеративная республика, коррекция национально-государственного устройства которой, как правило, не совпадает с содержанием преобразовательной деятельности в центральноевропейском регионе. К тому же трансформационный процесс в Российской Федерации отягощен весьма своеобразными его составляющими, усиливающими авторитарные, самовластные тенденции в осуществлении полномочий главы государства, с одной стороны, и председателя Совета министров — с другой. Понятно, что это усиление отнюдь не вещь в себе, а происходит за счет ослабления парламентских полномочий, протестирования судебной власти и т. п.

Наша научная литература пока мало обращает внимание на факт несовпадения отмеченных векторов реформаторства. Бытует довольно упрощенное представление о восточноевропейских государствах, отношения которых с СССР носили-де в 50—80-х годах ярко выраженный империально-вассальный характер и которые, следовательно, вообще не могли рассматриваться в то время как собственно независимые. Поэтому, когда, дескать, пришел «достославный» 1989 г., правильнее, как считает, скажем, Е. Гайдар, «говорить не о разных революциях в тех или иных социалистических странах, а о едином революционном процессе, центром которого был Советский Союз, о процессе, дополняемом национально-освободительными движениями и преобразованиями на периферии социалистической империи»¹¹.

Здесь с главой российских младореформаторов можно поспорить. Он, конечно, прав, считая радикальные политико-экономические изменения, которые охватили в 1989—1991 гг. Восточную Европу и СССР, «первой полномасштабной революцией в современном постиндустриальном мире»¹². Но вот что касается вопроса о «центре» этого процесса и его «периферии», вряд ли тут гайдаровское толкование выглядит убедительным. Как-то не «тянет» на центральную роль в радикальных изменениях или постепенном реформаторстве деятельность наших демократов, выращенных на почве разложения социалистических порядков, пропитанных идеологическими догмами этих иезуитских порядков и несущих на себе всю грязь их гниения. На данную малопривлекательную особенность отечественного революционно-демократического авангарда еще в начале 90-х годов указывал Г. Х. Попов, отмечавший в одной из статей, что «реальное состояние российской общества в целом и демократических сил в частности после семидесяти лет тотального господства государственного социализма не позволяет — по крайней мере сейчас и в ближайшем будущем — рассчитывать на реализацию демократического варианта силами самих демократов. В этом, — подчеркивал он, — главное отличие СССР от других социалистических стран»¹³.

Почти два десятилетия преобразовательных конвульсий псевдодемократической власти России подтвердили справедливость этих слов. За истекшие постреволюционные годы доморощенная наша реформация обернулась маловразумительным топтанием на месте в политике, чередой непродуманных мер, разоривших большинство населения страны; — в экономике и т. п. То есть для любого непредубежденного исследователя оказалось предостаточно аргументов, чтобы считать периферией трансформационного процесса в бывшем социалистическом мире не восточно-

европейские его «окраины», а некогда «империальную советскую державу» (термин советолога Б. Майсснера. — Ю. Н.). В державе этой в нынешнем ее обличье Российской Федерации, по меткому замечанию того же Гайдара, «сочетание псевдоимперской риторики, экономического авантюризма и крупномасштабного воровства имеет шансы стать долгосрочной частью отечественных реалий»¹⁴. Ясно, что при таких «доблестях» мало вероятно, чтобы кто-то обратил внимание на российский трансформационный процесс как на пример для подражания, посчитал бы его содержание общезначимым, а не периферийно-особым, если вообще не исключительно-единичным...

Однако вернемся к канве наших вводных соображений, подчеркнув, что в целом, проблема несовпадения векторов реформаторства в России и странах Центральной и Юго-Восточной Европы есть не что иное, как часть более общей проблемы непростой взаимосвязи власти и общества в механизме государственного управления. На перемены, которые объективно назревают в обществе, власть редко соглашается, а к ее планам реформирования тех или иных общественных структур последние зачастую тоже относятся по меньшей мере с недоверием, а бывает что и протестуют всеми возможными способами. Ситуация же, когда власть, общество и предлагаемые властью реформы выстраиваются, так сказать, в гармонический ряд, возникает редко; но если возникает, то это, конечно, и политически, и экономически, и идеологически тот благоприятный для государства и общества случай, когда противоречивость между ними уменьшается, а элементы единения выходят на первый план и обуславливают, наряду с другим, прогрессивные перемены на макро- и микроуровне.

Таким образом, перед авторским коллективом стояла теоретико-методологическая задача уяснения всей сложности названного проблемного ряда и ее показа на конкретно-историческом материале. В той или иной мере элементы решения этой задачи присутствуют в каждой главе данной коллективной монографии. Остается только напомнить о трудностях продвижения по намеченному пути. Ведь до сих пор в отечественном общественном сознании не прояснено, был ли государственный социализм, который народы рассматриваемых стран строили 45 послевоенных лет, неререформируем с самого начала или до какого-то рубежа это все-таки представлялось возможным. По-разному отвечают наши политологи, философы и пр. также на вопрос о характере политических и социально-экономических преобразований в народно-демократических государствах после Второй мировой войны в том плане, а можно ли отмеченные преобразования считать вступлением на социалистический путь?

Или же они в своей совокупности представляли лишь «псевдовступление» (т. е. политико-идеологический обман населения), «забегание вперед» и тому подобное, что сталкивало упомянутые государства с рельсов создания «подлинного социализма», «социализма классической модели» на волонтаристское бездорожье, заводило в цивилизационный тупик, как полагают, например, А. П. Бутенко и Н. А. Симония¹⁵?

Ясно, что волонтаризм коммунистических властей, с одной стороны, и историческое нетерпение масс — с другой, имели место; ясно и то, что если бы того и другого было меньше, удалось бы, наверное, добиться большего в деле улучшения жизни населения, социальных завоеваний... Однако нелепо квалифицировать все реформаторские усилия коммунистических правителей лишь в качестве «псевдоусилий» по причине «исторической преждевременности» этих правителей, как нелепо полагать, будто никто из них был не в состоянии увидеть грань между действительными возможностями в достижении конкретных социалистических целей и тем их левацким формулированием, которым грешили «забегавшие вперед» идеологи и политики. Отнюдь не одни поголовные леваки и начетчики толпились в странах восточноевропейского региона у номенклатурного корыта — иначе тема о попытках реформирования государственного социализма вообще выглядела бы надуманной...

Другое дело, что все-таки решение ряда ключевых для социализма проблем оказалось коммунистическим властям не по плечу: это и проблема долговременных стимулов к эффективному труду; и проблема национального и интернационального, классового и общечеловеческого в политике и культуре; тесно связанная с предыдущей проблема соотношения социалистических целей и средств их достижения, в частности реализация этого соотношения в государственном устройстве и государственной политике, которая отнюдь не может быть выражением диктатуры какой-то одной авангардной партии, тем более лишь ее руководства. Такого рода понимание организации отправления властных и управленческих функций, на котором настаивали российские большевики и их восточноевропейские последователи, не только противоречит доказавшим свою жизненность принципам всеобщей выборности, демократического контроля за исполнительной властью, независимости судебной системы, свободы устного и печатного слова и др., но не соответствует и самому марксизму — теоретической и пропагандистской базе современного левого фланга революционного радикализма (правый его фланг исповедует, как известно, разного рода национал-социалистические и фашистские взгляды).

Можно предвидеть вопрос читателя, а к чему в этой монографии экскурс к проблемам канувшей в Лету эпохи коммунистического правления, если авторский коллектив определил предметом своего исследования преобразование после демократической революции стран Центральной и Юго-Восточной Европы из государственно-социалистических в постиндустриальные? Ответ тут будет заключаться прежде всего в том, что неисторичным было бы просто отбросить предшествовавший восточноевропейским революциям 45-летний послевоенный период, на протяжении которого тоже разрабатывались различные проекты преобразований, предпринимались попытки их претворения в жизнь и таким образом накапливался известный опыт, нередко трагический для разработчиков и реализаторов реформ, но в целом совсем не бесполезный. Началом этого тернистого пути коммунистического реформаторства следует считать 1944 г., когда германский нацизм был в основном сломлен, политические силы восточноевропейских государств, сотрудничавшие с гитлеровцами, радикально ослаблены и дискредитированы и на повестку дня встал вопрос о *сущности и направлениях послевоенного развития*.

Сначала на этот вопрос восточноевропейскими коммунистами, пришедшими к власти, давался ответ в том смысле, что первостепенной задачей является строительство социализма с учетом национальных особенностей данных стран, т. е., если воспользоваться расхожей терминологией тех лет, будет создаваться «национальный коммунизм» с упором не на классовый принцип постоянной борьбы с несогласными, а на принцип сотрудничества с ними в общенациональных рамках. Но очень скоро модели «национального коммунизма» (венгерская, польская, чехословацкая и др.) были объявлены с подачи руководства ВКП(б) ошибочными, льющими воду на мельницу империализма, их авторы и высокие покровители подверглись репрессиям, а в правящих кругах установилось на целых три десятилетия всеобщее равнение на систему советского типа (1950—1970 гг.).

Так что нынешние представители революционного радикализма, а еще более — реформаторского эволюционизма являются не некими «кудесниками», выскочившими на исходе 80-х гг. — на манер черта из табакерки — невесть откуда; они представляют собой политиков, ученых, журналистов, которые знакомы с предшествующим опытом партийного реформаторства и так или иначе учитывают (или отвергают) его в своей государственной и общественной деятельности. Не зная об этом в наше время, не обращать внимания на существующую тут причинно-следст-

венную связь с прошлым — значит совершать серьезный промах, опуститься в соответствующих вопросах до нежелательной приблизительности.

Поскольку автор данных строк имел в советское время непосредственное отношение к такой официально уже не существующей сегодня учебно-вузовской дисциплине, как научный коммунизм, нелишнее привести пример упомянутой приблизительности именно из этой области. Речь о трактовке в теории научного коммунизма вопроса о судьбах нации. Для нее как «коллективной личности» у К. Маркса и Ф. Энгельса места вообще не находилось. Основоположников не интересовали национальные и народные традиции и особенности, они рассматривали их в качестве обреченных архаизмов. В. И. Ленин называл национальное угнетение одной из форм социально-экономической эксплуатации (т. е. отождествлял эти два неравнозначных понятия), и с его, так сказать, легкой руки повелось считать, что с уничтожением капиталистических отношений исчезнет и национальный гнет, а с ним и национальная вражда, в конце же концов нивелируются (отомрут) и все национальные особенности.

Но вместо этих ирреальных прогнозов СССР захлестнула во второй половине 80-х — начале 90-х гг. вполне реальная и, как всегда, «неожиданная» волна националистической жадности власти, прежде всего в России и Украине, а также на Кавказе, в Казахстане, Прибалтике, Средней Азии. Эта волна одним махом смела все многолетние умствования партийных и околопартийных «научных авторитетов» типа С. Т. Калтахчана, М. И. Куличенко, Ц. А. Степаняна и др. относительно будто бы сложившейся у нас и ставшей необратимой новой исторической общности — советского народа. Но в том-то и загвоздка, что прогресс национального взаимодействия оказался легко обратимым в регресс, выразившийся в разбегании всех по своим национальным квартирам. Иными словами, брутальная практика опровергла сервильную теорию, благостные выводы тех ее представителей, которые так и не решились поставить вопрос, а не свидетельствует ли происходящее об исторической ошибочности постулатов кабинетного марксизма и опиравшихся на них политических лозунгов? Скажем, постулата о расцвете национального в условиях неэксплуататорского (социалистического) общества, когда расцвет этот раз за разом оборачивался на практике националистической вакханалией. Почти все национальные движения (за равенство наций, торжество национального или национально-государственного суверенитета) в рассматриваемом ареале исследований с какой-то странной закономерностью, будучи возглавленными этнополитической элитой, неизбежно превращаются в национал-шовинистические, национал-сепаратистские и т. п.,

становясь тормозом для свободного национального развития, которое немислимо в атмосфере замкнутости и небрежения к интернациональному моменту.

Не стоит сразу же искать тут развернутые ответы на эти вопросы — они обозначены главным образом для того, чтобы показать насколько непростой, многослойной является проблема трансформационного процесса, включающего, разумеется, и национальный момент, процесса, который представляет собой неизвестное доселе исторической науке движение стран с государственно-социалистической системой к постиндустриальному обществу. Понятно, что о национальном моменте упомянуто и для того, чтобы подчеркнуть его значение в качестве обязательного компонента внутри- и внешнеполитического курса любого государства, а значит и тех, которые образуют круг интересов авторского коллектива. Правда, в настоящей работе авторы специально национальных проблем не касались, избрав объектом своего предпочтительного внимания другие вопросы, не менее важные для разработки заявленной темы. Подобный подход объясняется в числе прочего и тем, что отдел современной истории Института славяноведения всего четыре года назад подготовил и выпустил в свет первое в российской историографии конкретно-историческое исследование национальных проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы*.

И, наконец, несколько слов о межнациональном взаимодействии этих стран на уровне их межгосударственных отношений в минувшую эпоху социалистического строительства. Стержневой здесь выступает проблема Советского Союза, тех методов и средств, с помощью которых его «директивные инстанции» контролировали восточноевропейскую зону своего послевоенного влияния. О великодержавной сущности подобной деятельности сейчас не говорит только ленивый... И действительно, сверхцентрализованная бюрократическая диктатура кремлевских правителей не очень-то различала внутриобщественный и межгосударственный уровни и едва ли не с самого начала вызывала сперва скрытое, а позднее и более откровенное разочарование и недовольство среди приверженцев революционного радикализма, недовольство, обусловившее в конечном счете раскол их рядов. «Титоизм» как первый звонок об этом расколе в конце 40-х гг. XX века, беспорядки в Польше и Венгрии в середине 50-х, а также появление к исходу следующего десятилетия еврокоммунизма и, глав-

---

*Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944—1948. М., Наука, 2004. 551 с.

ное, отход от коммунистического лагеря Китая — во всех этих явлениях стремление к свободе, национальному самоутверждению было едва отличимо или полностью совпадало с националистическим (принижаящим другие, в первую очередь соседние нации) самоутверждением, которого в условиях нового строя, о чем уже говорилось, марксистско-ленинская теория не предполагала, а потому и не объясняла. Ведь нельзя же считать удовлетворительным объяснением, скажем, позицию одного из вождей РКП(б) Г. Е. Зиновьева, которой — без упоминания ее автора — придерживался долгие годы весь политико-пропагандистский актив КПСС. На заседании 5 марта 1924 г. Исполкома Коминтерна и пленума Московского Совета, посвященном пятилетию III Интернационала, тогдашний глава этой международной организации заявил в своем докладе по интересующему нас вопросу следующее: «Второе наше завоевание (первым Зиновьев считал осуществление на практике диктатуры пролетариата. — Ю. Н.), обогатившее нас по сравнению с I Интернационалом, — это национальный вопрос. Создание Союза Социалистических Республик показало, что у нас национальный вопрос разрешен»¹⁶. Ну а если подобный вопрос успешно разрешен — его и не трогали, не относили к числу теоретически актуальных. Вот с таким самодовольно-приблизительным пониманием роли национального аспекта в общественном развитии пришли СССР и восточноевропейские страны к концу прошлого столетия, что способствовало, естественно, не укреплению их внутренних и внешних связей, а совсем наоборот.

Как известно, после перехода власти в 1989—1990 гг. в этих странах к некоммунистическим силам произошло обвальное сокращение (не на какой-то десяток-другой процентов, а в разы) всего комплекса упомянутых связей прежде всего с Советским Союзом/Российской Федерацией, а также между самими восточноевропейскими государствами. Причины здесь, разумеется, коренились не только в умозрительности марксистско-ленинской теории, хотя это тоже нельзя сбрасывать со счетов. Негативную роль также сыграли: и немалая торговая задолженность СССР своим социалистическим партнерам (по несколько миллиардов долларов каждому)*; и инициированный Москвой опрометчивый перевод платеж-

---

* По данным, которые приводит в книге «Дни поражений» и побед Е. Т. Гайдар, СССР в своих экономических взаимоотношениях с европейскими странами-членами СЭВ превратился в 80-е годы из основного их кредитора в чистого дебитора. Мы, иронизирует автор, «так замечательно вели дело, что умудрились задолжать почти 30 миллиардов долларов бывшим партнерам по социалистическому лагерю. Иными словами — Союз оказался банкротом (Гайдар Е. Соч., т. 1. С. 317).

но-финансовых расчетов со взаимного клиринга на долларовую основу (достаточного для этих расчетов запаса американских дензнаков не оказалось почему-то ни у кого); и высоко взметнувшаяся волна недоброжелательства к советскому/российскому руководству в качестве реакции на гегемонистскую политику Кремля в предшествующие десятилетия; и откровенный негативизм в отношении Варшавского Договора и СЭВа как организаций, созданных Страной Советов прежде всего для удержания в повиновении своих союзников и экономических контрагентов; и бюрократическая неповоротливость горбачевско-ельцинских чиновников, отодвинувших по примеру своих патронов все вопросы взаимодействия со вчерашними «братскими» государствами на второй, а то и третий план на фоне первоочередности контактов с сообществом евроатлантических наций, от которых ожидалась щедрая помощь льготными кредитами, оперативная поставка немалых объемов продовольствия, ширпотреба и т. п.

Далеко не все из обещанного было Западом выполнено за полтора десятилетия обниманий и лобызаний Горбачева и Ельцина с М. Тэтчер, Р. Рейганом, Дж. Бушем, Г. Кодем, Ф. Миттераном и др. Именно в эти годы бывшая наша послевоенная зона влияния превратилась в территорию вытеснения России из Европы. И если раньше данную геополитическую территорию буквально пронизывали, как говорится, вдоль и поперек межпартийные, межнациональные и межгосударственные отношения союзников и партнеров на дву- и многосторонней основе, то теперь от союзничества, братского взаимодействия не осталось и следа. И называть подобное иначе, чем попятным движением, примитивизацией дипломатических, торговых и иных связей, нельзя.

При всем при том было бы неправильно весьма быстрый послереволюционный разворот стран Центральной и Юго-Восточной Европы в сторону НАТО и ЕС напрямую связывать с отмеченной примитивизацией структур взаимодействия в рамках региона, с довольно демонстративным расставанием этих стран с положением «младших братьев» в системе российско-восточноевропейских координат. Но что все сказанное могло стать (и стало!) дополнительным толчком к движению в западноевропейском направлении, этого, видимо, никто не будет отрицать.

Вообще, несколько более подробный разговор во введении о межнациональных, межгосударственных проблемах стран Центральной и Юго-Восточной Европы, чем о внутриобщественных, получился, конечно, не спонтанно, а прежде всего по той причине, что они специально в книге не анализируются. По убеждению же автора этих строк, без обращения к ним раскрытие темы трансформационных изменений в регионе выгля-

дело бы все же несколько ограниченным, усеченным что-ли... Однако понятно, что именно проблемы внутриобщественного развития составляют стержень данной монографии и что так задумывалось с самого начала. Причем авторами рассматриваются разные этапы постреволюционного реформаторства, что создает в совокупности довольно объемную картину. Так, Венгрия предстает на старте демократических преобразований (1989—1994 гг.), и процесс этот подается посредством рассказа о деятельности Йозефа Анталла — премьера первого за 45 послевоенных лет некоммунистического правительства страны. В главе о Польше акцент делается на исследовательском освоении материала о начале реформ в социальной сфере (1999—2007 гг.). В главе по Болгарии постреволюционное реформаторство изображено системной чередой преобразовательных шагов — от смены власти до вступления в Европейский Союз (1991—2007 гг.).

В сопоставительном ключе представлена специфика транзитивных процессов в Чехии и Словакии. В соответствующей главе анализируется ситуация состязательности между двумя ведущими чешскими политическими партиями, не приводящая к доминированию какой-либо из них, а также рассматриваются намечающиеся признаки смещения политического маятника в Чехии вправо. Нелегкая победа В. Клауса на президентских выборах в феврале 2008 г. подтверждает данную тенденцию. Прослежены оформление левого фланга словацкой политической сцены после «рыхлых коалиций» и выбор социал-демократической альтернативы со «словацким лицом». Позиция Словакии в вопросе признания независимости Косово свидетельствует о том, что автору удалось с достаточной четкостью определить векторы политического развития страны. В целом глава показывает, что проблемность исторической эволюции в этих двух странах Центральной Европы не исчезает, равно как и различия между ними — вступление в НАТО, а затем в Евросоюз отнюдь не явились решением всех проблем. И все же Вишеградская четверка остается здесь островом стабильности, на который ориентируются все государства региона южнее. Исключение составляет Сербия, события в которой по-прежнему не перестают волновать весь континент и, можно даже сказать, все человечество.

Наличествуя в книге и две главы историографического свойства, в которых трансформационный процесс рассматривается, что называется, сквозь призму журнальных статей. В одном случае имеется в виду пражский академический журнал «Soudobé dějiny» («Современная история»), в другом — международный журнал по социальным и гуманитарным нау-

кам «Восточноевропейские исследования». Что касается первого журнала, в нем проанализированы статьи академических сторонников реформаторского эволюционизма за первое десятилетие постреволюционных преобразований, т. е. за 1990-е гг. Этот анализ дает представление о конкретных чешских историках и исторической науке в целом в период перехода страны от государственного или реального социализма к постиндустриализму с его фазами глобализма и закономерного занятия представителями интеллектуализма ведущих позиций в социальной и государственной структуре общества. В теперешнее, пронизанное интересами чистогана время, когда российская наука не получает из-за рубежа и четверти от того количества научных и общественно-политических изданий, которыми была обеспечена в годы советской власти, подобные аналитические материалы представляют собой, несомненно, важный источник информации для обществоведа, вузовского преподавателя, журналиста-международника и т. п.

Автор, написавший главу с привлечением статей из «Восточноевропейских исследований», сосредоточил свое внимание на рассмотрении содержания демократической реформации в странах региона с социокультурных позиций. Назвав свою главу «Вторая модернизирующая трансформация в “Восточноевропейских исследованиях”», он коснулся — и вполне обоснованно — также первой трансформации, т. е. перехода от капитализма к социализму в 40—50-х гг. XX в. К подобному сравнительному анализу наши коллеги в странах Центральной и Юго-Восточной Европы неоднократно уже обращались, и их научные позиции в критическом сопоставлении со взглядами отечественных специалистов, в частности с позицией автора данной главы, тоже небезынтересны.

И еще одно замечание. Сейчас нередки утверждения, что «на дворе нет уже капитализма. Нет и социализма. К концу XX в. человечество завершает переход к новому (постиндустриальному. — Ю. Н.) строю. И никто, и ничто не может остановить этот объективный процесс»¹⁷. Постиндустриализм, полагают его приверженцы, преодолевает *присущее капитализму* господство частного интереса, первенство критерия прибыли, ориентацию на эксплуатацию работников, тяготение к монополизму и диктатуре и т. д. Преодолевает он и *присущий социализму* принцип государственного монополизма собственности и всевластия распоряжающейся этой собственностью бюрократии. Конечно, оговариваются сторонники подобной концепции, возможно и попятное движение в виде, во-первых, стремления бюрократии к сращиванию с собственниками, что в итоге означает вырождение постиндустриального строя в капиталистический;

во-вторых, стремления господствующих слоев бюрократии лишить основную массу столоначальников сколько-нибудь значительной собственности, т. е. сделать ее послушной и зависимой от верхов, что ведет к вырождению постиндустриального общества в строй авторитарного или тоталитарного государственного социализма. Но исключения, как известно, только подтверждают правило.

Иными словами, утверждается, что поскольку человечество дозрело до постиндустриального строя, понятия капитализма и социализма лишаются реального содержания. Но если это так, то не выдерживает критики и более общая научная конструкция, с которой понятия капитализма и социализма соотносятся как части с целым. То есть речь идет о формационном подходе, вместо которого предлагается цивилизационный подход. Наверное, эта книга не совсем то место, где надо открывать дискуссию за и против указанных подходов. Принимая в целом концепцию продвижения государств Центральной и Юго-Восточной Европы к постиндустриальному строю*, авторский коллектив не отбрасывает и старый теоретический багаж, считая, что не будет большой ошибкой, если кто-то в историческом труде воспользуется терминологией насчет капитализма и социализма. Формационный подход, как представляется, сохраняет свое место в методологическом арсенале исследователя в качестве частного случая более широкого в историко-философском смысле цивилизационного подхода.

* * *

В написании данной коллективной монографии принимали участие сотрудники отдела современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН: доктор философских наук Ю. С. Новопашин — Введение; кандидат исторических наук Е. Л. Валева — глава I; доктор исторических наук Б. Й. Желицки — глава II; кандидат исторических наук О. Н. Майорова — глава III; доктор исторических наук Э. Г. Задорожнюк — глава IV; доктор исторических наук В. В. Марьина — глава V; доктор исторических наук Н. В. Коровицына — глава VI.

---

* Придерживаясь этой концепции, авторы монографии обращают внимание на те прежде всего проблемы переходного периода, решение которых упомянутыми государствами и составило к настоящему времени своего рода «входной билет» в Евросоюз как объединение стран и народов, уже достигших определенных рубежей в развитии нового, постиндустриального общества.

Примечания

¹ *Ключевский В. О.* Сочинения в 9-ти томах. М., 1990. Т. IX. С. 348.

² *Лисичкин Г. С.* О наших реформаторах, реформах и национальной идее. М., 1999. С. 9.

³ Там же. С. 9—10.

⁴ Эти слова в несколько вольном их пересказе взяты из одного учебного пособия для кадетских корпусов, в котором было сформулировано и получило высочайшее одобрение (Николая I) следующее определение: «Россия государство не торговое и не земледельческое, а военное и призвание его быть грозою света» (Цит. по: *Боргарт А.* Тонкий и толстый // Век XX и мир. 1992, № 4. С. 44.).

⁵ *Ключевский В. О.* Литературные портреты. М., 1991. С. 451.

⁶ *Ключевский В. О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 86.

⁷ *Попов Г.* Демократическая альтернатива Ельцину (В 2-х тт.). М., 2001. Т. 1. Платформа демократической оппозиции. С. 278.

⁸ *Гайдар Е.* Дни поражений и побед // Сочинения в 2-х томах. М., 1997. Т. 1. С. 487.

⁹ *Попов Г.* Об искусстве и жизни. М., 2004. С. 47.

¹⁰ *Попов Г.* О номенклатурно-управляемой демократии 2000—2004 годов. М., 2004. С. 64.

¹¹ *Гайдар Е.* Аномалии экономического роста // Сочинения в 2-х томах. Т. 2. С. 463.

¹² Там же.

¹³ *Попов Г.* О революции 1989—1991 гг. М., 2004. С. 104.

¹⁴ *Гайдар Е.* Аномалии экономического роста // Соч., т. 2. С. 525.

¹⁵ См.: *Бутенко А. П.* Неравномерность развития и историческое забегание (Сравнительный анализ развития СССР, России, Китая и Вьетнама). М., 2000. С. 137, 208, 216, 298—299; *Симония Н. А.* Что мы построили. М., 1991. С. 12, 39—40, 41.

¹⁶ *Зиновьев Г.* Соч., т. XV. Л., 1924. С. 268—269.

¹⁷ *Попов Г. Х.* Демократическая альтернатива Ельцину. Т. 1. Платформа демократической оппозиции. С. 13.

Глава I

Системная трансформация в Болгарии: от смены власти до вступления в Европейский Союз (1991—2007 годы)

Со времени начала политических и экономических перемен в Болгарии прошло уже почти два десятилетия. 10 ноября 1989 года пленум ЦК БКП проголосовал за отставку многолетнего лидера партии и государства Тодора Живкова с поста генерального секретаря компартии. Живков был освобожден и от должности председателя Государственного совета НРБ. В отличие от других стран Центральной и Юго-Восточной Европы болгарский переходный период начался как внутрипартийный переворот, сыгравший роль катализатора назревавших в стране событий. Неделью спустя после принятых «наверху» решений на площади в центре Софии состоялся первый массовый митинг оппозиции, которая сформировалась буквально в считанные месяцы и для которой отставка Живкова была лишь первым шагом к более глубокой трансформации политической системы. За день до этого БКП также организовала митинг в поддержку перемен и «перестройки» (в своем понимании, то есть в смысле реформирования социализма).

Итогом нескольких бурных недель ежедневных митингов, шествий и демонстраций стали: создание Союза демократических сил — СДС (коалиции, объединившей 13 оппозиционных партий и организаций); созыв национального «круглого стола» для диалога между властью (в феврале 1990 г. образовалось однопартийное коммунистическое правительство) и оппозиционным СДС; отмена первого параграфа конституции, регламентировавшего руководящую роль БКП в обществе; переименование компартии в Болгарскую социалистическую партию (БСП); восстановление гражданских свобод и свободы печати. Проведение в июне 1990 г. первых свободных демократических выборов в Великое народное собрание с участием 40 партий и объединений знаменовало собой начало перехода к политическому плюрализму. Принятие в июле 1991 г. новой конституции страны можно считать завершением первого этапа общественно-политической трансформации в Болгарии, когда был демонтирован «реальный социализм», т. е. прежняя политическая и экономическая система, господствовавшая более сорока лет, оказалась полностью разру-

шенной. 15 ноября 1990 г. парламент утвердил новое название государства — вместо Народной Республики Болгария оно стало называться Республика Болгария. Явственно обозначился вектор внешнеполитической переориентации страны в диаметрально противоположную сторону — с Востока на Запад.

Спустя два десятилетия после начала процесса трансформации проматриваются уже как его достижения, так и недостатки, хотя все еще продолжающиеся преобразования затрудняют оценку. Прежде всего, он начался без четкого представления о параметрах будущего государственного устройства, без попытки даже в самом общем виде представить стратегию и путь развития. Для болгарского общества в целом в силу исторических причин повестка дня трансформации была спорной, нечеткой и малопонятной. Слабость гражданского общества в стране привела к тому, что единственной альтернативой демократическому развитию стали возникновение и острая конфронтация различных политических элит. Несомненно, многое было сделано в направлении модернизации народнохозяйственной системы, однако переход к либерализации экономики и рыночному ценообразованию привели к неутешительным результатам в социально-экономической сфере, к усилению кризисных явлений, сопровождавшихся резким расслоением общества, ростом бедности и безработицы. Надежды преобладающей части болгар на спокойную и благополучную жизнь после крушения «реального социализма» оказались напрасными.

Если начальная дата переходного периода ни у кого не вызывает возражений, то по вопросу о его завершении по сей день продолжают ожесточенные дебаты между политиками, историками, политологами и социологами, которые все еще остаются в плену незатихающих политических страстей. Некоторые полагают, что в сегодняшней геополитической реальности критерием (с нашей точки зрения, чисто формальным) окончания переходного периода в восточноевропейских странах следует считать принятие постсоциалистических государств в Европейский Союз — ведь это должно означать, что в данной стране существует стабильная система политического плюрализма и конкурентоспособная рыночная экономика. В таком случае, при всей условности этого критерия и неоднозначной оценке итогов экономической и политической трансформации в Болгарии, рубежом окончания в ней переходного периода должен считаться 2006 год, поскольку с 1 января 2007-го республика стала полноправным членом ЕС. Бытует также мнение, главным образом среди социологов, что большинство экономических, социальных и политических

параметров болгарского общества приводят к выводу об окончании переходного периода в 2004 г.¹ Распространена и точка зрения, согласно которой переходный период продолжается до сих пор. Так, один из создателей СДС, демократ «первой волны» Петко Симеонов в конце 2005 г. утверждал: «С точки зрения целей, которые мы ставили перед собой в начале, переход не закончен. Великая цель заключалась в том, чтобы народ стал жить лучше. Пока этого не произойдет, переход не завершится». Социологи, утверждающие обратное, «пытаются легитимировать то, что случилось во время переходного периода. Поскольку легитимность предполагает согласие всех, что произошедшее нормально, естественно, приемлемо. Но это не так. Люди не согласны с сегодняшней ситуацией, они не живут лучше»².

С этим перекликается мнение, высказанное нынешним президентом Болгарии Георгием Пырвановым. В своем выступлении перед участниками конференции «Болгарский путь к Европейскому Союзу» в ноябре 2004 г. он сделал следующее безрадостное признание: политики и социологи, заявляющие об окончании переходного периода, выражают «позицию людей, добившихся успеха, которые хотят сохранить политический статус-кво. Но что скажут те, кто за последние 15 лет потерял свой социальный статус, кто должен ежедневно бороться с нестабильностью и отсутствием перспективы? ...Для них переходный период явно не закончился, а лишь трансформировался в тяжелый, но все же временный этап. Если все-таки признать, что переход завершился, если принять аргументы тех, кто это утверждает, то мы должны себе сказать, что он завершился плохо. Поскольку в конце переходного периода огромная часть болгарского общества живет более бедно, более неуверенно в себе, чем в начале этого перехода. И в этом виноват не сам переход, а тот способ, каким мы его совершили»³. Очевидно, под этим имелось в виду отсутствие и достаточно четких концепций структурных преобразований, и необходимого опыта у болгарского политического класса, и диалога его с общественностью, и целого ряда других необходимых условий.

1. «Политический маятник» и экономические реформы в 1991—1996 гг.

Социальная нестабильность, кризисное состояние общества и экономики в Болгарии в переходный период обуславливало частую смену правительственных кабинетов. За 18 лет трансформации (с 1989 по 2007 год) в постсоциалистической Болгарии шесть раз проводились парламентские выборы, из них трижды досрочно, пять раз — выборы в местные органы

власти. Было сформировано 11 составов правительства, общей чертой которых являлось более или менее выраженное стремление к либеральным методам руководства. Однако ни БСП, ни СДС, чередовавшиеся у руля правления, так и не сумели разработать четкой стратегии для разрешения серьезных национальных проблем вместо того, чтобы заниматься внутрипартийными интригами и своим обустройством в административных и экономических структурах. При этом хочется особо подчеркнуть, что частота выборов сама по себе означает функционирующую демократию. Уже в начале переходного периода в Болгарии была создана такая политическая система, в которой выборы фактически формируют власть. Далеко не во всех посткоммунистических странах выборы имеют столь важное значение.

Решающее воздействие на итоги выборов оказывала ухудшающаяся социально-экономическая ситуация, падение жизненного уровня основной массы населения. Каждая предвыборная кампания сопровождалась возникновением новых или распадом старых коалиций. Большая динамика смены лиц на политической сцене Болгарии была вызвана высокими темпами обновления, ошибками и даже межличностными отношениями. Ровно год спустя после первых свободных выборов в Великое народное собрание, в июне 1991 г. СДС потребовал проведения новых парламентских выборов, которые состоялись в октябре того же года. К этому времени авторитет сохранявшей власть БСП был сильно подорван, не в последнюю очередь событиями, произошедшими в 1991 г. на международной арене. В тот год произошел официальный самороспуск основных международных организаций Восточного блока — ОВД и СЭВ. Августовский путч в Москве также нанес тяжелый удар по партии болгарских социалистов, лидеры которых заняли выжидательную позицию и не отреагировали своевременно, в отличие от президента Желева, на следующий же день после путча выразившим полную поддержку Б. Ельцину в телефонном разговоре⁴. В связи с запретом КПСС и распадом Советского Союза БСП лишилась внешней опоры. В парламентских выборах партия социалистов, сформировавшая коалицию из 13 малозначительных организаций, участвовала в обстановке продолжающихся обвинений в том, что она не порвала с прошлым и не умеет управлять.

СДС, в свою очередь, был ослаблен внутренними раздорами, закончившимися расколом: накануне выборов коалиция распалась на три группы: СДС-движение, куда вошли правые радикалы; СДС-центр и СДС-либералы. Позднее название «СДС» закрепилось за СДС-движением,

олицетворявшим «твердое ядро». Именно оно стало победителем на выборах, получив 110 мандатов из 240 (коалиция, возглавляемая БСП — 106, ДПС — 24 мандата)⁵. При этом в парламент не прошли не только сравнительно молодые партии умеренно-либерального толка, но и такая богатая традициями партия, как БЗНС. Поскольку СДС не получил абсолютного депутатского большинства, то для формирования правительства ему потребовались и голоса партии этнических турок — Движения за права и свободы (ДПС).

8 ноября 1991 г. новый председатель Координационного совета СДС молодой юрист Филип Димитров при поддержке лидера ДПС Ахмеда Догана сформировал первое правительство без коммунистов. ДПС не имело своих представителей в новом кабинете прежде всего потому, что новая болгарская конституция запрещала создание партий на религиозной и этнической основе. Другая причина заключалась в нежелании А. Догана участвовать в управлении в трудный кризисный период. Оставаясь вне правительства, он обеспечивал себе свободу критики и маневров. Кабинет Ф. Димитрова провозгласил курс на радикальную «смену системы», на полный разрыв с коммунистическим прошлым и ориентацию на Запад. Его правление является неоднозначным и до сих пор вызывает диаметрально противоположные оценки. Заслугой этого правительства можно считать то, что оно сделало решительные шаги к созданию в стране рыночной экономики, приняв для этого множество законов и начав их реализовывать на практике. Причем это произошло столь стремительно, резко и необратимо, что путь к какому-либо отступлению оказался закрыт. Однако в ходе реформирования власти допустили много концептуальных и оперативно-управленческих ошибок. Прежде всего, реформы были чрезмерно политизированы. Они начались с полного отрицания всего, что осталось в наследство от социалистического строя, отвергались и очевидные социальные достижения, и материальная культура. Не были разработаны национальная стратегия и организационное планирование перемен по времени их проведения.

Основной целью реформ первого антикоммунистического правительства стала смена собственности. При этом было намечено три основных направления в изменении собственности: реституция, приватизация, возвращение земли собственникам. В конце 1991—начале 1992 года правительство приняло несколько законов, восстанавливающих право собственности бывших владельцев и их наследников на национализированное при социализме недвижимое имущество. Важнейшие из них — закон об

иностранных инвестициях в Болгарии (январь 1992 г.), закон о приватизации и новый закон о земельной собственности (апрель 1992 г.), о конфискации имущества БКП. Как признал впоследствии сам Ф. Димитров, результаты реституции оказались половинчатыми, тем более, что принципы ее проведения подверглись резкой критике не только со стороны БСП, но и части экономической команды в самом правительстве. Лозунг «Пусть нам вернут только то, что у нас взяли!» был приемлемым в отношении домов, квартир, магазинов, административных зданий, гостиниц, но что касалось индустриальных объектов, то здесь возникало больше проблем, чем решений⁶.

К началу 1993 года бывшим собственникам возвратили около половины объектов, подлежавших реституции — преимущественно магазинов, административных и жилых зданий. Наиболее быстро восстанавливалось право собственности в тех сферах, где для начала деятельности не требовалось больших средств, либо в отраслях с быстрым оборотом капитала. В значительной мере под влиянием реституции существенно возрос удельный вес частного сектора в розничной торговле. Что же касается предприятий, то значительная часть собственников, не желая заниматься бизнесом, сдала свои объекты в аренду. Несмотря на то, что, по словам Ф. Димитрова, его правительство стремилось создать именно предпринимателей, а не просто собственников и «не просто собственность, а функционирующую собственность»⁷, реституированный капитал не соединился с предпринимательским и не сумел занять каких-либо существенных позиций в экономике страны. Он лишь улучшил личное материальное состояние незначительной части населения (примерно нескольких тысяч человек). В то же время он способствовал разжиганию негативных эмоций и пропагандистских спекуляций заинтересованных политических кругов, преимущественно левых. Не удалось обеспечить и привлечения в болгарскую экономику иностранных инвесторов, что, по мысли премьера, должно было способствовать отходу государства от собственности и усилению рыночных механизмов.

Реформу земельной собственности правительство СДС рассматривало как ликвидацию кооперативов (то есть недавно преобразованных в них бывших ТКЗХ⁸) и возвращение земли прежним владельцам, причем «в реальных границах». СДС полагал, что все остальное, необходимое для реформирования и переструктурирования сельского хозяйства, сделают новые частные собственники и все сильный рынок. В результате на месте кооперативов возникли сотни тысяч маленьких участков, поскольку

ку прежние поля оказались раздробленными между огромным числом наследников. Кроме того, процесс возвращения земли «в реальных границах» надолго затянулся из-за огромного количества судебных дел. До октября 1994 г. право собственности было восстановлено наполовину (51,8%), однако до осени 1999 г. документы о собственности не выдавались. К 1994 г. 91% обрабатываемой земли составляли участки площадью от 0,1 до 1 гектара⁹. Подавляющее большинство бывших землевладельцев давно переселилось в города и не имело к сельскому хозяйству никакого отношения. Дополнительно осложнили проблему местные ликвидационные советы и земельные комиссии, на которые было возложено практическое проведение реформы. В итоге огромные участки земли оказались в запустении, стада уничтожены, здания и машины, предназначенные для крупных земледельческих угодий, разрушены и попросту разграблены. В результате такого некомпетентного подхода к земельной реформе не удалось создать ни достаточного числа новых современных кооперативов, ни конкурентоспособного фермерского хозяйства. Следствием переструктурирования стал резкий спад сельскохозяйственного производства, который продолжался и в последующие годы. Одновременно с болезненной земельной реформой началась ликвидация нерентабельной местной промышленности, которая, тем не менее, давала средства к существованию многим людям.

Ввиду крайней непопулярности реформы среди сельского населения неудивительно, что, несмотря на все попытки СДС лишить социалистов их традиционной социальной базы на селе, на выборах в местные органы власти в небольших городах и селах с большим отрывом неизменно побеждала БСП. В 1992 г. антикоммунистическое парламентское большинство включило в ряд законов специальные статьи о декоммунизации, однако конституционный суд Болгарии объявил их неправомочными. Впоследствии, уже следующим кабинетом, был отменен и «закон о декоммунизации науки и образования», принятый в декабре 1992 г. и запрещавший бывшим активистам компартии и преподавателям научного коммунизма занимать руководящие должности в учреждениях и вузах. Был принят также документ, запрещающий разглашение информации о деятельности тайной полиции и публикацию материалов, подтверждающих отсутствие связи политиков и государственных чиновников с органами государственной безопасности.

В области внешней политики первое антикоммунистическое правительство Болгарии добилось важных результатов. В мае 1992 г. страну при-

няли в Совет Европы, а в декабре того же года было достигнуто соглашение об ее ассоциированном членстве в Евросоюзе. Болгария включилась также в новую форму регионального сотрудничества — Черноморскую экономическую зону. После распада Югославии Болгария поспешила первой признать независимость Республики Македония, что, впрочем, вызвало неоднозначные оценки болгарских политиков и общественности. В качестве приоритетных Ф. Димитров рассматривал отношения с США и, несмотря на критику с разных сторон, неуклонно шел в фарватере американской политики, например в отношениях с Турцией и Израилем. Стараясь уравновесить проамериканскую политику премьера, президент Ж. Желев стремился урегулировать отношения с Российской Федерацией: во время визита Б. Ельцина в Болгарию был подписан рамочный договор о сотрудничестве между Россией и Болгарией.

Правление кабинета Димитрова стало временем значительной поляризации общества и бескомпромиссной борьбы двух основных политических формирований. Это не могло не сказаться на проведении реформ, которые блокировались или тормозились вплоть до 1996 г. Находясь в оппозиции, БСП получила возможность резко критиковать крайне правую, антисоциальную и не всегда соответствующую с реальностью политику кабинета СДС. Тем самым она завоевывала на свою сторону многих болгар, начавших испытывать ностальгию по прежним временам экономической и социальной стабильности, спокойной, хотя и небогатой жизни при социализме. Надо заметить, что для недовольства многих болгар кабинетом Ф. Димитрова большую роль сыграло восприятие личности самого премьера, который оказался фигурой, сильно поляризовавшей общественное мнение. Вместо конституционных возможностей разрешения спорных вопросов он в стиле конспиративности прибегал к внепарламентарным комбинациям. Однако яркий антикоммунизм не мог заменить отсутствия целостной программы действий и укрепить внутреннее единство гетерогенного СДС. Из-за резко антисоциальной политики, проводившейся правительством Димитрова, от него отвернулись и некоторые демократы первой волны, «отцы-основатели» Союза. Так, один из лидеров Клуба в поддержку гласности и перестройки (первой диссидентской организации в Болгарии, вошедшей в 1989 г. в СДС) П. Симеонов писал, что «второе СДС» (в отличие от коалиции, действовавшей до прихода оппозиции к власти в 1991 г.) «стало выразителем интересов буржуазии, существовавшей до 9 сентября [1944 г.], связанной с прогитлеровской ориентацией Болгарии во время Второй мировой войны»¹⁰.

Часть депутатов от СДС в Народном собрании не желала послушно и безропотно принимать все решения правительства. Внутри самого СДС обострилась борьба за лидерство. Наступивший раскол в парламентской фракции СДС еще больше осложнил управленческий кризис. Уверенность в своей непогрешимости и бескомпромиссность Ф. Димитрова резко ухудшили его отношения с общественностью, президентом, союзником в парламенте ДПС (поскольку экономическая политика, особенно на селе, вошла в противоречие с интересами этой партии), профсоюзами. В связи с ростом цен (в пять раз) и ростом безработицы профсоюзы отказались от заключенного ранее соглашения о воздержании от забастовок (за 11 месяцев правления кабинета Димитрова их было объявлено около 40). Когда в печати критиковался недемократичный руководящий стиль главы правительства, он обрушивался на СМИ. В конце августа 1992 г. разразился конфликт между президентом и премьером: Ж. Желев открыто обвинил Ф. Димитрова в том, что тот объявляет войну всем, кто не согласен с его личной позицией. В обстановке растущего политического напряжения в конце октября 1992 г. Ф. Димитров был вынужден подать в отставку после того, как не получил в Народном собрании вотума доверия (111 депутатов высказались в его поддержку, 120 — против).

После двухмесячного парламентского кризиса накануне 1993 г. новый кабинет составил экономический советник президента Желева Любен Берев. Это формально беспартийное «экспертное» правительство (декабрь 1992 г. — октябрь 1994 г.) не имело устойчивой и постоянной опоры в парламенте, но пользовалось конъюнктурной поддержкой БСП. Это давало правым радикалам повод объявить правительство прокоммунистическим. Правительство Л. Берова провозгласило одной из своих приоритетных задач ускорение приватизации. В соответствии с разработанной программой на 1993 год следовало приватизировать более 500 государственных предприятий¹¹. Однако заметного перелома в ходе приватизации не произошло. Программа не была выполнена, а намечаемые доходы в бюджет не поступили.

Провозглашенные правительством Берова реформы отменялись или затягивались до тех пор, пока бывшая коммунистическая номенклатура незаметно, но успешно не трансформирует свою политическую власть в экономическую. Этот процесс начался уже во время правления социалистов (двух кабинетов А. Луканова) и даже раньше — еще в 1989 г. При Т. Живкове был издан Указ 56 о реструктурировании болгарской экономики путем создания государственных и смешанных фирм, который

давал свободу развития предпринимательской деятельности. Процесс превращения политической власти номенклатуры в экономическую осуществлялся посредством вывоза капитала за границу, а также путем непрозрачной передачи государственного имущества вновь образованным частным компаниям. Многие кадры БСП нашли применение своим контактам и знаниям в сфере торговли, банковского дела и предпринимательства, вошли в качестве «независимых экспертов» в различные организации. Так, по данным международного социологического исследования в 1990 г., большинство людей, представлявших болгарскую экономическую элиту, были членами БСП¹². В результате начавшейся приватизации доходные государственные предприятия превращались в частную собственность кадров «старого режима». Это дало СДС основание критиковать БСП как партию, способствовавшую перерождению своей бывшей номенклатуры в новый бизнес-класс за счет огромного большинства беднеющих граждан.

Однако обрушившийся на Болгарию политический плюрализм и существование сотен партий позволили расширить доступ в высшие властные структуры. Складывающуюся новую элиту постепенно пополняли люди из других общественных кругов, сумевшие в результате вхождения в «большую политику» занять ключевые экономические и административные позиции. Во время правления Берово возникли группировки, связанные со страховыми компаниями и охраной, деятельность которых балансировала на грани закона и на практике почти не отличалась от действий и методов обычных рекетеров. Появляются и первые финансовые «пирамиды». Именно неявные для общества интересы создававшихся в этот период экономических и силовых группировок оказывали давление на решения слабого, не имеющего четкой политической характеристики правительства Берово. Одновременно делалось все возможное, чтобы не допустить в страну серьезных иностранных инвесторов, которые могли бы приватизировать ведущие промышленные предприятия и банки. Правящие круги осознавали, что их никогда нельзя будет контролировать так, как «назначенных» болгарских капиталистов. Через несколько лет ситуация изменилась, однако при несравнимо более плохих и невыгодных для болгарской экономики условиях. Болгарские предприятия все же были выкуплены преимущественно иностранными инвесторами, но не ведущими мировыми компаниями и по гораздо более низким ценам, чем можно было получить в начале 90-х годов.

Через шесть месяцев правления «экспертного» правительства официальная статистика отмечала значительный спад индустриального производства и экспорта, потребительские цены выросли на 50%, а безработица достигла 18%. Доллар искусственно поддерживался на низком уровне, для чего государство израсходовало около 300 миллионов долларов из валютного резерва страны. Сбережения населения обесценивались, поскольку процентные ставки обгоняла инфляция, годовой размер которой составил около 60%¹³. Недовольство населения росло с каждым днем. Усиление экономического кризиса в сочетании с появлением класса нуворишей создало взрывоопасную смесь. Большая часть экономических намерений кабинета Л. Берова была лишь объявлена, но не реализована, начатые предыдущим кабинетом реформы застопорились. Причина замедления трансформации заключалась еще и в том, что правительство Берова вынуждено было искать поддержки у различных политических сил — БСП, ДПС, профсоюзов. Например, при проведении приватизации ему пришлось считаться с БСП, выступавшей за сохранение крупных государственных предприятий в области добывающей, оружейной промышленности и энергетики. Весной 1994 г. президент Ж. Желев публично отказал премьер-министру в своем доверии, обвинив в провале приватизации и аграрной реформы, в неспособности привлечь в страну иностранные инвестиции. Правда, при правительстве Берова страна продолжила список успехов во внешнеполитической сфере: в феврале 1994 г. был подписан договор с НАТО «Партнерство ради мира», и Болгария стала ассоциированным членом Западноевропейского Союза. Полностью лишившись политической поддержки, вынужденный постоянно отбивать атаки СДС (предложившего кабинету семь вотумов недоверия), Л. Беров в начале сентября 1994 г. подал в отставку.

После неудачных попыток формирования нового правительства Ж. Желев объявил о роспуске Народного собрания и о проведении очередных досрочных парламентских выборов. Для их подготовки и исполнения текущих правительственных функций 13 октября 1994 г. президентом был назначен служебный кабинет министров во главе с руководителем Агентства по приватизации экономистом Ренетой Инджовой.

Ко времени проведения выборов БСП сумела несколько изменить свой облик. В руководстве партии, провозгласившей лозунг «Дадим шанс молодым!», произошло омоложение. Новыми лидерами стали вчерашние комсомольцы — Жан Виденов (избранный на 40-м съезде партии в июне 1994 г. ее председателем), Л. Кючуков, Н. Добрев. Преимуществом «ком-

сомольского» руководства был организационный и политический опыт, недостатком — незнание экономической практики, неопытность в области управления. Твердый «левоконсервативный» курс партийного руководства во главе с Ж. Виденовым вызвал недовольство части фракции БСП в Народном собрании, которая создала новую парламентскую группу — Гражданское объединение за республику (ГОР) с лидером А. Томовым. Вскоре ГОР вместе с отколовшейся ранее от БКП Альтернативной социалистической партией (АСП), «земледельцами» и социал-демократами образовали «Демократическую альтернативу за республику» (ДАР), которая тяготела к центру на политической арене страны.

В предвыборной программе БСП преобладали умеренные обещания — остановить спад в экономической сфере, возродить сельское хозяйство, начать решительную борьбу с преступностью¹⁴. Население Болгарии очень быстро убедилось, что переход от «реального социализма» к рынку оказался столь же болезненным, что и предыдущий путь от капитализма к социализму. Поэтому для БСП оказалось вполне достаточно сделать ставку на ностальгию значительной части болгар по прежней стабильности при государственном социализме, используя появившуюся неуверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне. Эту часть населения привлекали слова «социальная справедливость», на которые делали упор социалисты в своей предвыборной борьбе. При этом люди зачастую вкладывали в них свое собственное понимание гуманного и плюралистического общественного строя, не осознавая, что путь к нему ведет через создание эффективных экономических отношений, предполагающее неизбежное затягивание поясов, лишения и монетаристские меры. Поворот Болгарии влево отражал прежде всего недовольство проводившейся предыдущим кабинетом социально-экономической политикой. При этом настроения болгар вполне вписывались в «левую волну», поднимавшуюся в это время и в других странах Центральной и Восточной Европы, где общество обращалось к левым формированиям, обещавшим более плавный переход к рыночной экономике.

БСП сумела представить себя перед избирателями как созидательную, умеренную силу, которая может принести стабильность и спокойствие. Это было нетрудно сделать на фоне СДС, который состоял из полутора десятков партий и объединений от крайне правых до правопоцентристских, шел на выборы, по-прежнему раздиравшийся внутренними противоречиями. Он возглавлялся лидерами, утратившими популярность, поскольку в ходе внутрипартийной борьбы Союз покинул ряд умеренных и ком-

петентных деятелей. Некоторые его сторонники стали даже склоняться к необходимости восстановления монархии, которую олицетворял изгнанный в 1946 г. из страны царь Симеон II, проживавший в Мадриде и внимательно следивший за происходящим в Болгарии¹⁵.

Третьи за период трансформации парламентские выборы состоялись в декабре 1994 г. Вопреки прогнозам социологов, население приняло в них активное участие — 75,2% имеющих право голоса. Убедительную победу одержала БСП, которая получила абсолютное большинство в коалиции с БЗНС «Александр Стамболийский» и с Политическим клубом «Экологичность» (125 мест из 240). Количество мандатов основного противника социалистов — СДС — уменьшилось до 69. Если на выборах в 1991 г. БСП потеряла около 1 миллиона голосов по сравнению с предыдущими выборами июня 1990 г., то теперь за нее проголосовало на 400 тыс. избирателей больше, в то время как СДС утратил поддержку 650 тыс. имеющих право голоса¹⁶. С большим перевесом социалисты победили в селах и малых городах. Из крупных городов СДС лидировал лишь в Софии и Пловдиве, хотя его позиции там заметно ухудшились. Если в 1991 г. в столице за СДС проголосовали 51,4% избирателей, а за социалистов — 27,8%, то в 1994 г., соответственно, 38,2 и 36,1 процентов¹⁷. Заметно ослабло влияние и Движения за права и свободы, выражавшего в основном интересы этнических турок и болгар-мусульман. ДПС потеряло около 140 тыс. сторонников и получило 15 мест в парламенте. В результате ДПС лишилось своей роли балансира, которую оно использовало в прежнем парламенте, где ни одна ведущая политическая сила не обладала большинством.

Определенная часть прежнего электората СДС перешла к новым претендентам на представительство в парламенте. Так, образовавшие предвыборный Народный союз «земледельцы» во главе с А. Мозер и Демократическая партия (лидер С. Савов), вышедшая из СДС, завоевали 6,51% голосов (18 депутатских мест). Четырехпроцентный барьер преодолела и новая партия мелких и средних предпринимателей — Болгарский бизнес-блок (БББ) во главе с экстравагантным популистом Ж. Ганчевым, который получил 13 мест в парламенте. Таким образом, парламентские выборы высветили новую расстановку сил и отразили заметный сдвиг влево в политической жизни страны. Политический ландшафт Народного собрания стал более пестрым, хотя сложившаяся в Болгарии «красно-синяя» биполярная модель не была преодолена. Несмотря на то, что на левом и правом флангах политического спектра появились объединения, тяготеющие к центру, до его оформления в качестве такового было еще

далеко. Ряд предвыборных коалиций, претендовавших на роль центристских, не набрали необходимых четырех процентов голосов и не прошли в Народное собрание.

25 января 1995 г. совет министров возглавил председатель Высшего совета БСП Ж. Виденов. Молодой экономист проявил себя как твердый и волевой руководитель, эдакий «рыцарь без страха и упрека», искренне веривший в свое предназначение спасти Отечество. Его сильной стороной были исключительная честность, неподкупность и другие высокие моральные качества (не часто встречающиеся в сфере политики), что отмечали как сторонники нового партийного и государственного лидера, так и его политические противники¹⁸. Тем не менее правительство Виденова не выдержало проверки на умение управлять в условиях демократии и рынка — его деятельность стала самой катастрофичной за весь период трансформации в Болгарии. Новый кабинет посчитал, что абсолютное парламентское большинство дает ему возможность изменить направление реформ от крайне правого к умеренно левому. В соответствии с объявленной Программой управления это означало прежде всего уменьшение социальной цены трансформации — сохранение существующих рабочих мест, стимулирование обработки земли при помощи земледельческих коопераций (созданных в соответствии с принятым еще в марте 1991 г. первым законом о земле), увеличение пенсий и зарплат за счет средств, полученных от приватизации¹⁹. В сущности, в начале своей деятельности кабинет Виденова попытался уменьшить темпы экономических реформ и сохранить остатки социального социалистического государства, иными словами, совершить левый поворот в ходе трансформации²⁰.

Прошедшие в октябре 1995 г. выборы в местные органы власти также укрепили уверенность социалистов в поддержке их курса большинством населения: 38% победивших кандидатов на посты мэров были от БСП, в то время, как от СДС — 27%. Правда, София и другие крупные города (Пловдив, Варна, Габрово, Стара Загора) остались «синими гетто» (по выражению Виденова)²¹. Стратегические цели этого курса были весьма амбициозны: оздоровить банковскую систему, стабилизировать финансовый сектор, ускорить приватизацию, обуздать инфляцию, увеличить реальные доходы населения, победить преступность. В целом 1995 год для правительства Виденова выглядел обнадеживающим по целому ряду показателей: немного выросло промышленное и сельскохозяйственное производство, уменьшился уровень безработицы, инфляция снизилась до 33%, ВВП вырос на 2,6%²². Однако одновременно назревали условия

для наступившего вскоре обвала в финансовой и социально-экономической сферах. Бюджет продолжал финансировать убыточные предприятия, правительство боялось таких непопулярных мер, как приближение цен на электро- и теплоэнергию к мировым. Такая «нерыночная» политика социалистов осложнила отношения Болгарии с международными финансовыми институтами, приостановившими ее кредитование. В середине 1996 г. начала рушиться банковская система (пропали сначала сбережения в банках, потом сами банки), возникла гиперинфляция (в марте — 310,8 %), подошли сроки выплаты 2 млрд. долларов по внешнему долгу²³. Осуществление платежей без внешней помощи еще больше подорвало финансовую систему страны. Кабинет Виденова мог выстоять только благодаря новому финансированию со стороны МВФ и Всемирного банка. Однако из-за неспособности своего лидера идти на компромисс и отказа принять условия МВФ правительство социалистов долгое время не могло его получить.

Особенно болезненно население восприняло возникший весной острый зерновой кризис, вызванный, с одной стороны, отказом правительства освободить цены на хлеб, а с другой — непродуманной либерализацией экспорта зерна. За хлебом с утра выстраивались длинные очереди возмущенных болгар. Обострению кризиса способствовало бессилие власти по отношению к сформировавшимся в предыдущие годы экономическим элитам, преследовавшим собственные интересы и уже не подчинявшимся правительству. При этом нувориши не скрывали, а напротив, открыто демонстрировали свое богатство, что вызывало дополнительное раздражение простых граждан. В итоге глубокий финансово-экономический кризис перерос в острое политическое противостояние между постсоциалистическими силами, которые олицетворяло правительство Виденова, и сторонниками радикальных перемен, возглавляемыми СДС²⁴.

Когда правительству Виденова стало ясно, что структурные реформы экономики далее откладывать нельзя, несмотря на связанную с ними огромную социальную цену, оно решилось опубликовать в середине 1996 г. список ликвидации убыточных предприятий. Но время было безвозвратно упущено — правительство уже полностью лишилось необходимой для проведения реформ общественной поддержки. Правда, эти шаги привели к восстановлению отношений Болгарии с МВФ — в июле им был выделен кредит в 400 миллионов долларов для выведения болгарской экономики из состояния коллапса. Осенью начались переговоры с меж-

дународными финансовыми организациями о введении валютного контроля для оздоровления финансовой сферы.

Очередным ударом по престижу кабинета социалистов стало поражение БСП на президентских выборах осенью 1996 г. В ходе предвыборной кампании кандидат от СДС Петр Стоянов выступил за скорейшую интеграцию Болгарии в евроатлантические военно-политические и экономические структуры, заявив: «Для нас возможность преодоления кризиса связана со вступлением в Европейский Союз, а путь в ЕС проходит через НАТО»²⁵. Правительство же социалистов критиковалось за то, что оно так и не подало заявку на присоединение к Североатлантическому Альянсу. На выборах П. Стоянов набрал почти на 20% голосов больше кандидата от БСП, малоизвестного историка И. Маразова. Воодушевленный этой победой, СДС усилил давление на правительство социалистов. Под его руководством в Софии прошла массовая антиправительственная демонстрация протеста. Оппозиция пригрозила также общенациональной забастовкой. Внутри самой БСП тоже возникли серьезные трения, 19 членов партийного руководства и депутатов — социалистов направили открытое письмо с требованием отставки премьера. Глубокий внутрипартийный кризис и острое общественное недовольство вынудили Ж. Виденова подать на 42 съезде БСП в конце декабря 1996 г. в отставку с постов и премьер-министра, и председателя партии. Новым председателем Высшего совета БСП стал историк Георгий Пырванов. Под его руководством партия социалистов совершила поворот в сторону Европейского Союза и НАТО.

Безуспешно пытаясь составить второе правительство (БСП как партия парламентского большинства имела такое право) и затягивая разрешение правительственного кризиса, социалисты допустили катастрофическое ухудшение обстановки в стране. В конце 1996 г. доллар стоил уже 600 левов, а к февралю наступившего — 3000. Последовал невиданный скачок цен, в том числе на товары первой необходимости. В огне гиперинфляции сгорели накопления огромной части болгар. Мелкий и отчасти средний бизнес, начавший развиваться при правительстве Ф. Димитрова, также потерпел полный крах. Реальная стоимость зарплат и пенсий достигла небывало низкого уровня в несколько долларов. Политическое напряжение подогревалось спекуляциями социальным недовольством со стороны оппозиции²⁶. С начала нового, 1997 г. под руководством СДС проходили массовые шествия, на которых ставилось под вопрос конституционное право БСП составить новый кабинет. 10 января оппозиция орга-

низовала штурм парламента, поставивший страну на грань гражданского конфликта. В этих условиях БСП 4 февраля 1997 г. добровольно отказалась от мандата на формирование нового правительства, согласившись на проведение досрочных выборов в Народное собрание.

В конечном счете крах кабинета Виденова объяснялся глубоким расхождением между ожиданиями общества от управления социалистов и объективными требованиями трансформационного процесса в стране. Население поверило социалистам, что возможна более внимательная, социально ориентированная трансформация. Триумфальная победа БСП на выборах 1994 г. объяснялась резким обеднением значительной части болгар после реформ Ф. Димитрова и их надеждами на то, что БСП вернет социальную стабильность времен социализма (хотя во время предвыборной кампании соцпартия таких обещаний не давала). И когда эти надежды не оправдались и наступило массовое разочарование, БСП во второй раз оказалась отстраненной от власти в результате натиска «снизу», причем на целых восемь лет.

2. Новый этап общественно-политической и экономической модернизации (1997—2000 годы)

12 февраля 1997 г. президент П. Стоянов распустил парламент и назначил выборы на апрель. До этого времени было назначено служебное правительство во главе со столичным кметом Стефаном Софийским, в результате чего исполнительная власть фактически перешла к СДС²⁷. Деятельность этого правительства вышла за рамки чисто «служебного», то есть оно занималось не только подготовкой к парламентским выборам. За время его функционирования (12 февраля — 21 мая 1997 г.) была подана заявка о вступлении Болгарии в НАТО, подписан меморандум с МВФ об оказании стране срочной финансовой помощи. Одновременно С. Софийский активизировал усилия по сближению Болгарии с Россией. Во время его визита в Москву в апреле 1997 г. произошло подписание соглашения с Газпромом.

Неудачный опыт правления кабинета Виденова, его бесславный конец и неспособность социалистов удержать законно полученную власть отрезвили болгарское общество. Электорат БСП освободился от иллюзий, что в условиях перехода к рыночной экономике можно сохранить социальную стабильность или социальные гарантии времен социализма. Число избирателей партии социалистов резко сократилось, к тому же накануне выборов в партии произошел очередной раскол. Часть известных

левых политиков реформаторского толка, покинувших в разное время БСП в знак несогласия с позицией партийного руководства, вместе с представителями левого крыла БСП (Движение за социальный гуманизм) в феврале 1997 г. образовали Болгарскую евролевицу (БЕЛ). Новую партию возглавил Александр Томов. «Болгарские европейские левые» заявили о приверженности ценностям Социалистического Интернационала. Фактически это была попытка преодолеть биполярную модель управления, сложившуюся в Болгарии после 1989 г. (чередование у власти БСП и СДС). Но на данном этапе такая попытка не увенчалась успехом.

СДС на своей 9-й национальной конференции в феврале 1997 г. reобразовался из движения в политическую партию христианско-демократического типа и составил ядро правоцентристской коалиции ОДС (Объединенные демократические силы), куда вошли также БЗНС, Демократическая партия, социал-демократы. Главной движущей силой изменений и председателем партии стал И. Костов, занимавший пост министра финансов в первом правительстве СДС. Костов поставил цель создать из конгломерата мелких групп, которые образовывали СДС, централизованную и дисциплинированную массовую политическую партию. На протяжении полутора лет Костов и его соратники одновременно с созданием партийного аппарата старались углубить корни будущей партии в обществе. Они основали клубы СДС по всей стране, чтобы привлечь население, открывали свои кафе для молодежи, устраивали читальни для пожилых людей. Результаты этих усилий сказались уже в ноябре 1996 г., когда кандидат от СДС П. Стоянов победил на президентских выборах.

Выборы в 38-е Народное собрание в апреле 1997 г. с абсолютным большинством выиграли правые (137 депутатов). Это доказывало, что болгарское общество в целом распрощалось с ностальгией по социализму и убедилось в необходимости ускорения реформ. ОДС получили 137 мандатов, БСП в коалиции с «Экогласностью» — всего 58. Новая политическая коалиция — Объединение за национальное спасение (ОНС) в составе ДПС, «зеленых», правых «земледельцев» и монархистов — оказалась на третьем месте (19 мандатов). БЕЛ завоевали 14, а Болгарский бизнес-блок (БББ) — 12 мест в парламенте²⁸. Председателем совета министров 21 мая 1997 г. стал И. Костов. Его кабинет получил в наследство экономику, которая находилась на грани полного развала. Костов выступил с радикальной четырехлетней программой развития страны, провозгласив ее конечной целью вступление в ЕС и НАТО. В первые месяцы правления кабинета СДС к общественной поддержке добавилась и дипломатическая и фи-

нансовая помощь Запада, что привело к быстрой консолидации макроэкономических показателей. В страну пошли западные кредиты, было подписано соглашение о выделении международными финансовыми институтами 1,55 миллиарда долларов для осуществления программы преобразования болгарской экономики в 1999—2001 гг. До этого времени общий объем иностранных инвестиций в Болгарии составлял 1,25 миллиарда долларов и был одним из самых низких в регионе²⁹. Получив новые транши от МВФ, правительство использовало их на развитие экономики. В 1998 г начался процесс ее медленного оздоровления — ВВП вырос на 3,5%.

Сразу после прихода к власти кабинет Костова немедленно освободил цены на товары первой необходимости, сохранив контроль лишь на 9 видов основных продуктов: муку, молоко, брынзу, растительное масло, вареную колбасу и т. д. На все остальное, в том числе детское питание, картофель, яйца, сахар, сливочное масло, мясо, государственный контроль отменялся. Как писала газета «Труд», государство почти полностью отказалось от своих социальных функций. В докладе УНИЦЕФ, подготовленном экспертами ООН, Болгария находилась на первом месте по бедности среди стран Центральной и Юго-Восточной Европы³⁰. Одним из первых шагов нового правительства явился запуск программы «массовой приватизации» (концепция приватизации и ее правовые нормы неоднократно менялись при каждой предыдущей смене кабинета). С конца 90-х годов приватизация ускорилась, возросла роль рыночных методов и иностранных инвесторов. К концу 1999 г более 70% всей государственной собственности было распродано, а объем имущества, приватизированного в 1999 г, превысил масштабы всех предыдущих лет. Широкая и стремительная банковская реформа помогла расчистить путь для создания системы частных банков.

С 1 июля 1997 г по рекомендации МВФ и Всемирного банка финансовая система Болгарии была взята под строгий «монетаристский» контроль специального «валютного совета» (сиггенсу board), в который вошли представители этих организаций. Национальную валюту, лев, «привязали» к германской марке в соотношении 1 марка — 1000 левов (после деноминации в мае 1999 г 1 лев — 1 марка), а впоследствии к евро (в соотношении 1 евро — 1,95 левов). Строгая валютная политика остановила галопирующую инфляцию, однако имелись и отрицательные последствия соглашений с международными финансовыми институтами. Условия, поставленные ими для получения займов, привели к опасной комбина-

пии — болгарское правительство было вынуждено поддерживать политику максимально низких доходов и максимально высоких (и скрытых) налогов. Первое привело к сокращению платежеспособного спроса и ограничению в развитии и без того небольшого внутреннего рынка, а второе, в сочетании с рядом других неблагоприятных факторов, оттолкнуло местных и иностранных инвесторов. Если до 1996 г. государство щедро субсидировало убыточные предприятия и банки, то контроль «валютного совета» привел к другой крайности в экономической политике. Поддержание низкого бюджетного дефицита и низкая инфляция любой ценой обязательно приводят к таким экономически связанным явлениям, как увеличение безработицы, задержка в росте доходов, снижение покупательной способности, замедление роста и даже спад в производстве.

К 2000 г. практически завершился процесс реституции в аграрном секторе. Поскольку, как отмечалось ранее, в результате принятой концепции земельной реформы и методов ее проведения в Болгарии возникло огромное количество мелких участков земли, непригодных для эффективного хозяйствования, то теперь большое значение стало придаваться комасации, укрупнению земельных участков, развитию рынка земли. Были внесены изменения в конституцию, согласно которым иностранным физическим и юридическим лицам при определенных условиях разрешалось приобретать право собственности на землю. Тем не менее, сельское хозяйство страны на том этапе не сумело преодолеть трансформационный спад.

СДС вновь полностью переориентировал внешнюю политику Болгарии на Запад. БСП хотя и поддерживала призыв к более тесным связям с Западом, не проявляла в этом должной энергии и явно тяготела к России. СДС занял безоговорочно прозападную позицию и постоянно упрекал БСП за то, что та, по его мнению, не смогла «переориентироваться на европейские ценности»³¹. В период с мая 1996 г. по апрель 1997 г. Болгария вела усиленный индивидуальный диалог с НАТО по вопросам членства в этой организации. В марте 1997 г. правительство приняло Национальную программу по подготовке к присоединению Болгарии к Североатлантическому Альянсу и создало специальный правительственный механизм для координации усилий в этой области³². Другой обозначившийся к этому времени приоритет — членство в Европейском Союзе. В декабре 1999 г. Болгарию пригласили начать переговоры о присоединении к ЕС (правда, с условием досрочного закрытия первых четырех блоков АЭС «Козлодуй»).

Так или иначе, но правительству Костова все же удалось при помощи валютного контроля и ВМФ в короткие сроки добиться политической и макроэкономической стабилизации. Можно было бы ожидать, что реформирование экономики, некоторый спад преступности и сближение страны с Западом принесут весомые политические дивиденды и обеспечат дальнейшее пребывание СДС у власти. Однако местные выборы в октябре 1999 г. показали, что СДС начал отставать от БСП по популярности: в 14 областных центрах мэрами стали кандидаты от БСП и в 11 — от СДС. Прежде высокий рейтинг поддержки Костова снизился. Его политические противники выдвигали в адрес правительства два обвинения: что оно допустило высокую степень коррупции и что его экономические меры привели (или закрепили) крайне низкий стандарт жизни болгар, облагодетельствовав небольшое число людей и вытеснив значительно большее число за порог бедности. Тем не менее следует признать, что именно это правительство сумело в основных линиях осуществить «массовую» приватизацию в Болгарии. Ему пришлось взять на себя самые спорные решения, самые трудные для реализации и неизбежно вызывающие больше всего разочарований у основной массы населения.

Ясно, что в период трансформации у приватизации нет альтернативы. Вопрос в том, как она проводится. По мнению ряда болгарских экспертов, приватизация в Болгарии проводилась ради формирования новой структуры собственности. Никто не искал более эффективных форм и методов управления, хозяйственных связей, занятости населения. Практически при всех правительствах переходного периода приватизация превращалась в самоцель для болгарских правящих и контролирующих их экономических группировок. Как крайне негативный момент болгарскими экспертами отмечается то, что государство постоянно нацеливалось на максимально сильный контроль за экономическими процессами и частным бизнесом и в то же время стремилось отказаться от своих функций в сферах культуры, образования, здравоохранения, развития массового и юношеского спорта, т. е. отказаться от деятельности пусть экономически нерентабельной, но имеющей огромное значение для будущего нации³³.

СДС резко ускорил темп приватизации, но приватизационные сделки часто были недостаточно прозрачными, причем многие совершались в форме выкупов предприятий руководителями и работниками (приватизация через так называемые «рабоче-менеджерские общества»). Приватизацию использовали в целях передачи собственности в руки «своих людей», не задумываясь об успешном управлении этой собственностью

впоследствии. Компрометации реформ способствовали коррупция, экономическая преступность, неэффективная работа полиции и суда. В докладе «Коррупция и контрабанда: мониторинг и предупреждение» болгарского Центра исследований демократии, опубликованном летом 2000 г., отмечалось, что 32—35% производимого страной ВВП создается и перераспределяется в сфере теневой экономики и становится объектом контрабандных операций³⁴. В декабре 1999 г. Костов объявил о кадровых и структурных изменениях в правительстве и сместил 10 министров из 16 в связи с обвинениями в коррупции. При этом кабинет Костова относился к критике в свой адрес с недопустимым высокомерием и продолжал утверждать, что его политике реформ нет альтернативы. Непопулярные меры, лишения миллионов простых граждан представлялись как необходимые жертвы, которые народ должен принести на алтарь заветной цели — приема в ЕС и НАТО. Между тем по данным статистики безработица в 1999 г. охватила 19% трудоспособного населения страны, причем 20% безработных составляла молодежь до 24 лет³⁵. «Стратегическое видение» приобщения к Европе мешало Костову замечать серьезные проблемы внутри страны и ошибки своего собственного правления. Словесное их признание в последние месяцы его кабинета не привело к каким-либо эффективным практическим мерам.

Правительство И. Костова стало первым за весь период трансформации, кому удалось выполнить до конца свой мандат. Это дало ему основание настойчиво пропагандировать успехи своего кабинета: в июне 1999 г. было объявлено о завершении в Болгарии переходного периода в результате осуществления структурной перестройки народного хозяйства. На самом деле она свелась главным образом к закрытию или приватизации убыточных предприятий, что увеличило безработицу и не решило задачи создания эффективной, конкурентоспособной экономики. Болгария существовала в основном за счет внешней помощи и кредитов. Сельское хозяйство находилось в полном упадке. Продолжала разрушаться социальная сфера — бесплатное медицинское обслуживание и образование. Проблеме преодоления бедности и защиты малоимущих слоев населения не уделялось должного внимания. Средней зарплаты многих болгар с трудом хватало на оплату счетов за отопление³⁶. В результате разной динамики доходов отдельных групп резко увеличилось имущественное расслоение населения. В 1995 г. доход 10% наиболее богатых семей превышал совокупный доход 10% беднейших в 11,9 раза³⁷.

Однако, несмотря на глухое недовольство политикой кабинета Костова и разочарование высокой ценой экономических реформ, болгарское общество, казалось, не видело ей альтернативы. Поэтому на очередные парламентские выборы, назначенные на июнь 2001 г., болгарские «правые» в лице ОДС шли, уверенные в победе, опираясь в своей предвыборной борьбе на важные показатели стабилизации лева и общей экономической ситуации. БСП, медленно восстанавливавшая свой авторитет среди населения, вдохновленная хорошими результатами на выборах в местные органы власти осенью 1999 г., также готовилась к пятым за переходный период выборам в парламент. Вместе со своими 14 новыми союзниками (не имевшими собственного политического веса) она образовала предвыборную «Коалицию за Болгарию». Главный упор в предвыборной борьбе она делала на том, что кабинет Костова и руководство ОДС стали главными виновниками разгулявшейся коррупции, приватизационных мошеннических сделок, заключенных в последнее время. Но тут в Болгарии произошли события, коренным образом изменившие политический ландшафт страны.

В начале апреля 2001 г. в Болгарию после 55-летней вынужденной эмиграции вернулся бывший царь Симеон II Саксен-Кобург-Готский³⁸. С самого начала «бархатной» революции 1989 г. он пристально следил за событиями на родине и все больше завоевывал популярность своими умеренными и объединяющими нацию посланиями, которые шли из Испании. Впервые после изгнания Симеон приехал в Болгарию в мае 1996. Ему вернули тогда гражданство и большую часть недвижимости, принадлежавшей царской семье. В 2001 г. Симеон объявил о намерении включиться в политическую жизнь страны. Через два дня после приезда в Софию он выступил со своей программой, направленной против коррупции, чрезмерного имущественного расслоения, и обещал улучшить жизнь каждого болгарина за 800 дней, подняв пенсии и зарплаты³⁹. Более конкретных высказываний он избегал. Бывший царь активно и успешно культивировал образ, с одной стороны, преуспевающего бизнесмена, прагматика, способного привести Болгарию в Большую Европу, а с другой — патриота и идеалиста, озабоченного чистотой нравов в правящей элите, глубоко скомпрометировавшей себя коррупцией.

После того, как Конституционный суд не допустил его к участию в президентских выборах, намеченных на осень 2001 г. на том основании, что он постоянно не проживал в стране на протяжении пяти лет, бывший монарх заявил, что каждый, кто хочет за него проголосовать, по-

лучит такую возможность⁴⁰. Иными словами, Симеон решил участвовать в предстоявших уже в июне выборах в Народное собрание и с этой целью сформировал либеральную политическую формацию с красноречивым названием Национальное движение «Симеон Второй» (НДСВ). Само название указывало не на политическую платформу, а на личность — по сути, она и была этой платформой. Никто точно не представлял, что собой представляет новое движение и сколько голосов может собрать на предстоящих выборах. Это внесло нервность в предвыборную стратегию основных партий. Появление новой политической силы, возглавляемой бывшим монархом, которого помнило немало болгарских граждан, вызвало тревогу как у «правых», так и у «левых».

Большинство болгар стало к этому времени воспринимать СДС как партию власти, партию новой, «синей» номенклатуры. Различия между «левыми» и «правыми», между «красными» и «синими» стерлись до такой степени, что основными отличительными признаками их в глазах населения остались лишь цвета символики. Приходя к власти на волне недовольства предыдущим кабинетом, и СДС, и БСП относились к ней как временщики. Их усилия концентрировались главным образом на раздаче служебных должностей своим партийным функционерам, «приватизации для себя» и коррупции. В погоне за своими корпоративными интересами политическая элита упустила значительную часть болгарских избирателей, разуверившихся в возможностях как «левых», так и «правых». Болгарским обществом оказалась объективно востребована альтернатива, некая «третья сила». На этой волне и появилось НДСВ — Симеон исключительно точно выбрал время своего появления на политической арене Болгарии. Уже сама избирательная кампания НДСВ отличалась полным отсутствием конфронтационных методов, критики и нападок против других партий (в том числе против бывших коммунистов). Это также привлекло избирателей к НДСВ, лидер которого демонстрировал политкорректность и стремление к объединению нации. Сам Симеон в глазах болгар был чист — он не отвечал ни за тоталитарное прошлое, ни за тяготы переходного периода.

3. Сюрпризы 2001 года и вновь «утраченные иллюзии»

Результаты выборов 17 июня 2001 г. коренным образом изменили расстановку сил в Народном собрании. НДСВ одержало громоподобную победу, получив ровно половину мандатов: 120 из 240. Остальные партии довольствовались куда более скромными результатами. Особенно сильно

пострадала на выборах правившая с 1997 г. коалиция ОДС (51 мандат). Не случайно она атаковала НДСВ в ходе предвыборной кампании, видя в нем опасного конкурента. Огромная часть проголосовавших за НДСВ являлась бывшими членами СДС, разочарованными его непопулярными реформами. «Коалиция за Болгарию» во главе с БСП, получившая всего 48 мест в парламенте, впервые оказалась на третьем месте. Такова была расплата за то, что партия не сумела отстоять и реализовать социально ориентированную модель перехода. Четвертая политическая сила — ДПС — получила 21 мандат.

Своим появлением на политической арене НДСВ изменило статус-кво в классической для переходного периода двухполюсной модели и заполнило нишу в либеральном центре. Как справедливо пишет болгарский историк И. Баева, восход НДСВ явился следствием отлива избирателей от абсолютно всех партий и коалиций, он свидетельствовал об огромном разочаровании болгар результатами реформ, демократизации, реструктурирования, которые не улучшили, а ухудшили условия жизни большинства граждан. Этот результат, считает она, можно даже интерпретировать как провал болгарской трансформации, однако в то же время и как начало ее нового этапа. Голоса, поданные за только что созданную партию с нечеткой и неконкретной программой, за нечто совершенно незнакомое — это голоса людей, поверивших в «чудо». А поверить в сверхъестественное, в то, что кто-то с помощью волшебной палочки изменит все к лучшему, людей заставил глубокий кризис в болгарском обществе⁴¹. Впрочем, за Симеона голосовали люди самых разных возрастных, имущественных, региональных, социальных и профессиональных групп, в том числе высокообразованные и богатые, которые вряд ли уповали на «чудеса».

24 июля 2001 г. Народное собрание утвердило состав нового кабинета во главе с С. Саксен-Кобург-Готским. Таким образом, бывший монарх получил самый важный пост в исполнительной власти. Заняв его, Симеон отказался от назначений по «партийному признаку», а сделал ставку на профессионализм. Из 16 министерских портфелей по два получили представители ДПС и БСП (хотя сама БСП оставалась в оппозиции). Так как ОДС отказались участвовать в правительстве, НДСВ вынуждено было образовать правительственную коалицию с партией этнических турок — ДПС, поскольку 120 депутатов НДСВ составляли относительное, но не абсолютное большинство в парламенте (не хватило всего одного голоса).

Приоритетами своего правительства Симеон провозгласил обеспечение необходимых условий для скорейшего вступления в ЕС и НАТО, раз-

витие функциональной рыночной экономики и быстрый экономический рост, смягчение трудностей переходного периода в социальной сфере и непримиримую борьбу с коррупцией. В правительство вошли молодые, хорошо образованные бизнесмены, некоторые из которых сделали успешную карьеру на Западе, а также юристы. Однако очевидной их слабостью было незнание болгарской специфики. Они хорошо знали западные модели демократии, но не имели представления о Болгарии как объекте управления и реформирования. С 1 января 2002 г. правительство начало радикальную налоговую реформу, освободив от налогов все малоимущие (месячный доход ниже 110 лев, т. е. 51 долл.) слои населения и уменьшив в среднем на 10% ставки налогов на остальные доходы. Эти меры были призваны заметно улучшить инвестиционный климат в стране, ускорить экономический рост и создать новые рабочие места. С целью повышения оперативности и эффективности процесса приватизации вносились поправки в законодательство, включая отмену всяческих привилегий и льгот, создание единых экономических условий для всех участников приватизационного процесса в целях возрождения интереса со стороны серьезных инвесторов.

Новое болгарское правительство решилось на такую непопулярную меру, как повышение на 10% цен на электричество и тепловую энергию начиная с 1 октября 2001 года. Мотивы были следующими: продолжается рост цен на энергоносители, изменение соотношения «доллар-лев» и не в последнюю очередь — искусственное сдерживание цен начиная с 1999 года прежним правительством. Чтобы подсластить пилюлю, премьер объявил о повышении с 1 октября минимальной зарплаты с 85 до 100 левов (примерно с 43 до 51 долл.) и об удвоении размера детских пособий⁴². Большинство болгар встретило новое правительство с большим энтузиазмом, однако уже вскоре они испытали первые разочарования, поскольку их надежды на быстрое улучшение жизни в который раз не оправдались.

Президентские выборы, проводившиеся в два тура 11 и 18 ноября 2001 г., проходили при небывало низкой активности избирателей. Перед СДС встала во весь рост угроза потерять последний вышедший пост в государстве. За кандидатуру П. Стоянова выступили премьер-министр и его НДСВ. БСП выдвинула председателя Высшего совета партии Г. Пырванова, которого поддержало ДПС. Опровергнув прогнозы социологов, убедительную победу во втором туре одержал Г. Пырванов, получив 54% голосов избирателей. Выступая на митинге своих соратников и приверженцев в Софии, новый президент объявил о преемственности в отношении внешнеполитического курса и подчеркнул, что страна будет еще более

настойчиво добиваться членства в Евросоюзе и НАТО⁴³. По мнению болгарских историков, успех лидера БСП не носил чисто политического характера, поскольку в стране в тот период не наблюдалось особого роста влияния партии социалистов. Скорее, свою роль здесь сыграли личные качества Пырванова, его умеренность, отказ от прямых атак и компроматов во время избирательной кампании⁴⁴. Такое поведение привлекло к нему избирателей, уставших от ожесточенного противостояния большинства политиков.

Итак, в первый год нового тысячелетия Болгария дважды удивила мир неожиданными поворотами во внутренней политике, а от журналистов получила следующую эффектную характеристику: трансформирующееся государство, где премьер-министр — бывший царь, а президент — бывший коммунист. Кстати, после победы на выборах Пырванов вышел из состава БСП, а председателем Высшего совета партии был избран Сергей Станишев, также историк, сын бывшего члена Политбюро ЦК БКП Димитра Станишева⁴⁵. Новый президент заявил о своей готовности работать с премьер-министром, несмотря на то, что Симеон поддержал в ходе прошедших выборов П. Стоянова. Пырванов выступил за активизацию и повышение роли государства в урегулировании процессов, протекающих в экономике, за его возвращение в сферы здравоохранения и образования.

Однако это входило в противоречие с политикой правительства С. Саксен-Кобург-Готского, которое зависело от режима валютного совета, от международных финансовых организаций. В октябре 2001 г. кабинет представил свою программу действий с многообещающим названием «Народ — богатство Болгарии». Она содержала намерения обеспечить годовой рост ВВП на 5—7%, снизить прямые налоги, привлечь иностранные инвестиции, уменьшить число безработных. Но уже вскоре правительству пришлось отказаться от некоторых своих обещаний (отчасти это было связано с экономическими последствиями для всего мира терактов в США 11 сентября 2001 г.). Бюджет на 2002 год, предусматривавший двукратное увеличение зарплат на 5% и однократное повышение пенсий при инфляции в 3,5%, явно не предполагал существенного улучшения уровня жизни народа. Когда в конце октября истекли первые 100 дней нового правительства, две главные оппозиционные партии не преминули продемонстрировать свое к нему отношение. ОДС обнародовала документ под названием «100 дней обманутых надежд болгарина, управленческого хаоса и бессилия», а БСП — документ «100 дней из 800 — обманутые ожидания». При этом ОДС критиковала политику кабинета за

ее «левизну», в то время как БСП считала ее «правой», продолжающей политику кабинета Костова⁴⁶. Особенно тяжело отразилось на населении новое повышение цен на продукты и услуги, 10% увеличение цен на электроэнергию, паровое отопление и газ, а также обложение налогом на добавленную стоимость болгарских лекарств. Когда в начале 2002 г. пришло время платить налоги и разного рода патенты, то оказалось, что большинство их повышено, причем в разы. Согласно докладу Мирового банка, доходы на душу населения в Болгарии в 2001 г. составили 1560 долларов, что представляло 31% от доходов в среднем по ЕС⁴⁷. Недовольство правительством, наметившееся уже осенью 2001 г., стремительно возросло, профсоюзы стали организовывать протесты. За считанные месяцы доверие населения к НДСВ резко упало. В феврале СДС потребовал даже вотума недоверия правительству, но он не был принят.

Тем не менее, несмотря на серьезные проблемы в социальной сфере, правительство могло записать себе в актив экономический рост в условиях макроэкономической стабильности. Рост ВВП (в процентах к предыдущему году) составил в 2001 г. — 4,1, в 2002 г. — 4,9, в 2003 г. — 4,5, в 2004 г. — 5,7, в 2005 г. — 5,5⁴⁸. Стабильный экономический рост позволил приблизиться к дореформенному уровню развития народного хозяйства страны. В 2003 г. на долю промышленности приходилось 26,2% ВВП, сферы услуг — 51,2%, аграрного сектора — 10%⁴⁹. В отраслевом плане динамика ВВП поддерживалась главным образом ростом промышленного производства, хотя болгарская промышленность пока не преодолела трансформационного спада и структурного кризиса. Так, в 2002 г. объем ее производства составил 76% от уровня 1996 г., а темпы реального прироста были низкими. Сельское хозяйство также крайне медленно выходит из кризисного состояния. Препятствием для его развития стала раздробленная частная собственность на землю, возникшая в результате аграрной реформы. Наибольший вклад в развитие реального сектора экономики внесла быстро развивающаяся сфера услуг. Среднегодовая инфляция снизилась с 7,4% в 2001 г. до 5,8% в 2002 г. и до 5% в 2005 г. Сдерживающее влияние на инфляционные процессы оказывал действовавший при механизме валютного совета фиксированный курс лева. Финансовой стабилизации способствовало успешное реформирование банковской системы, к 2004 г. практически завершилась ее приватизация.

В 2003 г. увеличились бюджетные расходы на социальные нужды: их доля составила 38% общих расходов бюджета. Возрос внутренний спрос, реальное конечное потребление в 2003 г. увеличилось на 6,6%. Росту экономики в начале 2000-х годов способствовало более полное использова-

ние фактора занятости. Так, по данным Национального статистического института, в четвертом квартале 2003 г. среднее число занятых увеличилось на 4,5% по сравнению с первым, а безработица сократилась на 17,7%. Более $\frac{3}{4}$ занятых работает в частном секторе. Тем не менее, одним из основных приоритетов социальной политики оставалось создание условий для повышения занятости⁵⁰. В докладе Европейской комиссии (9 октября 2002 г.) Болгарию признали страной с «функционирующей рыночной экономикой», этот же вывод был подтвержден и в 2003 г. Однако важной проблемой оставалась инвестиционная обеспеченность экономического роста и особенно инновационное развитие. В ЕС считали, что государство предпринимает пока недостаточно усилий для поворота на инновационный путь развития страны. Во внешнеэкономической сфере в 2001—2005 гг. продолжалось развитие интеграции Болгарии с Евросоюзом. В 2005 г. на страны ЕС (после расширения) приходилось 55% внешнеторгового оборота страны. В болгарском экспорте доля стран ЕС была еще больше — 56,5%. Переориентировав на ЕС свои экономические интересы, открыв для стран ЕС свой внутренний рынок, Болгария оказалась неспособной увеличить свой экспорт в эти страны из-за слабости своей экспортной базы. В итоге в торговле с государствами ЕС у Болгарии постоянно растет отрицательное сальдо⁵¹.

Тем временем руководство НДСВ преобразовало свою коалицию в новую политическую партию. В качестве идейного кредо партия НДСВ во главе со своим лидером С. Саксен-Кобург-Готским декларировала ценности западноевропейских партий: свободу и ответственность, справедливость и толерантность, равенство возможностей.

Сферой, в которой правительство С. Саксен-Кобург-Готского добилось наиболее значимых успехов, явилась внешняя политика. За время его мандата Болгария стала полноправным членом НАТО. Переговоры о вступлении проходили в январе — феврале 2003 г. Первый круг проблем посвящался политическим, экономическим и военным вопросам, а второй — ресурсно-бюджетным, правовым темам и задачам, связанным с безопасностью и защитой информации. Что касается болгаро-американских отношений, то в результате ряда двусторонних контактов на высоком уровне, осуществленных за последние два десятилетия, между Болгарией и США была достигнута синхронизация деятельности в области внешней политики. Значимый вклад в развитие этих отношений имели визиты в Софию американских президентов Б. Клинтона в 1999 г. и Д. Буша в 2007 г., а также визит в Вашингтон Г. Пырванова в 2005 г. Конкретным результатом этой синхронизации стала поддержка, которую

Болгария оказала американской операции «Буря в пустыне» в 1991 г. в Ираке, а 10 лет спустя и операции «Устойчивая свобода» в Афганистане. Страна также участвовала в Многонациональных совместных оперативных силах в Ираке в 2003 г. В том же году начались и переговоры о размещении на территории Болгарии американских военных баз. Этот вопрос вызывает весьма негативную реакцию в болгарском обществе. В ходе социологического опроса в августе 2004 г. на вопрос «Одобряете ли Вы возможное размещение военных баз НАТО в Болгарии?» положительный ответ дали 24%, а отрицательный — 51% опрошенных⁵². Договор о базах был подписан в апреле 2006 г., в мае его ратифицировал болгарский парламент. В документе подчеркивается, что совместное использование четырех военных объектов не будет направлено против третьих государств, и на их территории баз проводиться в основном тренировочные действия⁵³. Предусматривался ротационный принцип пребывания на территории Болгарии 2500 американских военнослужащих. В момент смены контингента их количество может достигать 5000 человек. Для нужд НАТО Болгария предоставляет полигон «Ново село», военные склады в Айтосе и два аэродрома — «Безмер» и «Граф Игнатиево». В конце марта 2004 г. в Брюсселе был подписан протокол о присоединении РБ к Североатлантическому договору, а 2 апреля по этому поводу прошли торжества в Софии и Брюсселе. Уже в декабре 2007 г. болгарское правительство разрешило старт процедуры по модернизации армии, касающейся развития ее коммуникационного и информационного обеспечения до 2022 г.

Завершился и переговорный процесс о присоединении Болгарии к Европейскому Союзу, длившийся с 2001 по 2004 гг. Ежегодно пролонгируемые среднесрочные рамочные предприсоединительные программы служили инструментом для наблюдения за реализацией намеченной экономической политики⁵⁴. Европейская комиссия в своих мониторинговых докладах давала оценку выполнения Болгарией поставленных задач. Договор о присоединении Болгарии к Евросоюзу был подписан 25 апреля 2005 г. Датой вступления Болгарии в ЕС определили 2007 год, но до этого ей предстояло провести целый ряд реформ, чтобы отвечать необходимым политическим и экономическим критериям.

Что касается болгаро-российского сотрудничества, то весь период трансформации в Болгарии характеризовался спадом в сфере политических, экономических и культурных связей. Упомянутый выше межгосударственный рамочный договор о дружественных отношениях и торгово-экономическом обмене между двумя странами не смог за пять прошедших лет приостановить почти десятикратного снижения этого обмена

и не повысил результативности политических контактов. Известный прогресс во взаимосвязях между Россией и Болгарией наметился лишь после избрания президентом Г. Пырванова. Вскоре после победы на выборах он выступил с концепцией улучшения болгаро-российского сотрудничества. «Позитивное отношение к России я доказал конкретными делами, — подчеркнул он. — Переговоры, проведенные мною в Москве в 1998 и 2000 гг., можно отнести к разряду наиболее удачных. Я действительно могу опереться на свои личные контакты и дружеские связи в Москве с тем, чтобы содействовать развитию двусторонних отношений. Этого требует правильно понятый национальный интерес Болгарии. Нам необходима действительно новая политика»⁵⁵.

Дисбаланс в торговых отношениях Болгарии с Россией составляет значительную долю ее внешнеторгового дефицита. С целью преодоления этой ситуации премьер-министр С. Саксен-Кобург-Готский предложил активизировать работу Межправительственной двусторонней комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, увеличить российские инвестиции в болгарскую экономику. Основы для улучшения политических, экономических и культурных взаимоотношений были заложены во время нескольких визитов на высоком уровне в 2002—2003 гг. В ходе государственного визита в Болгарию В. В. Путина в начале марта 2003 г. президенты двух стран подписали декларацию «О дальнейшем углублении дружественных отношений и партнерства между РФ и Болгарией»⁵⁶. Казалось, были урегулированы многие спорные вопросы, в частности проблема советского (российского) долга Болгарии, найдены подходы к решению вопросов в сфере военно-промышленного и топливно-энергетического комплексов. Однако многое из намеченного так и не удалось реализовать как по объективным, так и по субъективным причинам. Тем не менее, активизация российско-болгарского диалога в начале нового тысячелетия, расширение проблематики, включаемой в его повестку дня, свидетельствовала о стремлении обоих государств вернуться к традиционным связям. Проблема активизации экономического сотрудничества стала основой переговоров на высшем уровне во время визита в Москву Г. Пырванова в июле 2004 г. На встрече российского и болгарского президентов главное внимание было уделено участию российской стороны в приватизации крупных объектов болгарской энергетики, увеличению поставок российского газа в Болгарию, а также его транзиту в третьи страны. В ходе визита С. Станишева в Москву 8 мая 2007 г. и его переговоров с В. Путиным было принято решение, чтобы 2008-й год стал Годом России в Болгарии, а 2009-й — Годом Болгарии

в России. Поводом стали чествования 130-летия русско-турецкой войны и освобождения Болгарии от османского владычества.

После вступления Болгарии в ЕС в 2007 г. наблюдалось повышение интереса российского бизнеса к инвестициям в различные производства в Болгарии, поскольку его присутствие на болгарских рынках облегчает доступ некоторых российских товаров к странам ЕС. Российский экспорт в Болгарию составил в 2007 г. 4 млрд. долларов и в 19 раз превысил болгарский экспорт в Россию⁵⁷, еще более увеличив дисбаланс в торговле в пользу Москвы. Почти 90% российского импорта составляют энергоносители, из них 80% — это нефть, 16% — газ, 3% — уголь. Около трети болгарского экспорта в Россию — машины и оборудование, 17% — безалкогольные и алкогольные напитки, около 15% — фармацевтические товары. Болгария экспортирует также неорганические химические продукты (примерно 4% от всего объема экспорта), продукты питания и табак (по 2%)⁵⁸. Весьма остро стоит вопрос проникновения болгарских товаров на российский рынок.

В начале нового тысячелетия российско-болгарские отношения стали основываться на реализме и прагматизме, они не обременены идеологическими парадигмами. Это подтвердил состоявшийся 17—18 января 2008 г. визит В. Путина (в сопровождении вице-премьера Д. Медведева) в Софию, в ходе которого стороны подписали ряд важных соглашений в экономической и культурной областях. Важнейшими документами, которые станут основой развития болгаро-российских отношений на десятилетия вперед, являются соглашения в сфере энергетики: о строительстве «Атомстройэкспортом» АЭС «Белене», прокладке 155 км нефтепровода Бургас-Александрополис по территории Болгарии и о строительстве и эксплуатации газопровода из России в Европу «Южный поток»⁵⁹.

В соответствии с подписанным контрактом между «Росатомом» и правительством Болгарии в 2008 г. начинается строительство второй болгарской атомной станции возле дунайского города Белене, на севере страны. Предусмотрено строительство двух реакторов общей мощностью в 2 тыс. мегаватт. Ожидается, что в 2013 г. в эксплуатацию будет пущен первый блок станции, а в 2014 г. заработает и второй. После того как в 2006 г. Болгария была вынуждена вывести из эксплуатации 3 и 4 реакторы АЭС «Козлодуй», производство электроэнергии в стране снизилось на 6% (при росте внутреннего потребления), а экспорт ее в соседние государства сократился более чем на 40%. Эксперты надеются, что новая АЭС компенсирует энергетические нужды региона.

Новый маршрут доставки российского природного газа протяженностью около 900 км и мощностью до 30 млрд кубометров газа в год должен пройти от России до болгарской Варны по дну Черного моря. Затем его планируется продолжить в двух направлениях: до юга Италии, а также в центр Европы. Партнером «Газпрома» по строительству морской части «Южного потока» является итальянская компания «Eni». Предполагается, что поставки газа по новому газопроводу начнутся в 2013 г. Собственность на трубопроводную систему, проходящую по территории Болгарии, будет разделена «Газпромом» с болгарским партнером «Булгаргаз» по принципу «50 на 50». Старт практической реализации проекта «Южный поток» ставит под сомнение целесообразность более долгосрочного европейского проекта «Набукко», являющегося приоритетным для ЕС и призванного диверсифицировать энергоресурсы (он предусматривает поставки турецкого газа в Австрию через Болгарию, Румынию и Венгрию).

Межправительственное соглашение о строительстве нефтепровода Бургас-Александруполис было подписано в Афинах в марте 2007 г. Россией, Болгарией и Грецией. Переговоры по данному проекту велись еще с 1994 г. с переменным успехом из-за сложного сочетания национальных и геостратегических интересов. В январе 2008 г. стало возможным подписание соглашения акционеров в отношении трубопроводного проекта. Введение этого нефтепровода в эксплуатацию позволит осуществлять экспортные поставки нефти, минуя загруженные проливы Босфор и Дарданеллы, по акватории Черного моря. В болгарский порт Бургас нефть будет доставляться танкерами из Новороссийска, далее по нефтепроводу она пойдет к греческому Александруполису на Эгейском море, а оттуда — на рынки Европы, США и Азиатско-Тихоокеанского региона. Проектная протяженность трассы — 280 километров, пропускная способность — 35—50 миллионов тонн в год⁶⁰. Надо отметить, что нашлись в Болгарии и политики, выступившие против подписания болгаро-российских соглашений в области энергетики. Так, по мнению бывшего премьер-министра Ивана Костова, они приведут к полной экономической зависимости Болгарии от России. Против строительства нефтепровода выступили многие жители г. Бургас. Их опасения связаны с риском загрязнения всего южного побережья Черного моря. В городе состоялся митинг протеста под девизом «Нет нефтепроводу Бургас-Александруполис», организованный инициативным комитетом по защите Бургасского залива.

Таким образом, интересы российских инвесторов в Болгарии сосредоточены прежде всего в топливно-энергетической сфере, что включает модернизацию и строительство объектов атомной энергетики, прокладку

нефтепровода и пр. Во внешнеторговом обороте Болгарии Россия в 2005 г. занимала третье место (после Германии и Италии), а в импорте — первое⁶¹. Российские транснациональные корпорации прочно закрепились в Болгарии, и болгары осознают, что экономика страны в значительной степени зависит от России. К 2005 г. на территории Болгарии было зарегистрировано более 4,5 тысяч фирм с участием российского капитала и 378 представительств российских компаний. Наиболее крупной из них со 100%-м участием оставался «Лукойл-Нефтохим»⁶².

Сдвиги в расстановке основных политических сил в Болгарии отчетливо выявили итоги выборов в местные органы власти осенью 2003 г. Наибольшее число мандатов в советах общин получили представители БСП (17,6%), на втором месте оказалось ДПС (13,2%), на третьем — СДС (10,2%). Правящая правоцентристская партия НДСВ получила лишь 6,5% мест, продемонстрировав глубочайший кризис доверия к ней избирателей⁶³. Интересно, что более половины мандатов в местные органы власти завоевали независимые кандидаты и представители партий, не входящих в нынешний парламент. При выборах мэров областных центров на первом месте также оказалась БСП (самостоятельно или в коалиции). Все это свидетельствовало о недовольстве населения правительством, о том, что в болгарском обществе нарастала потребность в альтернативе утвердившейся политической элите⁶⁴.

Шестые после ноября 1989 г. парламентские выборы состоялись в положенный срок, 25 июня 2005 г., хотя оппозиционные СДС и БСП неоднократно поднимали вопрос о недоверии правительству С. Саксен-Кобург-Готского и о проведении досрочных выборов. Социалисты набрали большинство голосов и после четырехлетнего перерыва вновь вернулись к власти. Возглавляемая ими «Коалиция за Болгарию» получила 31% голосов и 82 мандата вместо 48 в предыдущем Народном собрании. Более 4% голосов, необходимых для получения места в парламенте, набрали следующие партии: НДСВ — 19,88% (соответственно, 53 места вместо прежних 120), ДПС — 12,68% (34 места), ультранационалистическая Коалиция «Атака» — 8,93% (21 мандат), ОДС — 7,70% (20 мандатов), партия бывшего премьер-министра И. Костова «Демократы за сильную Болгарию» (ДСБ) — 6,45% (17 мест) и коалиция Болгарский народный союз (БНС) — 5,20% (13 мандатов)⁶⁵. Общий процент голосов, поданных за остальные партии и коалиции, составил 8,59%.

Таким образом, результаты региональных и парламентских выборов показали, с одной стороны, резкое падение доверия к бывшей правящей партии НДСВ и ее лидеру, а с другой — упрочение позиций социалистов.

Кроме того, стало очевидным значительное усиление позиций партии турецкого меньшинства — ДПС, которая стала третьей по численности партией в Народном собрании. Рекордно высокий результат ДПС имел несколько причин, в том числе низкую избирательную активность традиционно голосующих за другие партии, активизацию электората ДПС в связи с участием в выборах «Атаки» с ее националистическими, в частности антитурецкими, лозунгами.

Большой неожиданностью стал прорыв в парламент Коалиции «Атака». Аналитики объясняют этот феномен появившимся кризисом доверия к традиционным партиям всего политического спектра (независимо от того, являются ли они правящими или находятся в оппозиции), а также к публичным политическим фигурам, преследующим вместо общественных интересов групповые или собственные. Именно протестные настроения в обществе, нараставшие последние два года, вылились в конечном счете в формирование новой политической силы. «Атака» адресовала свои популистские послания именно тем людям, которые распрощались со своими иллюзиями и надеждами, остались без ориентиров и никому не верили. Она отражала экстремистское недовольство граждан (как бедных, так и богатых, как крайне левых, так и крайне правых), избирателей, не нашедших своего места ни в раздробленном и разбитом правом политическом лагере, ни в практически не существующем крайне левом (коммунистическом). Соответствующие исследования показали, что более половины электората «Атаки» составили разочаровавшиеся левые избиратели, которые уже не воспринимали БСП в качестве левой и социальной партии, способной формулировать и защищать их новые социальные ожидания⁶⁶.

Партия «Атака» была учреждена в апреле 2005 г., ее председателем стал известный болгарский журналист Волен Сидеров. Уже в первые месяцы после своего создания новая партия насчитывала много членов и сочувствующих. В избирательной кампании 2005 г. она участвовала под названием Коалиция «Атака» вместе с несколькими левыми партиями, из-за отказа суда зарегистрировать ее для самостоятельного участия в выборах. Она привлекла к себе внимание тем, что поднимала важные и крайне болезненные для болгарского общества проблемы, о которых другие партии и политики не решались открыто говорить, и при помощи демагогии и популизма создавала обманчивое представление о возможности их легкого и быстрого решения. Так, «Атака» выступила за изменения в конституции страны (например, признание православия официальной религией), за восстановление смертной казни преступникам, против не-

выгодного для Болгарии закрытия реакторов АЭС «Козлодуй», против покупки болгарских земель иностранцами, против вступления в НАТО и ЕС, против «колониальных» отношений с МВФ. При этом она использовала национал-патриотические и ксенофобские настроения части населения, которой импонирует ее риторика против ДПС, турок и цыган. Политические противники «Атаки» и некоторые болгарские СМИ квалифицируют идеологию этой партии как антигуманную, расистскую и близкую к фашизму, хотя сама она определяет себя в качестве патриотической и националистической⁶⁷. «Фашистами нас называют и левые, и правые, — говорит лидер партии В. Сидеров. — Потому что они едины в одном — в предательстве национальных интересов». Его же лозунг: «Болгария — государство одной нации»⁶⁸. Согласно социологическим опросам в начале 2006 г. «Атака», которую поддерживало 12–13% всех совершеннолетних болгарских граждан, представляла собой вторую политическую силу после БСП. Свою мощь «Атака» продемонстрировала в день национального праздника Болгарии 3 марта 2006 г., когда собрала на митинге в Софии более 50 тысяч человек⁶⁹.

Поскольку ни одна политическая партия не получила абсолютного большинства в Народном собрании, назначить правительство можно было только на основе коалиции различных политических сил, предварительно приведя к консенсусу их программные и управленческие принципы. Однако исключительная раздробленность парламента, властные устремления отдельных групп затруднили процесс формирования необходимого большинства. Начавшиеся в июле переговоры между БСП, НДСВ и ДПС о трехпартийной коалиции потерпели провал в связи с отказом НДСВ войти в кабинет во главе с С. Станишевым, который представлял самую большую парламентскую фракцию. НДСВ видело премьер-министром лишь С. Саксен-Кобург-Готского. Неудачей закончились еще две попытки формирования кабинета министров. Переговоры шли долго и трудно, часто заходили в тупик. В течение семи недель политическая жизнь Болгарии фактически была парализована.

В период формирования коалиции БСП — НДСВ — ДПС немало говорилось о ее «противоестественности». Она стала возможной лишь в результате внутренней перестройки БСП после провала кабинета Ж. Виденова и тяжелой изоляции, в которую она попала. БСП вынуждена была воспринять (хотя и со многими оговорками) тезис о «социально-либеральном» управлении. Волей-неволей, БСП оказалась «сдвинутой» несколько вправо. Возможности проводить подчеркнуто свою внешнюю и социальную политику в соответствии с предвыборными обещаниями оказались

резко ограниченными. Тем не менее, выигрыш БСП был очевиден: после 8 лет глухой оппозиции соцпартия снова оказалась у власти, причем в качестве определяющей силы.

Обострение парламентского кризиса вызвало предупреждения со стороны Евросоюза о возможности отсрочки приема Болгарии в ЕС из-за политической нестабильности. Нелишне отметить, что придти к соглашению С. Станишева и С. Саксен-Кобург-Готского заставила и угроза полной победы «Атаки» на возможных повторных парламентских выборах. Наконец, через 50 дней после выборов три крупнейшие политические партии Болгарии все же сформировали широкую коалицию. 16 августа Народное собрание утвердило состав лево-центристского правительства во главе с С. Станишевым (167 голосов «за» и 67 «против»). Министерские портфели были распределены следующим образом: БСП — 8, НДСВ — 5, ДПС — 3. Отметим, что партия А.Догана раз от раза требует и получает все большую долю власти (в 2001 г. ДПС в правительстве С. Саксен-Кобург-Готского имело лишь министерство земледелия). Политический вес этой партии растет, что вызывает негативные эмоции болгарского населения страны.

С большим трудом образованная тройная коалиция с самого начала несла печать политической нестабильности и была чревата будущими внутренними конфликтами. Перед новым кабинетом стояли непростые задачи — проведение реформ, необходимых для вступления страны в Европейский Союз. Премьер-министр заявил, что главными задачами новой коалиции будут решение социальных проблем граждан, сокращение отставания от ЕС по уровню жизни населения и рост экономики. Пока приближение Болгарии к Европе происходило такими медленными темпами, что огромное число способных молодых людей предпочитало пройти этот путь не вместе со своей страной, а самостоятельно.

22—29 октября 2006 г. в Болгарии состоялись очередные президентские выборы, в ходе которых на пост главы государства претендовали семь кандидатов, в том числе действующий президент Г. Пырванов, лидер националистической партии «Атака» В. Сидеров и Н. Беронов, выдвинутый рядом правых партий. Пырванов формально баллотировался как независимый кандидат, но имел мощную поддержку БСП, которую он возглавлял вплоть до начала президентской кампании в 2001 г., а также ее партнеров по правящей коалиции — НДСВ и ДПС. Глава государства с 2001 г. лидировал в рейтинге ведущих болгарских политиков, снискав популярность среди населения вступлением страны в НАТО в 2004 г. и договоренностью о вхождении 1 января 2007 г. в Евросоюз. Он зареко-

мендовал себя как политик, который в самые трудные моменты проявлял политическое спокойствие и предсказуемость, национальную ответственность и способность видеть проблемы в их развитии и перспективе. В предвыборном штабе Пырванова не скрывали, что его переизбрание на новый срок очень важно для стабильности и европейской ориентации Болгарии, а также для авторитета БСП как внутри страны, так и в международном плане⁷⁰.

Председатель Конституционного суда Болгарии Н. Беров был выдвинут СДС, возглавляемым бывшим президентом П. Стояновым, и ДСБ во главе с бывшим премьер-министром И. Костовым. Любопытно, что в начале года в качестве возможных кандидатов в президенты от правых назывались именно эти два политика, но они так и не смогли найти общий язык между собой, договорились об отказе от своих претензий и объединились вокруг кандидатуры Беровова, призванного консолидировать «демократический лагерь», страдавший внутренними разногласиями.

Третий конкурент Г. Пырванова, лидер ультраправой «Атаки» В. Сидеров, заслужил репутацию непримиримого противника вступления Болгарии в международные организации, а также стал известен благодаря своим резким высказываниям о проживающих в стране национальных меньшинствах и о планах США по размещению военных баз на территории Болгарии.

Поскольку в первом туре явка составила менее половины зарегистрированных избирателей, 29 октября состоялся второй тур выборов, в котором участвовали только два кандидата, получившие наибольшее число голосов Пырванов и Сидеров. Убедительную победу в нем одержал Г. Пырванов, набравший более 76% голосов и ставший первым президентом Республики Болгария, переизбранным на второй срок. По мнению наблюдателей, победа Пырванова прежде всего означает продолжение нынешнего курса в отношениях с Европой, НАТО, США и Россией. Опираясь на итоги выборов, многие политологи констатировали новый раскол в болгарском обществе, вызывающий немалую тревогу. На заре демократических перемен болгары делились на «синих» — тех, кто эти перемены пропагандировал, и «красных» — сторонников социалистического выбора. В 2006 г. линия раскола прошла в иной плоскости. По другую сторону от президента и его электората оказались националисты. Их приход к власти лишил бы страну европейских денег и мог бы спровоцировать серьезные внутренние беспорядки.

В декабре 2006 г., за месяц до вступления Болгарии в ЕС, Национальный центр по изучению общественного мнения (НЦИОМ) провел опрос среди населения о рейтинге популярности партий и политиков. 60% болгар были уверены, что правительство выполнит свой мандат до конца. По мнению социологов, этот результат отражал удовлетворение работой кабинета на пути евроинтеграции Болгарии. Естественно, наиболее оптимистично были настроены приверженцы партий тройной коалиции, люди с высшим образованием и с доходами выше средних.

4. Евроинтеграция Болгарии: проблемы и перспективы

В конце XX — начале XXI в. страна вступила в полосу ответственных и судьбоносных решений, касающихся ее статуса и положения в Европе и мире. Членство Болгарии в НАТО и Европейском Союзе являлись основным внешнеполитическим приоритетом, по которому был достигнут консенсус в обществе и среди подавляющего большинства политиков. Как подчеркнул в одном из интервью президент Г. Пырванов, «это наш суверенный стратегический выбор, который продиктован как перспективами социально-экономического развития страны, так и нашими интересами в области национальной безопасности и стабильности в Юго-Восточной Европе». При этом президент отметил, что «европейская и евроатлантическая интеграция Болгарии ни в коем случае не должна повредить болгаро-российским отношениям»⁷¹.

Краткая хронология присоединения страны к Евросоюзу такова. Желание стать полноправным членом Евросоюза (тогда — Европейского сообщества) было впервые зафиксировано еще на заре демократических перемен — 22 декабря 1990 г. — в решении VII Великого народного собрания. С февраля 1995 г. РБ являлась ассоциированным членом ЕС, а в декабре того же года парламент страны проголосовал за то, чтобы Болгария официально подала заявку на полноправное членство в ЕС. В марте 1998 г. Совет министров принял Национальную стратегию о присоединении к Евросоюзу. С начала 2000 до середины 2004 г. между Болгарией и ЕС шел переговорный процесс по вопросам, связанным со вступлением. Летом переговоры были досрочно завершены, а в октябре Европейская комиссия в докладе о готовности Болгарии подтвердила, что она может стать членом ЕС в намеченный ранее срок — 1 января 2007 г. при условии успешного выполнения всех договоренностей. Однако уже в июне 2005 г. ЕК направила Болгарии письмо, в котором говорилось о замедлении темпов реформ в стране в пяти сферах. Среди претензий Евросоюза к Болгарии назывались чрезвычайно разветвленная коррупция, слабый уровень

судебно-правовой системы, дискриминация цыган, низкая инвестиционная активность, сохраняющееся сильное давление госаппарата на развитие экономики. Так, в своем интервью в марте 2004 г. комиссар по расширению ЕС Г. Ферхойген прямо сказал, «что, не предприняв серьезных реформ в судебной системе, Болгария не сможет вступить в ЕС»⁷². Поэтому интеграция в Евросоюз предполагала значительную структурную перестройку, включавшую административную реформу, реформы в сферах социального обеспечения, здравоохранения, образования, а также сближения болгарской законодательной базы с системой законов, принятых в странах Евросоюза. Первые шаги в этом направлении болгарское руководство начало осуществлять уже на стадии переговоров о вступлении.

25 сентября 2003 г. Народное собрание приняло первые поправки в конституцию РБ 1991 г., касающиеся судебной системы. С целью сделать судебное производство более эффективным, в октябре 2002 г. и мае 2003 г. в Болгарии были приняты изменения в Гражданско-процессуальном кодексе и Уголовно-процессуальном кодексе. Изменения касались в основном механизмов исполнения судебных решений, часть из них имела целью ускорение сроков производства. С помощью ЕС происходила модернизация судебной инфраструктуры, велась работа над созданием интегрированной информационной системы. Позитивная нацеленность евроинтеграции на борьбу с преступностью заключалась в том, что руководство страны приняло меры для повышения результативности работы соответствующих государственных органов, которым ЕС оказал финансовую и материальную помощь. Еще в ноябре 2002 г. была принята Национальная стратегия по противодействию преступности на 2002—2005 гг., а через год — План действий по ее применению. В 2003 г. Болгария подписала соглашение о сотрудничестве с Европол, а в 2007 г. ее приняли в Европол и Интерпол.

25 апреля 2005 г. на торжественной церемонии в Люксембурге Болгария и Румыния подписали Договоры о присоединении к Европейскому Союзу с 1 января 2007 г. В мае Народное собрание ратифицировало подписанный договор. Однако Европейская комиссия в своих регулярных мониторинговых докладах продолжала строго следить за выполнением обеими странами согласованных реформ и мероприятий и в случае срыва могла рекомендовать отсрочку приема на один год. В конце сентября 2006 г. ЕК, к великому облегчению болгарских политиков, признала, что Болгария отвечает необходимым условиям членства в ЕС.

Итак, 1 января 2007 г. исторический акт свершился — страна стала полноправным членом Евросоюза. Уже через неделю правительство приняло План действий на 2007 г. с мероприятиями, вытекающими из членства в ЕС. 10 января Европейская комиссия впервые заседала в составе 27 человек: как полноправный еврокомиссар от Болгарии в этом заседании участвовала Меглена Кунева.

2 февраля 2007 г. Народное собрание проголосовало за очередные (четвертые по счету) изменения в конституции страны. Их основная цель: улучшение функционирования органов законодательной, исполнительной, судебной и местной власти и взаимодействия между властями. По мнению депутатов, изменения были приведены в соответствие с констатациями и оценками Европейской комиссии.

1 марта 2007 г. правительство приняло Национальную программу реформ в Болгарии на период 2007—2009 г. под девизом «За более высокий рост и больше рабочих мест». Одновременно оно одобрило семь оперативных программ, которые предстояло представить Европейской комиссии: «Транспорт», «Региональное развитие», «Окружающая среда», «Развитие конкурентоспособности болгарской экономики», «Развитие человеческих ресурсов», «Административный потенциал» и «Техническая помощь». Они предусмотрены на период 2007—2013 гг. и в предстоящие годы будут финансироваться из различных фондов ЕС и национального бюджета. К началу ноября 2007 г. ЕК одобрила все оперативные программы, завершив тем самым предварительный этап подготовки Болгарии к освоению средств из еврофондов. Так, со стартом оперативной программы «Региональное развитие» на период 2007—2013 гг. Болгария получила возможность инвестировать в региональное развитие огромный финансовый ресурс в размере 1 млрд. 600 млн. евро. Средства будут направлены на повышение конкурентоспособности отдельных регионов, развитие инфраструктуры, стимулирование туризма и местных инициатив, то есть результаты этой программы увидят все болгарские граждане. В проектах могут участвовать не только государственные органы, но и частный сектор, неправительственные организации, академические круги и частные эксперты. Готовность к освоению средств из еврофондов повысилась и составляет 79% для неправительственных организаций, 76% для местных властей, 67% для консалтинговых компаний⁷³. Возросла и доля оптимистов относительно положительного эффекта еврофондов для болгарской экономики, перед которой стоят задачи модернизации и ускоренного сближения с экономикой стран Евросоюза.

Болгарская дипломатия и администрация приложили неимоверные усилия для того, чтобы убедить Еврокомиссию в том, что Болгария подготовлена к вступлению не хуже, чем участницы предыдущего расширения ЕС. При этом все — и в Софии, и в Брюсселе — хорошо понимали, что страна весьма далека от средних европейских стандартов. По оценкам экспертов ЕК, жизненный уровень в Болгарии накануне вступления был втрое ниже этого показателя в странах ЕС. Наряду с Албанией она являлась беднейшей страной Европы и занимала последние места в европейских статистиках по всем основным экономическим, социальным и другим показателям. По данным Мирового банка процент бедных с доходом ниже 2,15 долларов на человека в день в Болгарии составлял 7,9 в то время, как в Венгрии и Польше — 1,3 и 1,2. Почасовая ставка рабочего в 2004 г. была в среднем 0,73 доллара, а инженера — 1,43, что более чем в десять раз ниже оплаты соответствующего труда в ЕС⁷⁴. Пока Болгария — страна с самой низкой продолжительностью жизни в ЕС, с самой высокой смертностью, с самой высокой заболеваемостью. Страна (чего уж скрывать!) с низким международным авторитетом. Почему же ее все-таки приняли в Евросоюз? Аналитики подчеркивали, что прием в ЕС Болгарии (как и Румынии) имел политический оттенок, поскольку без этих стран «не мог завершиться европейский процесс на Балканах»⁷⁵. Иными словами, эти страны оказались нужны Евросоюзу так же, как и он им.

После вступления в ЕС Болгарии предстоит выполнить в быстром темпе все требования, чтобы догнать «европейскую семью» в тех областях, где она все еще не отвечает необходимым критериям. Помимо изменений в правосудии и внутреннем правопорядке Брюссель требует улучшения санитарного контроля и безопасности авиации. Все поставленные ЕС задачи будут находиться под контролем, и на протяжении первых трех лет каждые шесть месяцев правительство должно представлять по ним отчет. В случае невыполнения задач могут применяться санкции, например, сокращение субсидий из еврофондов. Особо следует сказать о ситуации с закрытием под нажимом Еврокомиссии четырех блоков атомной электростанции в Козлодуде, представляющей важную часть болгарской энергетики. «Козлодуй», имеющий советские и чехословацкие реакторы, эксперты Еврокомиссии приравнивали по состоянию систем безопасности к Чернобыльской АЭС и в качестве одного из условий членства Болгарии в ЕС настаивали на закрытии четырех блоков и одновременной модернизации двух других (несмотря на заключение МАГАТЭ о безопасности болгарской АЭС). По соглашению с Евросоюзом в декабре 2002 г. были закрыты сначала 1 и 2 реакторы, а накануне вступления Болгарии в

ЕС, в конце 2006 г. — 3 и 4, 5 и 6 реакторы функционируют нормально, поскольку их безопасность усилена. Тем не менее, Болгария остается основным производителем электроэнергии на Балканах и экспортирует ее в соседние страны. В болгарском обществе ситуация с закрытием старых блоков АЭС в Козлодуде до сих пор вызывает полемику. Ряд политиков и экономистов расценивают решение Евросоюза, имеющее отрицательные последствия не только для Болгарии, но и для всего Балканского полуострова, как вмешательство во внутренние дела страны. Согласно распространенному мнению, оно продиктовано не только заботой об экологии, но и демонстрирует намерение вытеснить Болгарию из регионального энергетического рынка. В январе 2008 г. в стране даже началась национальная кампания, требующая повторного пуска в эксплуатацию 3 и 4 реакторов АЭС «Козлодуй» под девизом «Хочу света!». Сохранению позиций Болгарии должно помочь строительство при участии России новой болгарской АЭС «Белене».

Что касается психологического настроения болгар в связи со вступлением в Евросоюз, то он не остается неизменным. Накануне присоединения в Болгарии господствовал «еврооптимизм». Немало болгар искренне надеялись, что с 1 января 2007 г. их жизнь коренным образом изменится в лучшую сторону. Правительство, сосредоточившее все свои усилия на том, чтобы обеспечить прием в ЕС, почти ничего не сделало в плане информации населения о том, что же будет потом, что ждет предпринимателей, крестьян, мелкий и средний бизнес и т. д.

Несмотря на непрекращающиеся заверения лидеров ЕС о быстром экономическом росте, улучшении инфраструктуры, помощи сельскому хозяйству, повышении жизненного уровня, предельно ясно одно: все будет зависеть от самих болгар, от того, как быстро они усвоят западноевропейскую систему ценностей, изменят свой «балканский менталитет». Европейская интеграция для Болгарии означает прежде всего создание функционирующего демократического общества с рыночной экономикой, соответствующей европейскому стандарту. Это потребует глубоких преобразований, затрагивающих не только государство и его органы, но и все общество, каждого гражданина. Предстоит сложные психологические процессы, связанные в первую очередь с требованием высокой трудовой и гражданской дисциплины, с соблюдением общепринятых правил современного бизнеса (соблюдение сроков, учет интересов партнера и т. д.). Болгарские исследователи прогнозируют серьезные перемены в отношениях между болгарами-славянами, православными с балканскими традициями и исторической памятью и огромным морем за-

падноевропейского католического и протестантского мира (в Евросоюзе Болгария — первое и пока единственное славянское и православное государство). Например, болгарам пришлось долго бороться за принятие кириллицы в качестве официальной азбуки в рамках ЕС.

С вступлением в ЕС ожидания большей части общества не оправдались, «молочные реки с кисельными берегами» не потекли в Болгарию. Вполне естественно, что среди болгар стал нарастать «евроскептицизм», тем более что в 2007 г. страна являлась скорее донором, чем реципиентом (один только членский взнос в ЕС составил 640 миллионов левов). Лишь после представления и одобрения соответствующих проектов Болгария может рассчитывать на еврофонды, при том, что большей частью осуществление этих проектов будет возложено на европейские фирмы. Болгары все больше опасаются, что цена адаптации к евростандартам окажется слишком высокой.

Социологи, политологи и многие аналитики все больше приходят к заключению, что именно первые три — пять лет пребывания в ЕС будут самыми трудными. Прогнозируется, что именно эти годы станут временем наиболее значительных и важных реформ в различных сферах жизни — политической, экономической и, как следствие, личной⁷⁶. Положительного влияния на болгарскую экономику можно ожидать лишь в долгосрочном плане⁷⁷. В краткосрочной же перспективе, то есть непосредственно после вхождения Болгарии в Евросоюз, вполне возможно ожидать большого числа банкротств из-за невозможности соответствовать стандартам ЕС, главным образом в пищевой промышленности. Напряжение и риски возрастут среди мелких производителей и собственников небольших магазинов, маленьких или нерентабельных ферм, сыроварен, винных погребов и т. д. Отсутствие таможенных барьеров увеличит импорт, Болгарию заполонят магазины крупных европейских торговых сетей. Банкротства, в свою очередь, приведут к увеличению безработицы и к обеднению. Аналитики не исключают новой волны обеднения населения именно на начальном этапе членства в ЕС, особенно после введения в Болгарии европейской валюты, что, как правило, связано со скачком инфляции.

«Евроскептики» опасаются и возможной новой волны эмиграции⁷⁸. В стране уже достигнута критическая точка отлива рабочих рук, ощущается нехватка высококвалифицированных кадров. Накануне вступления в ЕС болгарская эмиграция, состоявшая в основном из молодежи, насчитывала около миллиона человек⁷⁹ (при 7,5 миллионах населения), из которых половина с высшим и средним специальным образованием. Перед

Болгарией стоит задача остановить эмиграцию и приложить все усилия для возвращения части эмигрантов на родину, чтобы они при помощи полученного в Европе, Канаде и США образования, опыта и нового менталитета помогли болгарской трансформации. Пока что вклад эмигрантов в развитие страны состоит в том, что они ежегодно высылают около 1 миллиарда евро своим семьям, оставшимся дома. В свете катастрофической демографической ситуации в Болгарии, имеющей отрицательную динамику, вопрос о том, чтобы остановить процесс отъезда молодежи на Запад, стоит очень остро.

«Еврооптимисты» ожидают положительных результатов от вхождения в ЕС даже и в краткосрочном плане. В Болгарию, как страну с дешевой рабочей силой, переместится ряд производств с Запада. Болгарское производство будет модернизировано, зарплаты занятых там рабочих увеличатся, хотя и не достигнут уровня западноевропейских. Необходимая модернизация инфраструктуры приведет к повышению занятости и улучшению условий экономического развития. Один из примеров: в рамках договоренности по программе САПАРД (программа корректировки сельскохозяйственных политик стран, вступающих в ЕС) до конца 2008 г. ЕС должен выделить Болгарии безвозмездно более 82, 5 миллионов евро на развитие сельского хозяйства. Средства предстоит использовать для введения европейских стандартов в сельском хозяйстве и перерабатывающей промышленности, а также на осуществление местных инфраструктурных проектов⁸⁰.

Как можно заметить, слово «модернизация» является ключевым для евроинтеграции Болгарии. Однако, наряду с несомненными плюсами, осуществление модернизации в стране, экономически объединившейся с более развитыми государствами, кроет в себе и определенную опасность. Обычно более развитые страны превращают отсталые в свою периферию и используют их в своих собственных интересах. Первый год членства Болгарии в Европейском союзе показал, что стране предстоит еще справиться с немалыми трудностями. Комментируя работу правительства по реформам в судебной системе и достижению нулевой толерантности к коррупции, министр по европейским вопросам Г. Грынчарова отметила, что сделано все еще недостаточно. Отстают реформы в публичном секторе, особенно в области здравоохранения и образования. Правда, за последние пять лет кредитный рейтинг Болгарии повысился, сохраняется макроэкономическая стабильность страны, постепенно улучшается инвестиционный климат, налицо рост индустриального производства. Сокращаются уровень безработицы и размер публичного долга

страны. В результате строгой фискальной политики растет доверие со стороны местного и иностранного бизнеса. В качестве доказательства министр привела тот факт, что Болгария вышла на первое место в регионе по притоку прямых иностранных инвестиций. Болгария присоединилась к Европейскому таможенному союзу и стала частью крупнейшего единого рынка мира. В следующие 7 лет ЕС предоставит Болгарии около 11 млрд. евро. 2008 год будет особо важным для Болгарии, поскольку выяснится, насколько успешно эти средства осваиваются. По мнению министра Грынчаровой, усилия необходимо приложить и по подготовке к присоединению Болгарии к Шенгенскому пространству, которое ожидается в 2011 г.⁸¹

Болгария давно заявила о своем намерении и обязательстве присоединиться к еврозоне и ввести евро в кратчайшие сроки после вступления в ЕС. Согласно 5-й статье Договора о присоединении, путь в Европейский экономический и валютный союз начинается именно с полноправного членства. Но принятие европейской денежной единицы, которая заменила бы болгарский лев, проходит через несколько этапов, в ходе которых будет вестись наблюдение за выполнением Болгарией экономических критериев, стоящих в основе Маастрихтского договора. По мнению экспертов, Болгария сможет реально ввести евро в начале следующего десятилетия — в 2011 или 2012 году. До тех же пор в стране будет продолжать действовать валютный совет (*currency board*). Его положительный эффект очевиден: внешняя задолженность государства в 2007 г. составила около 20% ВВП, валютный резерв превышает 10 миллиардов евро, фискальный резерв превышает 3 миллиардов евро, а излишки в бюджете в последние годы выше 3% от ВВП⁸². Бесспорно, Болгария стала одной из наиболее привлекательных экономик для инвестиций. В 2006 г. прямые иностранные инвестиции составили 4 миллиарда 400 миллионов евро, а за первые три квартала 2007 г. — 3 миллиарда 800 миллионов евро⁸³. Но существует еще немало вызовов. Уровень производимого ВВП в Болгарии составляет лишь половину ВВП других стран-членов. Проблему представляет также дефицит по текущему счету, поэтому необходимо обратить серьезное внимание на экспорт. Существует также необходимость в модернизации и создании новой инфраструктуры. Все эти проблемы может помочь решить успешное освоение европейских фондов.

Существуют две области, где Болгарии следует приложить много дополнительных усилий — борьба с коррупцией и оргпреступностью. «В отношении борьбы с коррупцией в высших эшелонах власти и борьбы с организованной преступностью, достигнутые результаты все еще не-

удовлетворительны», — подчеркнул руководитель представительства ЕК в Болгарии М. Хамфрис⁸⁴. Борьба с коррупцией, особенно в высших эшелонах власти является сферой, за которой Европейская комиссия продолжает следить особенно внимательно. В октябре 2007 г. болгарское правительство представило в ЕК свой доклад о прогрессе Болгарии в чувствительной и для ЕС, и для болгарского общества области — правосудия и внутреннего правопорядка. К сожалению, коррупция в стране продолжает оставаться на уровне, значительно превышающем средний по ЕС, о чем свидетельствовали данные исследования «Коррупционный индекс в 2007 году» международной ассоциации «Прозрачность без границ». Усиленно декларированная Софией борьба с коррупцией пока явно не дала результатов. Лишь 14% болгар придерживались мнения, что усилия правительства в этой области эффективны, а 72% полагали, что ничего не делается⁸⁵.

5. Политические и экономические вызовы после вступления Болгарии в ЕС

Уже в первый год после приема Болгарии в Евросоюз стало очевидно, что политическая ситуация в этой стране (так же, как и в принятой одновременно с ней в Евросоюз Румынии) отнюдь не стабилизировалась, как прогнозировали многие политики и СМИ. Напротив, пропасть между основной массой населения и политическими и экономическими элитами углубилась, обострились и конфликты внутри самих элит. Схема управления тройной коалиции подвергалась постоянной критике в результате усилившегося натиска общественного недовольства, порожденного адаптацией к членству в Европейском Союзе. Новые условия создавали напряжение, которым пользовались новые политические субъекты. Уже с 2004 г. в НДСВ не стихали политические страсти, велась борьба за новые посты во внутривластном управлении на фоне падения рейтинга лидера движения — С. Саксен-Кобург-Готского. В декабре 2007 г. в НДСВ произошел раскол. В результате недовольства ряда депутатов политикой, проводимой парламентской группой НДСВ, сформировалась новая парламентская группа «Болгарская новая демократия» (БНД), занявшая место в правом политическом пространстве⁸⁶. Многие сторонники НДСВ отвернулись от этой партии, поскольку не одобряли ее участия в тройной коалиции. Ведь значительная часть электората НДСВ в 2001 г. сформировалась из разочарованных распадавшимся СДС «си-них», которым трудно было принять сотрудничество Симеона с социалистами и с ДПС.

Выборы 18 депутатов в Европейский парламент в мае 2007 г., в которых приняли участие всего 28% имеющих право голоса, фактически вылились в вотум протеста против правящих партий и их политического курса. Результаты голосования в который раз удивили своей непредсказуемостью. Победителем, набравшим 21,69% голосов (5 мандатов), стала партия ГЕРБ («Граждане за европейское развитие Болгарии»), образованная лишь за полгода до выборов. За ней почти вплотную шла БСП с 21,41% (5 мандатов), далее следовал ее партнер по правящей коалиции — ДПС (20,26%, 4 мандата). Таким образом, лидер тройной управленческой коалиции — БСП — оказался на втором месте после новой формации. Четвертое место заняла ультранационалистическая «Атака» с 14% голосов (3 мандата). НДСВ потерпело сокрушительное поражение (6%, 1 мандат). За бортом оказался весь право-консервативный лагерь: «Демократы за сильную Болгарию» (ДСБ) во главе с бывшим премьером И. Костовым, Болгарский народный союз (БНС) и Союз демократических сил (СДС) не смогли преодолеть 4% барьер и превратились таким образом в политических аутсайдеров.

Если для стран Запада очевидно, что чем раньше объявит свою предвыборную программу тот или иной кандидат, тем лучших показателей он добьется, то избирательные кампании в постсоциалистической Болгарии часто показывали прямо противоположный результат. В последние пять лет среди победителей порой оказывались партии, появившиеся за несколько месяцев до выборов, или кандидат, включившийся в предвыборную гонку в последний момент. Так произошло с мэром Софии Б. Борисовым, который выдвинул свою кандидатуру на пост градоначальника значительно позже своих конкурентов. В 2001 г. неожиданно оглушительной победы добилось НДСВ, четыре года спустя сюрприз преподнесла «Атака», а феноменом выборов депутатов в Европарламент и выборов в местные органы власти в 2007 г. стала новая партия ГЕРБ. Стремление электората отдавать предпочтение «харизматической личности» в ущерб политическому выбору свидетельствовало о нестабильности болгарской политической системы.

При сравнении результатов выборов в Народное собрание летом 2005 г. и в Европарламент два года спустя обращает на себя внимание, что с учетом падения избирательной активности населения вдвое электорат БСП сократился в три раза, а электорат НДСВ — даже в шесть раз (при том, что уже в 2005 г. НДСВ лишился половины своих избирателей по сравнению с триумфом 2001 г.). Уменьшилось, хотя и не очень значительно, относительное число голосовавших за ДПС. Сохранила свой твердый

электорат и «Атака», несмотря на раскол в своем руководстве и муссировавшиеся в СМИ скандалы, связанные с ее лидером В. Сидеровым. В то время как социалисты и правые партии рисовали своим согражданам вступление в ЕС в розовых красках, «Атака» была единственным формированием, которое выступало против Евросоюза. Она использовала отрезвление, наступившее у населения уже вскоре после вступления в ЕС (усилившиеся с этого времени призывы из Брюсселя к большей дисциплине в экономике и к более решительному проведению реформ были восприняты многими болгарами как угроза) и систематически пыталась поставить растущую оппозицию по отношению к Евросоюзу под свои националистические знамена. Наконец, поистине катастрофичными можно назвать результаты выборов в Европарламент для традиционно правых партий: и ДСБ, и СДС получили втрое меньше голосов, чем в 2005 г.⁸⁷

Следует особо остановиться на новом факторе в болгарской политике, каким является партия «Граждане за европейское развитие Болгарии», создавшая всего за несколько месяцев свои структуры в 264 муниципалитетах и признанная на выборах в Европарламент первой политической силой. ГЕРБ обошел не только социалистов, находящихся у власти. Еще более неожиданным стало то, что в Софии, где многие годы подряд правые силы располагали самыми мощными структурами, ГЕРБ получил приблизительно в три раза более высокие результаты, чем объединенные Демократы за сильную Болгарию и Союз демократических сил. Партия ГЕРБ и ее лидер Б. Борисов с успехом использовали растущее недовольство населения социалистической и «царской» партиями, а также различными объединениями консервативных «демократов», которые почти за 20 лет своего правления не смогли вывести страну из нищеты.

В августе 2007 г. премьер-министр С. Станишев подвел итоги двухлетней работы правительства. По его словам, за последние два года болгарская экономика продолжала отмечать высокий и устойчивый рост. Реальный рост ВВП за 2005 и 2006 гг. превысил 6%, а за первый квартал 2007 года он был еще выше, что объясняется более высоким внутренним потреблением. Самым динамичным его компонентом, однако, являются инвестиции, которые в 2005 и 2006 гг. увеличились более чем на 20%. Размер государственного долга Болгарии динамически снижается, на данный момент он составляет 19,5% ВВП. Такого процента не могут достичь многие страны ЕС, заметил Станишев. Увеличение пенсий более чем на 20% в 2007 г. стало возможным благодаря повышенной собираемости прямых налогов, что, в свою очередь, напрямую зависело от уменьшения ставки

налога (10%). Уровень безработицы в стране в настоящее время ниже 8%. В бюджетном секторе средняя заработная плата повысилась до 250 евро, средняя пенсия увеличилась с 68 евро в 2005 г. до 84 евро в июле 2007 г. Однако пока эти повышения не в состоянии компенсировать постепенное, но постоянное увеличение цен на основные продукты питания и прочие бытовые расходы. Отметив, что Болгария находится в числе самых быстро развивающихся стран в ЕС, премьер, тем не менее, подчеркнул, что болгарское общество ожидает более ощутимых изменений в доходах, качестве жизни, образовании и здравоохранении⁸⁸.

Подводя итоги 2007 г., глава правительства подчеркнул, что эйфория прошла, и страна теперь сталкивается с реальностями общего рынка. Болгария должна на протяжении ряда лет утверждать свое место в ЕС, искать свой профиль, реализовать свои приоритеты. В уходящем году макроэкономическая стабильность в стране сохранилась. По прогнозам, экономический рост в конце года составит около 6,3% ВВП и будет одним из самых высоких в Европе. Уровень безработицы снизился на 7—8%. Правда, неприятным сюрпризом стал рост инфляции, ее годовой уровень составил около 12%. Всплеск инфляции произошел после того, как производители зерна и владельцы птицеферм подняли цены, аргументируя это плохим урожаем после засухи весной и наводнений летом. Такой инфляции страна не знала в течение последних семи лет (в конце 2006 г. она равнялась 6,5%). Это неминуемо снизило покупательную способность болгар и, прежде всего, социально слабых слоев и пенсионеров.

В 2007 г. Болгария увеличила дефицит по текущему счету, основную часть которого формирует сальдо торгового баланса. К сожалению, оно оставалось отрицательным, поскольку Болгария все еще больше импортирует, чем экспортирует, и данная отрицательная тенденция усиливается. Пока Болгария покрывает этот дефицит поступлениями из сферы туризма и благодаря росту иностранных инвестиций. За 8 месяцев года в экономику Болгарии вложено 3 млрд. 300 млн. евро, причем треть из них — в недвижимость. С точки зрения соотношения к ВВП Болгария по объему иностранных инвестиций находится в рамках Евросоюза на третьем месте, а в Восточной Европе — даже на первом. По мнению Станишева, это результат общего процесса успешного проведения структурных реформ и успешного развития частного сектора⁸⁹.

В 2007 г. в болгарском сельском хозяйстве, пережившем тяжелые удары природы, были созданы структуры, через которые проходит европейское финансирование фермеров. В октябре Европейская комиссия отпустила полную сумму для субсидий в болгарское земледелие. Увели-

чилось (до 70) число болгарских фирм, перерабатывающих сельхозпродукцию, которые получили лицензии на экспорт в рамках ЕС. В последние годы болгарские фирмы преодолевают нелегкий и долгий путь модернизации производства с тем, чтобы соответствовать высоким требованиям, ожиданиям и вызовам взыскательного европейского потребителя. Продолжил интенсивно развиваться рынок земли. Цены на землю поднимаются все более быстрыми темпами. Одна из причин этого заключалась в принятии Болгарии в Евросоюз, что связано с европейским финансированием производителей сельхозпродукции, которое определяется размером обрабатываемой площади. Если в 2005 г. преобладали предложения продажи земель, то в 2006 и 2007 гг. по всей стране спрос превышал предложение.

Самым подготовленным к европейским вызовам оказался банковский сектор. Приватизация болгарских банков завершилась несколько лет назад. Их акционерами стали крупнейшие европейские и международные финансовые группировки. Увеличиваются средства, которые население депонирует в банках, увеличивается и капитал банков. Вместе с тем и число кредитов, отпускаемых как фирмам, так и населению, тоже растет. Это определяет доходность банковского сектора, но и кроет в себе известные риски. Только за последние 9 месяцев 2007 г. доходы банков составили 470 млн. евро. По сравнению с 2006 г. этот показатель увеличился на 60%.

Что касается доходов болгарских граждан, то они тоже росли, хотя и не особо быстрыми темпами и не могли угнаться за инфляцией. Болгары остаются самыми бедными гражданами Европы. Средний доход на душу населения в Болгарии составляет 34% от этого показателя в ЕС. По размеру доходов Болгария занимает последнее место не только среди стран-членов ЕС, но и всего региона. В конце 2006 г. средняя заработная плата в Сербии составляла 358 евро, в Македонии — 221 евро, в Румынии — 449 евро, в Хорватии — 664 евро, а в Болгарии — всего 198 евро⁹⁰. Углубляется социальное расслоение, что требует от людей предприимчивости, а от государства — заботы о социально слабых слоях. Согласно анализу Конфедерации работодателей и промышленников Болгарии, по стандарту покупательной способности страна стоит после Румынии и находится на последней позиции среди членов ЕС. По данным Национального института статистики о расходах и потреблении болгарских семей в августе 2007 г. ведущее место (37%) в расходах болгар занимали продукты питания и безалкогольные напитки. За ними шли расходы на жилье, электроэнергию, воду и отопление — 12,7%, лишь 5% составляли средст-

ва, вложенные в досуг, культурный отдых и образование. Причем, несмотря на увеличение расходов на продукты питания, разнообразие болгарской трапезы уменьшилось⁹¹.

Социологический опрос агентства «Альфа Рисерч», проведенный с 22 ноября по 3 декабря 2007 г., показал, что болгарское общество продолжает оказывать высокую поддержку членству страны в ЕС. Год спустя после присоединения Болгарии к Евросоюзу 79% болгар считало, что этот путь — правильный, хотя они не ожидают быстрого повышения жизненного статуса в связи с ним. Любопытно, что это один из самых высоких уровней поддержки евроинтеграции среди присоединившихся недавно стран-членов ЕС. 2/3 опрошенных болгар полагало, что польза почувствуется со временем, лет через 5—10. Это говорит о росте реализма среди населения, который включает и опасения относительно влияния этого членства на их личный материальный статус. В интервью Болгарскому Радио сотрудник агентства «Альфа Рисерч» Б. Димитрова отметила, что в первый год членства Болгарии в ЕС наблюдались позитивные настроения, но содержащие немалую долю критики в адрес болгарского государства, которое не обеспечивает достаточно условий, чтобы дать возможность своим гражданам почувствовать себя в большей степени европейцами здесь и сейчас, обеспечить им уровень жизни, услуг, доступ к публичным услугам, которые отвечают европейским⁹².

По опыту недавно присоединившихся стран, второй год является наиболее критическим в смысле отношения населения к членству в ЕС. В Болгарии «сигнальным светом» в этом смысле может быть отношение к освоению средств из еврофондов. Поскольку большая часть оперативных программ в Болгарии стартовала в 2007 г, то реальный процесс освоения средств начнется во второй год членства. От того, как они будут осваиваться, будет ли предоставлен шанс для повышения жизненного уровня большинства болгар или же средства окажутся сконцентрированы в узком кругу, в большой степени будет зависеть динамика «евроскептицизма» в стране. Иными словами, чем больше пользы будут испытывать болгарские граждане от поступления средств из еврофондов, тем легче будет преодолеваться «евроскептицизм» в критический второй год членства⁹³.

Анкета Болгарской хозяйственной палаты, одной из крупнейших организаций работодателей в Болгарии, дает представление о настроениях предпринимателей в конце первого года членства Болгарии в ЕС и о том, как оно отразилось на их деятельности. 45% опрошенных считали, что присоединение Болгарии к ЕС оказало положительное воздействие на их бизнес, 37% придерживались мнения, что оно не повлияло существенно

на их деятельности, а около 15% утверждали, что членство в ЕС сказалось на них негативно. На вопрос, рассчитывают ли они на европейское финансирование, 58% предпринимателей заявили о своей готовности принять участие посредством проектов в освоении финансирования из еврофондов. Что касается проблем, препятствующих нормальному бизнесу, на первом месте были указаны бюрократия и отсутствие квалифицированных рабочих рук. Серьезнейшей проблемой остается коррупция. По мнению бизнесменов, коррупция сохранила свой уровень с предыдущих лет, и усилия государства на данный момент не дают видимых результатов. Местами проявления коррупции, прежде всего, являются общественные заказы — так ответили 55% опрошенных предпринимателей. В анкете Болгарской хозяйственной палаты предприниматели указали и причины наличия теневой экономики. 64% опрошенных ответили, что причинами функционирования теневого сектора являются неприменение и несоблюдение законодательства. Другая причина — все та же коррупция среди контролирующих государственных органов⁹⁴.

В первый год членства в Евросоюзе Болгарии пришлось выдержать своеобразный тест на устойчивость демократии. Страну буквально наэлектризовали два события осени 2007 года: национальная забастовка учителей, которая оказалась самым масштабным социальным протестом в стране за весь период трансформации, и выборы в местные органы власти в октябре 2007 г.

Копившиеся годами нерешенные проблемы в сфере образования привели к крупнейшему социальному конфликту, имевшему с самого начала не политический, а экономический характер. Учителя, родители и, конечно, дети оказались потерпевшими из-за неспособности правительства и профсоюзов найти быстрое и эффективное решение этой давно назревавшей в болгарском обществе проблемы. Уже многие годы зарплаты в сфере образования — около 170 евро в месяц — были среди самых низких в стране. В конце прошлого учебного года учителя объявили, что если не будут увеличены их заработные платы на 100 % и не начнется реальная реформа в области образования, они начнут забастовку. Особенностью этого протеста явилось то, что он зародился и был организован в среде самих учителей. Профсоюзные деятели выступали в роли не лидеров, а посредников в переговорах между протестующими и правительством, пытавшимся убедить учителей в том, что нет финансовых средств для увеличения их зарплат (поскольку были велики опасения, что победа учителей вызовет цепную реакцию протеста других групп бюджетников). Серия переговоров с правительством окончилась безрезультатно. А отно-

шение протестующих к забастовке и то, что ни один из министров не пожелал выслушать требования учителей, свидетельствовало о том, что их протест не принимается всерьез. После того, как в ходе переговоров между министерством образования и науки и тремя профсоюзами учителей не удалось подписать соглашение, было принято решение об общенациональной забастовке с начала нового учебного года.

В сентябре 2007 г. болгарские учителя начали бессрочную забастовку, которая грозила привести к срыву учебного года. Десятки тысяч болгарских учеников не ходили в школу более месяца. Один из крупнейших профсоюзов в Болгарии КНСБ объявил, что будут бастовать учителя 83% школ и 75% детских садов по всей стране (к забастовке не присоединились преподаватели частных школ и детских садов, в которых зарплата в несколько раз выше). Вице-премьер и министр образования Д. Вылчев вновь внес предложение правительства — о 15%-м увеличении зарплат с первого января следующего года и о 10–15% с первого июля 2008 г. Разница между предложенным министром образования и требуемым профсоюзами составляла полмиллиарда левов или 250 млн. евро⁹⁵. 11 октября состоялся общенациональный марш протеста по улицам Софии. Десятки тысяч учителей со всей страны стеклись к зданиям Народного собрания и Совета министров. Они настаивали на поэтапном заметном увеличении размера их зарплат и на проведении более эффективной реформы в сфере образования.

Забастовка учителей, коснувшаяся почти каждой болгарской семьи, всколыхнула всю страну. Согласно экспрессному исследованию агентства «Альфа Рисерч», 45% родителей поддерживали требования учителей, но категорически выступали против прерывания учебного процесса. 21% опрошенных не поддержали позицию учителей⁹⁶. Солидарность с бастующими выразил ректор Софийского университета. Первый день нового академического учебного года в самом старом высшем учебном заведении Болгарии начался с объявления готовности к акциям протеста со стороны студентов и преподавателей. Молодые люди были обеспокоены повышенными таксами за образование. Они сомневались, что подобный подход приведет к повышению качества обучения и жизни студентов⁹⁷. Преподаватели же настаивали на более достойном вознаграждении их труда и на большем внимании к нуждам образования. Однако здесь до забастовки дело не дошло.

Социологи отметили спад политического доверия к премьер-министру и к министрам, непосредственно связанным с конфликтом⁹⁸. Через месяц после начала забастовки оппозиция в парламенте внесла вотум не-

доверия правительству. Это был уже третий вотум недоверия кабинету тройной коалиции БСП—ДПС—НДСВ за период ее двухлетнего правления. Предыдущие два вотума были мотивированы невосполнением ущерба от страшных наводнений летом 2005 г. и кризисом в области здравоохранения. (Реформа здравоохранения предусматривала переход к страховой модели финансирования и постепенную замену системы общественного здравоохранения частной. Однако результаты преобразований привели к недовольству населения, столкнувшегося с некачественным и подорожавшим обслуживанием). Проект вотума подписали 63 депутата всех оппозиционных фракций парламента, в т.ч. и независимые. «Безответственное поведение болгарского правительства привело к самому серьезному кризису в образовании за последние 17 лет», — записано в мотивах требования вотума недоверия. У правящей тройной коалиции нет планов на развитие образования и воли к осуществлению программных намерений в этой области, которые были приняты ими же — о приоритетном месте болгарского образования и повышении его качества⁹⁹.

Забастовочные действия болгарских учителей, продолжавшиеся почти полтора месяца, в конце концов столкнулись с ослаблением поддержки со стороны родителей; в обществе и среди самих учителей уже ощущалась усталость от забастовки. Одновременно она выявила преобладание среди населения скептицизма по отношению к управленческому потенциалу исполнительной власти¹⁰⁰. Разочарованные прибавкой в 40 евро и готовые не отступать от своих требований, болгарские учителя приняли компромиссное решение возвратиться в школы, поскольку дальнейшие переговоры стали бессмысленны. Бюджет на следующий год был уже подготовлен, на образование он предусматривал 4,2% ВВП, в то время как по расчетам профсоюзов их должно быть 4,7%, чтобы достичь требуемых приблизительно 325 евро для средней зарплаты в секторе¹⁰¹. Профсоюзы не подписали договор и, таким образом, министерство переадресовало решение проблем парламенту. Подводя итоги, можно сказать, что кризис был весьма симптоматичным для состояния всего болгарского общества, где наблюдается конфронтация узкого слоя богачей и основной части населения, сталкивающейся с социальной незащищенностью и бедностью.

Накануне выборов в органы местной власти в конце октября 2007 г. оптимистические настроения болгар в связи с развитием страны сильно понизились, а политическая элита все больше теряла доверие граждан. Этот тревожный вывод был сделан на основе опроса общественного мнения, проведенного в период с 19 по 23 октября Институтом по маркетин-

гу и социальным исследованиям (МБМД). На вопрос: «Как изменилась жизнь болгар за последние два года?» лишь 14% населения считало, что к лучшему, а 46% опрошенных ответило «К худшему». В 2007 г. в Болгарии было зарегистрировано стремительное увеличение цен. Институтом социальных и профсоюзных исследований при Конфедерации независимых синдикатов в Болгарии. Повышение доходов населения не смогло компенсировать рост инфляции. По данным Института социальных и профсоюзных исследований, в 2007 г. жизнь подорожала на 9,7%, причем больше всего повысились цены на товары первой необходимости¹⁰². В соответствие с этим наблюдался спад авторитета многих политических лидеров. Несмотря на прочное большинство в парламенте, которое имела правящая коалиция БСП—НДСВ—ДПС (почти две трети депутатов), в стране налицо была политическая нестабильность, которую еще более усугубила забастовка учителей.

На этом фоне в Болгарии проходила весьма ожесточенная и связанная с экономическими интересами кампания по выборам в местные органы власти. После своего присоединения к ЕС Болгария получила доступ к европейским фондам, которые открывали перед муниципалитетами новые возможности их развития. Если представленные проекты будут реализованы, страна может освоить почти 7 млрд. евро за период 2007—2013 гг. Это обстоятельство стало стимулом для создания разного рода объединений граждан и предпринимателей, которые имели сильные позиции в регионах и активно подключились к предвыборной борьбе. Уже в первом туре значительное число голосов было отдано именно за них. Первые две позиции, как и на выборах в евродепутаты весной, заняли ГЕРБ и БСП — от них было избрано наибольшее число мэров муниципалитетов, а также муниципальных советников. НДСВ, а также правые формации, которые во многих местах выдвинули общие кандидатуры на пост мэров, не получили существенной поддержки.

Известный социолог Андрей Райчев подчеркнул, что лишь две партии имели основание быть довольными своим выступлением уже в первом туре региональных выборов. Прежде всего, это партия ГЕРБ — поддержка ее избирателями в целом по стране достигла уровня 20—25%, а местами и больше. Ее неформальный лидер Б. Борисов во второй раз победил с абсолютным большинством в Софии, причем после двух лет правления, которое не обошлось без заметных критических замечаний. Благодаря нынешней победе он утвердился в качестве лидера крупной и значимой партии. Успешным могла считать свое выступление и БСП, потому что на фоне социального напряжения в связи с забастовкой учи-

телей и непрерывным ростом цен на продукты эти выборы стали своеобразным референдумом того, в какой мере сторонники левых сил поддерживают нынешний курс управления страной. И ответ многих избирателей «левого» толка оказался положительным¹⁰³.

ДПС несколько расширило свое влияние в местном самоуправлении, получив больше мест на посты муниципальных советников, чем четыре года назад, а также больше мест на должности мэров. А. Доган объявил о преодолении «этнорелигиозной полукапсуляции» и географическом расширении структур ДПС. Движение Догана стало третьей политической силой после БСП и ГЕРБ, набрав 14% голосов¹⁰⁴. Одной из причин успеха ДПС был массовый приток избирателей из Турции и исключительная дисциплинированность электората А. Догана. Для всех остальных партий, прежде всего для СДС, эти выборы стали явным провалом.

На выборах отмечалась относительно низкая избирательная активность — немногим более 42% по стране, что подтвердило установившуюся в последнее время негативную тенденцию спада избирательной активности. Одна из причин этого заключается в том, что уже нет острой конфронтации двухполюсной политической модели. Но главная причина — все возрастающий разрыв между элитой и избирателями. Люди разочарованы властью и не надеются повлиять на нее путем голосования. Аналитики считают, что изменения должны наступить прежде всего в кругах представителей самой политической элиты, немалая часть которой на протяжении определенного периода времени в сознании общества связывается со злоупотреблением властью¹⁰⁵. Политики и социологи обратили внимание на два феномена этих выборов. Одним из них стало огромное число бизнес-обществ, зарегистрированных под формой различных партий. Другой момент касался «покупки голосов» в небывалых прежде масштабах, что крайне встревожило правительство, парламент и президента. На своей пресс-конференции в январе 2008 г. Г. Пырванов призвал к изменениям в избирательной системе страны, направленным на возвращение доверия болгарских избирателей к политической системе и партиям. По мнению президента, это доверие снизилось до критической точки, и доказательством тому стали выборы болгарских депутатов в Европарламент и выборы в органы местной власти. Для противодействия данной негативной тенденции, необходимы срочные изменения в целях утверждения мажоритарного начала в рамках смешанной избирательной системы. считает президент. «Люди желают выбирать личности, — сказал Пырванов. — Они все труднее соглашаются, прими-

ряются, если хотите, участвовать в выборе приевшихся или скомпрометировавших себя политиков, глубоко спрятавшихся в пропорциональных партийных бюллетенях»¹⁰⁶.

Местные выборы осени 2007 г. отразили серьезное смещение пластов в политической системе страны, поскольку внепарламентская правоцентристская партия ГЕРБ заняла второе место в национальном масштабе и одержала победу в двух самых крупных городах Болгарии — Софии и Пловдиве. При этом ГЕРБ собрал много голосов и правых избирателей, и центристов. Некоторые, однако, полагают, что ГЕРБ все еще не является настоящей партией, имеет свои противоречия и на следующих выборах может даже потерпеть поражение. Утверждение новой партии в ходе голосования в местные органы власти — явление необычное. До этого времени взлет той или иной партии происходил во время парламентских выборов. Общий итог двух туров выборов показал, что на политической арене Болгарии есть две крупные партии, пользующиеся доверием — старая, но ставшая уже левоцентристской БСП и новая правоцентристская формация ГЕРБ. При этом выборы свидетельствовали о смещении политических предпочтений от социалистов к партии Б.Борисова. Они также показали, что Болгария в начале XXI века — это пусть несовершенная и нестабильная, но бесспорная демократия.

* * *

С начала 90-х годов Болгария переживала системную трансформацию, охватившую все сферы: политическое и экономическое устройство, внешнеполитическую ориентацию, культурную политику, социальные отношения. Это происходило в условиях отсутствия опыта и средств для структурного обновления, без традиций в области рыночной экономики, но зато с сильно выраженными потребительскими настроениями в обществе и с живучей убежденностью в том, что болгарское государство должно оставаться социальным. Переходный период начался с надежды, и несколько лет в общественном сознании большинства болгар господствовала иллюзия, что он непременно восстановит историческую, экономическую, социальную и прочую справедливость. Вместо этого они столкнулись с невиданным социальным расслоением, падением жизненного уровня, взрывом преступности, отсутствием правосудия и социальной защиты.

К резкому переходу от протекционистской, централизованной экономики к неолиберальному ее типу с открытостью международному рынку, к тому же в условиях глобализации, Болгария просто не была готова. И если сама трансформация не имела альтернативы, то методы ее осуществления, вероятно, могли быть иными. Отсутствие четкой концепции реформ и многочисленные ошибки при их проведении имели своим результатом замедление экономического оживления и устойчивого роста. В результате на долгий период была отодвинута важнейшая цель переман — улучшение качества жизни болгарского населения.

Историки и политики, а главное — сам болгарский народ единодушны в том, что за трансформацию в Болгарии уплачена очень высокая социальная цена. Ее основные индикаторы — бедность и безработица. За короткий в историческом плане срок социальное расслоение населения приобрело уродливые формы, явившись результатом искажений в ходе приватизации госсобственности, следствием разорения банков, теневого бизнеса, контрабанды, преступности. В силу этого баланс достигнутого за переходный период пока нельзя назвать однозначно положительным, особенно в экономической и социальной сферах.

По сравнению с другими постсоциалистическими странами Болгария пережила более глубокий и трансформационный спад. Существенно отставая от своих соседей по региону по темпам экономических реформ, страна дольше находилась в состоянии социально-экономической трансформации (которая, судя по всему, не закончена до сих пор). Длительное пребывание в таком режиме ожидания не вполне благоприятно сказывалось на социальном климате в стране, сохраняло перманентную общественную напряженность и не способствовало устойчивому развитию экономики.

После 17 лет перехода к демократии и рынку с его трудностями и вызовами, испробовав в управлении различные политические силы и их комбинации, пережив очередные надежды и разочарования, Болгария, наконец, заняла достойное место среди других государств континента, вступив в Европейский Союз в надежде, что он «подтянет» ее до своего уровня. Теперь Болгарии предстоит решить новые задачи в условиях глобализации — преодоление бедности, модернизацию страны, достижение европейских показателей развития, сохранение своей идентичности, построение демократического правового государства и гражданского общества, которые пока еще находятся в стадии становления.

Примечания

¹ См., напр., *Райчев А., Стойчев К.* Какво се случи? Разказ за прехода в България 1989—2004. София, 2004. С. 111—117.

² «Атака», 2005, 1 декември.

³ <http://www.president.bg/news.php?id=1707&st=700>.

⁴ См.: *Желев Ж.* В голямата политика. София, 1998. С. 134—138.

⁵ «Демокрация», 1991, 22 октомври.

⁶ См.: *Димитров Ф.* Митовете на българския преход. София, 2003. С. 48—49.

⁷ Там же. С. 46.

⁸ ТКЗХ — трудовые кооперативные сельскохозяйственные хозяйства, созданные по подобию советских колхозов.

⁹ Mittel- und Osteuropa auf dem Weg in die Europäische Union. Gütersloh. 1994. S. 49.

¹⁰ *Симеонов П.* Голямата промяна. 10. XI. 1989 — 10. VI. 1990. Опит за документ. София, 1996. С. 610.

¹¹ См.: *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи 1939—2005. София, 2006. С. 290.

¹² Политическите елити в Централной и Восточной Европе. М., 1998. С. 107.

¹³ См.: *Спасов М.* Историята на СДС. 1993—1997. София, 2004. С. 80—81.

¹⁴ «Ново време», 1994, кн. 6, с. 83—98.

¹⁵ *Кеворкян К.* Разговори със Симеон Втори. София, 1990; Симеон II. Завръщането. София, 2001.

¹⁶ См.: *Шабунина В. И.* Социально-экономическая трансформация Болгарии // Обществени науки и современность. 1995, № 4. С. 38—39.

¹⁷ Там же. С. 39.

¹⁸ См., напр. *Чакъров К.* От втория етаж към нашествието на демократите. София, 2001. С. 296; *Димитров Ф.* Митовете на българския преход... С. 60—61.

¹⁹ Правителствена програма за 1995—1999 година. София, 1995.

²⁰ См.: *Баева И.* БСП пред предизвикателствата на управлението // «Ново време», 2005, № 12. С. 11—28.

²¹ См.: *Венедиков Й.* Преходът — от комунизъм към посткомунизъм. Хронология на промяната. София, 2000. С. 19.

²² Там же. С. 26.

²³ См.: Левый поворот и левые партии в странах Центральной и Восточной Европы. М., 1998. С. 47—48; Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 440.

²⁴ Подробное о правлении кабинета Ж. Виденова см.: *Баева И.* Участието на БСП в управлението — трудна равностетка // «Ново време», 1997, № 2—3. С. 13—18; *Она же.* Отношението на БСП към властта в години на прехода // «Ново време», 2000, № 12. С. 41—57.

²⁵ «Эхо планеты», 1997, № 40. С. 19.

²⁶ *Димитров И.* Един добре камуфлиран държавен преврат. Хроника на токушо отминали събития. София, 1997. С. 43.

²⁷ Там же. С. 47.

²⁸ «Труд» (София), 1997, 23 апрел.

²⁹ См. *Зудинов Ю. Ф.* Посткоммунистическая Болгария: поиски места в современном мире // Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. М., 2000. С. 127.

³⁰ «Труд» (София), 1997, 22 апрел.

³¹ «Труд» (София), 2000, 6 май.

³² Подробнее см.: *Светлорусова Л. М.* Евросоюз и НАТО — новые ориентиры Болгарии. (Аналитический обзор) // Балканские страны и международные организации: модели отношений на примере Болгарии, Румынии и Югославии. М., 2000. С. 116—121.

³³ См. *Койчев Н.* Трансформация в Болгарии: результаты, ошибки, перспективы // Проблемы теории и практики управления. 2001, № 4. С. 28—34; http://assemirov.hit.bg/I_kniga_pristrasten_nabljudatel.

³⁴ См. *Березина М. П., Наумов С. Е.* Политика валютного управления в Болгарии // Финансы зарубежных стран. 2000, № 7. С. 59.

³⁵ *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи... С. 487.

³⁶ См.: Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 442.

³⁷ *Шабункина В.* Болгария накануне вступления в Евросоюз // «Свободная мысль — XXI», 2005, № 10. С. 171.

³⁸ В Болгарии принято несколько отличающееся от русского написание названия династии — Саксбургготски. Из болгарской литературы это написание проникло в российскую журналистику и некоторые научные статьи.

³⁹ «Труд» (София), 2001, 6 юни.

⁴⁰ «Независимая газета», 2001, 20 февраля; Василев Н. Битката за България: последното десетилетие на XX век. София, 2001. С. 257.

⁴¹ *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи... С. 335.

⁴² «Независимая газета», 2001, 23 августа.

⁴³ «Независимая газета», 2001, 20 ноября.

⁴⁴ *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи... С. 342.

⁴⁵ Сергей Станишев родился на Украине (его мать — украинка), до 1996 года имел советское, а затем российское гражданство. Окончил Исторический факультет МГУ, спустя 5 лет защитил кандидатскую диссертацию на тему «Система служебного повышения высших гражданских чинов России и ее эволюция во второй половине 19 века». В 1988 г. проходил специализацию в Московской школе политических исследований, а в 1999—2000 гг. — в Лондонской школе экономики и политических наук, где защитил научное исследование на тему «Современная внешняя политика России». В Болгарии несколько лет работал как свободный журналист, а затем — в структурах Высшего совета БСП.

⁴⁶ *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи... С. 344.

⁴⁷ Там же. С. 351.

⁴⁸ Страны Центральной и Восточной Европы в период подготовки к вступлению и в первые годы членства в Европейском Союзе (2000—2005). М., 2006. С. 41.

⁴⁹ См.: Страны Центральной и Восточной Европы в 2003 году: результаты социально-экономического и политического развития. М., 2004. С. 28.

⁵⁰ Подробнее о проблемах развития болгарской экономики и социальной сферы см. разделы по Болгарии в кн.: Страны Центральной и Восточной Европы в 2003 году...; Страны Центральной и Восточной Европы в период подготовки...

⁵¹ См.: Страны Центральной и Восточной Европы в период подготовки... С. 57.

⁵² *Райчев А., Стойчев К.* Какво се случи? Разказ за прехода в България... С. 189.

⁵³ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Bulgaria_Sveta/Material/bg_usa_030108.htm.

⁵⁴ См.: Страны Центральной и Восточной Европы в период подготовки... С. 41.

⁵⁵ «Пульс планеты. ИТАР-ТАСС». 2001, 4 декабря.

⁵⁶ «Независимая газета», 2003, 3 марта.

⁵⁷ <http://www.capital.bg/show.php?storyid=449597>.

⁵⁸ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Ikonomika/Material/bg_rus_150108.htm.

⁵⁹ «Сегодня», 2008, 21 января; «Коммерсантъ», 2008, 19 января; <http://www.vesti.ru/doc.html?id=157465&tid=52733>.

⁶⁰ «Российская газета», 2007, 8 февраля.

⁶¹ См.: Страны Центральной и Восточной Европы в период подготовки... С. 59.

⁶² Подробнее об экономических отношениях Болгарии с Россией см.: Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2004—2005 гг. М., 2006. С. 11—32.

⁶³ Там же. С. 26.

⁶⁴ Там же. С. 25—27.

⁶⁵ <http://www.parlament.bg> от 17 июля 2005.

⁶⁶ «Нова зора», 2006, 26 септември.

⁶⁷ <http://www.ataka.bg/index.php?option>.

⁶⁸ «Русский Newsweek», 01.08—07.08. 2005.

⁶⁹ <http://www.ataka.bg/index.php?option>.

⁷⁰ «Дума», 2006, 20 септември.

⁷¹ «Независимая газета», 2003, 8 июля.

⁷² Евроинтеграция Болгарии: проблемы и перспективы. София, 2005. С. 106—107.

⁷³ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Bulgaria_Europa/Material/eu_bg_071107.htm.

⁷⁴ См.: *Писарев П.* Болгария пред вратите на рая // «Ново време», 2006, № 10. С. 10.

⁷⁵ Там же. С. 8.

⁷⁶ См.: *Мандева М.* Европейско бъдеще на България — очакване и реалност // «Ново време», 2006, № 12. С. 39.

⁷⁷ Пример Ирландии, приводившийся в Болгарии столь часто, показывает, что ей потребовалось почти 30 лет со времени ее приема в Евросоюз в 1973 г., прежде чем она достигла сегодняшнего процветания.

⁷⁸ *Премьер С.* Станишев в ответе западным журналистам, опасавшимся чрезмерного притока болгарских рабочих рук на западный рынок труда, сказал: «Люди, которые действительно хотят работать в странах - старых членах ЕС, это уже делают». См. «Труд» (София), 2006, 7 септември.

⁷⁹ *Писарев П.* Болгария пред вратите на рая... С. 14.

⁸⁰ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/news/b-6-231006.htm.

⁸¹ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Bulgaria_Europa/Material/eu_bg_071107.htm.

⁸² http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Bulgaria_EU/Material/forum_211107.htm.

⁸³ Впрочем, в конце декабря 2007 г. МВФ впервые предупредил, что болгарской экономике грозит глобальный кризис финансовых рынков. Это ставит под сомнение реальность официальных данных об экономическом росте. — «Дневник», 2007, 20 декабря.

⁸⁴ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Bulgaria_Europa/Material/provo_131107.htm.

⁸⁵ <http://www.mediapool.bg> за 7 декабря 2007.

⁸⁶ http://news.ibox.bg/columnist/id_1175628417.

⁸⁷ <http://www.mediapool.bg> за 24 ноября 2007.

⁸⁸ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Monitor/Material/doklad_190907.htm.

⁸⁹ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Ikonomika/Material/ikonomika_151207.htm.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Kak_Jiveem/Material/2610_korzina.htm.

⁹² http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Bulgaria_EU/Material/eubg_201207.htm.

⁹³ Ibid.

⁹⁴ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Ikonomika/Material/biznes_201207.htm.

⁹⁵ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Kak_Jiveem/Material/stachka_240907.htm.

⁹⁶ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Kak_Jiveem/Material/2610_zabastovka.htm.

⁹⁷ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Kak_Jiveem/Material/obrazovanie_071002.htm.

⁹⁸ <http://www.dnevnik.bg> за 24 октябрия 2007.

⁹⁹ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Monitor/Material/votumnedoveria_161007.htm.

¹⁰⁰ «Капитал», 2007, 12 октомври.

¹⁰¹ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Kak_Jiveem/Material/sta4ka_061107.htm.

¹⁰² http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Kak_Jiveem/Material/dohodi_240108.htm.

¹⁰³ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Monitor/Material/izbori_291007.htm.

¹⁰⁴ «Капитал», 2007, 29 октомври.

¹⁰⁵ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Monitor/Material/izbori_061107.htm.

¹⁰⁶ http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Monitor/Material/parvanov_280108.htm.

Глава II

Венгрия на старте демократических преобразований государственно-политической и экономической системы (1989—1994)

Переход от тоталитарных режимов к парламентской демократии стал на рубеже 80—90-х годов прошлого века актуальной и неотложной задачей для прогрессивных политических сил во всем обширном восточноевропейском регионе, взявших за осуществление такого судьбоносного исторического прорыва. Для них не существовало готовых рецептов, не доставало опыта в деле проведения таких коренных социально-политических и экономических преобразований, которые в итоге до основания потрясли существовавшую систему. Активные деятельные участники этих сложных процессов общественной демократизации, однако путем проб и ошибок в каждой из стран воспользовались представившейся возможностью для реализации поставленной задачи и решали ее по своему разумению и усмотрению. На путях перехода от диктаторских режимов к системе многопартийной парламентской демократии, безусловно, встречались немалые трудности, возникали проблемы, требовавшие неотложного решения. Причем в каждой из стран обстановка требовала своеобразного подхода, учета конкретной обстановки, специфики национального и исторического момента.

Анализ этого круга вопросов, изучение реальных демократических преобразований, всего сложного трансформационного процесса на базе опыта каждой отдельной страны представляет несомненный интерес для историков современности. Историческая наука уже выявила основные способы, формы и пути перехода общества к демократии от *право-тоталитарных* политических режимов (Греция, Португалия), но еще остается в долгу с подробным описанием выхода общества из *лево-тоталитарного* состояния. Процессы, развернувшиеся в странах Центральной и Юго-Восточной Европы вслед за мирными и кровавыми революциями на рубеже 80—90-х годов XX века, ознаменовавшие собой переход от советского типа режимов к плюралистической демократии и рыночной экономике западноевропейского образца, предоставляют историку современности реальную возможность для исследования этого. Ведь страны

данного региона, каждая из них в отдельности, по своему решала задачи реального перехода к демократии, приобрела богатый и во многом бесценный опыт, анализ которого заслуживает всяческого внимания историков.

Автор настоящей главы на примере Венгрии решил проследить определяющие действия демократических сил, новой политической элиты страны, взявшихся по следам мирной политической революции 1989 г. за осуществление реальных демократических преобразований. Основное внимание уделяется при этом изменениям в расстановке политических сил, проблемам формирования парламента и его законотворческой деятельности, характеристике трудностей, анализу действий первого демократического правительства и реализации им проектов, радикально менявших формы, характер и содержание общественно-политического строя страны.

1. Основные предпосылки и процессы демократизации общественно-политического устройства (1989 и начало 1990 годов)

Венгрия, будучи страной, которая еще в условиях «реального социализма» выделялась в восточноевропейском регионе своим относительно либеральным кадаровским режимом, больше других была подготовлена к неизбежным преобразованиям конца 80-х годов прошлого века. В экономической сфере она имела определенный опыт реформ, реализация которых началась еще в 60-е годы и проходила с переменным успехом, обусловив внедрение некоторых элементов рыночного хозяйства и даже определенные «мелкие шаги» по модернизации политического устройства. Однако, несмотря на последующую активизацию и частичную плюрализацию общественно-политической жизни во второй половине 80-х годов, Венгрия, как и остальные страны социалистического ареала Европы, была охвачена в то время более углублявшимся кризисом не только экономического, но и системного характера. В венгерских условиях он проявлялся, прежде всего, в народнохозяйственном развитии (сокращение его темпов, бюджетный дефицит, значительная внешняя задолженность, снижение жизненного уровня населения и пр.), включая нараставшие проблемы сотрудничества в рамках СЭВ и вызывая растущую озабоченность среди венгерских специалистов и даже части правящей верхушки страны. Кризисные явления преломлялись в различных слоях венгерского общества, в опасную для властей гражданскую самодеятельность: стали возникать альтернативные и оппозиционные группы, создаваться различные организации и общественно-политические объединения и дви-

жения¹, участники которых открыто выражали свою озабоченность сложившейся в стране ситуацией, поднимали неприятные для руководства проблемы, затрагивавшие основы партийно-государственного устройства (в частности, связанные с событиями 1956 г., легитимностью власти коммунистов и социалистической системы в целом), выдвигали требования по всесторонней демократизации этого устройства.

Одним словом, альтернативные и оппозиционные общественно-политические новообразования, возникшие и окрепшие на протяжении 1987—1989 гг., стали реальной политической силой, не считавшейся с которой уже не могла правящая Венгерская социалистическая рабочая партия (ВСРП). Ее представители вынуждены были реагировать на настроения в обществе, в том числе признать революционный характер массового народного выступления в октябре 1956 г., что фактически лишило венгерских коммунистов легитимности. Затем весной 1989 г. руководству ВСРП в интересах активного противодействия нарастающим кризисным тенденциям впервые за послевоенные десятилетия пришлось пойти на продолжительные переговоры с представителями альтернативных и оппозиционных движений и организаций с тем, чтобы, обсудив с ними в рамках Национального Круглого стола (НКС) животрепещущие проблемы развития страны, совместными усилиями найти выход из сложившегося положения.

Проведенные в Венгрии с весны до начала осени 1989 г. переговоры «круглого стола» с участием различных оппозиционных политических сил, вошли в историю современности как «мирная переговорная революция»². В рамках НКС была достигнута договоренность между ВСРП и политической оппозицией об условиях осуществления *мирного перехода* к плюралистической парламентской демократии. Принятые на НКС решения явились принципиальной основой для проведения первых после сорокалетнего периода коммунистического единовластия демократических выборов, открывших путь к последующему развертыванию процессов общественно-политической и социально-экономической трансформации на принципах парламентской многопартийности и рыночного хозяйства.

Парламент еще прежнего (1985 г.) созыва в октябре 1989 г. утвердил принципиальные *поправки*, предложенные НКС к тексту Конституции, приняв новый закон XXXI/1989. Измененная Конституция в редакции 1989 г. формально оставалась при этом модификацией Основного закона 1949 года, однако по сути уже с совершенно другим нормативным содержанием. В ней были закреплены принципы парламентской республики,

независимого демократического правового государства, разделения властей, многопартийности, прав человека. Участники процесса конституционного законодательства порвали таким образом с подражанием советской конституции и вернулись к идеям, традициям европейских конституций, проявляя интерес к институтам современного правового государства. Такой подход позволил, с одной стороны, исключить из Основного закона страны также те положения, которые были внесены в его текст в 1972 г. (в частности, о руководящей роли марксистско-ленинской партии), а с другой — обогатить текст рядом новых принципиальных положений (о Конституционном суде, гражданских правах и пр.), коренным образом менявших характер всей политической структуры Венгрии.

Конституционные поправки, сформулированные в непростых условиях продолжительного согласования их содержания в рамках НКС между представителями ВСРП и антикоммунистической оппозиции, затем принятые Государственным собранием, явились существенной ревизией Конституции ВНР. Формально, а отчасти и в структурном отношении, они сохраняли основную канву конституционного закона 1949 г., хотя на деле за его внешней оболочкой скрывалось уже совершенно иное нормативное содержание. Новый вариант Основного закона базировался на современных конституционных ценностях, и в нем почти ничего не оставалось от первоначального текста венгерской Конституции 1972 г., некогда самой либеральной в социалистическом регионе.

Учитывая, что принятые в переходных условиях конституционные поправки, демократизация Основного закона стали особенно важной опорной базой для всех дальнейших кардинальных преобразований в государственно-политической сфере, что на этих поправках основывались все прочие трансформационные процессы в экономике и социальной жизни Венгрии, на них целесообразно специально остановиться.

В обновленной Конституции число параграфов осталось прежним, а количество глав выросло с 10 до 15. Старое название гл. I «Общественный строй ВНР» было изменено на «Общие положения», а государство официально стало именоваться «Венгерской Республикой», в которой вся власть принадлежит народу и реализуется через избираемых представителей, а также непосредственно (§ 1, 2)³. В первом разделе Конституции определялись место, права и компетенции политических партий и других общественных организаций, участвующих в выражении воли народа. При этом, отменяя прежнюю практику социалистической эпохи, здесь указывалось, что партии «не могут непосредственно осуществлять государственно-административную власть», ни одна из них «не может управ-

лять никаким государственным органом»(гл. I, § 3, ч. 3). В первой главе закреплялось положение о приверженности правовой системы ВР общепринятым нормам международного права, неприкосновенным и неотъемлемым основным правам человека (§ 7 и 8). Совершенно новым конституционным положением стало ответственность ВР «за судьбы венгров, живущих за ее пределами» и за поддержку ими связей с родиной. Это вытекало из такой ситуации, когда каждый третий этнический венгр (в общей сложности более 3 млн. человек) в результате территориальных переделов в XX веке оказался оторванным от Венгрии новыми границами государства и живет за ее пределами в составе сопредельных государств. В Конституции появилось также новое положение *о гарантиях собственности*, о том, что «экономика Венгрии является рыночной, публичная собственность и частная собственность равноправны и пользуются равной защитой» (гл. I, § 9, ч. 1).

Введение ряда новых глав — «Президент Республики», «Конституционный суд», «Уполномоченный Государственного собрания по гражданским правам и по правам национальных и этнических меньшинств», «Государственная Счетная палата и Венгерский Национальный банк» — свидетельствовало о создании особо важных для меняющихся условий институтов власти. За переименованием части глав Конституции скрывалось наполнение их современным содержанием. Так, «Совет Министров» (гл. III) стал именоваться «Правительством»(гл. VI), а «Местные Советы» (гл. IV) — «Местным самоуправлением» (гл. IX), что в равной мере выражало это современное содержание.

Обновленная Конституция (ее XII глава) содержала несравненно более широкую гамму *гражданских прав и свобод*, чем прежняя, причем отмечалось, что они не могут быть ограничены или приостановлены даже в случае чрезвычайной ситуации. Среди новых конституционных прав и свобод, не присутствовавших ранее в конституции, появились такие, как: право на человеческое достоинство, запрещение пыток; право на независимый и беспристрастный суд, на справедливый и публичный процесс; свобода передвижения и выбора места жительства; право на свободное выражение своего мнения; запрет монополии на информацию; право получать и распространять информацию, представляющую общественный интерес; право на мирные собрания и объединения; защита национальных и этнических меньшинств и их право на участие в общественной жизни, на пользование родным языком и обучение на нем; право вернуться на родину; право на забастовки и пр.

Государственное собрание (парламент) ВР, избираемое на четыре года, в соответствии с обновленной Конституцией провозглашалось высшим органом власти в стране и народного представительства с весьма широкими правами, вытекающими из суверенитета нации. Его полномочия, — наряду с принятием законов, определением основного направления развития страны, утверждением государственного бюджета и программы правительства, решением проблем войны и мира, использованием вооруженных сил, заключения международных договоров, — распространялись также на избрание президента республики, премьер-министра, членов Конституционного суда, председателя Счетной палаты и его заместителей, председателя Верховного суда и генерального прокурора, на определение круга их полномочий (гл. II, § 19).

Конституцией определялись функции будущего *главы государства*, коим снова, как и в 1946 г., должен был стать *президент ВР*, правда, с несколько более широкими полномочиями и компетенциями чем тогда. Наряду с тем, что президент олицетворяет единство нации и стоит на страже демократической деятельности властных структур, он представляет государство, от имени Республики заключает международные договоры, назначает и принимает послов, определяет время проведения парламентских и муниципальных выборов. Президент обладает законодательной инициативой, подписывает законы и обеспечивает их публикацию в течении 15 дней после принятия парламентом. В случае своего несогласия с ними, либо с каким-то положением закона, он возвращает их для повторного рассмотрения. В случае неконституционности закона или его отдельных положений он направляет его в Конституционный суд, после чего однако обязан его опубликовать (гл. II, § 26). Президент ВР является также членом Совета обороны и верховным главнокомандующим вооруженными силами.

В Венгерской Республике согласно новой редакции Конституции устанавливалось *парламентское правление*, при котором ответственное перед Государственным собранием *правительство* имеет широкие компетенции для выполнения функций исполнительной власти. Премьер-министр правительства, избираемый парламентом по предложению президента страны, был наделен широкими полномочиями почти канцлерского уровня. Все эти изменения и положения обновленной Конституции служили основой для осуществления реальных демократических преобразований, открывали ближайшую перспективу для кардинальных общественно-политических перемен. Но реализовать конституционные

положения, претворить в жизнь те задачи, которые были согласованы и намечены решением НКС, т. е. провести конкретные преобразования всей политической структуры, экономической и социальной сферы уже предстояло прежде всего будущему, демократически избираемому парламенту и первому правительству посткоммунистической эпохи.

Конституция в ее новой редакции была опубликована 23 октября 1989 г. Эта дата — годовщина начала венгерской революции 1956 г. — и стала днем рождения новой Венгерской Республики (ВР), образование которой на пл. Л. Кошута в Будапеште провозгласил председатель Государственного собрания Матяш Сюреш, ставший с того дня *временным президентом* Республики.

Старое Государственное собрание 21 декабря 1989 г. заявило о самороспуске, а временный президент назначил новые парламентские выборы на 25 марта 1990 г. Следует отметить, что немедленного роспуска прежнего парламента в интересах сохранения управляемости государства и утверждения важнейших законов переходного периода реально не произошло и он продолжал работать до 16 марта 1990 г. Назначение же даты новых выборов в Государственное собрание ВР положило начало соперничеству политических партий и по сути явилось стартом для новой избирательной кампании.

Парламент прежнего созыва, завершив модификацию Конституции, принял также отдельный закон *о Конституционном суде (КС)*, о его создании, структуре и задачах. В положении об этом новом верховном органе власти, состоящем из избираемых парламентом на 9-летний срок 15 конституционных судей, определялись его место и статус в системе разделения властей, контактов с парламентом, президентом и правительством (гл. IV). Конституционный суд стал самостоятельным фактором политической сферы, одной из ветвей власти, частью системы «сдержек и противовесов» во взаимоотношениях парламента и правительства. Главной задачей КС провозглашалась защита Конституции, контроль за конституционностью правовых актов практически всех уровней и ветвей власти (в случае их неконституционности ему дано право отменить любой закон или нормативный акт), его компетенция распространялась и на толкование законов. Конституционный суд получил таким образом весьма широкие полномочия в деле защиты Конституции и законности. Он приступил к выполнению своих обязанностей с 1 января 1990 г. сначала в составе 5 конституционных судей (позже их численность была увеличена до 15).

В качестве продолжения конституционного строительства в соответствии со ст. 6 Основного закона была возрождена старая венгерская традиция — учреждена Счетная палата. В дальнейшем в порядке укрепления венгерской государственности парламент принял также ряд других законов, связанных с отпращиванием властных и управленческих функций.

Сам факт принятия Конституции в редакции 1989 г уже свидетельствовал о принципиально новом выборе для развития страны, о крутом политическом повороте и необходимости предстоящего коренного переустройства всего государственно-правового строя демократизирующейся Венгрии. Правда, ввиду компромиссного содержания отдельных положений обновленной Конституции, она характеризовалась определенной незавершенностью, недосказанностью в некоторых вопросах, решение которых — с взаимного согласия политических партий, участвовавших в НКС, — было отложено на потом. Не удивительно, что в дальнейшем, в условиях реальной трансформации Венгрии в демократическое правовое государство, эти не до конца проясненные вопросы продолжали вызывать правовые дискуссии между представителями отдельных политических сил страны. О незавершенности конституционного строительства свидетельствовал тогда, в частности, ряд проблем, оставшихся в сфере юриспруденции, в области взаимоотношений между центральной исполнительной властью и системой муниципального самоуправления и пр.

Хотя еще на завершающем этапе работы Национального Круглого стола участники этого уникального форума политических сил, исходя из интересов сохранения стабильности в стране, считали желательным избрать президента ВР перед проведением новых парламентских выборов (а они, как говорилось, были намечены на весну 1990 г.), договаривающиеся стороны не могли прийти к согласию в вопросе о способах избирания президента — всенародным голосованием либо парламентом. В результате, в проект Конституции поэтому был включен компромиссный вариант. С одной стороны, основным обозначалась целесообразность избрания президента парламентом, но с другой, — учитывая исключительность ситуации, переходное состояние страны к демократии, — допускался вариант его прямого народного выбора на четыре года, т. е. прямым и тайным голосованием (подробные правила непосредственного избрания президента гражданами были изложены в законе XXX/1989). Тогда еще предполагалось осуществить именно этот последний вариант 7 января 1990 г.

Здесь следует отметить, однако, что если основная часть венгерских политических партий была готова принять вариант избрания главы государства общенародным голосованием, то две наиболее радикальные оппозиционные, либерального толка партии — ССД и Фидес — категорически воспротивились этому. Они заговорили о попытке коммунистов таким способом спасти старый режим и о том, что в таком случае «не будет возможности контролировать президентскую власть». По этой мотивации и был ими отвергнут вариант избрания президента всенародным голосованием; на деле же эти партии хорошо осознавали, что в случае проведения выборов таким способом, венгры проголосуют за весьма популярного на том этапе кандидата в президенты Имре Пожгаи (ВСП), который многим запомнился своими демократическими позициями, заявлениями и предложением о переоценке т. н. контрреволюционных событий октября 1956 г. в народное восстание и последовательно ратовал за реформирование существовавшей политической системы. Упомянутые две партии развернули поэтому активную кампанию и добились проведения референдума по данному вопросу, после чего было решено проводить выборы будущего главы государства не до, а после парламентских выборов. Результаты референдума о характере и времени выборов президента ВР заставили Государственное собрание отменить свое прежнее решение о проведении выборов президента 7 января 1990 г. и заявить о том, что до парламентских выборов президента избирать не будут.

Принятые парламентом принципиальные правовые документы, — среди которых, безусловно, основное место занимали поправки внесенные в Конституцию страны (подготовленные еще в рамках НКС и утвержденные старым, уже по сути завершающим свою работу парламентом, который дал «зеленый свет» реформе государственно-политического устройства на демократических принципах), — позволили провести в Венгрии весной 1990 г. общенародные выборы в парламент на многопартийной основе.

2. Парламентские выборы и расстановка политических сил в новом Государственном собрании ВР (весна 1990 г.)

Выборы нового Государственного собрания (парламента) в Венгрии намечалось провести с участием всех политических сил на принципах плюралистической демократии. Следует отметить, что уже в январе 1990 г., т. е. до начала парламентских выборов, в Венгрии (не считая прочие общественные организации) было зарегистрировано в общей сложности 65 политических партий⁴, и они при выполнении нормативных формаль-

ностей и в полном соответствии необходимым критериям все могли участвовать в избирательной кампании. Правда, далеко не все партии решились на это, поскольку закон о выборах ставил перед ними определенные требования, которые для многих, еще недостаточно окрепших на политической арене, представлялись пока невыполнимыми. К ним, в частности, относились система рекомендаций, требования к составлению партийных списков и пр., не говоря уже об установленном пороге проходимости в парламент, который составлял определенные избиркомом 4 процента голосов избирателей. Чтобы получить более наглядное представление об этих реальных трудностях прохождения в первый демократически избираемый народом парламент страны, отметим, что для выдвижения своей кандидатуры в депутаты весной 1990 г. претенденту требовалось получить письменные рекомендации от 750 избирателей. Законом об избирательном праве в интересах лучшей управляемости государства заранее учитывалась также необходимость ограничения числа политических партий, способных пройти в однопалатный парламент. По этой причине и был установлен названный порог проходимости.

К числу других ограничений принадлежало также право на составление партиями своего *территориального* списка. Такое право получала лишь та партия, которая сумела выдвинуть в четвертой части всех избирательных округов своего кандидата. Для составления же *республиканского* списка от партий требовалось иметь хотя бы 7 территориальных списков. Эти требования сразу же автоматически приводили к отсеву части менее влиятельных политических организаций. И тем не менее в избирательном списке даже при этом оставалось немало партий, участвовавших в выборах. Из зарегистрированных 65 партий только 28 из них удалось тогда собрать и представить в избирком письменные рекомендации требуемой части избирателей (т. е. минимумы для каждого отдельного кандидата). Республиканские же списки сумели при этом составить лишь 12 партий, а из них 4%-ный порог преодолели всего 6 партий.

Выборы в Государственное собрание Венгрии проводились по этим новым избирательным принципам и критериям. Забегая вперед, отметим, что результаты уже этих, впервые проведенных в регионе *полностью свободных парламентских выборов на многопартийной основе*, привели к формированию не просто первого после 40-летнего коммунистического единовластия целиком демократического парламента, но сразу же и к образованию такого правительства, в котором — и опять таки, впервые в регионе — бывшая партия коммунистов (или посткоммунистов) уже не была представлена. При этом именно данному правительству

Венгрии и выпало на долю выполнение весьма ответственной исторической задачи — приступить к развертыванию процесса общей демократизации страны с одновременным внесением конкретных изменений в реальное функционирование государственно-правового механизма, т. е. не только провести предусмотренные договоренностями «переговорной революции» НКС основные меры демократизации общественной жизни, получившие одобрение еще прежнего парламента, но реализовать ряд *коренных политических, экономических и социальных проектов*, меняющих характер и режима отправления властных функций, и социалистической системы.

Парламентские выборы в Венгрии было намечено провести весной 1990 г. Они прошли в два тура (25 марта и 8 апреля) на основе нового и, как отмечалось, принятого еще прежним парламентом избирательного закона 1989 г. Этот закон *о выборах* поделил страну на 176 индивидуальных и 20 областных (19 комитатских и один столичный) избирательных округов. Состав нового Государственного собрания ВР в соответствии с законом предусматривалось избрать по комбинированной, довольно сложной смешанной системе общей численностью 386 депутатов. При этом 176 депутатов могли получить свой персональный мандат от индивидуальных округов, 152 депутата из различных комитатов (областей) проходили в парламент по территориальным партийным спискам (один только Будапешт, с большим числом избирателей, давал 28 территориальных мандатов). Судьба же остальных 58 депутатских мандатов решалась на выборах по так называемому республиканскому списку (эти мандаты распределялись между различными партиями по весьма сложной системе на основании остаточных голосов таким образом, что суммировались отданные за них те голоса, которые по различным областям не давали им право на получение одного целого мандата)⁵. Такая сложная, смешанная система выборов (как считают венгерские специалисты, подобная существует в Европе лишь в Швейцарии и Ирландии) по отдельным избирательным округам и по партийным спискам в условиях многопартийности была призвана обеспечить пропорциональное представительство и предотвратить распыление депутатских мандатов среди множества мелких партий.

Учитывая, что в Венгрии, — как, впрочем, и в большинстве стран Европы, — участие в выборах согласно закону об избирательном праве ВР является не обязанностью гражданина, а его правом, то, не вдаваясь на сей раз в анализ причин этого явления, лишь отметим, что в отличие от эпохи социализма с высокими процентами явки избирателей в первом

туре первых же демократических выборов в голосовании приняло участие всего 63% имеющих право голоса граждан страны, а во втором и того меньше — 46 %⁶.

Уже в ходе развернувшейся избирательной кампании стало очевидным, что причиной уступчивости представителей официальной партийной власти силам оппозиции, как и последующего краха коммунистического режима в ВНР, стало, прежде всего, углублявшееся *кризисное состояние экономики* страны. По сути именно оно было решающим фактором, приведшим к кризису и во властных коридорах, как, впрочем, и всей системы советского типа в странах региона. И хотя анализ экономического фактора, поиска путей выхода из сложившейся народно-хозяйственной ситуации в рамках НКС так и не стал основным вопросом обсуждения, а на передний план выдвинулись проблемы государственного переустройства и перспективы демократизации общественно-политической жизни, уже в условиях предвыборной борьбы мало у кого оставалось сомнений в том, что прежний режим обречен. Поэтому не удивительно, что основным вопросом, стоявшим в центре избирательной кампании рубежа 1989—1990 гг. становилось уже не то, что произойдет ли замена старой власти новой, а то, каков будет ее характер. Внешне казалось, что среди оппозиционных партий в данном вопросе существует какое-то единство мнений, однако на самом деле между ними имели место определенные оттеночные различия, в зависимости от того, какова была идейно-политическая ориентации каждой из них.

Среди соперничавших между собой политических сил на выборах 1990 г., могущих реально претендовать на участие в законодательной и исполнительной власти новой Венгрии, были представлены самые широкие, но при этом различные в идейном и политическом отношении партии, хотя в целом их все же можно сгруппировать по трем основным направлениям.

Одни на *право-центристском фланге* политического спектра ратовали за единство народно-национальных, христианско-демократических и либеральных ценностей (Венгерский демократический форум — ВДФ), с примыкающими к ним чисто христианскими демократами (Христианско-демократическая народная партия — ХДНП), а также представителями традиционно крестьянских ценностей и устремлений, требовавших проведения новой земельной реформы (Независимая партия мелких хозяев — НПМХ); другие преследовали *либеральные* цели (право-радикальные либерально-демократические, как Союз свободных демократов — ССД, либо стремившихся к либеральной, но при этом все же прагматической

политике с рационально-консервативным уклоном в лице Союза молодых демократов — *Фидес*); третьи находились на *левом фланге* политического спектра и выступали с лево-центристскими социал-демократическими (Социал-демократическая партия Венгрии — *СДПВ*), коммунистическими (Венгерская социалистическая рабочая партия — *ВСПР*) либо уже некоммунистическими, но в целом социалистическими идеями, представленными реформированной наследницей бывшей правящей партии с новым названием (Венгерская социалистическая партия — *ВСП*).

Судить о реальных симпатиях венгерского электората к тем или иным идейно-политическим течениям и партиям можно было однако только после первого тура парламентских выборов. Выборы сразу же четко показали явные предпочтения избирателей, преимущества *двух главных оппозиционных партий* (ВДФ и ССД), как и резкое отставание от них возрожденной, но не оправдавшей ожидания самой крупной крестьянской партии 40-х годов XX века (НПМХ), а также сильное разочарование избирателей левыми политическими силами, включая реформированную партию-наследницу бывшей «государственной партии» в бывшем «партийном государстве» — ВСП. Характерно, что даже такие самые популярные реформистского толка руководящие деятели этой партии, как Имре Пожгаи, Дьюла Хорн или М. Сюреш, оказались в проигрыше и уступили кандидатам от оппозиционных партий. Уже итоги первого тура показали *отсутствие шансов для ВСП оставаться правительственной партией* — главной силой исполнительной власти. Вместе с тем результаты этого тура свидетельствовали о вероятности того, что будущее правительство страны станет коалиционным. Осознание этого, в свою очередь, направило внимание участвующих в выборах руководителей политических партий на поиски потенциальных союзников.

Председатель ВДФ Йозеф Анталл (1932—1993), партия которого уже после первого тура выборов стала лидирующей, еще в начале избирательной кампании заявил о том, что если Венгерский демократический форум не сможет самостоятельно претендовать на формирование правительства, то в качестве коалиционных партнеров, союзников для своей партии будет рассчитывать лишь на наиболее близкие ей по духу политические силы. Из числа возможных претендентов в союзники Анталл тогда исключал лишь одну ВСП. Коалиционное партнерство с другой основной оппозиционной силой, с ССД, он допускал однако только в исключительном случае. Наиболее вероятными потенциальными союзниками в промежутке между двумя турами выборов им были определены ХДНП и НПМХ. Более того, с ними были начаты даже переговоры

о взаимной поддержке друг друга. В идейно-политическом отношении эти две партии в равной мере подходили для ВДФ, и уже тогда становилось вполне очевидным, что набираемые этими партиями голоса избирателей будут достаточны для того, чтобы совместно подумать о перспективах, о возможном формировании будущей правящей коалиции с тем, чтобы затем общими усилиями провести демократические преобразования в стране.

Оказавшиеся на втором месте с 21,40 процентами голосов избирателей *радикальные либералы* (ССД) рассчитывавшие на свои тесные связи с определенными кругами на Западе и пользовавшиеся их разносторонней поддержкой, также надеялись во втором туре выборов выйти в победители (полагаясь при этом на содействие Фидеса) стать правящей партией. Они, в отличие от ВДФ, по инерции продолжали делать основную ставку на ярый и шумный антикоммунизм, не желая замечать, что этот их политический соперник из лагеря бывших коммунистов фактически уже проиграл сражение. Ведь если ВСП (с 10,89% голосов), как показали результаты первого тура, оказалась лишь на четвертом месте и ее обогнала НПМХ (11,74%), это уже было явным показателем того, что радикальный антикоммунизм потерял свое функциональное значение, а тем более привлекательность.

С другой стороны, ССД, наряду с тем, что продолжал наносить основной удар по ВСП с радикально антикоммунистических позиций, развернул кампанию критики также против ВДФ, изобличая его руководителей в связях в прошлом с коммунистами-реформаторами (особенно с И. Пожгаи). Кроме того лидеры ССД, — видимо в явном расчете на голоса крайне правых элементов среди избирателей, — предметом своей критики в ходе избирательной кампании против ВДФ (т. е. бывшего союзника по Национальному Крутлому столу), попытались сделать предствления последнего о будущем общественно-политическом устройстве Венгрии и вопросы перехода к нему. При этом радикал-либералы заявили, что если на выборах победу одержит не ССД, если не они станут правительственной партией, то в стране вообще не будет демократии и система останется прежней. Они пытались внушить избирателям, что ВДФ, оказавшись правящей партией, осуществит лишь *смену политического режима*, тогда как в случае победы ССД, партия либералов — и только лишь она одна-единственная — может гарантировать *смену всей системы*. Такого рода пропагандистская война, объявленная либералами бывшему напарнику по оппозиции, не только надолго испортила отношения между ССД и ВДФ, привела к продолжительному противостоянию между ними, но

и снова разбудила тлеющий культурно-политический конфликт между основными силами «народников» (ВДФ) и «урбанистов» (ССД), что в конечном счете вряд ли прибавила популярности радикальным неолиберальным элементам в венгерском народе. Будучи второй либеральной партией, Фидес безуспешно пыталась убедить руководство ССД пойти на сближение с ВДФ и создать «большую коалицию» оппозиционных партий. Поскольку это не получилось, молодым демократам во главе с Виктором Орбаном приходилось упорно отстаивать свою идентичность и утверждать, что Фидес «не молодежная организация ССД»⁷. В результате они стали добиваться лишь одного: по голосам избирателей обогнать ВСП⁸. Фидес работал на перспективу.

Левый фланг политических сил Венгрии, над которым висел тяжелый груз нелегкого наследия истекшего 40-летнего правления режима коммунистической диктатуры и «развитого социализма», пришел к парламентским выборам в состоянии идейно-политического шатания и раскола. А это далеко не благоприятствовало партиям-наследницам ВСП. И хотя реформированное и преобразованное накануне в социалистическую партию основное ядро левых сил в лице ВСП порвало с коммунистическим прошлым и сумело мобилизоваться, выйти на парламентские выборы, найти себе надежных союзников новоявленным социалистам было весьма затруднительно, впрочем, как и соперничать с партиями оппозиции. Ведь ВСП, как законной наследницей бывшей кадаровской партии все политические силы, включая даже ее бывших союзниц на прошедших переговорах НКС, стремились пренебречь и пытались самостоятельно, отдельно от нее участвовать в избирательной кампании. По сути это было проявлением сурового, однако, на взгляд подавляющего большинства населения страны, справедливого суда со стороны общественного мнения.

Результаты второго тура выборов четко показали, какие политические партии и в какой мере заслужили поддержку венгерского народа. Подведенные *окончательные итоги парламентских выборов*, как известно, снова подтвердили внушительную победу основных партий бывшей оппозиции и, прежде всего, их наиболее авторитетного, взвешенного и умеренного в своих позициях *правоцентристского Венгерского демократического форума*. В итоге он и стал лидером избирательного марафона, получив наибольшее число — 165 (или 42,7%) — депутатских мандатов, и тем самым фактически завоевал право формировать *первое демократическое правительство* страны на посткоммунистическом этапе современной истории ВР. По итогам второго тура ВДФ в индивидуаль-

ных округах собрал 114 депутатских мандатов из 176 возможных, по территориальным (областным) спискам — 40, а по республиканскому — 10. Успех этой партии на выборах во многом объяснялся тем, что она стала настоящей народной партией, объединявшей в своих рядах представителей почти всех слоев венгерского общества, кроме того она являлась самой спокойной оппозиционной политической силой, предлагавшей умеренный, но надежный переход от «реального социализма» к демократии западноевропейского типа и к рыночной экономике. Эти качества и привлекали венгерских избирателей, не желавших крутых политических и социальных потрясений.

На *второе место* по результатам парламентских выборов с 23,8 процентами депутатских мандатов (что означало немногим менее четвертой части всех: из них 36 были получены по индивидуальным округам, 34 — по территориальным спискам, а 23 — по республиканскому) вышла вторая наиболее влиятельная оппозиционная сила — *Союз свободных демократов (ССД)*. Многие лидеры этой партии, хотя сами являлись выходцами из семей бывших коммунистов 40—50-х годов, некогда исключенных из рядов Венгерской партии трудящихся, позиционировали себя, как отмечалось выше, в качестве самих радикальных оппозиционеров власти и последовательных антикоммунистов. Надо подчеркнуть и то, что руководство этой партии не сразу, а лишь после некоторых раздумий и поисков решилось определить себя в качестве *либеральной партии*. Руководящая партийная прослойка ССД, которая обещала самую стремительную и кардинальную смену прежней системы, по собственному признанию носила на себе клеймо «чуждой венграм», чуть ли не «антинациональной силы», состоящей из «космополитов»⁹. Очевидно, это обстоятельство и помешало ей привлечь к себе (кроме определенной прослойки городской интеллигенции) более широкие круги средних слоев венгерского общества.

На *третьем месте*, благодаря обращению к традиционным для Венгрии аграрным проблемам, оказалась одна из возрожденных т. н. исторических партий — *Независимая партия мелких хозяев (НПМХ)* с 11,4% полученных на выборах мандатов. Она вместе с другой, также возобновившей свою деятельность политической силой 40-х годов, *Христианско-демократической народной партией*, добившейся 5,4% всех депутатских мандатов, представляла базу для возможного создания в условиях избирательной кампании политической коалиции. И хотя каждая из них сначала решила себя испытать на этих первых демократических парламентских выборах в отдельности, они фактически склонялись к союзу

с родственными силами право-центристской ориентации. Именно эти две последние партии и пошли на сближение и сотрудничество с главной победительницей избирательного марафона 1990 г. — с ВДФ, а затем вместе с ней создали первое за более чем 40 послевоенных лет некоммунистическое коалиционное правительство.

Из числа других новых политических сил Венгрии с правоцентристским либеральным уклоном в парламент вошли также депутаты от *Союза молодых демократов* (Фидес), получившего 5,7% парламентских мандатов. Они завоевали популярность и симпатию части избирателей своим юношеским азартом, оппозиционностью и компетентностью в актуальных вопросах современности. Фидес сначала в самом деле казался близким и родственным ССД, так сказать его молодежным довеском, однако руководящий состав Союза молодых демократов вскоре показал свое собственное лицо и пути этих двух партий кардинально разошлись.

Партии, расположенные на левом фланге политического спектра, на первых свободных выборах в открытом и свободном соперничестве на многопартийной основе по сути потерпели поражение. И это поражение на фоне внушительной победы новых партий правоцентристской и либеральной ориентации казалось значительным. Правда, *Венгерская социалистическая партия* (ВСП), выделившись из прежней, фактически расколовшейся компартии, будучи преобразованной и реформированной накануне выборов, хотя и резко сократилась в численном отношении, но стала наиболее последовательной партией чисто *социалистического толка*. Как таковая, в отличие от коммунистических остатков ВСП, она сумела добиться успеха на выборах и стать парламентской партией. ВСП собрал 8,5% мандатов (1 мандат — в индивидуальном округе, 14 — по областному, а 18 — по республиканскому списку). Все остальные политические партии, участвовавшие в выборах, но не преодолевшие четырехпроцентный порог проходимости, оказались за бортом нового демократического парламента.

Таким образом Государственное собрание ВР, которому в 1990—1994 гг. предстояло работать над совершенствованием законодательной базы страны, провести *коренные демократические преобразования*, формировалось из числа депутатов названных шести политических партий. Они получили соответствующее количество депутатских мест, т. е. ВДФ имел 165, ССД — 93, НПМХ — 44, ВСП — 33, Фидес — 22, ХДНП — 21, независимые депутаты — 8 депутатских мест в парламенте¹⁰. Приводя эти суммарные сведения, отметим, что 95,6% состава депутатского корпуса

Государственного собрания, состоящего из 386 чел., представляли совершенно новые люди, которые ранее никогда не избирались в высший законодательный орган страны, являли собой абсолютно свежую депутатскую силу, которая вышла на политическую арену посткоммунистической и стремительно менявшейся демократической Венгрии.

Охарактеризованные итоги выборов и расстановка политических сил в новом Государственном собрании — с учетом традиций венгерского парламентаризма — не оставляли сомнений в том, что президент ВР поручит формирование первого демократического правительства страны именно той партии, которая собрала больше всего голосов избирателей и, соответственно, получила больше остальных парламентских мандатов. Воспользоваться этим правом на сей раз предстояло именно ВДФ.

3. Межпартийное соглашение ради управляемости страны и предстоящих преобразований

После парламентских выборов первоочередное внимание в Венгрии уделялось утверждению новой властной структуры государственной власти — созданию государственных органов, а также переустройству и налаживанию работы всего политического механизма в соответствии с положениями Конституции в редакции 1989 г. и даже дополняя их. Оказавшись явным и единственно возможным претендентом на формирование нового правительства ВР, победивший на выборах ВДФ во главе с Й. Анталлом 12 апреля 1990 г. провел свой очередной III съезд (официально он назывался всевенгерским собранием), на котором партийное руководство получило согласие на проведение официальных переговоров с теми «естественными союзниками» (ХДНП и НПМХ), с которыми соответствующие контакты уже были установлены, а идея коалиционного правления в принципе согласована. Впрочем, стороны еще в апреле провели межпартийные переговоры и договорились о том, что в будущем правительстве НПМХ получит четыре министерских портфеля, а ХДНП — один. Хотя коалиционного соглашения стороны и не подписали, их представителями были намечены даже конкретные лица на эти министерские посты. Предполагалось, что от НПМХ председатель партии Ф. Й. Надь займет пост министра земледелия, Ш. Деривани — министра труда, а Е. Гербович и генеральный секретарь партии Д. Кишш станут министрами без портфеля. Предварительно среди претендентов находился также амбициозный главный юрист НПМХ Й. Тордян, но в ходе переговоров Й. Анталлу удалось убедить его взять на себя руководство парла-

ментской фракцией этой партии. Из числа руководящих деятелей ХДНП пост министра народного благосостояния намечалось отдать председателю партии Л. Шуриану.

О союзе ВДФ с ССД не могло быть и речи, вариант же возможного привлечения Фидес однако поднимался (правда, в рядах победившей партии было мало сторонников этой идеи, да и сами молодые демократы не особенно стремились тогда к участию в исполнительной власти, а готовились к будущему). Анталл однако между двумя турами парламентских выборов заявил, что с этими двумя «соперничающими партиями не следует вступать в коалицию». Дело в том, что работая вместе с будущими либералами еще в рамках НКС, он имел возможность хорошо изучить их, а с учетом крайне радикального поведения руководящих деятелей этих партий в ходе предвыборной кампании - прямо говорил о невозможности сотрудничать в дальнейшем, прежде всего с свободными демократами, подчеркивая, что «в экономических вопросах, и особенно в стиле и менталитете, мы не можем идентифицировать себя с ними»¹¹.

Меду тем сложные задачи, стоявшие перед будущим правительством Анталла, натолкнули будущего премьер-министра еще перед созывом парламента и образованием правительства на не совсем демократический поступок, который оказал решающее воздействие на формирование отдельных звеньев и работу высших институтов государственной власти в дальнейшем. Дело в том, что предвидя встающие перед его будущим правительством парламентские препятствия, прежде всего в вопросах грядущих политических, общественных и экономических трансформаций, Анталл единолично пошел на закулисные переговоры и на негласный *сговор* с ССД, который превратился из бывшего союзника в основного соперника ВДФ. Как позже выяснилось, он сделал это ради облегчения начального этапа правительственной деятельности, в интересах большей управляемости политическим процессом.

Достигнутая между руководящими деятелями двух партий негласная договоренность, — которая впоследствии нередко именовалась в печати «пактом», — по сути отвечала как интересам ВДФ, так и ССД. Она давала им некоторую взаимную политическую выгоду. Однако руководители обеих прошедших в парламент главных политических сил заключили этот «пакт» без ведома своих партий (хотя для этого явно требовалось согласие по крайней мере их парламентских фракций). Упомянутая договоренность по сути касалась взаимных уступок, направленных на то, чтобы избежать возможных препятствий при разворачивании процесса демократических преобразований. В частности предложения Й. Анталла были

направлены на то, чтобы обеспечить проходимость в парламенте будущих законов, связанных с *предстоящими кардинальными преобразованиями*, которые согласно договоренностям НКС нуждались в поддержке двух третей депутатов Государственного собрания республики. А проектов таких законов именно по важнейшим *вопросам трансформации системы и дальнейшей коррекции конституционных положений* было множество, поскольку на «круглом столе» в свое время по ним не удалось добиться согласия и они оставались объектом для будущих рассмотрений уже новым составом демократически избранного парламента. Чтобы избежать риска при парламентском обсуждении и принятия подобных законов, связанных с изменениями общественно-политического строя и реализацией намеченных системных преобразований, будущий премьер-министр и пошел на *одноразовую негласную договоренность* с радикальными либералами, как одним из явных и основных оппозиционеров собственной партии в будущем.

Разумеется, чтобы добиться согласия руководящих деятелей ССД, заручиться их поддержкой при принятии законов, требовавших необходимого парламента большинства, Й. Анталл также должен был в чем-то уступить свободным демократам. Взамен он предложил ССД отдать *пост президента республики* одному из деятелей этой партии, оговорив правда при этом конкретную кандидатуру писателя Арпада Генца, с которым был давно знаком (некогда они оба находились в рядах одной партии — в НПМХ).

Прошедшие 27—29 апреля 1990 г. переговоры Й. Анталла с узким составом руководства ССД оставались неизвестными для рядовых членов обеих партий. Предложение главы будущего кабинета министров оказалось неожиданным для лидеров ССД, которые воспринимали занятое партией на выборах второе место, как явное поражение и поэтому охотно приняли его. В ходе переговоров с Анталлом они взамен на обещанное им дали согласие выступить вместе с ВДФ в вопросах, требующих поддержки двух третей парламента, хотя лишь после длительных споров приняли два его принципиально важных предложения: 1) об импичменте или же о *конструктивном недоверии правительству*; и 2) по вопросу о *конкретном* кандидате на пост президента (сначала они добивались не связывать данное предложение именно с писателем А. Генцем). Смысл предложения будущего премьер-министра Анталла о *конструктивном вотуме недоверия* сводился к тому, чтобы добиваться смещения с поста главы действующего правительства и просить Государственное собрание об этом было допустимым лишь в том случае, если инициаторы импичмента на-

звуют также имя предлагаемого ими на этот пост конкретного кандидата и сумеют обеспечить большинство голосов за него в парламенте.

Договоренность Анталла с либералами в вопросе о конструктивном недоверии к главе исполнительной власти впоследствии, несомненно, имела важное значение с точки зрения сохранения управляемости страны, позволяла избежать опасных правительственных кризисов. Она тем самым в известной степени обеспечивала бесперебойную работу первого демократического кабинета. В отличие от ряда других стран региона, как известно, только Венгрия обошлась в переходный период без «кризиса верхов» т. е. только в ней первое некоммунистическое правительство страны оставалось на своем посту все четыре года, вплоть до очередных парламентских выборов.

Таким образом, в этом деликатном вопросе Й. Анталл оказался дальновидным политиком и ему удалось заручиться поддержкой договоренностей с ведущими деятелями ССД как со стороны руководства собственной партии, так и ее парламентской фракции.

Что же касается другого политического объединения, подписавшего названный «пакт», — партии либеральных демократов (ССД), — к руководству которой лишь на том этапе пришел бывший редактор самиздатского журнала «Беселе», философ Янош Киш, она, хотя и не являлась участником правящей коалиции, оказавшись следовательно в оппозиции к правоцентристскому блоку, тем не менее была заинтересована в том, чтобы формирующееся правительство партий правого политического центра, было готово обеспечить для оппозиции нормальные условия для реального существования, свойственные правовому государству. Для руководства ССД и либералов в целом данное обстоятельство также «работало» на принятие «пакта». Ко всему прочему либеральные демократы не могли не учитывать также и то, что кандидат в премьер-министры в лице Анталла предложил на пост президента ВР, пусть даже конкретного, но все же кандидата от их партии. Последнее обстоятельство в качестве жеста доброй воли воспринималось свободными демократами как доказательство того, что ССД при всей своей оппозиционности, по оценкам того же Киша, также станет признанной и авторитетной частью венгерской политической власти¹².

Подписав 29 апреля 1990 г. соглашение с ССД, Анталл таким образом фактически заручился поддержкой в парламенте трех важных, ключевого значения проблем, по которым ранее в рамках НКС не удавалось договориться. Эти проблемы в законодательном плане оставались поэтому нерешенными, а следовательно, затрудняющими работу любого правительст-

ва по дальнейшему реальному демократическому переустройству страны. Прежде всего они касались: 1) конституционного положения о правительстве; 2) способа избрания президента республики (ведь парламент с коммунистическим большинством 1 марта 1990 г., как подчеркивалось выше, фактически высказался за его избрание всенародным голосованием); 3) определенного круга законов, принятие которых требовало значительного парламентского большинства. Свободные демократы поддержали Анталла в первом и последнем вопросах, но при этом тот соглашался поддержать избрание президента парламентом. «Пакт» с ССД позволил таким образом обеспечить некоторую гарантию стабильности для деятельности кабинета Анталла, которому предстояло управлять страной ближайшие четыре года.

Будучи председателем президиума ВДФ и руководителем парламентской фракции этой партии, Й. Анталл преследовал цель сплотить вокруг своего будущего кабинета все партии правого крыла в Государственном собрании ВР. Наличие «пакта», как уже отмечалось, давало определенные гарантии обеим партиям (ВДФ и ССД), снизило остроту взаимных публичных нападок, утверждало надежду на проходимость в парламенте законопроектов, требующих двух третей голосов депутатов. Кандидат в премьер-министры мог после этого заняться подготовкой реальной программы ВДФ и парламентской фракции своей партии на будущее.

4. Начало работы парламента ВР и формирование правительства Йозефа Анталла. Новые конституционные поправки и структурные сдвиги в управлении государством (1990—1994 годы)

Учредительное собрание венгерского парламента нового состава состоялось 2 мая 1990 г. До формирования руководящих органов законодательного собрания Венгрии старейший из избранников народа, член ВДФ Калман Кери, представил собравшимся депутатам руководителей шести парламентских фракций: Йозефа Анталла (ВДФ), Петера Телдешши (ССД), Йозефа Тордяна (НПМХ), Имре Пожгаи (ВСП), Виктора Орбана (Фидес), Тибора Фюзешши (ХДНП) и Иштвана Фаркаша (доверенного лица независимых депутатов).

Временно исполнявший обязанности президента Республики М. Сюреш призвал парламент нового состава к «взвешенному национальному строительству, к дискуссиям по существу, к работе в интересах политической и экономической демократии», при которой «рабочие и предприниматели, интеллигенты и крестьяне в равной мере найдут свое гражданское

достоинство, жизненные гарантии и благополучие без страха». Заявив о необходимости отказаться от розни, демагогии, мелочности и партийного эгоизма, соблюдения этического кодекса в депутатской работе, он выразил надежду, что новая демократическая Венгрия укрепит свой авторитет на международной арене. Специально приглашенный на открытие работы Государственного собрания бывший председатель Национального собрания Венгрии 1945—1947 гг. *Бела Варга* (в 1947 г. ему пришлось эмигрировать от нараставших тогда преследований со стороны коммунистической диктатуры, олицетворяя собой преемственность венгерской демократии докоммунистической эпохи, в своем выступлении приветствовал решимость новой Венгрии возвратиться к плюралистическому парламентаризму. Он говорил об уроках прошлого и призвал депутатов встать выше своих личных и политических амбиций, узко классовых интересов и думать о «высоком международном авторитете Венгрии, которого она удостоилась в 1956 г. и в последние годы»¹³.

Вслед за этим депутаты в качестве временно исполняющего обязанности председателя Государственного собрания, а в одном лице и нового *временного президента ВР* подавляющим большинством голосов (только социалисты голосовали против) избрали юриста по образованию, писателя *Арпада Генца*. Он в свое время за участие в революции 1956 года был арестован и приговорен к пожизненному заключению, но в 1963 г. амнистирован, после чего занимался писательской и переводческой деятельностью. В условиях плюрализации общественной жизни А. Генц стал членом ССД и поверенным в делах этой партии. С 1989 г. он исполнял также функции зампреда будапештского отделения Венгерской Лиги прав человека, а весной 1990 г. был избран депутатом Госсобрания ВР.

А. Генц, уже в качестве временно исполняющего обязанности президента ВР, освобождая пост председателя Государственного собрания, предложил вести заседание высшего законодательного органа страны депутату от ВДФ, ученому-историку по профессии, академику ВАН *Дердю Сабаду*. Затем последний и был избран его председателем. В полном соответствии с предварительными договоренностями его двумя заместителями стали М. Сюреш (ВСП) и Винце Вереш (НПМХ). Новый депутатский корпус заслушал также на своем заседании уходящего премьер-министра Миклоша Немета, а затем принял свой первый закон о революции 1956 г., провозгласив при этом день ее начала — 23 октября — новым национальным праздником страны.

На очередном заседании парламента, 3 мая 1990 г., А. Генц проинформировал депутатов о проведенной им встрече с руководителями парламентских фракций и заявил, что с учетом их мнения и в соответствии с парламентскими традициями *формирование нового правительства ВР* он поручает председателю ВДФ, руководителю парламентской фракции этой партии, *Йозефу Анталлу*. Принимая поручение временного президента ВР, последний уже в качестве уполномоченного исполнять обязанности премьер-министра страны, обратился к парламенту. Он выразил удовлетворение тем, что в новую эпоху венгерской конституционности приоритет на формирование правительства, в полном соответствии с обычным правом, снова отдается самой крупной политической парламентской партией. Говоря о стоящих перед политическим классом страны задачах, Анталл, в частности, отмечал: «Если мы не сможем показать миру, что Венгрия проводит ответственную политику со стороны власти и оппозиции, если мы не можем продемонстрировать, что при внешних и внутренних условиях мы сами создаем себе все условия для того, чтобы политика Венгрии была стабильной, а в экономическом отношении страной восходящей, то опасности могут быть велики. Мы должны также завоевать доверие международных финансовых кругов и суметь удержать его»¹⁴.

9 мая 1990 г. депутаты Госсобрания приняли свою первую поправку в текст уже ранее модифицированной Конституции ВР. Кстати, при голосовании — в полном соответствии с договоренностями между ВДФ и ССД — эти партии придерживались взаимного соглашения, что способствовало быстрому прохождению поправки через парламент. Согласно этой поправке парламент избирает только премьер-министра, остальных же членов правительства уже по его личному представлению просто утверждает президент. Это означало, что предложения Анталла о полной ответственности главы правительства за формирование кабинета и за действия отдельных министров, включая их замену, остались, как он и предлагал, в компетенции премьер-министра.

Государственное собрание, приступая к выполнению своих функций, с самого начала сосредоточило внимание преимущественно на двух направлениях работы: на законотворческой деятельности и на контроле за работой исполнительной власти, которая, как известно, в условиях парламентского правления, подконтрольна парламенту. Следует отметить однако, что на первоначальном этапе законодательное собрание почти в полный унисон стремилось не столько контролировать, сколько оказывать посильную помощь правительству в реализации тех замыслов, которые получили поддержку подавляющего большинства избирателей на

весенних выборах 1990 г. В целом же как на парламент, так и на новое правительство возлагалась ответственная задача продолжения начатого еще в 1989 г. процесса конституционного переустройства и реального осуществления намеченных демократических преобразований. А это предполагало как соответствующего развития законодательной базы для политических, экономических и социальных трансформаций, так и их претворения в жизнь со стороны новой исполнительной власти, контуры и структура которой лишь начали формироваться.

Вместе с тем уже начатый процесс реальной смены власти не мог бы успешно развертываться без соответствующей смены правящей элиты, образования новых властных структур, формирования новых соответствующих отношений между его участниками, т. е. без модернизации или смены всей системы принятия решений. Следует отметить, что уже в 1989—1990 гг., в ходе начавшихся демократических перемен постепенно возникали или создавались необходимые личностные, институциональные, а также организационные и структурные составляющие для трансформации строя, а также всей общественно-политической системы. И хотя поэтому уже 1989 год в *политическом отношении* существенно оплодотворил Венгрию демократическими принципами (достаточно сослаться на материалы НКС и утверждение старым парламентом новой редакции Конституции), не следует забывать, что угроза будущей венгерской демократии все еще существовала.

Во всяком случае об этом ярко свидетельствовало хотя бы письмо, написанное в конце 1989 года прежним премьер-министром М. Неметом, который в качестве главы переходного кабинета еще продолжал временно исполнять свои функции. Письмо было зачитано на заседании парламента 2 марта 1990 года. В нем говорилось о готовившейся попытке вооруженного захвата власти некоторыми радикальными ортодоксальными силами в целях помешать процессу демократизации в стране, о своеобразном заговоре руководителей крупных госпредприятий, готовых саботировать снабжение населения продуктами и обеспечение товарами, водой и электроэнергией. Готовившаяся акция преследовала цель вызвать товарный голод и рост резкого недовольства граждан, а в руководящих кругах военных заговорили также о неактуальности выхода Венгрии из состава Варшавского блока¹⁵. На такие сигналы и поползновения не только правительство Немета, едва освободившееся от партийной опеки, но и формирующаяся из рядов оппозиции и пробивающая себе дорогу к власти новая политическая элита не могла не реагировать. И хотя

после парламентских выборов ситуация изменилась, эти факторы безусловно подталкивали новое поколение венгерских политиков в парламенте, а также временно исполняющих обязанности президента и премьер-министра не только к смене строя, но и к ускоренным системным трансформациям.

Работа парламента как органа власти, призванного обеспечить законодательную базу для осуществления грядущих кардинальных перемен, естественно, началась с утверждения внутреннего распорядка, поэтому депутаты, лишь установив такой распорядок, могли взяться за реальную законотворческую деятельность. Следует еще раз подчеркнуть, что подавляющее большинство нового депутатского корпуса фактически не имело ранее никакого политического опыта, тем более в сфере парламентских дискуссий. Й. Анталл в начале июня 1990 г. так характеризовал ситуацию: «В парламент попали такие депутаты, которые ранее не являлись носителями никаких политических функций, не имели никакого опыта государственной службы. Они не имеют даже предпосылок для оппозиционной работы в парламенте... У нас отсутствует и прослойка профессиональных политиков, знакомых с политической демократией, основывающейся на многопартийной системе...»¹⁶ И тем не менее уже начальный этап работы венгерского парламента, как справедливо отмечал его новый председатель Д. Сабад, проходил довольно гладко и довольно успешно, парламентские партии быстро находили взаимопонимание, общий язык¹⁷. И это не удивительно, ведь ни в Государственном собрании ВР, ни в стране в целом фактически не было ни одной партии, которая в 1990 г. не ставила бы задачу создания в Венгрии гражданского общества и институтов правового государства.

Формирование нового правительства ВР было поручено председателю ВДФ Й. Анталлу, который, как отмечалось, уже ранее развернул определенную подготовительную работу в этом направлении. Впрочем, он и сам не имел прежде никакой практики в сфере государственного управления. Его отец Анталла (по имени также Йозеф) являлся, правда, в свое время государственным чиновником, служил в Министерстве внутренних дел Венгрии, где занимался социально-политическими проблемами, а позже, в годы Второй мировой войны ему было поручено курировать решение проблемы многочисленных польских беженцев, оказавшихся на венгерской территории. Именно тогда Анталл-отец и удостоился довольно высокого положения в государственной номенклатуре, стал уполномоченным по делам беженцев в ранге министра.

Сам же Й. Анталл-младший, которому в 1990 г. было поручено формирование нового демократического правительства Венгерской Республики, окончил историко-философский факультет Будапештского университета и работал преподавателем в одной из гимназий г. Будапешта, а также историком-исследователем в Педагогическом институте, где увлекся изучением периода венгерских реформ XIX века и вообще истории Венгрии 1825—1875 гг. Эти знания и пригодились гуманитарияу Й. Анталлу, когда ему пришлось возглавить новое демократическое правительство ВР. Во всяком случае, еще анализируя опыт тех далеких лет, он глубоко проникся идеей тесной взаимосвязи и взаимозависимости политических и экономических преобразований, и, став ведущим политическим деятелем обновляющейся Венгрии, постоянно стремился к реализации этой идеи, подчеркивая, что без нее, все более глубокого осуществления не бывает подлинного возрождения.

В биографии Й. Анталла, как впрочем и в истории всей страны, важной переломной вехой, пробудившей интерес молодого преподавателя к политике, стал 1956 г. Тогда он возглавил революционный комитет в гимназии где трудился, содействовал, как мог и возрождению НПМХ и созданию Христианского молодежного Союза в те революционные дни, за что был арестован и уволен с работы. В 1960—1962 гг. Анталл занимал должность библиотекаря в будапештской городской библиотеке им. Эрвина Сабо, а с 1964 г. стал архивистом в Музее истории медицины им. И. Ф. Земмельвейса. После объединения архива с медицинской библиотекой Й. Анталл стал заместителем, а в 1974—1984 гг. исполняющим обязанности директора этого учреждения. В 1984—1990 гг. он уже был его генеральным директором. Одновременно, в условиях стремительной плюрализации общественной жизни Венгрии, Анталл оказался среди основателей движения ВДФ, а в 1989 г. был избран членом Президиума партии с аналогичным названием и вскоре стал ее председателем. С 1990 г. Й. Анталл — депутат венгерского парламента и избран заместителем председателя Союза Европейских демократических партий.

Важным переломным моментом в жизни Й. Анталла после победы ВДФ на парламентских выборах стало его назначение премьер-министром страны. Поименный состав своего будущего правительства, сформированного им на коалиционной основе с участием трех партий (ВДФ, НПМХ и ХДНП) с парламентским большинством в 59,9%, Анталл представил Госсобранию уже 16 мая 1990 г. А 22 мая он изложил депутатам правительственную *«Программу национального обновления»*. На следующий день парламент простым большинством голосов (218 «за», 126 «про-

тив» при 8 воздержавшихся) утвердил *Й. Анталла* главой правительства *ВР* и одобрил его программу, доверив ему тем самым руководство исполнительной властью государства на предстоящие четыре года¹⁸.

Осознавая за что он взялся, *Й. Анталл* впоследствии в одном из своих интервью не без основания назвал возглавляемый им кабинет «правительством камикадзе». С учетом еще далеко не однозначной ситуации и сославшись на опыт прошлого, Анталл в выступлении 23 мая 1990 г. провёл некую историческую параллель, подчеркнув, в частности: «Думаю, что быть премьер-министром Венгрии означает не только возглавлять правительство, но и брать на себя ответственность, — а это в нашей стране всегда сопровождалось риском, — означало реальную смерть или моральную гибель»¹⁹. Здесь он безусловно имел в виду ситуацию с двумя казненными премьер-министрами после двух венгерских революций — с главой первого венгерского правительства после революции 1848—1849 гг. Лайошем Баттяни, а также с Имре Надем в 1958 г.

Высказанные новым премьер-министром опасения нашли довольно быстро свое подтверждение. Речь о реакции на вышеупомянутое выступление Анталла в парламенте в качестве главы правительства. В нем были слова о том, что «в глубине души желает стать премьер-министром 15 миллионов венгров». Эта фраза была его недругами тут же подхвачена и живо истолкована (она цитировалась с упущением слова «в глубине души») и распространена в сопредельных странах. В таком искаженном изложении она вызвала не совсем здоровую реакцию со стороны политиков одного из соседних государств, где проживает немало венгров (следует иметь в виду, что за пределами Венгрии, вдоль ее современных границ, в рамках сопредельных государств находится треть всех этнических венгров и их общая численность составляет 3,5 млн. человек). И хотя тогда данное «недоразумение» было опровергнуто простой официальной копией выписки из парламентского протокола направленной в адрес МИДа упомянутой страны, все это оставило неблагоприятный след как во внутриаполитических, так и межгосударственных отношениях²⁰.

Подбирая себе команду единомышленников, *Й. Анталл* исходил не столько из принципа обязательного включения в состав правительства представителей каждой отдельной партии соразмерно их мандатам в парламенте, сколько из учета реальных способностей каждого отдельного министра на своем посту (он мог это себе позволить, так как получил возможность сам подбирать и по необходимости снимать их без получения на то согласия парламента). Такой подход был особенно важен для этого первого правительства постсоциалистической эпохи, на плечи которого

легло решение целого ряда сложных и весьма ответственных задач, направленных на реальную смену общественного строя. Итогом этих организационных усилий нового премьера явился коалиционный кабинет, имевший в своем первоначальном виде структуру из следующих 13 министерств и четырех министров без портфеля (неуказанные возглавлялись членами ВДФ):

Министерство внутренних дел возглавил Балаж Хорват,
министерство земледелия — Ференц Йозеф Надь (НПМХ),
министерство обороны — Лайош Фюр,
министерство юстиции — Иштван Балаши,
министерство промышленности и торговли — Петер Акош Бод,
министерство защиты окружающей среды — Шандор К. Керестеш,
министерство транспорта и связи — Чаба Шиклош,
министерство иностранных дел — Геза Есенски,
министерство труда — Шандор Деривани,
министерство культуры и образования — Берталан Андрашфалви,
министерство международных экономических связей — Бела Кадар,
министерство народного благосостояния — Ласло Шурян (ХДНП),
министерство финансов — Ференц Рабар.

Министрами без портфелей стали Ене Гербович (НПМХ), Дюла Кишш (НПМХ), Ференц Мадр, а с 19 июля также Петер Борошш²¹ (ВДФ), занявший с 21 декабря 1990 г. пост министра внутренних дел.

Характерная особенность этого правительства заключалась в том, что *впервые после долгих десятилетий* в Венгрии появился гражданский министр обороны в лице историка Л. Фюра, были учреждены ранее не существовавшие министерства народного благосостояния и защиты окружающей среды. Характерно также, что Й. Анталл не побоялся привлечь на один из министерских постов (по международным экономическим связям) высокопоставленного представителя прежнего режима, авторитетного специалиста, ученого-экономиста Белу Кадара, возглавлявшего ранее Институт планового хозяйства при Госплане ВНР.

В своем первом парламентском выступлении Й. Анталл назвал сформированный им кабинет *правительством свободы, народа, экономического перелома и воссоединения с Европой*, а его кардинальной целью обозначил утверждение *социальной рыночной экономики*²². Такое определение, разумеется, это не означало пренебрежения политическими задачами, процессами дальнейшей демократизации общественной жизни страны, начало которым уже было положено отмеченным конституционным строительством. Эти завоевания премьер-министр оценивал высоко.

Говоря о достижениях по изменению политического строя, он, в частности, отмечал: «То, что произошло за истекшие два года не имеет аналогов в нашей истории, но не было ничего схожего во всей европейской истории. Мы с исключительной сознательностью и упорством, но при том *без капли крови совершили революцию* (курсив наш. — Б. Ж.), стали пионерами в этом деле, показывая пример всему региону. И это так считает весь мир»²³. И действительно, Венгрия первая из участников бывшего восточного блока провела не только целиком свободные парламентские выборы, но и осуществила полный мирный, бескровный переход к демократическому режиму, и при этом оказалась единственной страной в регионе, исполнительная власть которой формировалась без представителей компартии или ее наследницы в лице ВСП.

Принимая эстафету от главы переходного кабинета (М. Немета), Й. Анталл осознавал, что в центре внимания его правительства должны стоять как задачи преодоления вызвавших кризис острых финансово-экономических проблем (государственной задолженности и бюджетного дефицита), так и перевод экономики на рыночную основу, а также завершение процесса возведения новой структуры политических институтов в интересах окончательного утверждения парламентской демократии. Весь этот сложный комплекс трансформаций требовал немалых усилий со стороны парламента и коалиционного кабинета Й. Анталла. Им пришлось подготовить и принять целый ряд новых законов, регулирующих проведение сложного процесса перестройки государственного управления и экономики. «Для меня было ясно, что это первое правительство стоит перед труднейшими задачами, — констатировал Й. Анталл летом 1990 г. — Необходимо было ведь принять на себя всю массу имущества несостоятельного должника и одновременно под тяжестью этого долга реализовать задачи исторических преобразований... Здесь после сорокалетней диктатуры приходится строить новую политическую систему. Мировая история еще не видела и никогда не решала задачу перехода государства от социалистической системы к системе свободного рыночного хозяйства и парламентской демократии. Такого еще никто не испытал, а нам придется осуществить!»²⁴

Правительство Й. Анталла начало решать стоявшие перед ним задачи с таким составом, в котором, как уже отмечалось, подавляющее большинство не обладало необходимым опытом государственного управления. Тем не менее в нем лишь в декабре 1990 г. было проведено на министерских постах всего две замены. Министры же, которые заменили прежних, были подобраны главой кабинета из депутатского состава ис-

ключительно по профессиональному принципу. Так, пост *министра финансов* занял беспартийный политик Михай Купа, бывший заместитель директора Института финансовых исследований, высокопоставленный работник Минфина ВНР; а пост *министра промышленности и торговли* в несколько скорректированном составе правительства с декабря 1991 г. занял бывший инженер-экономист, член Президиума ВДФ Иван Сабо²⁵.

Осуществляя контрселекцию кадров и проводя относительно малочисленные замены с привлечением к работе в госаппарате указанных лиц, заслуживших свой профессиональный авторитет в прежние годы, Анталл, отнюдь не стремился к полной замене всего государственно-чиновничьего аппарата, насчитывавшего к тому времени уже 80 тыс. государственных служащих²⁶. Он ограничился тем, что в состав высших эшелонов новой исполнительной власти не брал «бывших», даже из числа демократически настроенной и опытной партийно-государственной элиты «эпохи социализма».

Такой подход к подбору кадров вызвал некоторое удивление и непонимание в среде демократической части бывшей элиты, которая в свое время приложила немало усилий для того, чтобы продвинуть процесс либерализации общественной жизни страны. Достаточно сослаться здесь на высказывание Матяша Сюреша, который в одном из своих интервью пожаловался на то, что новая власть «недооценивает деятельность политиков, сыгравших решающую роль в том, чтобы могли начаться венгерские процессы реформ», назвав при этом, — и далеко не без основания, — конкретные имена Имре Пожгаи, Дюлы Хорна и др. Этим политическим деятелям, хотя и прошедшим в новый парламент, не достались по словам Сюреша достойные, сравнимые с их способностями посты и позиции. «Странно, но за рубежом больше признают их исторические заслуги и сожалеют, что они не получили заслуженных функций в общественной жизни новой Венгрии»²⁷, — отмечал М. Сюреш, который и сам принадлежал в коммунистической элите к крылу сторонников демократизации бывшего режима.

Обобщая сказанное о политических достижениях первого демократического правительства Венгрии во главе с Й. Анталлом, можно отметить, что первые посткоммунистические годы существенно укрепили их позиции и существенно изменили характер государства. Складывавшаяся на рассматриваемом этапе истории венгерская политическая система, которая под влиянием новых конституционных законов стремительно преобразовывалась, в своей основе становилась схожей с существующей в ФРГ.

Она дополнилась новыми элементами, которые снижали риск политических кризисов, укрепляли позиции премьера, как перед парламентом, так и перед членами его собственного кабинета. В результате принятия 19 июня 1990 г. нового конституционного закон (XL/1990), в полном соответствии с содержащимися в нем новыми поправками целиком изменил статус Венгерской Республики, которая официально стала «*независимым, демократическим правовым государством*», базирующимся на рыночной экономике и свободной конкуренции.

Летом 1990 г. нашла свое окончательное решение и затянувшаяся проблема, вызвавшая споры в венгерском обществе, — способ избрания президента страны. До этого ВСП, как известно, не поддерживала избрание главы государства парламентом и инициировала его прямые выборы населением. Эта попытка однако не увенчалась успехом по причине политической апатии избирателей и ввиду назначения выборов на отпускной период (29 июля они привлекли всего 14% электората, что автоматически свело на нет их результаты). После этого в Конституцию была внесена отдельная поправка и касательно президента третьей республики, избрание которого теперь стало компетенцией парламента, а срок его полномочий был продлен с четырех до пяти лет. Госсобрание 3 июля 1990 г. утвердило также новый государственный герб Венгерской Республики, приняв после долгих общественных споров его исторический вариант с короной, символизирующей тем самым вековую преемственность венгерской истории. Кроме того новым национальным праздником страны, (наряду с 23 октября — днем революции 1956 г.) — стало также 20 августа — день рождения первого венгерского короля Св. Иштвана.

3 августа 1990 г. приобрел окончательный статус *президента Венгерской Республики* Арпад Генц, избранный на этот пост на 5 лет. На сей раз за утверждение его в высокой государственной должности проголосовало 295 депутатов и лишь 13 были против²⁸. Характерно, что по истечении первого срока его полномочий, А. Генц удостоился повторного избрания на пост президента. Отмечая сей факт, небезынтересно добавить, что по случаю 85-летия писателя и политика, находившегося президентском посту с 1990 по 2000 гг., уже второй его новый преемник, нынешний президент ВР *Ласло Шойом* с полным правом констатировал: «Арпад Генц в венгерской истории был первым президентом Республики, кто стал главой государства действительно независимого, действительно демократического и действительно конституционного»²⁹. Эти слова содержат признание заслуг первого президента посткоммунистической эпохи в истории Венгрии, а также высокую оценку тех реальных качественных

перемен, демократических трансформаций, которые произошли в стране в 90-е годы прошлого века с переходом страны к парламентской демократии.

Летом 1990 г. венгерский парламент принял и другие важные законы и поправки к Конституции по целому ряду актуальных вопросов, связанных с продолжением процесса политической демократизации, среди которых особое значение имеют законы о расширении прав человека, о создании института парламентского поверенного в делах национальных и этнических меньшинств в Венгрии, о положении, правах и обязанностях депутатов (регулирующих даже способы их вознаграждения) и др.

Большое значение для осуществления *системных преобразований*, начатых правительством Й. Анталла и узаконенных Госсобранием ВР, безусловно, имело *создание новой системы местных органов власти — муниципального самоуправления*. Именно принятием пакета законов о самоуправлении (законы LXIV, LXV, LXVII 1990 года) и *завершился в Венгрии* в августе 1990 г. *процесс конституционного переустройства*, практически начатый еще в октябре 1989 г. парламентом прежнего созыва (1985 г.). Приняв такой пакет законов, новый парламент практически отверг прежнюю систему Советов, которая была внедрена в 50-е годы по образцу СССР, возродив исторически сложившуюся в стране систему местных самоуправлений.

В результате, вместо существовавших в 1990 г. по Венгрии 1627 местных Советов, к 1994 г. было образовано 3167 местных муниципалитетов³⁰ с довольно широкими правами и полномочиями. Согласно новой системе во главе местного самоуправления, независимо от его городского или сельского характера, стоит теперь *мэр* (в сельской местности в историческом прошлом стоял староста). Был восстановлен также институт *сельских нотариусов* (по сути секретарей местного самоуправления, которые призваны вести все официальные записи на местах); они, в отличие от секретарей сельского Совета, не назначаются вышестоящей инстанцией, а избираются на местах на конкурсной основе и подчиняются только местному самоуправлению.

Принятые парламентом законы о местном самоуправлении существенно сократили роль и функциональное значение такой важной ранее средней административной единицы в системе государственного управления, как комитатские (областные) Советы. В результате муниципалитеты в ходе проведенной децентрализации управления, расширения их прав и полномочий, получили весьма реальные возможности для решения собственных проблем на местах. Правда, *комитаты* — традиционное латинское название венгерского «меде» («megye»), примерно соответ-

ствующее российскому «область», «губерния» — в качестве исторически сложившейся единицы территориального деления при этом сохранились (как, впрочем, и комитатские собрания, членов которого избирают депутаты местных самоуправлений). Комитатские собрания, пришедшие на смену областным Советам, возглавляет избираемый его членами председатель, работе которого помогает комитатское управление, руководимое секретарем.

В новых венгерских условиях 1990 года *выборы депутатов местного самоуправления и мэров*, в полном соответствии с законом, проводились уже по-разному, в зависимости от типа поселения:

— в городах и селах с населением до 10 тыс. жителей депутаты и мэры местного самоуправления избирались по поименному списку, т. е. непосредственно, прямым тайным голосованием;

— в городах с населением свыше 10 тыс. жителей, избиратели голосовали по кандидатам, индивидуальным округам и окружным партийным спискам. Мэров в таких населенных пунктах уже избирало не само население, а депутатский корпус;

— в столичных округах избиратели получали по три бюллетеня: они голосовали непосредственно за кандидатов своего индивидуального округа, по окружным партийным спискам и по партийному списку в столичное собрание. Избрание же мэров городского района и столицы уже отдавалось депутатскому корпусу соответствующего уровня. Согласно новой системе муниципальных выборов, в отличие от существовавшей до 1945 г. практики, в процесс избрания мэров не вправе вмешиваться ни правительство, ни глава государства.

Следует отметить, что *выборы в местные органы власти* — в местное самоуправление, которые проводились уже после парламентских выборов, вызвали гораздо меньше интереса среди венгерских избирателей, чем парламентские. *Первые муниципальные выборы* по новой схеме были проведены в Венгрии 30 сентября и 14 октября 1990 г., следовательно, также в два тура, и в них приняло участие соответственно всего 40% и 29% избирателей. Для результатов этих муниципальных выборов по всей стране характерным стало то, что возникшие на их базе новые местные самоуправления оказались гораздо в большей степени независимыми от партийно-политических основ, чем депутаты парламента. В городах и селах с малочисленным населением 72% избранных депутатов муниципалитетов и 83% мэров были избраны из числа независимых, т. е. не принадлежавших ни к какой политической партии. В городах же с населением свыше 10 тыс. жителей (их насчитывалось 162) и в Будапеште, наоборот,

самоуправления формировались на партийной основе³¹. При этом необходимо отметить, что чуть больше трети депутатов местного самоуправления провинциальных городов и большинство депутатов в столице уже являлись выходцами не из партий новой правящей правоцентристской коалиции, а из рядов оппозиции (ВСП и ССД). В Будапеште, где проживало большое число сочувствующих либералам, даже новым мэром столицы был избран бывший редактор самиздатовского журнала, влиятельный политик из рядов ССД Габор Демски.

Можно, таким образом, отметить, что в Венгрии к осени 1990 г. с выборами в местное самоуправление практически *завершился начатый ранее процесс демократических преобразований политической сферы страны*. Осуществленные в ходе этих трансформаций политические, — в своей основной массе конституционного, правового и юридического, а также государственно-управленческого характера — перемены, изменили облик и характер административного управления, всего государственно-политического устройства, приводили к коренным сдвигам в этой сфере, равно, как и к соответствующим *системным преобразованиям*. Венгрия из характерной для 70—80-х годов «мягкой диктатуры» кадаровского типа, в 1989—1990 гг. плавно превратилась во многопартийную демократию западноевропейского образца, в высшей исполнительной власти которой уже не оказалось представителей бывшего режима. Процесс осуществленных в политической сфере глубинных демократических преобразований по своему значению и содержанию безусловно являлся революционными, а по методам реализации носил мирный, невооруженный характер.

Оценивая в конце 1990 г. проделанный многопартийным парламентом путь, Й. Анталл в одном из интервью, напечатанном на страницах еженедельника «Мадьярорсаг» 21 декабря, в частности, отмечал: несмотря на то, что в Государственном собрании ВР работают в основном «новички», не имеющие опыта и политической практики, этот парламент «выполнил успешную работу, сравнимую разве что с великой эпохой преобразований (имея в виду эпоху реформ XIX века. — Б. Ж.), и принял рекордное число законов и модификаций». На вопрос журналиста о его личной вовлеченности в процесс политических преобразований и готовности решать и далее сложные задачи системного перехода, Анталл ответил так: «Наконец, этой нации представилась возможность: после длительных десятилетий или даже веков направиться по пути, который когда-нибудь приведет ее в ряды развитых европейских стран. Этот исторический шанс мы не имеем права упустить. И если я волею судеб оказался во главе этого полити-

ческого движения и благодаря сложившимся обстоятельствам смог создать правительство, то я — после произошедшего — должен был взяться за решение задач»³². Отвечая на вопрос о неизбежной необходимости решать его правительству и стоящие перед ним непопулярные задачи, он вполне осознанно отмечал, что оно уже принимает, вынуждено принимать и такого рода меры так как они непосредственно вытекают из задач, решаемых правительством.

На вопрос о его удовлетворенности достигнутыми результатами и о самочувствии венгерского общества в конце 1990 г., премьер-министр не скрывал ни трудностей в области проведения реальных преобразований, ни существовавшие на том этапе разочарования от не оправдавшихся ожиданий. «Я, естественно, не могу быть удовлетворенным, но я знал об этом уже тогда, когда соглашался на участие в выборах, стоя во главе Венгерского Демократического Форума. Было бы наивно думать, что с ликвидацией однопартийной системы Венгрия тут же станет развитым европейским государством не только со свободной системой политических институтов, но с признаками общества благосостояния. К сожалению, переходный процесс не так прост», отмечал он. И тут же добавил: «Нам еще предстоит трудный период, но я убежден, что Венгрия выкарабкается из кризиса..., произойдет ее воскрешение»³³.

5. Власть и оппозиция. Основные итоги работы правительства и парламента по трансформации политической сферы

Излагая процесс продолжительного конституционного переустройства, основные моменты реальной *политической трансформации в ВР*, начатой сразу же после мирной венгерской «переговорной революции» 1989 г., нельзя не обратить внимание на те отдельные теневые стороны преобразований, на упущения и даже ошибки правящей коалиции, на противоречивые явления, которые сопутствовали политической борьбе в стране, и временами ставили политиков неопытной правоцентристской коалиции в довольно сложное положение. Казалось бы, все парламентские партии являлись заинтересованными участниками восходящего процесса конституционного переустройства страны, ее преобразования на демократический лад, равно, как и проведения экономических и социальных трансформаций, направленных на построение социального государства. Тем не менее между исполнительной властью и обществом не всегда были ровные взаимоотношения, к тому же оппозиционные силы или ее отдельные группы не раз пытались воспользоваться той или иной ситуа-

цией в собственных интересах, далеко не совпадавших с линией правительства. Так, к примеру, 25 июля 1990 г. Госсобрание ВР отклонило правительственное предложение о создании специального комитета по контролю за объективностью информации в СМИ (национальное телевидение, радио, агентство печати), а также связанный с этим законопроект о порядке временного назначения руководителей этих средств, в чем представители последних узрели попользование исполнительной власти на свободу слова и их интересы. Отклонение же парламентом этих попыток, с другой стороны, освободило поле для развязывания «информационных войн» между отдельными СМИ, находившимися под контролем отдельных политических группировок.

Неудавшуюся попытку правительственных кругов урегулировать законодательным путем вопросы достоверности информации и установить временный общественный контроль в этом вопросе над СМИ, значительная часть которых находилась тогда в руках оппозиции (преимущественно под влиянием ССД), последняя истолковала как попытку правящей коалиции овладеть ими. Публичное противостояние правящих и оппозиционных партий между собой, его отражение в печати и в электронных органах информации лишь обострили далекую от объективности пропагандистскую борьбу между политическими партиями. В этой не всегда чисто плотной борьбе, которая распространилась и на парламентские дебаты, стороны стали постепенно забывать о консенсусе, некогда достигнутом в рамках НКС. Впрочем, касаясь данного вопроса, стоит отметить, что главная правящая партия страны (ВДФ), очевидно по причине своей неопытности, не уделяла этой проблеме достаточного внимания, и фактически не создала себе солидную поддержку со стороны СМИ. А такой подход являлся явным просчетом ведущих политиков этой партии. Они в результате не могли оказать такого мощного воздействия на население, как социалисты, за которыми сохранились основные печатные органы бывшей ВСРП. Тем более это касалось либералов, под прямым влиянием которых находились многие, в том числе электронные средства массовой информации, и которые не стеснялись использовать их в своих интересах. Как констатировал один из членов высшего руководства ССД, «ВДФ вскоре после прихода к власти увидел, что элита, занимающаяся формированием общественного мнения, против него, и правительственное большинство перед общественностью почувствовало себя в меньшинстве»³⁴. О том же в конце 1990 г. писал в газете «Magyar Hirlap» политолог Э. Чизмадия. «Одна из интереснейших особенностей венгерской смены строя состоит в том, — писал он, — что коалиция, при-

шедшая к власти в результате победы на выборах, с тех пор так и не располагает органами печати, имеющими пробивную силу, а поэтому не имеет поддерживающего общественного мнения в средствах массовой информации. Я лично принадлежу к числу тех, кто не считает удачной такую ситуацию»³⁵. Далее он выразил мнение, что в результате сложилась такая обстановка, когда ввиду отсутствия проправительственной печати, население страны получает одностороннюю информацию и «точка зрения правительства не доходит до граждан страны, она проявляется лишь в его дискуссии с печатью, т. е. правительство лишь опосредованно может выразить свое мнение».

В начале 90-х годов прошлого века первому демократическому правительству ВР и его главе Й. Анталлу, занятому обеспечением управляемости государства, проведением дальнейших трансформационных процессов, не раз приходилось встречать противостояние, нагромождаемые отдельными группами оппозиции препятствия, преодоление которых отвлекало, мешало, тормозило или даже грозило срывом осуществления намеченных проектов. Поэтому в моменты обострения политической ситуации, при проявлениях социального недовольства ему не раз приходилось реагировать, сдерживать порывы различных оппозиционеров, которые начали проявлять себя как со стороны группировок правых, так и левых радикальных элементов.

Достаточно в этой связи сослаться на случай, произошедший в парламенте 18 августа 1990 г. когда руководящий деятель либеральной оппозиции П. Телдешши обвинил присутствовавшего там премьер-министра в углублении кризиса в стране, а также в отсутствии у него правительственной программы, при помощи которой можно было бы разрешить этот кризис, а затем спросил, почему он отдал руководство сельским хозяйством в руки человека, который еще в условиях предвыборной кампании нанес ему немалый вред. Спровоцированный и задетый этим обвинением председатель НПМХ, руководитель парламентской фракции этой партии Й. Тордьян не выдержал и резкими непарламентскими выкриками отреагировал на критику в свой адрес, что затем широко разбиралось оппозиционной печатью.

Наиболее же серьезный выпад со стороны радикальных либералов из ССД (они все активнее начали выступать в роли возмутителей спокойствия) в адрес правящей коалиции во главе с Й. Анталлом и его политического курса пришелся на конец октября 1990 г. Реагируя на незначительное по тем временам повышение потребительского налога на бензин (впрочем, решение об этом повышении было принято еще парламентом

прежнего партийного государства и должно было вступить в силу с 1 января 1990 г., но по ряду политических причин откладывалось), которое, естественно, влекло за собой рост цены на данный вид горючего, таксисты и частные извозчики решили выразить весьма своеобразный протест правительству, прежде всего в Будапеште. Они сначала перекрыли основные улицы и мосты, фактически парализовав движение по магистралям столицы, а на следующий день почти по всей стране добились остановки движения на важнейших шоссе́йных дорогах страны, что свидетельствовало о хорошей организации этой акции.

Нет сомнения, что в условиях всемирного роста цен на горючее для Венгрии с ее скудными энергоносителями стала неизбежной предпринятая властями мера, однако она оказалась явно плохо подготовленной со стороны правительственных структур. Тогда, как время для проведения акции протеста было избрано таксистами (и стоящими за их спиной радикальными либералами из ССД) весьма удачно и с определенным далеко идущим расчетом. Дело в том, что премьер-министр Й. Анталл тогда болел и находился на лечении в одной из больниц Будапешта.

Организованная в таких условиях четырехдневная (25—28 октября 1990 г.) *блокада* мостов и улиц Будапешта таксистами являлась противозаконной акцией. Таксисты тем самым нарушили закон о праве проведения собраний и массовых мероприятий, особенно его положение об обязательном и безусловном предварительном предупреждении за 72 часа о намерениях проводить такого рода массовые мероприятия (уже не говоря о значительном ущербе, который был нанесен экономике столицы и страны в результате этой акции). Министр внутренних дел Б. Хорват, который заменял отсутствовавшего Й. Анталла, как впоследствии констатировала газета «Népszabadság» — орган социалистической оппозиции, «оказался неспособным руководить работой по преодолению политического кризиса»³⁶. 25 октября министр заявил, что он намерен «любими законными средствами восстановить правопорядок». Однако, в то же время начальник полиции Будапешта (муниципального образования, находившегося под влиянием ССД) выступил с публичным заявлением о том, что если ему будет дан приказ бросить силы полиции против таксистов, он подаст в отставку. Эти заявления тут же были растиражированы средствами массовой информации, что привело к дальнейшему осложнению ситуации.

Руководство венгерской столицы, пользуясь поддержкой свободных демократов, находившихся в оппозиции к центральной исполнительной власти (в Будапеште была основная социальная база ССД, от этой партии был избран даже мэр города), тем не менее объявило акцию таксистов

«законной», в результате которой согласно печати, практически полностью оказалось заблокировано все движение транспорта по Будапешту³⁷. Их поддержали находившиеся под влиянием ССД свободные профсоюзы, а также традиционные левые профсоюзы и часть населения. Возникла реальная угроза беспорядков, но ее удалось все же предотвратить благодаря своевременному вмешательству президента А. Генца и Совета по согласованию интересов. Президент выступил с обращением и дал событиям следующую оценку: «В нашей стране возникла кризисная ситуация, которая выходит за рамки вопроса повышения цены на бензин и требований таксистов, а поскольку кризис имеет политический характер его следует разрешить политическими средствами»³⁸. При этом он высказал свои конкретные предложения по преодолению кризиса и призвал население и вовлеченные в конфликт стороны воздержаться на время переговоров между ними от действий и поступков, которые затруднили бы достижение договоренности.

Случай с таксистами, которым представители оппозиции воспользовались при отсутствии главы правительства, тогда преподносился в печати в качестве «забастовки таксистов», в конечном счете вошел в историю как «блокада таксистов», но он так или иначе был направлен либералами против правящей коалиции с тем, чтобы испытать ее на прочность, продемонстрировать неумение властей справляться со сложными ситуациями. Радикальные либералы несомненно преследовали при этом свои корыстные цели и нанесли престижу неопытного и растерявшегося правительства определенный урон. Эта акция явилась по сути первой существенной пробой сил оппозиции во главе с ССД против правоцентристского правительства Й. Анталла, которая могла бы привести даже к правительственному кризису.

Разрешением конфликта и преодолением его причин в итоге занялся упомянутый Совет по согласованию интересов, за работой которого в прямом телеэфире следила вся страна. Совет на переговорах сторон закончил свою согласительную деятельность в воскресенье, 28 октября поздно вечером. Правительство в конечном счете было вынуждено уступить, согласившись на выполнение важнейших требований таксистов. Оно отказалось от повышения цены на бензин, а таксисты тут же сняли блокаду транспортных артерий. Ситуация заставила однако больного премьера покинуть больницу и затем дать обещание парламенту проводить политику сотрудничества со всеми партиями на основе консенсуса, прежде всего, в вопросах преодоления в будущем экономических и социальных конфликтов.

Выступая 29 октября 1990 г. в парламенте, министр внутренних дел Венгрии Балаж Хорват, в частности, отмечал: «Правительство осознает, что лучшей подготовкой, более эффективным информированием населения можно было бы смягчить глубину конфликта... Правительство, — несмотря на то, что чувствовало за собой поддержку граждан, — не пошло на применение силы, поскольку осознавало, что лишь решение, базирующееся на консенсусе может принести стабильность для страны». На последующий день на события публично отреагировал и сам Й. Анталл. Оценивая ситуацию в стране, он далее высказался таким образом: «Мы вступили в новую фазу развития... Закончилась эпоха, при которой между парламентскими партиями мы не делали различий, да и сами партии не обращали внимания на то, кто из них за кого или против кого... Впредь мы же будем откровенны, даже если это будет означать для нас конец..., если большинство посчитает меня непригодным (для исполнения функций премьер-министра. — Б. Ж.), то я тогда уйду»³⁹. Парламент на сей раз, убедившись, что кроме этого правительства нет другой реальной политической силы для дальнейшего продолжения преобразований в стране, снова выразил ему доверие и обещание всяческой поддержки.

Последствия блокады таксистов в дальнейшем отразились как на руководстве оппозиционного ССД, так и на правительстве, в составе которых еще до конца 1990 г. были проведены некоторые кадровые перестановки. В правительстве наиболее существенной оказалась замена Б. Хорвата на посту руководителя МВД Петером Борошшем (которому после этого удалось упрочить свои позиции также в руководстве партии ВДФ), осуществленная 15 декабря, а также назначение Михая Купы министром финансов вместо ушедшего с этого поста в конце ноября Ференца Рабаря. В составе руководства оппозиционной партии либералов (ССД) также произошли некоторые перемены: мэром г. Будапешта городское собрание именно тогда — 31 октября 1990 г. избрало влиятельного в партии Габора Демски, а на пост председателя ССД 2 декабря был переизбран Янош Киш. Под руководством последнего эта партия радикальных либералов 16 февраля 1991 г. декларировала, что «ССД теперь уже является не просто оппозицией, а противником правительства» Й. Анталла. И тогда же один из членов руководства этой партии заявил, что подписание соглашения с ВДФ было ошибкой⁴⁰. По сути это действительно означало наступление новой фазы взаимоотношений между радикальными либералами и представителями правоцентристской коалиции, характеризующейся открытым противостоянием.

Отношения же между ССД и ВДФ в начавшемся десятилетии 90-х годов становились еще более натянутыми, поскольку радикал-либералы, выдавая себя, свою партию за единственно верных, истинных представителей демократии, начали обвинять Венгерский демократический форум и его лидера Й. Анталла в том, что они узурпируют власть и предают основные демократические ценности. Реагируя на эти нападки, представитель руководства ВДФ Имре Коня (опубликовавший накануне статью с анализом ситуации) 9 сентября 1991 г., в частности, отмечал: «На пике серии нападков ССД им была проведена пресс-конференция, на котором председатель этой партии предложил мне сделать эпиграфом к своей статье фразу «вся власть ВДФ» и заявить, что кому это не нравится, пусть дрожит... Вслед за этим мне предложили подписать так называемую *Демократическую хартию* вместе с теми, кто готов защищать основополагающие демократические ценности от ВДФ. Такие обвинения считаю грубыми и недостойными»⁴¹. Приведенная выдержка отражает лишь фрагмент той серии обвинений и интриг, которая была развернута против основной силы правящей коалиции либеральными демократами, но не дает полного представления о степени противостояния, а тем более о методах противодействия руководства ССД первому демократическому правительству.

Нарастив критику в адрес правящей правоцентристской коалиции, ССД стремился любой ценой продемонстрировать якобы свои лучшие знания и умение, следовательно, свое превосходство над правящей коалицией. Это все больше отдаляло друг от друга двух бывших партнеров по борьбе с коммунистическим режимом, нарушилось даже то хрупкое взаимопонимание, которое существовало до этого между демократическими силами по переустройству Венгрии. Разумеется, с другой стороны, в этом не было ничего противоестественного, ведь ВДФ стала правящей партией, а ССД оставалась оппозиционной также по отношению к этой новой, уже демократической власти. Заняв позицию ее оппонента, либералы пытались внушить венгерскому населению идею, что они сами лучше провели бы процесс намеченной трансформации, он был бы более стремительным и успешным, что в условиях перехода к рынку ВДФ якобы благоприятствует позднекадаровской элите и отвергает идею западного типа модернизации⁴². Положение оппозиционной силы, естественно, предполагало и допускало критику в адрес правительства. Другой вопрос, что маневры и действия ССД, используемые либералами методы и средства накаляли общественно-политическую атмосферу мешали работе действующего правительства, отвлекали его силы от реализации намеченных проектов политического и экономического переустройства.

Затрагивая различные аспекты взаимоотношения правящей правоцентристской коалиции и либеральной оппозиции, целесообразно напомнить, что радикальные либералы, позиционировавшие себя перед избирателями в условиях предвыборной борьбы 1990 г. в качестве самих последовательных и ярых борцов против коммунизма и вообще левых политических сил (включая ВСП), — которых тогда из популистских соображений подвергли самой резкой, а часто и зашутельской критике в расчете добиться желанной популярности, — по окончании парламентского цикла, когда этого потребовали их политические интересы, спокойно «переметнулись» в лагерь левых. Достаточно здесь, несколько забегаая вперед, отметить, что вскоре, с наступлением новой избирательной кампании 1994 г. либеральная партия ССД, как ни странно, но примкнула к партии социалистов, т. е. не брезговала стать коалиционной союзницей тех сил — бывших коммунистов, — которых ранее захлеб бичевала (ради объективности следует, правда, сказать, что, находясь с наследниками ВСП в длительном союзе, свободные демократы не во всем находили с ними общий язык).

Таким образом, если на коротком начальном этапе между главой коалиционного правительства и лидерами либеральной оппозиции на базе закулисного соглашения существовало некоторое временное согласие и установилось взаимодействие в вопросах кардинальных, но мирных политических преобразований, то со времени таксистской блокады «оппозиционный партнер» занимал уже критическую позицию в отношении политического курса, проводимого правящим кабинетом. И все же, несмотря на обострившуюся политическую борьбу оппозиционных партий с силами правящей коалиции и проистекавшие из этого издержки в деятельности правительства Й. Анталла, этому правительству при поддержке нового парламента удалось осуществить в целом весьма плодотворную работу по демократическому переустройству страны.

Суммируя основные результаты преобразований политической сферы и вклада правительства в этот сложный процесс, хотелось бы подчеркнуть следующее.

Правоцентристская коалиция во главе с Й. Анталлом в 1990—1994 гг. в своей повседневной деятельности решала самые актуальные проблемы исполнительной власти, она реализовала намеченные цели по переходу к демократии во всех сферах жизни венгерского общества. В области политики кабинет Анталла совместно с парламентом произвел необходимую ломку старого строя и добился реального перехода к европейскому типу демократии, заложил конституционные и юридические основы

функционирования новой структуры власти, которая обеспечивала последовательный переход к рыночным принципам и в сфере экономической деятельности. Намеченную Й. Анталлом программу преобразований на завершающем этапе 4-летнего цикла правления продолжил член кабинета Петер Борошш, возглавивший его работу после кончины первого премьер-министра в конце декабря 1993 г.

Парламент ВР за время своей работы успел обсудить и утвердить целый ряд новых законопроектов, подготовленных кабинетом министров и парламентскими комитетами в интересах осуществления намеченных правительственной программой трансформационных процессов. Он уже в 1990 г. преуспел в своей законотворческой деятельности. Только с мая до конца упомянутого года парламент принял 29 новых законов (в том числе, серьезных конституционных), сумел внести 48 существенных поправок к действующим законам и принять 135 парламентских решений в интересах дальнейшей демократизации страны, в том числе направленных на перестройку системы государственного управления. В дальнейшем, до 29 марта 1994 г. было принято еще 210 новых законов, произведено 205 модификаций текстов действующих законов и вынесено 348 парламентских решений⁴³ в интересах демократизации общественной жизни и коренных экономических преобразований.

Правительство Й. Анталла весной 1993 г., — предварительно согласовав с парламентскими и внепарламентскими партиями, а также с общественными организациями (отчасти по их же предложению) вопросы, связанные с выборами, — выступило с инициативой внесения некоторых изменений в венгерское избирательное право. Правда, при этом оно высказалось за целесообразность внесения в закон о выборах только двух поправок. Они касались вопроса об увеличении существовавшего ранее 4-процентного порога для прохождения политических партий в парламент до 5%, а также предоставления полного права участия в выборах проживающих за границей венгерских граждан, а также лиц с двойным гражданством (согласно существовавшим правилам участвовать в выборах им можно было только находясь на территории Венгрии)⁴⁴. Для решения проблемы правительству удалось предварительно заручиться поддержкой обеих оппозиционных либеральных партий (ССД и Фидес), ибо в этом случае требовалась поддержка двух третей депутатов парламента. Актуальность постановки этих вопросов объяснялось приближавшимися весной 1994 г. очередными выборами в Государственное собрание ВР. Введение 5%-ного барьера предотвращало слишком большое дробление голосов между мелкими партиями.

Несколько иначе складывалась ситуация с другим вопросом, весьма актуальным для правительства, который также оказался в центре внимания политических партий страны. Правительство весной 1993 г. подготовило еще один законопроект, предполагавший поставить под собственный контроль органы прокуратуры. Свое предложение представители кабинета Анталла мотивировали тем, что если прокуратура не стоит на стороне исполнительной власти, последняя не может вести эффективную борьбу против преступности, долларовой коррупции, не в состоянии разобраться в совершенных прежним режимом массовых расстрелах 1956 года⁴⁵. Эти устремления, — наряду с тем, что они вызывали реальные опасения для определенного круга лиц, — привели не только к дискуссиям, но и к обвинениям в адрес самого Анталла и его правительства, якобы стремившегося узурпировать власть в стране. Поднятая правительством проблема встретила прямое возражение со стороны таких двух посткоммунистических оппозиционных сил, как социалисты (ВСП) и радикальные либералы (ССД), в результате чего она не встретила поддержки и не нашла быстрого и легкого разрешения. Эта проблема, как и ряд некоторых других, осталась для рассмотрения уже составу парламента следующего созыва.

В парламентском цикле 1990—1994 гг. депутаты венгерского Госсобрания, несмотря на довольно напряженную работу, не успели до конца марта 1994 г. (завершение срока работы) обсудить ряд важных законопроектов и предложений, — среди них еще 49 правительственных, — которые касались, в частности, упомянутого урегулирования работы прокурорских и судебных органов, а также таких сфер, как модификация уголовно-процессуального права, вопросы муниципальной собственности, местного налогообложения, защиты окружающей среды, проблем семьи, правового положения солдат, печати и пр.

Завершая краткое обобщение основных итогов политических преобразований в Венгрии, достигнутых за период правления первого демократического кабинета, обратимся к рассуждениям и оценкам представителя из противоположного лагеря, члена центрального руководства ССД, известного писателя Дердя Конрада, который осенью 1990 г. на страницах печати высказал следующие слова признательности в адрес коалиционного правительства: «Наблюдая за внутренними процессами в Венгрии... первое, что замечу, это то, что возводится конституционное правовое государство, в котором основные права человека и гражданина до сих пор еще не нарушались. Кажется, что это так и будет. И хотя кризис еще не до конца преодолен, хотя правительство еще задерживается с нужны-

ми законопроектами, хотя в общем и в целом еще сохраняется унаследованная структура, все же жизнь и частное предпринимательство в экономике существуют. Внешнеторговый баланс перешел в состояние актива... В том, что либерально-демократическую реформу должно осуществлять консервативное правительство, есть что-то чисто венгерское. Желая того или нет, оно должно следовать логике открытости. Новый венгерский политический класс, без малого исключения умеет владеть собой»⁴⁶. Эти оценки деятельности правоцентристского коалиционного кабинета представляются достаточно объективными, тем более, что принадлежат фактическому оппоненту исполнительной власти. Ими в данном случае и можно завершить данный раздел настоящей главы.

6. Основные трансформационные сдвиги в экономике ВР при правительстве Й. Анталла

Новая политическая элита, пришедшая к власти в 1990 г., сразу же начала предпринимать меры к тому чтобы, — наряду с изменениями в политической сфере, — реализовать свои программные цели также в народнохозяйственной сфере, в которой она получила тяжелое наследство от прежнего режима. Экономика Венгрии находилась в состоянии глубокого кризиса. Это стремление нашло свое отражение как в политико-юридической, т. е. законотворческой, так и в практической деятельности правительства Й. Анталла. Для начала следует обратить внимание на одно принципиальное обстоятельство, подчеркнутое премьер-министром ВР в одном из его интервью для печати 27 августа 1990 г. Он выразил тогда убежденность в том, что «если бы коммунистическая система в экономическом плане не рухнула, коммунисты не отдали бы власть»⁴⁷.

Историю внешней и внутренней задолженности страны с подробным анализом причин и обстоятельств их роста за почти 30-летний период раскрыл в монографии «Политическая история задолженности, 1957—1986» директор венгерского Института политической истории Дердь Фелдеш, показав, что в стране к началу 1986 г. выяснилось не только отсутствие планируемого экономического роста, но и снижение национального дохода. Касательно же внешних экономических проблем, т. е. роста внешнего долга ВНР, автор отмечает, что он только за один 1987 год увеличился на 3 млрд. долларов. Это стало для небольшого государства тяжелым испытанием, в результате чего экономическая политика страны оказалась на «вынужденной орбите» и для нее «долговой кашкан захлопнулся». «На венгерскую экономику легло еще более тяжкое бремя, от которого уже нельзя было освободить и общество. Разразился экономический, об-

щественный и политический кризис»⁴⁸, — пишет автор. Он убежден, что «задолженность стала однако не единственной и даже не главной причиной смены системы», ибо она не исключала возможности для политиков выработать другие решения, находить лучшие ответы. И хотя, по мнению Фелдеша, задолженность «подточила авторитет политической элиты, неспособной преодолеть кризис», эта элита тогда «не предоставила возможности и не желала допустить к определяющему влиянию оппозицию, тем более ту ее часть, которая желала смены строя»⁴⁹.

Фелдеш отмечает, что с изменением обстановки в СССР, потерей советским руководством контроля над регионом и концентрацией его внимания на внутренних экономических проблемах, т. е. с коренными изменениями в международной обстановке, в Венгрии на передний план выдвинулась задача смены системы. Не освещая подробно в своей книге дальнейшие события, он констатирует, что «к концу 1986 г. внешняя задолженность Венгрии становилась практически нетерпимой, что не только исключительно негативно характеризовало реальную экономику, но и однозначно показывало: невозможно в дальнейшем сохранить социальные завоевания, основные ценности венгерского социализма». По его мнению 1986 г. показал, что «политическое руководство не располагает такими средствами, которые могли бы повернуть вспять неблагоприятные тенденции, при однопартийной системе оно уже не находило себе новых союзников для создания необходимой концентрации сил и осуществления перелома»⁵⁰.

И в самом деле, Венгрия набрала громадный внешний, в т. ч. государственный, долг, истинные масштабы которого долго скрывались от населения. Экономика страны пребывала в тяжелом состоянии и безусловно нуждалась в коренной перестройке. В сфере промышленного и сельскохозяйственного производства наблюдался спад, затронувший прежде всего крупные предприятия, и его необходимо было остановить. При значительном бюджетном дефиците валютные запасы страны находились на довольно низком уровне. Экономическая жизнь, начиная с 1972 г., была затронута углублявшимся инфляционным процессом, который стал характерным для нее явлением, продолжавшимся вплоть до 1991 г., когда благодаря мерам, предпринятым новым правительством, сменился этапацией. К началу 90-х годов среднегодовая инфляция достигла 35%⁵¹.

Премьер-министру, только что приступившему к выполнению своих обязанностей, приходилось сталкиваться при разработке мер по решению острых экономических проблем с непониманием со стороны прессы и общества, а также массивным давлением и происками определен-

ных сил оппозиции, прежде всего ССД. Недаром он уже в конце лета 1990 г., ссылаясь на то, что многие в печати, с одной стороны, призывают к демократии, называя диктаторскими те методы, которыми пользуется правительство для решения ряда неотложных задач. При этом, отмечал Анталл, от его кабинета ждут срочного решения и таких проблем, которые при демократиях не входят в его компетенцию, т. е. не являются задачей правительства. Он, в частности, заметил, что «Венгрия только начинает переход к рыночной экономике, а это означает перевод значительной части товаров на свободные цены» и предупредил, что правительство «лишь создает условия рынка, но оно не определяет цены на товары». «Мы управляем при помощи законов, можем регулировать экономическое развитие единственно с их помощью», — говорил Анталл. Подчеркивая это, он признал, что переход к новому строю «для общества является большим испытанием, громадной нагрузкой», которые надо однако выдержать, так как «страну из кризиса необходимо вывести»⁵².

Вообще-то если сравнить переход к рынку в Венгрии с аналогичным переходом других стран Центральной и Восточной Европы, надо подчеркнуть, что правительство Анталла сумело (конечно, допуская определенные просчеты и негативно воспринятый привыкшим к стабильности венгерским населением рост инфляции), осуществить этот переход наиболее плавно и менее болезненно. Достаточно здесь вспомнить о польских делах того времени, — где (в 1990 г. инфляция достигала 586%)⁵³ сама власть открыто заговорила о необходимости непопулярной «шоковой терапии» ради излечения экономики страны от посткоммунистических проблем. А тем более если указать на Россию, в которой несколько позже была применена ельциновскими рыночниками такая же терапия (хотя этим словом и не называлась), что сопровождалось, как известно, более чем 2560 % инфляцией было во много раз более шоковым, более болезненным для народных масс, чем в Польской Республике. Разумеется на этом неприглядном фоне меры венгерских властей, сумевших оградить своих граждан от подобных крупномасштабных социальных потрясений, выглядели много предпочтительней.

Одним из секретов преодоления кризисного состояния страны и более плавного венгерского перехода к рыночной экономике с отмеченными наименьшими инфляционными потрясениями безусловно считается обладание некоторым историческим опытом, приобретенным в 60—80-х годах, т. е. попытками и результатами тех реформ, которые с переменным успехом, но все же закладывали основы будущего рынка. Разумеется это лишь облегчало, но не гарантировало новому правительству отсутствие

социально-экономических проблем в процессе постреволюционной трансформации. Ведь необходимость коренной перестройки хозяйственно-экономической и социальной сферы на самом деле осознано уже и последнее коммунистическое правительство М. Немета. Еще оно, освободившись от партийно-директивной зависимости, став переходным правительством, разработало некоторые наметки неизбежных преобразований в этой области. В своей антикризисной программе им были намечены задачи по либерализации цен, зарплаты и импорта, по сокращению дотаций нерентабельным предприятиям, по созданию таких институтов рынка, как биржа, коммерческие банки и пр., а главное — в интересах сокращения государственных расходов и преодоления возросшего бюджетного дефицита это правительство объявило о необходимости широкой приватизации госсобственности и поощрения частного предпринимательства. Кроме всего прочего, в целях увеличения валютных запасов и ликвидации внешнего долга страны оно сочло весьма важным радикально изменить ориентацию внешнеэкономических связей, привлечь иностранный капитал и начать интеграцию со странами Запада.

Намеченные правительством задачи по выходу из кризиса и перестройки экономической жизни страны требовали неотложных решений. Одним из важнейших и наиболее эффективных из них стало решение о *приватизации государственной собственности*. Ведь демократическая Венгрия унаследовала упоминавшийся громадный внешний долг, страна оказалась в условиях трудно останавливаемого роста спирали инфляции, а промышленные мощности остро нуждались в модернизации, которая требовала привлечения капитала, чего в стране остро не хватало. Венгерский экономист Атила Салаи-Берзевици, первый председатель Будапештской биржи, открытой уже при правительстве Й. Анталла 21 июня 1990 г. (правда, на основании закона, принятого еще в феврале 1990 г.), характеризуя ситуацию того времени, впоследствии писал: «Правительству Немета во что бы то ни стало необходимо было наращивать валютные средства, чтобы избежать состояния неплатежеспособности и тем самым остановить рост дальнейшей задолженности страны. В таких условиях началась эпоха суетливой и отчаянной приватизации, при которой люди, принимавшие решения, двигаясь по заданной орбите, были вынуждены без особого взвешивания начать распродажу наших самых доходных предприятий»⁵⁴. Далее этот финансовый специалист обратил внимание на то, что переходное правительство Немета концентрировало свои усилия, прежде всего, на увеличении бюджетных доходов, пренебрегая при этом «прочими целями национального хозяйства, мало обращая внима-

ние на то, как будет формироваться структура предприятий Венгрии за длительный отрезок времени». В результате, согласно его же констатации, «самые доходные венгерские «финансовые учреждения, крупные промышленные предприятия и торговые сети, а также энергосистемы в подавляющем большинстве попали в руки иностранцев».

Все основные экономические наметки, составленные еще правительством М. Немета, безусловно, оставались актуальными и для кабинета Й. Анталла, и они были им учтены. Правда, приоритеты, акценты и подходы к их реализации несколько менялись. Важным для новой венгерской политической элиты в тех условиях становилось то, что у нее было взаимопонимание в главных вопросах стабилизации экономики и она желала продолжить начатый прежним правительством процесс приватизации.

Хотя в понимании основных задач трансформационного процесса, в его главных ориентирах представления венгерских политических партий практически совпали, в деталях их решения и во второстепенных вопросах между ними наблюдались определенные расхождения. Поэтому не удивительно, что в дальнейшем, в условиях первого парламентского цикла, заседания Госсобрания часто становились ареной острых споров между представителями различных политических фракций. Эти споры касались, однако, в основном темпов и методов приватизации, привилегий для разных групп предпринимателей, вовлеченных в приватизационный процесс, а также масштабов участия иностранного капитала в этом деле.

В то же время наиболее быстрым и скоротечным считался такой путь приватизации, как хорошо известная россиянам ваучеризация — бесплатная раздача пакетов акций населению (она, как известно, имела место также в Польше и Чехословакии). В Венгрии однако посчитали, что такой путь не приведет к созданию подлинных собственников. Политические партии страны поэтому отказались от бесплатной раздачи госсобственности и остановились на ее продаже-покупке. Такая необходимость мотивировалась и наличием масштабного государственного долга, за снижение которого высказались практически все политические партии страны. Единственная трудноразрешимая проблема заключалась в том, что у венгерского населения было мало средств для приобретения госсобственности, тогда как ее стоимость оценивалась в десятки раз дороже находившихся на руках у населения сумм, исчисляемых в 1989 г. всего 2—3 миллиардами, а в 1990 г. — порядка 100—150 млрд. форинтов⁵⁵. Тем не менее, учитывая опыт деятельности малых предприятий, правительство надеялось привлечь их свободные средства в экономику страны. Разуме-

ется, для трансформации собственности оно намеревалось использовать также иностранный капитал. Правящая коалиция так или иначе отдавала предпочтение *управляемой и контролируемой приватизации*.

В правительственной программе «Национального обновления», принятой уже в сентябре 1990 г., а затем в «Программе перестройки венгерской экономики» (апрель 1991 г.) были определены главные стабилизационные меры, нацеленные прежде всего на прекращение дальнейшего спада производства (еще в 1991 г.), сокращение темпов инфляции, восстановление бюджетного баланса, внесение изменений в процесс приватизации и установление государственного контроля за ним. Кабинет Анталла сразу же взялся за претворение в жизнь намеченных задач, сочетая при этом работу по созданию законодательной базы с практической деятельностью. С 1990 г. им было подготовлено и утверждено парламентом множество законов, регулирующих процесс экономического перехода к рынку, которые и стали юридической базой для развития промышленности, сельского хозяйства, торговли и, естественно, способствовали проведению приватизационных процессов, без развертывания которых считалось немыслимым становление новых народнохозяйственных порядков.

К началу 1991 г. правительству удалось добиться относительного упрочения как собственного положения, так и положения всей страны. Созданная в этот период солидная законодательная база для экономической трансформации обеспечила переход к рыночному хозяйству и имела большое значение с точки зрения регулирования практически всех важнейших процессов, развертывавшихся в экономике. В целом все эти меры были направлены на преодоление кризиса в течение 1991 г., т. е. прежде всего на сокращение темпа инфляции и дальнейшего спада производства, на восстановление платежного баланса страны. С этой целью к уже принятым в 1990 г. законам о ценовой политике (ограничение до минимума сферы государственного воздействия на формирование цен), выпуске и обращении ценных бумаг, предпринимались усилия также для комплексного законодательного урегулирования всех прочих финансовых и социально-экономических проблем, необходимого для решения поставленных правительством задач.

В качестве дополнения к концепции экономической политики правительства было решено выработать также конкретную *программу действий* с детализацией на 1991—1992 гг. и с обозначением основных задач на 1993—1994 гг. Выработка этой программы была поручена опытному специалисту Михаю Купе, который с 1984 г. руководил одним из отделов

Министерства финансов ВНР, а с 1988 г. возглавлял комиссию по реформированию бюджета и являлся главным координатором налоговой реформы, проведенной еще правительством Кароя Грасса. С декабря 1990 г. М. Купа занял пост министра финансов в правительстве Й. Анталла, где считался одним из наиболее популярных его членов.

В марте 1991 г. правительство приняло *программу Купы*⁵⁶, которая по сути стала масштабной и самой эффективной *программой по преодолению кризиса*. Она внесла серьезные изменения в политическую практику и формирование законодательных инициатив всей правоцентристской коалиции. В результате уже с 1991 г. имелась солидная законодательная база, необходимая для реализации программы. В соответствии с 62-м пунктом этой программы действий уже тогда предусматривалось завершение процесса создания новых финансово-экономических институтов и правовой системы, принятие основополагающих законов, которым предстояло регулировать процесс преобразования собственности, в том числе процедуру приватизации.

Благодаря принятию законов о государственном бюджете, об эмиссионном банке и финансовых институтах были созданы правовые регуляторы в сфере денежного обращения. Законы о финансовой отчетности, о банкротстве и процедурах его проведения, о ликвидации хозяйственных организаций в равной мере способствовали укреплению производственной и финансовой дисциплины, приучали предприятия и организации к жестким условиям рынка. Законы о капиталовложениях, о хозяйственном риске и страховании, о недобросовестном поведении на рынке создали благоприятные условия для новых инвестиций и притока капитала в экономику страны.

Не менее важными стали для венгерских предприятий законы, также принятые в 1991 г. и связанные с программой Купы. Они предусматривали либерализацию 90% импорта, предоставляли право на свободный импорт иностранных товаров на базе отечественных платежных средств, что давало возможность децентрализовать эту сферу. Ряд новых законов 1991 г. регулировал роль государства в таких реформируемых крупных системах перераспределения средств, каковыми являлись пенсионная система, жилищное хозяйство, здравоохранение и образование.

Программой Купы на 1992 г. предусматривалось увеличение числа частных собственников путем приватизации и притока иностранного капитала в страну, посредством дальнейшей модернизации финансовой системы, создания условий для роста эффективности материального производства. Программа положила начало реальному реформированию

государственного бюджета, способствовала принятию мер по дальнейшей либерализации экспорта и импорта. В расчете на ожидавшиеся проблемы в социальной сфере программой был специально создан накопительный фонд, в котором собирались весьма внушительные средства для поддержки малоимущих слоев населения, оказывающихся на социальной периферии, в т. ч. для облегчения положения безработных. Последующий, 1993 год, согласно предварительным расчетам Купы, должен был стать началом ощутимого экономического роста в результате развития производства и расширяющегося экспорта. В программе указывалось, что именно к этому времени можно добиться реальной стабилизации экономической ситуации и остановить дальнейший рост задолженности. Конец 1994 г. в программе Купы уже был обозначен в качестве периода оживления хозяйственной деятельности и роста ВВП, причем такого экономического оживления, которое базируется также на возросшем внутреннем потреблении. К этому времени предполагалось достичь существенного сокращения инфляции и добиться того, чтобы в экономике страны определяющей стала не государственная, а частная собственность⁵⁷.

Обозначенные нами законы, направленные на преодоление кризиса и преобразование строя, относительно легко проходили через парламент ВР, но отдельные из них, как, например, *компенсационный закон* (предусматривавший возмещение части убытков бывшим собственникам времен национализации), не раз встречал упорное сопротивление со стороны отдельных групп депутатского корпуса, вызывая острые споры и разногласия даже в лагере самой правящей коалиции. Тем не менее, представленный в апреле 1991 г. компенсационный закон, содержащий ряд элементов, которые тогда еще устаивали представителей Независимой партии мелких хозяев (НПМХ), был впервые принят. Однако Конституционный суд уже в мае отклонил его и отправил на повторное рассмотрение. Парламент 26 июня снова, хотя и с некоторыми поправками, принял этот закон.

Его новый вариант оказался ближе всего к позициям, предложенным правящим Венгерским демократическим форумом. В нем *реприватизация* как таковая была отклонена, но получил поддержку принцип ее частичной реализации. Характерно, что по сути именно этот *ключевой закон* открыл путь к принятию ряда других законов о приватизации и фактически существенно подтолкнул весь приватизационный процесс, особенно в сфере сельского хозяйства. Правда, обострившаяся борьба вокруг этого вопроса привела в дальнейшем не только к конфронтации различных политических сил, но и к разладу в самой правящей правоцентристской

коалиции. Она ослабила ее внутренне, ибо в дальнейшем упомянутый закон пробудил группу депутатов во главе с лидером НПМХ Йожефом Тордяном к выходу из коалиции. Однако часть фракции этой партии — в общей сложности 36 депутатов — все же осталась членами правящей коалиции⁵⁸, помогая тем самым сохранить принципиальную целостность правящего кабинета, не вызвав правительственного кризиса. Другой же коалиционный партнер кабинета Анталла — Христианско-демократическая народная партия (ХДНП) — не был столь болезненно затронут данным законом. Депутаты этой партии больше интересовались проблемами возвращения церковной собственности, что гораздо легче решалось на основе закона, принятого в середине июня 1991 г. Компенсационный закон таким образом не только подтолкнул приватизацию в Венгрии и вызвал некоторую эрозию в лагере правоцентристских сил, но одновременно продемонстрировал также некоторые границы, в пределах которых исполнительная власть (правительство) имела возможность реализовать свою волю.

Что же касается практических дел *реального экономического переустройства*, то следует отметить, что многие венгерские предприятия, привыкшие ранее к государственным дотациям, в кризисных условиях второй половины 80-х годов работали с малой или недостаточной эффективностью, а новое правительство с такой ситуацией не было готово мириться. К тому же политические перемены, осуществленные в 1989—1990 гг., сразу же поставили хозяйственные объекты, — по ряду обстоятельств достаточно ослабленные, — в далеко не легкую рыночную среду. Они оказались перед выбором и были вынуждены меняться. К лету 1990 г., когда в стране уже как грибы росли малые предприятия, все еще 90% занятого населения и 95% производственного капитала находились на крупных государственных предприятиях⁵⁹, которые работали с недостаточной эффективностью. В таких условиях министр промышленности и торговли нового правительства П. А. Бод (ранее занимавшийся изучением системы хозяйственного управления в Институте экономики Госплана ВНР заговорил о необходимости инноваций и росте производства, и взял курс на их приватизацию. Это означало, что настал конец прежней практики, при которой «руководитель предприятия еще не довел его (свое предприятие. — Б. Ж.) до полного краха и поэтому мог оставаться на своем месте». Такие не до конца разоренные предприятия еще можно было, по словам министра, «либо обновлять, либо передать в частные руки, и тогда они будут иметь собственника, а если останутся в госсобственности, то их необходимо поставить под такой контроль, чтобы... они не работали больше с малой эффективностью»⁶⁰.

До принятия госпрограммы приватизации многие руководители заводов, фабрик и пр. спешили преобразовать свои предприятия в разрешенные законом акционерные общества (в т. ч. с ограниченной ответственностью), создавая видимость появления «новых собственников». Они тем самым вместе с чиновниками или менеджментом предприятий пытались спасти свои позиции, выводя предприятия из-под государственного контроля. В этом деле торопливость проявляли именно они, а не государство, которое на начальном этапе оставалось довольно пассивным наблюдателем таких преобразований. Прослойка же бывшей руководящей элиты госпредприятий была заинтересована именно в такой скрытой, а не публичной приватизации, переводя собственность в свои же руки.

Процессу скрытой приватизации и было призвано помешать созданное в начале 1991 г. с целью наведения порядка и дальнейшего урегулирования приватизационных процессов *Государственное Имущественное Агентство* (ГИА), которое и сыграло важную роль в процессе экономической трансформации. Первая приватизационная акция была объявлена еще в сентябре 1990 г. и проходила уже под контролем ГИА. На аукцион было выставлено 20 крупнейших акционерных общества (среди них аналог «Интуриста» — «Ибус», транспортное предприятие «Волан», сеть крупных магазинов «Центрум», химико-фармацевтическое предприятие «Геден Рихтер» и др. АО) стоимостью капитала в 33 млрд. форинтов⁶¹. Однако предстояло осуществление перевода намеченной части госпредприятий в частную или коллективную собственность на конкурсной основе. В руках государства к началу 1991 г. оставалось еще национальной собственности на сумму 2000 млрд. форинтов.

Правительство Й. Анталла (а после его кончины П. Борошша), хотя и остро нуждалось в средствах и являлось сторонником приватизации, не проявляло особой торопливости в приватизационном процессе. Весной 1991 г. оно обнародовало специальную программу передачи госсобственности в частные руки под контролем ГИА. В соответствии с этой программой к 1994 г. предусматривалось сокращение удельного веса государственной собственности до 50%, а доля частной собственности (венгерской и иностранной вместе) при этом должна была вырасти до 35%. За три года при этом удельный вес иностранной собственности предполагалось увеличить с 3,5% в начале 1991 г. максимально до 25%⁶².

Реализуя программу приватизации, государство оставляло в госсобственности коммунальные предприятия, государственные концерны и холдинги, торговые корпорации. Правительство исходило из необходимости сохранить в ведении государства объекты нефтедобывающей и газодобы-

вающей промышленности, а также транспортировки этих продуктов, электростанции, которые на 100% оставались в собственности государства. Кроме того оно оставляло за собой права на 51% собственности в так называемых стратегического значения отраслях промышленности и сфере услуг, а также в четырех крупных коммерческих банках, в которых 49% могли приобретать отечественные вкладчики⁶³. В условиях спада производства и последующей приватизации в 1991—1993 гг. в Венгрии в общей сложности ликвидировано около 1500 предприятий, из которых 850 были затронуты процедурой банкротства⁶⁴, однако при соблюдении строгой и жесткой финансовой отчетности.

И хотя указанный подход к приватизации приносил в государственную кассу не так много финансовых средств и несколько сдерживал темпы преобразования собственности (по имеющимся данным до весны 1994 г. была приватизирована госсобственность на сумму всего на 310 млрд. форинтов)⁶⁵, правительство достигло ощутимых результатов в деле формирования прослойки отечественных собственников. То есть намеченная правительством программа приватизации на 1991—1994 гг. была выполнена. Ко времени истечения полномочий правительства Анталла—Борошша степень приватизированной собственности достигала 50%, причем доля отечественной частной собственности в различных отраслях экономики составляла 25—30%, а иностранной собственности — 15—20%⁶⁶. К концу парламентского цикла процесс приватизации несколько замедлился, поскольку у отечественных предпринимателей не хватало средств, чтобы приватизировать предприятия таких оставшихся ключевых отраслей экономики, как металлургия, энергетика, химия, транспорт и пр., а также банковская система. Начиная с лета 1994 г. их приватизацией уже занялось последующее коалиционное правительство, сформированное социалистами и либеральными демократами, которое повело приватизационные процессы в задуманном ими ускоренном темпе.

Если вернуться к характеристике венгерской народнохозяйственной политики в первой половине 90-х годов, следует отметить, что правительство Анталла—Борошша за 1990—1994 гг. в итоге приватизировало госсобственность на сумму 310 млрд. форинтов. Причем переход к рынку осуществлялся в стране в исключительно тяжелых внешнеэкономических условиях, когда распался СЭВ, а государства Европейского Экономического Сообщества пользовались политикой протекционизма. Параллельно со сложными внешнеэкономическими условиями и в самой стране приходилось преодолевать далеко не простую экономическую ситуацию, которая характеризовалась продолжавшимся спадом производства, неизбежным в обстановке трансформационного процесса. Этот трансфор-

мационный спад привел к тому, что за четыре года правления правоцентристского кабинета показатели экономики, по некоторым сведениям, сократились на 20%, что специалистами считалось серьезным признаком все еще не до конца преодоленного кризиса⁶⁷. Но, приводя этот показатель, нельзя забывать, что он появился в печати уже в условиях развернувшейся новой предвыборной кампании и был, по словам известного экономиста Б. Кадара, несколько преувеличенным. По подсчетам этого специалиста реальный спад венгерского ВВП за четыре года правления правоцентристского кабинета составил не более 13—14%, что гораздо меньше по сравнению с показателями ряда других стран бывшего социалистического ареала (Болгария, Румыния, СССР и др.)⁶⁸.

Конечно, экономическая ситуация в Венгрии была тогда далеко не простой, и она осложнялась, в частности, возникшими в сельском хозяйстве проблемами (засухой 1993 г., в результате которой стоимость производства отрасли достигла всего 65% уровня 1989 г.), дальнейшим сокращением промышленного производства (за 1989—1993 гг. оно сократилось на одну треть)⁶⁹. Правда, при этом нельзя пройти и мимо такого факта, что спад промышленного производства, который приходился на крупные промышленные предприятия (мелкие и средние скорее приспособились к новым условиям), благодаря предпринятым правительством мерам в 1993 г. был остановлен. Кризисные же явления в венгерском сельском хозяйстве были связаны не только с распадом социалистического рынка, куда ранее направлялись 90% зерновых, 60% консервов и птицы, 80% вина⁷⁰, но и тем обстоятельством, что отрасль практически лишилась дотаций со стороны государства, а это не позволяло ей конкурировать на рынках с сельскохозяйственными продуктами западных стран, которые получали от государства большие дотации. Достаточно сказать, что если в начале 80-х годов венгерское сельское хозяйство имело почти схожий со странами Европейского Сообщества уровень дотаций, то к началу смены строя (1989—1990 гг.) он сократился до 10—12%, а к 1993 г. составлял всего 3%. В результате из-за низких дотаций продукция венгерского сельского хозяйства оказалась в проигрыше и не выдерживала ценовую конкуренцию на внешних рынках по сравнению с такими соперниками, как США или ЕС, получавших в 1992 г. высокую госдотацию — соответственно 28% и около 47%⁷¹. Приводя эти факторы экономического спада в Венгрии в переходных условиях, не забудем подчеркнуть, что с данными проблемами столкнулось бы и любое другое правительство, ведь для лечения трансформационных кризисов не существовало и сейчас не существует каких-либо готовых, научно обоснованных моделей.

Процесс перестройки и либерализации венгерской экономики, хотя он оказался сравнительно растянутыми во времени, *не привел к масштабному всплеску инфляции*, которую правительство держало под контролем и она оставалась управляемой. Так, если обесценение венгерской национальной валюты (форинта) в конце 80-х годов было постоянным явлением и к 1991 г. годовой темп роста инфляции достиг уже уровня в 35%, то правительству Й. Анталла к 1994 г. удалось не только остановить такой высокий темп роста уровня цен или удерживать инфляцию на том же уровне, но и существенно снизить ее. В 1991—1992 гг. правительство Анталла считало своей первостепенной задачей именно снижение инфляции и сохранение внешнеторгового баланса страны. Констатируя это, сошлемся на некоторые сведения Центрального статистического управления ВР по итогам 1993 г., в соответствии с которыми «инфляция в последние годы подскочила до невиданных в прежние десятилетия масштабов и возникла угроза необратимости этого процесса; правительству эту проблему удалось решить»⁷². То есть весьма опасные темпы роста инфляции первому демократическому правительству все же удалось остановить. И в этом его несомненная заслуга перед собственным народом. Ведь наряду с весьма существенным снижением темпа инфляции, в результате ряда экономических факторов (обеспечение внешнеэкономического баланса, экономического роста и безработицы) все же произошел некоторый рост потребительских цен с 12,4% в 1992 г. до 13,2% в 1993 г. Правительство рассчитывало на то, что в комплексе на потребительском рынке и в дальнейшем удастся удержать рост цен в 1994 г. на уровне 16—19% (это, однако, не было достигнуто и уровень инфляции достиг 20%)⁷³. Общий уровень инфляции в Венгрии к 1993 г. был снижен с 35% до 22%, а в 1994 г. — до 17%⁷⁴.

Правительству Анталла-Борошша, вопреки реальным трудностям, удалось добиться и некоторых других успехов в трансформационном процессе. Международный *платежный баланс* страны был полностью восстановлен, за 1991—1993 гг. экспорт венгерских товаров увеличился с 7 до 11 млрд. долларов⁷⁵. Благодаря финансовой политике правительства *валютные запасы страны* выросли с 800 млн. долларов в конце 1989 г. и 1,2 млрд. в 1990 г. до 6,5 миллиарда долларов к началу 1994 г. Накопления населения за 4 года в национальной валюте увеличились со 180 млрд. до 1070 млрд. форинтов. О реальных масштабах осуществленных правительством экономических и социальных преобразований свидетельствовало и то обстоятельство, что более двух пятых ВВП в Венгрии летом 1993 г. уже производилось в частном секторе. Властям удалось к тому времени

образовать и первую, хотя тогда еще и не очень мощную прослойку отечественных частных предпринимателей, численность которых увеличилась со 169 тыс. до 680 тыс. человек⁷⁶, занимающихся производством, бизнесом и торговлей. Кроме этого Венгрия, начиная с 1991 г., стала одной из самых привлекательных для иностранного капитала стран бывшего восточного блока, куда устремились западные предприниматели, вкладывая свои средства в ее экономику. В страну ежегодно поступало по 1,5—2,0 миллиарда долларов активного капитала⁷⁷.

Наряду с этими реальными экономическими достижениями у Венгрии оставалось и немало *нерешенных* задач. В наследство правительству с конца 80-х годов достались и такого рода социально-экономические проблемы, которые оно лишь пыталось или только начинало решать, но одного парламентского цикла (1990—1994 гг.) для их разрешения оказалось недостаточно. Среди таких проблем вполне закономерно оставался немалый (в конце 1993 г. 24,7 млрд. долларов)⁷⁸ *внешний долг страны*, который при большей опытности и поворотливости, а может, меньшей самоуверенности правящих кругов, мог быть и списан. Сюда же надо отнести и проблему роста *безработицы* как неизбежного спутника рыночных преобразований. Только скрытая безработица внутри предприятий к концу 80-х годов XX века, по подсчетам того же Б. Кадара, достигала в Венгрии 15—20%⁷⁹. В условиях кризиса и экономической трансформации, как отмечал другой экономист Я. Тимар, в Венгрии было утрачено в общей сложности до 1,3 млн. рабочих мест⁸⁰, и многие из покинувших эти места по сокращению или по причине ликвидации предприятий стали безработными. Число последних, зарегистрированных на бирже труда с 1990 по 1993 г. постоянно увеличивалось, и безработица оставалась тяжелой проблемой для правительства, которому за рассматриваемый период так и не удалось избавиться от нее. Динамика роста безработицы в численном выражении была следующей: в 1990 г. 24 тыс., в 1991 г. — 101 тыс., в 1992 г. — 406 тыс., в 1993 — 663 тыс., в 1994 г. — 632 тыс. человек⁸¹. Сохранился и *бюджетный дефицит*, который тоже и не удавалось преодолеть, однако в 1990—1992 гг. правительство сумело удерживать его на прежнем уровне, лишь в 1993 г. начался его некоторый рост, который затем (уже при последующем социал-либеральном правительстве ВР) достиг в 1995 г. уровня 12 млрд. форинтов⁸².

Оценивая реальный вклад правительства Анталла в дело экономической трансформации страны, директор Центрально-Европейского Международного банка (СІВ) Дердь Шурани весной 1994 г. в одном из интервью газете «Мадьяр Немзет», как бы полемизируя с очернителями всей деятельности поравоцентристского демократического правительст-

ва, заявил следующее: «Правительству на этапе с конца 1989 года (его последней четверти) и до середины 1992 г. в напряженных социальных условиях ценою немалых жертв удалось развернуть существенные структурные преобразования. Все это нельзя драматизировать, ведь определенные потери неизбежны при замене старой общественной формации новой. Здесь достаточно вспомнить о развале СЭВа, в результате которого Венгрия лишилась значительной части рынка для своего экспорта. Нельзя удивляться также тому, что ее реальные показатели сократились, но этого нельзя было избежать даже в случае, если утвердился бы другой политический курс... Параллельно с этим наступили благоприятные перемены. Существенно улучшилось финансовое и экономическое положение страны. Не рухнул внешний баланс, удалось сдерживать инфляцию, более того, сократились темпы его роста... Удалось более-менее восстановить и равновесие бюджета, произошли существенные сдвиги, — а это явное свидетельство появления доверия к деньгам, — в росте денежных сбережений для вложения в экономику, достигших беспрецедентных в истории масштабов»⁸³.

В этом интервью Д. Шурани, будучи специалистом по финансово-экономическим проблемам, разумеется, указал также на некоторые, приведшие в 1993 г. к дисбалансу и росту бюджетного дефицита причины, сопряженные с отдельными законами, перерасходом бюджетных средств и тем обстоятельством, что правительство опасалось провести бюджетную реформу в 1990—1991 гг. Приватизацию этот специалист признал довольно стремительной, а политику правительства в отношении инфляции положительной. «Считаю важным подчеркнуть, что в истекшие четыре года, хотя инфляция и была высокой, ее все время удавалось удерживать под контролем, — отмечал он. — Никогда не было опасности ее выхода из-под контроля»⁸⁴. При этом он счел однако своим долгом указать на необходимость ее дальнейшего сокращения.

Рассмотренные выше важнейшие аспекты действий первого демократического правительства ВР по преобразованию (трансформации) плановой социалистической экономики свидетельствуют, таким образом, о существенных достижениях новой власти на этом пути, хотя непререкаемых, проверенных рецептов такого преобразования не было и нет. Если учесть при этом, что все трансформационные процессы в хозяйственной сфере осуществлялись в далеко не благоприятных внешних и внутриэкономических условиях, то тем более можно констатировать, что кабинет Анталла-Борошша совершил решительный и успешный шаг не только в деле вывода страны из кризисного состояния, но и в кардинальных экономических и системных преобразованиях.

* * *

В заключение всего изложенного выше подчеркнем следующее. В результате мирной «переговорной революции» и перехода от 40-летней коммунистической диктатуры (системы советского типа) к принципиально иной системе партийного плюрализма и всеобщей выборности, к правовому государству, Венгрия стала а цивилизованные рельсы европейской демократии и сближения с западной частью континента, от которой была оторвана и изолирована на протяжении всего послевоенного периода. В стране развернулись процессы глубоких общественно-политических и социально-экономических преобразований в духе намеченных в 1989 г. Национальным Круглым столом. Осуществлять реальный слом старой системы, т. е. изменить государственно-политическое устройство и экономические порядки, обеспечить перевод страны на демократические рельсы, были призваны прежде всего новый парламент и созданное им правоцентристское коалиционное правительство Й. Анталла. Автор данной главы на основе соответствующего исторического материала как раз и стремился показать, как это реально происходило, насколько здесь были успешны Госсобрание Венгерской Республики и особенно кабинет Й. Анталла, ибо роль исполнительной власти в решении таких масштабных задач чрезвычайно велика. Представляется, что в области политического переустройства страны сделано было немало, четырехлетняя программа действий правительства в основном выполнены.

Период 1990—1994 гг. характеризовался существенными трансформационными подвижками также в народнохозяйственной сфере. Правительству Анталла удалось остановить дальнейшее углубление кризиса в экономике, а по ряду показателей даже улучшить ситуацию в стране, т. е. добиться определенного экономического роста, значительного снижения темпов инфляции. Правительство за указанные годы начало и успешно осуществило подконтрольную и прозрачную приватизацию части государственной собственности, при которой приоритет отдавался отечественным предпринимателям, что способствовало формированию прослойки венгерских собственников. Начатый демонтаж госсобственности, проведение приватизации, — хотя и не были лишены определенных недостатков и поэтому временами сопровождались шумихой в средствах массовой информации, — способствовали утверждению рыночных условий.

Кардинальные сдвиги в политической жизни, разумеется, проходили легче и более стремительно, чем реальные преобразования в социально-экономической области. И это понятно, ведь для широких слоев насе-

ления, несомненно стремившихся к демократии западного образца и соответствующим жизненным стандартам, переустройство политического бытия на принципах парламентской демократии было ожидаемым, желанным и проходило не столь болезненно, как переход к рыночным условиям. Ведь сам выход страны из экономического кризиса, проведение трансформационных процессов в народно-хозяйственной сфере подвергали многих граждан определенным испытаниям, требовали своего рода социальных жертв. К тому же экономическая трансформация проходила не столь стремительно, являясь серьезным негативом особенно для неподготовленных и малообеспеченных слоев общества. Она затрагивала всю социальную сферу, интересы каждого и оказывала, особенно на первом этапе, довольно болезненное воздействие на беднейшие слои населения.

Разумеется, масштабы задач, намеченные первым демократическим правительством Венгерской Республики весной 1990 г. по изменению государственно-политического строя и по смене социально-экономической системы, были весьма объемны и полная их реализация, конечно, требовала больше времени, чем четыре года правления этого кабинета (кстати, единственного в постсоциалистическом регионе Европе, который полный срок оставался на посту без правительственных кризисов). Но весьма существенными оказались и достижения этого первого правительства по переустройству всей политической и хозяйственной сферы. И хотя они по-разному воспринимались и оценивались современниками, значение этих достижений несомненно велико. Ведь в венгерских условиях именно правительство Й. Анталла осуществило исторический переход от однопартийной коммунистической системы к многопартийной парламентской, заложило реальные основы функциональной демократии и рыночной экономики в стране, после чего процесс системных демократических преобразований стал необратимым.

П р и м е ч а н и я

¹ См.: Венгерская «переговорная революция» // История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., Наука, 2007, С. 75—128.

² Там же.

³ Здесь и далее ссылки на Конституцию Венгерской Республики приводятся на русское издание: Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М., 1997, С. 97—132.

⁴ 20. századi magyar történelem 1900–1994. Budapest, 1997, 385. o.

⁵ Еженедельный бюллетень МТИ (Венгерского Телеграфного Агентства), 28 мая 1993 г. С. 1.

⁶ Там же, С. 2.

⁷ Nem az SzDSz ifjúsági szervezete. Interjú Orbán Viktorral // *Heti Világgazdaság*, 1990. március 3.

⁸ Ripp Zoltán. Rendszerváltás Magyarországon 1987–1990. Budapest, 2006, 536. o.

⁹ Ibidem, 535. o.

¹⁰ 20. századi magyar történelem... 385. o.; *Ripp Zoltán*. Op. cit., 540. o.

¹¹ Magyar Nemzet, 1990. április 13; Ripp Zoltán. Op. cit., 541. o.

¹² *Kis János*. A megállapodás // *Beszélő*, 1990. május 19. 4–5.o.; *Ripp Zoltán*. Op. cit., 545.o.

¹³ Magyar Hírlap, 1994. április 8.

¹⁴ Magyar Hírlap, 1994. április 8.

¹⁵ Népszabadság, 2005. március 25.

¹⁶ Magyar Nemzet, 1990. július 6.

¹⁷ *Szabad György*. Az Országgyűlés elnöke eszköz legyen a népakarat felsőbb szintű megnyilatkozásában // Közép-Kelet Európa mozgásban. Beszélgetések a rendszerváltásról. Budapest, 1990, 165–167.o.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Magyar Hírlap, 1994. április 8.

²⁰ *Antall József*. Az átalakulás Magyarország hatalmas történelmi vállalkozása // Közép-Kelet-Európa mozgásban. Beszélgetések a rendszerváltásról. Budapest, 1990, 121–122. o.

²¹ *Bölgöny József*. Magyarország kormányai 1848–1992. Budapest, 1992, 115.o.

²² *Ripp Zoltán*. Op. cit. 548.o.

²³ *Antall József*. Modell és válság. II. köt., Budapest, 1994, 42–43.o.

²⁴ *Antall József*. Az átalakulás., 123.o.

²⁵ *Bölgöny József*. Op. cit., 338, 388. o.

²⁶ Államigazgatás. Bizonytalanságban // Magyarország, 1990. március 23., 20.o.

²⁷ Politikai Balásors // Magyarország, 1990. május 18., 19.o.

²⁸ *Romsics Ignác*. A rendszerváltás első négy éve // A magyar forradalom eszméi (1990–1994). Budapest, 263.o.

²⁹ Népszabadság, 2007. február 10.

³⁰ *Romsics Ignác*. Op. cit., 263.o.; *Izsák Lajos*. Rendszerváltástól rendszerváltásig. 1944–1990. Budapest, 1998, 175.o.

³¹ Ibidem, 264. o.

³² Van feltámadás és újjászületés. Interjú József Antall miniszterelnökkel // Magyarország, 1990. december 21., 2. o.

³³ Ibidem, 3.o.

- ³⁴ Népszabadság, 1993. július 7.
- ³⁵ Magyar Hírlap, 1990. október 1.
- ³⁶ Népszabadság, 1994. március 5.
- ³⁷ Demokratikus rend és felelősség // Magyarország, 1991. február 8., 6. o.
- ³⁸ Népszabadság, 1994. március 5., 23.o.
- ³⁹ Magyar Hírlap, 1994. április 8.
- ⁴⁰ Népszabadság, 1994. március 8.
- ⁴¹ Magyar Hírlap, 1994. április 8.
- ⁴² Népszabadság, 1993. július 7.
- ⁴³ Magyar Hírlap, 1994. április 8.
- ⁴⁴ Еженедельный бюллетень МТИ, 28 мая 1993 г. С. 1—3.
- ⁴⁵ Babus Endre. Vádorzők // Hétvégi Világgazdaság, 1993. április 24, 88—90.o.
- ⁴⁶ Magyar Hírlap, 1990. szeptember 29.
- ⁴⁷ Antall József. Az átalakulás..., 124.o.
- ⁴⁸ Földes György. Az eladósodás politikai története 1957—1986. Budapest, 1995, 243., 257.o.
- ⁴⁹ Ibidem, 19.o.
- ⁵⁰ Ibidem, 20.o.
- ⁵¹ Romsics Ignác. Op. cit., 270—271. o.
- ⁵² Antall József. Az átalakulás..., 124—125.o.
- ⁵³ Центральная и Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 3. М., 2002, С. 118.
- ⁵⁴ Népszabadság, 2007. június 29., 11.o.
- ⁵⁵ Romsics Ignác. Op. cit., 265—266. o.
- ⁵⁶ Népszabadság, Hétvége. 1994. március 12.
- ⁵⁷ Ibidem.
- ⁵⁸ Népszabadság, Hétvége, 1994. március 12.
- ⁵⁹ Magyar Hírlap, 1990. július 9.
- ⁶⁰ Bod Péter Ákos. Egy állami vállalat ne működhessen tartósan gyenge hatékonysággal // Közép-Európa mozgásban..., 160—161.o.
- ⁶¹ Romsics Ignác. Op. cit., 266.o.
- ⁶² Стратегия правительства в области приватизации — МТИ // Еженедельный Бюллетень, № 16, 19 апреля 1991 г. С. 5—6.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Центральная-Восточная Европа... С. 122.
- ⁶⁵ Romsics Ignác. Op. cit., 266.o.
- ⁶⁶ Népszabadság, 1994. november 30.

- ⁶⁷ Magyar Nemzet, 1994. február 4.
- ⁶⁸ Új Magyarország, 1994. május 6.
- ⁶⁹ Romsics Ignác. Op. cit., 270.o.
- ⁷⁰ Magyar Nemzet, 1994. március 5.
- ⁷¹ Еженедельный бюллетень МТИ, 28 мая 1993 г. С. 14—15.
- ⁷² Magyar Hírlap, 1994. január 18.
- ⁷³ Ibidem.
- ⁷⁴ Új Magyarország, 1994. május 6.
- ⁷⁵ Еженедельный бюллетень МТИ, 11 июня 1993 г., С. 13—14.
- ⁷⁶ Új Magyarország, 1994. május 6.
- ⁷⁷ Еженедельный бюллетень МТИ, 11 июня 1993 г., С. 14.
- ⁷⁸ Új Magyarország, 1994. május 6.
- ⁷⁹ Új Magyarország, 1994. május 6.
- ⁸⁰ Népszabadság. 1994. május 9.
- ⁸¹ Ibidem.
- ⁸² Romsics Ignác. Op. cit., 271.o.
- ⁸³ Magyar Nemzet, 1994. március 4.
- ⁸⁴ Ibidem.

Глава III

Вторая волна социально-политической трансформации в Польше: начало реформ в социальной сфере (1999—2007)

После перелома 1989 г. основными направлениями политической трансформации стали: переход от авторитарной власти к демократической, от монополии одной партии к многопартийности, от номенклатуры к плюралистической политической элите, от власти партийных органов и аппарата к власти высших органов государства и органов государственной администрации, от монополии административной власти к территориальному самоуправлению. В результате демонтажа системы «партия—государство» власть перешла в руки парламента, президента, правительства и центральной администрации.

В декабре 1989 г. сейм принял пакет из десяти законов, названный позже по имени министра финансов в правительстве Т. Мазовецкого «планом Бальцеровича», направленный на стабилизацию экономической ситуации и переход в Польше к рыночной экономике. Программа закладывала основы такого перехода от социалистического централизованного планирования к рыночной системе. За государством была признана решающая роль в народнохозяйственном развитии: расширение и гибкое применение как старых, плановых, так и новых, рыночных, рычагов. Именно это позволило сохранить управляемость экономических процессов, избежать широкомасштабной криминализации экономики и власти (как это произошло в России), и заметно смягчить социальные последствия реформ. Единственным динамично развивающимся сектором на начальном этапе системной трансформации стал частный сектор.

«Малая приватизация» проводилась в основном в 1990—1992 гг. и в результате в частные руки перешли около 97% всех магазинов, торговых точек, ресторанов и небольших предприятий сферы бытовых услуг. Постепенно «малая приватизация» стала все шире распространяться и на производственную сферу. Что же касается приватизации массовой, то поскольку с ней связано не только нарастание социальной напряженности, но и криминализация экономических отношений, то первые мероприятия в этой области начались лишь в 1996 г.

Оценивая начальный период экономических реформ (1990—1993 гг.), можно констатировать, что основные цели «плана Бальцеровича» были в целом достигнуты, правда, с некоторыми отклонениями от программных установок. Хотя начальный этап реформирования имел высокую социальную цену (почти 40%-е снижение жизненного уровня, рост дифференциации доходов и потребления населения, распад системы привычных социальных гарантий и т. д.), продуманная и постоянно корректируемая политика в области заработной платы, а также индексации пенсий и социальных пособий позволила в достаточно короткие сроки поднять реальные доходы населения на докризисный уровень, чего, скажем, в России до сих пор не произошло.

В 1994—1998 гг. закреплялись достигнутые позитивные результаты, велись попытки скорректировать последствия допущенных прежде ошибок и шла подготовка нового этапа углубленного реформирования социально-экономической системы. В это время левоцентристские правительства продолжали совершенствование и углубление ранее начатых процессов приватизации, приступили к изменениям государственного устройства, к созданию законодательной базы реформирования социальной сферы, осуществили дальнейшее развитие современной рыночной инфраструктуры. По существу они продолжали неolibеральную политику правительств «Солидарности» с некоторыми коррективами, касающимися социальной политики, приватизации, государственной защиты некоторых секторов экономики. Самым значимым достижением этого периода стало не просто преодоление экономического кризиса, терзавшего страну в течение всех 80-х и начала 90-х гг., но и обеспечение высоких темпов экономического роста — в 1994—1997 гг. — 6—7% в год. В 1998 г. доля частного сектора в ВВП достигла примерно 60%, в промышленном производстве — 52%¹.

Крупнейшим успехом декады 90-х годов являлось построение фундамента демократических порядков. Основные направления процесса формирования демократической политической системы — становление правового государства, в частности развитие парламентской демократии, принципов политического плюрализма, эволюция партийной системы. Проявлением процесса демократизации являлся, в частности, достигнутый прогресс в формировании многопартийной системы. Произошло известное упорядочение политической системы, которая сначала характеризовалась большим распылением. Конец декады принес консолидацию политических сил и рождение системы с двумя доминирующими

полюсами (Избирательный блок «Солидарность» и Союз демократических левых сил), а также с относительно сильными партиями, выражавшими конкретные интересы различных слоев общества (Польская крестьянская партия и Союз Свободы)².

Начало второй волны системных реформ (1999—2001 годы)

Период с октября 1997 г. по октябрь 2001 г. характеризовался приходом к власти правых: «Избирательная акция «Солидарность» (национал-католики от умеренных до крайних) вступила в коалицию с либеральным Союзом свободы Л. Бальцеровича. Премьер-министром стал умеренный политик Е. Бузек.

Незавершенность системных преобразований, накопившиеся негативные последствия допущенных ранее ошибок, возрастающая податливость польской экономики к внешним воздействиям, проблемы, возникавшие в связи со вступлением в НАТО и ЕС и др. — все это требовало перехода ко второму этапу системных реформ. Основные направления деятельности кабинета Бузека — это завершение реформы государственного устройства, углубление и динамизация процессов приватизации, прежде всего приватизации базовых отраслей промышленности, перестройка народнохозяйственной структуры, комплексные преобразования аграрного сектора, включение страны в систему ЕС. Здесь далеко не последнее и, пожалуй, самое сложное — реформа публичных финансов в целом и государственного бюджета в частности, т. е. приспособление к рыночным отношениям налоговой, пенсионной системы, здравоохранения и социального обеспечения, образования.

Основные установки дальнейшего реформирования были изложены в «Финансовой стратегии государства на 1999—2001 гг.», получившей название «второго плана Бальцеровича». Если первый «план Бальцеровича» вывел Польшу из замкнутого круга дефицитов и высокой инфляции, то второй преследовал цель предотвратить новый финансово-экономический кризис и обеспечить долгосрочный устойчивый экономический рост — как минимум на уровне 6% прироста ВВП ежегодно. «Финансовая стратегия» исходила из того, что любая реформа — это обязательно высокие расходы, а поэтому необходимо на основе трезвого экономического расчета определить приоритеты и очередность преобразования отдельных сфер социально-экономической жизни.

Деятельность правоцентристского правительства пришлось на период ухудшения экономической конъюнктуры на Западе и финансового кри-

зиса в России. Темпы экономического роста замедлились, реальная заработная плата работников бюджетной сферы перестала расти, а доходы крестьян стали падать. В 1998—1999 гг. по стране прокатились протесты крестьян, шахтеров, медперсонала и др. Однако правительство Бузека продолжало свой реформаторский курс, в рамках которого подготовило и начало осуществлять с 1 января 1999 г. ряд шагов, направленных на преобразование принципов функционирования государства (административная реформа), а также относящихся к социальной сфере (здравоохранение, социальное обеспечение и образование).

Административная реформа была призвана решить две основные задачи: введение нового территориального деления Польши и перераспределение в связи с этим полномочий центральных и местных органов управления, а также создание институтов гражданского общества в соответствии с положениями Конституции 1997 г., согласно которой введение органов самоуправления на всех уровнях административно-территориального деления страны рассматривается как важнейшая предпосылка развития гражданской самодеятельности. С 1 января 1999 г. вместо двухступенчатого вводилось трехступенчатое административное деление — воеводства, повяты, гмины — 16 воеводств и 308 повятов. На всех уровнях учреждались органы местного самоуправления. Вместе с тем сохранился пост воеводы, который назначается главой кабинета министров. Тем самым вертикаль государственного управления оставалась неизменной. Что касается реформы самоуправления, то она ограничилась в основном возложением на новые органы обязанностей и ответственности, тогда как децентрализация общественных финансов практически не предусматривалась. Очевидно, причиной, сдерживавшей здесь процесс децентрализации, являлись опасения потерять контроль над денежными и другими расчетно-платежными средствами, что можно расценить как проявление недоверия к органам местного самоуправления³.

Системное реформирование страны предполагало проведение и ряда серьезных *социальных реформ: пенсионного обеспечения и образования, системы здравоохранения*. Переход к структурным реформам в социальной сфере ставит более сложные социальные и политические проблемы, чем социальная политика на начальных этапах преобразований, представлявшая собой меры по предотвращению или смягчению негативных последствий. Иными словами, если социальная политика начальных этапов рыночных преобразований была попыткой сохранить дореформенную систему социальных гарантий в условиях экономического спада

и инфляции, то реформирование крупных социальных систем означает переход к глубоким структурным изменениям таким образом, чтобы они стали адекватными и устойчивыми в условиях рыночной экономики. Поскольку реформы в этих сферах рассчитаны на длительный срок, требуют больших финансовых затрат и могли повлечь за собой временное снижение уровня жизни, их проведение началось только в 1999 г., когда и в производственной, и в социальной сферах был накоплен определенный запас прочности.

Работа по выработке реформы пенсионного обеспечения велась всеми польскими правительствами и продолжалась около десяти лет. В итоге сформировалась трехступенчатая распределительно-накопительная система, отличавшаяся от прежней, считавшейся несправедливой как по способу начисления пенсий, так и по источникам финансирования. При этом удалось не допустить резкого нарастания дефицитности пенсионного фонда и снижения темпов роста реальных пенсий за счет постоянной индексации выплат, сохранилась социально приемлемая дифференциация размера пенсий, удалось навести порядок в системе пенсионного обеспечения сельских жителей. Однако реализация новой системы оказалась сложным и дорогостоящим процессом. По сути отсутствовала программа детального введения этой системы, не был достаточно подготовлен ее главный реализатор — Общество социального обеспечения. Практические шаги в этой сфере серьезно осложнялись неоправданной политизацией и отсутствием должного контроля. В связи с ухудшением финансового положения в конце 2003 г. правительство предложило план экономии, в том числе и за счет определенного сокращения социальных программ.

Все польские правительства отмечали важность реформы здравоохранения, работая над ее проектом. С 1999 г. вступил в силу Закон о всеобщем медицинском страховании, по которому бюджетное финансирование заменялось страховым, через фонды медицинского страхования. Цели и задачи реформы практически не обсуждались в обществе, она стала наименее популярной в стране по сравнению с другими проводимыми преобразованиями. Цель реформы — повысить эффективность системы здравоохранения, но ее реализация привела к тому, что производители услуг стали стремиться лишь к максимально выгодному для себя бизнесу. Не удалось достичь и повышения доходов работников здравоохранения⁴. Подобные процессы вызывают серьезное недовольство населения.

Реформа в системе образования тесно связана с повышением общего уровня экономического развития страны, в частности с процессами на рынке труда, предъявляющим повышенные требования к квалификации и профессиональным навыкам занятых. Реформа, начавшаяся в 1999 г., означает введение новых программ обучения, что обусловлено в первую очередь изменениями сроков обучения в школах разных типов. На всех уровнях образования возрастает роль профессиональной ориентации учащихся. Стремительно развиваются частные учебные заведения всех уровней. Так, в системе средней школы наибольшее количество частных школ насчитывается в группе общеобразовательных лицеев (33% школ, в которых обучается 11% всех учеников таких лицеев). Наиболее динамично растет число частных высших учебных заведений. Если в 1991 г. в Польше был всего один частный вуз, то в 2003 г. — 252, где обучалось почти 30% общего числа студентов. В ходе системной трансформации в сознании населения укоренилось понимание связи между уровнем образования и положением работника на рынке труда. Если в 1991 г. обучение продолжало менее 20% лиц в возрасте 20—24 лет, то в 2003 г. доля такой молодежи превысила 40%. 1,8 млн. студентов стало в Польше в 2004 г. (против 378,4 тыс. в 1989—1990 учебном году), число вузов выросло с 98 до 377. По качеству образования Польша заняла третье место среди 21-й самой развитой страны мира⁵.

Неудачи реформ конца 90-х годов во многом объясняются тем, что проводились на фоне ухудшения материального положения многих поляков. К тому же почти одновременное осуществление на этом неблагоприятном фоне четырех глобальных реформ создало вначале определенную неразбериху в функционировании пенсионного обеспечения и системы здравоохранения, породило недовольство среди населения. Рейтинг правительства пошел вниз. Внутри фракции «Избирательная акция «Солидарность» возникли многочисленные конфликты. Временами наблюдалась напряженность в отношениях между ИАС и Союзом свободы. Бальцеревич неоднократно грозил своей отставкой с поста вице-премьера и министра финансов.

Шагом к значительным изменениям на политической сцене стали *президентские выборы 8 октября 2000 г.* В преддверие выборов ситуация внешне напоминала обстоятельства 1995 г., когда президент и правительство представляли противоположные полюсы политической сцены. Однако если в начале избирательной кампании 1995 г. популярность действовавшего президента была относительно низкой, то в 2000 г. А. Квась-

невский имел решительное преобладание во всех зондажах (55—65%), в то время как поддержка других кандидатов не превышала нескольких процентов.

Избирательная кампания на этот раз проходила спокойно. С одной стороны, большая популярность Квасьневского позволяла ему вести кампанию, посвященную главным образом достижениям его президентуры (принятие новой конституции, вступление в НАТО), а с другой — сдерживала остальных кандидатов от атак на действовавшего президента. Вызовом стало не столько получить этот высокий пост, сколько само участие, желание создать новые политические объединения.

А. Квасьневский выиграл уже в первом туре, получив 54,5% голосов. С большим отрывом от него шли А. Олеховский (17,4%) и лидер «С» М. Кшаклевский (15,2%), Валенса же набрал менее 1%. Выборы свидетельствовали о завершении поляризации общества. Успех Квасьневского, практически «нокаутировавшего» конкурентов, не имел прецедента. Безпрецедентным явилось и поражение М. Кшаклевского, считавшего себя главным наследником солидаристского лагеря, который еще недавно, в 1997 г., привел ИАС к победе на парламентских выборах. Оказалось, что одних лозунгов «С» для получения хорошего результата недостаточно. Усилившийся пессимизм поляков, боязнь за будущее и недовольство растущим социальным расслоением, увеличивавшейся коррупцией оказали гораздо большее влияние на избирателей, чем идеологические разногласия. Именно это недооценили правые группировки⁶.

Левые у власти (2001—2005)

Выборы 2000 г. стали вехой глубокой перестройки, охватившей практически все политические силы справа от СДЛС. Вскоре после президентских началась кампания *парламентских выборов 2001 г.* С поражения Кшаклевского стал нарастать процесс распада ИАС (Если в 1991 г. «С» насчитывала 2,5 млн. человек, то в 2000 г. — около 900 тыс. В июне 1998 г. ее деятельность позитивно оценивали 34% анкетированных, а в июне 2002 г. — только 13%)⁷. Возникла Гражданская платформа (ГП), дававшая надежду на строительство широкого либерально-консервативного политического объединения. Она потеснила Союз свободы (СС), наиболее стабильную группировку, неизменно имевшую парламентское представительство (60 чел.) и объединявшую авангард деятелей прежней оппозиции. Затем на основе Соглашения центристских сил была создана партия «Право и справедливость» (ПиС) братьев Качиньских, искавшая своего

шанса под лозунгом строительства новой польской правицы. Крайняя правица, которая прежде не достигала заметных результатов на выборах, хотя ее взгляды разделяет значительная часть общества (неодобрительное отношение к ЕС, полное отрицание направления польских перемен), стартовала теперь как Лига польских семей (ЛПС) и «Самооборона». СДЛС уже за несколько месяцев до выборов лидировал в зондажах, значительно опережая другие объединения. Такой ситуации на прежних выборах не было. Кампания 2001 г. отличалась от предыдущих также отсутствием серьезных идеологических споров, дискуссий о прошлом и даже о будущем. Следовательно, на выборах 2001 г. предстал сплоченный левоцентристский блок, которому противостояли находившиеся в стадии формирования группировки.

Выборы в Сейм проходили по измененному закону о выборах (Sainte-League). Этому предшествовали распад правившей коалиции Избирательная акция «Солидарность» — Союз свободы, систематическое снижение популярности кабинета Е. Бузека и возростающая поддержка электоратом СДЛС. Это мобилизовало правые группировки на действия по принятию закона, более выгодного для слабых партий (которыми можно было считать все, кроме СДЛС). Однако в целом польская избирательная система, хотя и подвергавшаяся частым и достаточно радикальным преобразованиям, успешно противодействовала после 1993 г. чрезмерному дроблению парламента. Количество партий, представленных в Сейме после этого года, колеблется от 5 до 6, что является умеренной величиной и не угрожает политической стабильности⁸.

На парламентских выборах 23 сентября 2001 г. *убедительную победу одержала левая коалиция*: за блок СДЛС—Союз труда (СТ) проголосовали 41% пришедших к урнам поляков (216 мандатов). Партии, правившие в предыдущий период, потерпели сокрушительное поражение: ИАС и его соратник по правительственной коалиции Союз свободы не смогли даже преодолеть избирательный порог для вхождения в Сейм. 13% голосов (65 мандатов) получили либералы из правоцентристской Гражданской платформы, сгруппировавшейся вокруг А. Олеховского, который занял второе место на президентских выборах 2000 г. Эта платформа была призвана подорвать позиции левых, но одновременно отняла голоса у правоцентристов ИАС. В парламенте появились радикалы: крайне левая партия «Самооборона» (10% голосов, 53 мандата), созданная на базе сельского профсоюза, и крайне правая Лига польских семей с ее откровенно антиевропейской и клерикальной идеологией (7%, 38 мандатов). За цент-

ристское «Право и справедливость» и Польскую крестьянскую партию (ПКП) проголосовали по 9% избирателей (44 и 42 мандата). Явка составила 46% (участие граждан начиная с 1993 г. снижалось). Как и прежде, более активными были жители крупных городов, главным образом регионов Великой Польши и Малой Польши. Как обычно, активны оказались избиратели с высшим образованием, наименее активны — безработные. Весьма пассивно вела себя молодежь — лишь 40% приняли участие в голосовании⁹. По данным ЦИОМ, среди поляков уменьшилось число сторонников либеральной экономической модели (с 30% в 1997 г. до 13—15% в 2001 г.), росло число сторонников увеличения роли государства и более активной социальной политики (обратный порядок цифр)¹⁰.

Столь убедительная победа левых связывалась прежде всего с последствиями поражения на президентских выборах 2000 г. правых, когда они фактически перессорились между собой. Польские аналитики подчеркивали, что объективным союзником левых была экономическая и политическая ситуация: замедление темпов экономического роста, бюджетный дефицит, приведший к серьезному финансовому кризису, высокий уровень безработицы, несовершенство реформы здравоохранения, многочисленные забастовки.

О причинах усиления радикальных группировок — популистского, антиевропейского, антирыночного направления — неоднократно писали польские политики и исследователи. Так, президент Квасьневский в 2004 г. отмечал, что с 1989 г. до середины 90-х гг. Польше «удавалось сохранять численный перевес группы, черпавшей выгоды из преобразований, над группой разочарованных. После спада конъюнктуры число тех, кто чувствовал себя проигравшими, стало увеличиваться. После 2001 г. проигравшие возобладали, что привело к развитию популистских движений»¹¹. Исследователь Я. Майхерек отмечал, что «все больше поляков приходят к убеждению, что на честную и эффективную власть им рассчитывать не приходится, в результате чего нарастает разочарование». Директор Института общественных проблем Л. Колярская-Бобиньская подчеркивала, что за последние годы поляки все меньше доверяют Сейму, правительству, органам местного самоуправления и правосудию. При столь большом потенциале недоверия очень легко пускают корни популистские движения. Поляки ценят демократию, но считают, что она плохо функционирует, ее институты неэффективны, враждебны человеку, а политическая элита обособлена и руководствуется собственной выгодой»¹².

Уже через год после парламентских выборов на политической карте Польши произошли большие перемены. Позиции СДЛС явно пошатнулись: за этот период он потерял наибольшее число избирателей (неполные 25% на выборах в сеймики против 41% голосов на парламентских выборах). Распад электората СДЛС привел к усилению прежде всего радикальных группировок: «Самооборона» и Лига польских семей (по результатам выборов в местное самоуправление в ноябре 2002 г., в воеводских сеймиках они получили в сумме 33% голосов, т. е. больше, чем СДЛС), решительно обогнали ПКП (9,5%). Слабее стали правоцентристы (коалиция ГП-ПиС получила почти 18% мандатов), совсем исчез политический центр¹³.

Курс правительства Л. Миллера (сентябрь 2001 г. — май 2004 г.). Состояние экономики к концу правительства Е. Бузека было сложным. Триумфальный полет «польского орла» к вершинам народнохозяйственного развития в конце 90-х гг. серьезно осложнился. В 2000 г. темпы экономического роста Польши резко упали (до 1%). Это самый низкий показатель среди стран, стремившихся вступить в ЕС. По мнению многих специалистов, причина трудностей заключалась в низкой конкурентоспособности, обусловленной незавершенностью экономических реформ и структурной перестройки. Они усугублялись слабым развитием рыночных отношений в сельском хозяйстве, где 80% бюджетных дотаций шло на выплату пенсий и пособий¹⁴.

Новое правительство предложило свои меры по выходу из кризиса. Миллер заявлял, «социальная рыночная экономика требует присутствия государства. Мы отвергаем либеральную концепцию государства, сводящую его роль к функциям ночного сторожа»¹⁵. Совет министров принял стратегический план социально-экономического развития государства, рационализации системы социального обеспечения, ограничения всевластия профсоюзов — то, что не вписывается в рамки программы левых.

Попытки реализации реформы здравоохранения, начатой правительством Бузека, еще больше запутали сложную систему здравоохранения, и в 2004 г. только 4% поляков оценивали ее положительно. Не особенно удачно проходила и реформа образования. В 2002 г., после попыток применения новых правил сдачи экзаменов на аттестат зрелости, введение этих правил приостановили, что многими в Польше было расценено как победа «слабых учителей», боявшихся внешнего контроля. Не удалось Миллеру достичь реальных сдвигов и в решении одной из самых болезненных польских проблем — горнодобывающей отрасли. Накануне ре-

ферендума о вступлении Польши в ЕС (июнь 2003 г.) работу над многими непопулярными законами затормозили из-за опасения снижения популярности правительства¹⁶.

Президент Квасьневский, говоря о причинах падения популярности правительства Миллера, отмечал: «Ни с одним правительством не связывали столько надежд, ни одно политическое объединение после 1989 г. не получало такой поддержки — свыше 40% на выборах. Это первый, несколько недооцененный Союзом ДЛС элемент. Чем больше ожидания, тем глубже разочарование. Во-вторых, спасая общественные финансы, правительство должно было принять много трудных решений... В-третьих, в ожидании импульса развития нарастает нетерпение. Макроэкономические показатели неплохие, но люди ощущают по-иному... В-четвертых, СДЛС обещал строгую мораль в политике, а ее недостает даже в отношении собственной среды». Трудное положение правительства подчеркивала Я. Станишкис: «У кабинета Лешека Миллера слишком узкое поле для маневра. С одной стороны, ситуация требует решительных реформ либерального толка, с другой — такое направление означает дальнейшее падение популярности СДЛС»¹⁷. Следует заметить, что этот процесс шел неуклонно: в начале 2004 г. рейтинг социал-демократов едва достигал 17%, Л. Миллер стал самым непопулярным премьером за весь период общественной трансформации. Неудачи команды Миллера вернули надежду раздробленной правнице — политикам прежней АВС¹⁸. Рассматривая причины падения правительства Миллера, следует обращать внимание, как подчеркивал варшавский социолог Я. Рачиборский, на контекст этого события. Тогда навязывались такие критерии оценок, в свете которых достижения правительства квалифицировались как малозначительные. Нельзя отрицать значения вступления в ЕС, выход из финансового кризиса и экономический рост. Если в 2001 г. этот показатель составлял 1%, то в 2002 г. — 3—5%. После трехлетнего зстоя польская экономика обрела второе дыхание: в 2003 г. ВВП рос в три раза быстрее, чем в 2002 г., уменьшилась инфляция (с начала 1998 г. с 14,2% до 1,7% в год), снизились налоги (с 27% до 19%)¹⁹. Однако несмотря на все указанные успехи, деятельность правительства оценивалась в совершенно ином, созданном СМИ, контексте, где главная роль отводилась аферам, коррупции и т. д.²⁰

После вступления Польши в Евросоюз в мае 2004 г. премьер-министра Л. Миллер подал в отставку. Президент А. Квасьневский предложил занять освободившийся пост *М. Бельке (премьер с мая 2004 г. по сентябрь 2005 г.)*, который был экономическим советником президента, министр-

ром финансов в правительстве В. Чимошевича, вице-премьером и министром финансов в правительстве Л. Миллера (с этого поста он вскоре ушел в отставку), а также директором по вопросам экономической политики во временной коалиционной администрации Ирака. Он демонстративно подчеркивал свою независимость от политиков и отрицательное отношение к их вмешательству в хозяйственные дела: «Я не намерен разрушать экономику ради кратковременных выгод политиков правящих партий»²¹.

Анализируя деятельность польских правительств до 2004 г., следует отметить, что *генератором проводимых ими реформ являлась идея включения Польши в процесс европейской интеграции*. Еще в июле 1989 г. на встрече руководителей наиболее развитых стран (семерки) в Париже было принято решение об оказании Польше и Венгрии помощи для осуществления политической и экономической трансформации. Предусмотренная соответствующей программой существенная материальная поддержка воспринималась в Польше как гарантия реализации ее новой национальной идеи — превращения страны в составную часть Запада с его гражданскими свободами и высоким уровнем жизни. Развернувшиеся в стране преобразования, их содержание и темпы стали восприниматься в прямой связи с подготовкой присоединения страны к Евросоюзу. Подобный подход стал свойствен не только элите, но и широкой публике. То, что Евросоюз — орудие реализации политических целей, дающее полякам шанс выйти на новый цивилизационный уровень, а не некая мистическая самоцель, подчеркивалось и в годы правления правых²².

Точно так же ранее, решая проблему обеспечения безопасности Польши, пятилетний путь в НАТО стал, по словам тогдашнего министра иностранных дел Б. Геремека, «предметом консенсуса всех значимых политических сил страны, предметом консенсуса всех институтов общественной жизни и, что еще важнее, — предметом национального согласия редко встречающихся масштабов и силы»²³.

М. Белька высоко оценивал перемены в Польше, подчеркивая, что медленный, как представлялось полякам, темп реформ в несколько раз превышал мировые стандарты. «Огромное цивилизационное отставание, — отметил он, — ставит перед нашим обществом задачи совершенно иного масштаба — в десять раз более сложные, чем в странах Западной Европы. Мы даже не отдаем себе отчета в том, сколь стремительны перемены, происходящие в нашей стране, и сколь велико давление на общество, которое, впрочем, проявляет исключительное терпение и понимание»²⁴.

Однако несмотря на отмеченные выше успехи левых, их влияние после четырех лет правления заметно снизилось. В чем же причина? Многие в Польше сомневаются в правильности избранного экономического курса, основанного на приватизации и рыночной экономике. По опубликованным в августе 2005 г. ЦИОМ данным, 75% поляков считали, что приватизацию надо проводить медленными темпами и касаться она должна отнюдь не всей экономики, 86% настаивали на сохранении за государством функций социальной защиты, что вполне соответствует лозунгу «социализм — да, искажения — нет»²⁵. Социальная политика левых не оправдала ожидания поляков: безработица достигла самого высокого в Европе уровня (около 19%), несколько снизились социальные выплаты. Оказавшись у власти, социал-демократы проявили себя скорее как либералы, следуя при этом логике развития экономики, но изменяя своим идейным лозунгам. Одной из причин можно считать раздробленность, разобщенность левицы, несмотря на ее попытки сплочения. Это стремление к единству парадоксально сочетается со стремлением лидеров левицы (М. Боровский, Ю. Олексы, А. Фрасынюк и др.) возглавить свою, «истинно левую» партию. Свою роль сыграла и их неспособность справиться с коррупцией, борьбу с которой 86% поляков поставили в 2005 г. на первое место среди насущных задач²⁶.

3. Правые у власти (2005 г. —)

Политическая сцена накануне парламентских выборов 2005 г.

Деление на посткоммунистов и постсолидаристов — старейший фронт польской демократии. По-прежнему более важным по сравнению со взглядами считалось политическое происхождение. Историк Р. Вапильский полагает, что исторический раздел очень размывает политическую сцену: в связи с тем, что в наследие от ПНР осталась левица, все постсолидаристские объединения представляют себя правницей, и вызывает большое замешательство, когда правая по декларациям партия провозглашает популистские или крайне левые экономические лозунги. Для привлечения недовольных правница выступила с лозунгом построения IV РП, подчеркивая значение сведения счетов с прошлым — коллективного и индивидуального. Этой идеей правница по существу разожгла историческое деление, превратив его по существу в главный критерий оценки человека. Эти деления не принимает молодежь. «Я понимаю, что переживают старшие, — говорит один из ее представителей, — но меня это не касается. Споры о прошлом приведут к тому, что мы можем утратить наш шанс на развитие»²⁷.

В целом еще несколько лет назад в Польше насчитывалось около 300 партий, но лишь 50—60 из этого количества можно считать в какой-то мере действующими. Около 20 партий присутствуют в общественном сознании, только 10 могут реально вступать в борьбу на парламентских выборах, а 4—5 — в борьбу за исполнительную власть. Только две политические структуры можно признать относительно массовыми: СДЛС (св. 100 тыс.) и ПКП (св. 150 тыс.), остальные имеют в лучшем случае по 20—30 тыс. человек. На польской политической сцене доминируют партии по 3—5 тыс. членов, которые считаются влиятельными, имеющими своих представителей в правительстве²⁸.

Право и справедливость (ПиС) можно отнести скорее к консервативным партиям. В обновленной версии программы 2005 г. ее председатель Ярослав Качиньский настаивал на необходимости решительных перемен, ибо сохранение прежнего курса, по его словам, угрожало национальному существованию Польши. Трудное положение страны обусловлено, по мнению Я. Качиньского, неверным выбором пути трансформации после 1989 г., а также ошибками политической элиты того времени, которая вместо решительного разрыва с прошлым избрала путь его «продолжения». Задачами первостепенной важности он назвал коренное переустройство государства, переориентация польской социально-экономической политики, придание ей «морального измерения». Для достижения этих целей необходимо согласие, концепция которого содержится в одной основной идее: «Плодами экономического роста должны пользоваться все поляки, а не только узкая группа самых богатых людей»²⁹.

Итак, ПиС во главу угла своей политической деятельности ставит задачу создания сильного Польского государства, апеллирующего к определенным историческим традициям: борьба за независимость в период разделов, II Речь Посполита, борьба против немецких и советских оккупантов в годы Второй мировой войны, против коммунистического правительства в Польше, в частности борьба «Солидарности». Здесь уместно заметить, что история в современной польской политике играет беспрецедентную роль, самые острые политические конфликты здесь связаны не с формальной властью и государством, а с интерпретацией истории, особенно современной. Как считают некоторые польские исследователи, это объясняется тем, что «силой, основанной на религиозности и гордости за одержанные победы и перенесенные страдания, достижениями искусства и литературы, национальной идентичностью поляки традиционно компенсируют слабость в экономической и государственной

сферах»³⁰. Итоги выборов показали, что именно «партия братьев Качиньских» наиболее адекватно отразила надежды польского общества.

Гражданская платформа (ГП) возникла в 2001 г. как партия, способная лучше, чем ее идейная предшественница — партия Союз свободы «выразить проевропейские, прорыночные, проинтеллигентские интересы» (по словам ее лидера Дональда Туска). В экономическом разделе программы ГП на первый план выдвигала проблемы занятости. Ключ к ее решению — развитие среднего и мелкого предпринимательства, полагая, что крупные предприятия, как частные, так и государственные, не решат проблемы. ГП выступала решительным сторонником единого для всех 15%-го подоходного налога, что, как считали ее идеологи, позволит преодолеть стремление многих предпринимателей скрывать свои доходы и в конечном счете будет способствовать экономическому росту. ГП высказывала убеждение, что сельское хозяйство — одна из сфер рыночной экономики и не требовала какого-то особого подхода³¹.

Следует отметить, что ГП и ПиС объединяют общие корни, стремление к власти и остатки антикоммунистической направленности. Разделяет же их в первую очередь отношение к прошлому. Для ПиС история — один из самых существенных элементов программы, которая должна поддерживать общественное самосознание и быть орудием внешней политики. Между тем в программе ГП ссылки на историю отсутствуют, а ее программа устремлена в будущее. Помимо этого партии отличаются отношением к понятию справедливости и методами его применения в политике. Слово «справедливость» появляется уже в названии ПиС, которая ссылается на него часто, причем не только в юридическом, но чаще социальном контексте. В программе же ГП это понятие отсутствует. Наконец, у них различное отношение к государству и его роли в жизни общества. ПиС взяла на вооружение оставленный СДЛС лозунг государственного интервенционизма, в то время как электорат ГП ожидает ограничения полномочий государства и снижения налогов. ГП ориентируется на сильное государство, но лишь в сфере переданных ему полномочий (администрация, безопасность, законодательство). В программе ПиС критическая оценка состояния государства соседствует с программным его вмешательством в экономику, здравоохранение, желанием сохранить контроль над некоторыми госпредприятиями³². Здесь уместно привести мнение бывшего уполномоченного по правам человека А. Цоля, который полагает, что «основные политические расхождения в сегодняшней Польше не сводятся к озвученной в ходе предвыборной кампании дилем-

ме: либеральное или социальное государство. Истинный спор идет между представителями двух разных философий государства. Согласно первой, государство рассматривается как высшая цель, которой граждане должны служить, рассчитывая взамен на опеку. Согласно второй, государство должно опираться на гражданское общество, в котором граждане сами определяют свои интересы, а государство лишь помогает им в осуществлении их целей. Сегодня в моде первая философия³³.

Таким образом, польские аналитики, подтверждая мысль о том, что после 1989 г. в антикоммунистическом лагере начались ожесточенные споры, отмечают, что сейчас конфликты между партиями и особенно политиками, рожденными «Солидарностью» 1980 г., часто глубже, чем конфликты некоторых фракций бывшей оппозиции с бывшими коммунистами³⁴.

«Самооборона», которую часто называют партией популистов, представляет «левое измерение» прежде всего в экономической и социальной частях программы, где содержатся требования о сохранении стратегически важных отраслей естественных монополий в руках государства, борьбе с безработицей, введении социального минимума, выплате пособий по безработице в течение неограниченного срока, бесплатном образовании, пересмотре итогов приватизации. Вместе с тем решительное выступление «Самообороны» против европейской интеграции, в которой усматривалась угроза польской идентичности, во многом сближало ее с крайне правыми политическими партиями. Отсутствие идеологической целостности программы позволяет партии находить союзников в самых разных сегментах политического спектра и пользоваться поддержкой в основном тех, кто не нашел своего места в условиях рыночной экономики. Но, возглавляя фактически популистскую партию «Самооборона», А. Леппер играет в политике не только отрицательную роль: он склоняет испугавшихся политиков к оздоровлению системы, а также выступает символом амбиций и успеха простых людей³⁵.

В целом преддверие парламентских выборов 2005 г. характеризовалось нестабильностью партий и электоратов. Показателем нестабильности партийной системы является «текучесть электората», т. е. переход голосов от партии к партии. В Западной Европе эта «текучесть» уже полвека составляет менее 9%, а в Польше в период между выборами 2001 и 2005 гг. она достигала 38%. При этом 26% избирателей голосуют то за левых, то за правых. Если сравнить рейтинги популярности отдельных группировок в эти годы с трудом можно найти хотя бы два-три одинаковых названия³⁶.

И все же польская партийная система, несмотря на свою изменчивость, имеет некоторые постоянные черты и характеристики: а) относительно большое значение политических программ, особенно идеологии в партийной риторике лидеров, при одновременном прагматизме в повседневной деятельности; б) низкая численность партий, специфическая «кадровость» группировок; в) относительно сильная политическая поляризация на правую и левую, сжимающийся «центра»; г) формирование группировок «вокруг лидеров» приводит к чрезвычайно медленной ротации политических элит; д) значительное количественное превосходство группировок, идентифицирующих себя как правые или правоцентристские над левыми; е) большое число партий, заботящихся о поддержке костела или идентифицирующих себя с католической доктриной; ж) значительное участие профсоюзов в политической жизни страны, причем в противоположных политических лагерях; з) исключительно сильная концентрация партийной жизни вокруг парламента и относительно невысокая активность вне его, особенно в местных структурах³⁷.

В парламентских выборах 2005 г. приняли участие менее 40% избирателей, что побило рекорд избирательской пассивности (правда, следует заметить, что в течение всего периода демократических перемен поляки не проявляли особой активности: на парламентских выборах 1991 г. к избирательным урнам пришли 43% граждан, в 1993 г. — 52%, в 1997 г. — 48%, в 2001 г. — 46%). Известный польский социолог Э. Внук-Липинский, объясняя низкую политическую активность соотечественников, замечает, что с 1989 г. во всех опросах более половины населения (около 60%) выражает убежденность в преимуществах демократии перед другими типами общественного устройства, но польская реальная демократия вызывает острую критику³⁸.

На парламентских выборах 2005 г. ПиС получили 26,99%; ГП — 24,14%; «Самооборона» — 11,4%; СДЛС — 11,3% (левые оказались не представленными в Сенате).

Таким образом, на смену левым пришли правые и либералы, которые получили 300 мандатов в Сейме и 80 в Сенате. Однако была заключена коалиция между ПиС, «Самообороной» и Лигой польских семей, а не ГП—ПиС, как планировалось ранее. Объясняется это, в частности, как неоднократно отмечал польский исследователь Я. Скужинский, размышляющий над источником проблем с демократией у поляков, отсутствием парламентской традиции и культуры. По его логике, «поляки имеют развитые повстанческие инстинкты; это ведет к большому числу кан-

дидатов на руководство в политических группах, которые действуют отдельно, хотя и ссылаются на похожий каталог ценностей»³⁹.

Заключение коалиции ПиС и «Самообороны» сопровождалось следующими комментариями: происходит раскол на Польшу «людовую», солидарную Права и Справедливости и «Самообороны», с одной стороны, и Польшу салонную, либеральную Гражданской платформы — с другой. Варшавский социолог Я. Рачиборский расценил это как новое и существенное изменение самих основ польской политики, поскольку происходит смена критериев поляризации общества. Ведь в течение 15 лет именно исторические и религиозные аспекты являлись основой политической дифференциации и идентификации левицы и правицы, а экономические проблемы не представляли столь четко обозначенный фактор. В настоящее время все большее значение приобретает основное идеологическое деление на либеральную и солидарную Польшу. Оно является не чисто политическим, а глубоким, социополитическим. По мнению Я. Рачиборского, Качиньский реализует очень рискованную стратегию, в соответствии с которой массы можно мобилизовать, используя, в частности их антиэлитарные настроения⁴⁰.

Закреплением результатов парламентских выборов явились *президентские выборы 10 и 23 октября 2005 г.* Во второй тур прошли Дональд Туск, представлявший ГП (36,3% голосов) и мэр Варшавы, лидер движения ПиС Лех Качиньский (33,1%). Ни один из 12 кандидатов не набрал необходимых 40% от общего числа проголосовавших. Явка составила 49,74% — такой низкий уровень в значительной мере объясняется тем, что, по данным соцопросов, обнародованным еженедельником «Политика» и оказавшимся неожиданными для самих социологов, 60% поляков довольны своей жизнью и, следовательно, мало интересуются политикой⁴¹.

Во втором туре уверенную победу одержал Л. Качиньский (54%) (Д. Туск получил 46%). Итак, двойная победа ПиС явилась фактом: победу при небольшом преимуществе на парламентских выборах подтвердила убедительная победа Л. Качиньского на выборах президентских. Зарубежные аналитики отмечали, что такой результат подтвердил, во-первых, поворот вправо, а во-вторых, отсутствие в новом парламенте сильных левых партий и центристов.

Причины победы Л. Качиньского. Надо подчеркнуть, что наиболее восприимчивыми к националистическим лозунгам Качиньского оказались пожилые поляки — именно им пришлось по вкусу и антироссийская риторика, и резкая критика Германии. Кроме того, новый президент

обещал «отстаивать традиционные католические ценности», бороться против аборт и однополых браков, что тоже привлекло консервативную часть электората. Что касается левых избирателей, то они вообще бойкотировали голосование, не вняв призыву уходящего президента Квасьневского — поддержать Туска как «наименьшее зло». В итоге из двух правых кандидатов победил тот, кто правее.

Победе способствовал самый успешный ход в избирательной стратегии Л. Качиньского — то, как он решил «проблему Ярослава» — своего брата-близнеца, который, возглавляя партию ПиС, победившую 25 сентября, должен был стать премьер-министром. Но это могло отпугнуть избирателей от Леха, которому еще предстояло бороться с Туском и другими конкурентами. И тогда было решено: Ярослав уходит в тень, а премьером станет мало известный партийный активист Казимеж Марцинкевич. После выборов 2005 г. братья Качиньские стали самыми влиятельными деятелями на польской политической сцене.

Д. Туск был обречен на поражение, т. к. Л. Качиньский просто лучше подходил той Польше, какой она является, — со всеми ее страхами перед утратой социальной безопасности, настороженным отношением к модернизации и приватизации, уверенностью во всеохватывающей коррупции, страхом перед чужаками и постоянной необходимостью улучшать свое самочувствие, вспоминая историю, восстания, великие взлеты и поражения⁴². «Это не близнецы пришли к нам, — заявил психиатр Б. Василевский, объясняя результаты выборов с психологической точки зрения, — это мы вызвали их к жизни, так как они были нам нужны... С точки зрения социальной динамики все это естественный ход вещей»⁴³.

Победа Л. Качиньского в значительной мере стала возможной благодаря поддержке «Самообороны», т. к. ее лидер А. Леппер, выйдя из игры, призвал своих сторонников голосовать за Качиньского. Его поддержали главным образом те поляки, что обитают на землях, некогда относившихся к России и Австрии, за Туска — жители бывших прусских территорий. Качиньский выиграл в традиционной Польше, где сильно влияние церкви, где высоки ожидания помощи от государства, а слово «либерализм» и все связанное с ним вызывает ненависть. Возвращенные же земли рассматривались как место обитания людей, утративших корни. Парадоксально, но именно они оказались сторонниками европейской интеграции, свободы личности, либерализма в большей степени, чем жители иных регионов. Электорат западных и северных воеводств более открыт всему новому⁴⁴. Но это деление нельзя назвать абсолютным. Было бы

плохо, отмечал главный редактор «Политики» Е. Бачинский, если бы на реальные и часто болезненные общественные деления наложился политический конфликт между польским востоком и западом, между нарисованной социологами Польшей А и В; между образованными и зажиточными жителями городов и бедной, разочарованной провинцией; условно говоря, между Польшей Туска и Качиньского⁴⁵.

Курс правительств К. Марцинкевича и Я. Качиньского и реакция общества. Итак, премьером стал не лидер ПиС Я. Качиньский, а неприметный, как казалось в то время, К. Марцинкевич. ПиС, ЛПС и «Самооборона» заключили «стабилизационный пакт», который обеспечивал правительству Марцинкевича поддержку парламентского большинства, а опасавшимся досрочных выборов ЛПС и «Самообороне» — уверенность, что Сейм не будет распущен. Три партии согласовали список, включавший сто с лишним законопроектов. Впервые в Польше появилась правительственная коалиция, которая, как отмечалось выше, в культурном и ментальном отношении очень близка польской провинции, не воспользовавшейся плодами преобразований.

В июле 2006 г. К. Марцинкевич подал в отставку. На его место руководство ПиС выдвинуло председателя этой партии, самого влиятельного польского политика и брата президента — Ярослава Качиньского. Анализируя причины отставки, польские аналитики отмечали, что со временем между К. Марцинкевичем и Я. Качиньским стали возникать серьезные разногласия. Марцинкевич, принадлежавший к умеренному крылу ПиС, имел в Польше все большую популярность и становился все более независимым. Качиньский же, будучи политиком с темпераментом, напеминающим в этом плане Миллера, явно неважно чувствовал себя во втором эшелоне. Все более частыми становились споры между Марцинкевичем и братьями Качиньскими по кадровым вопросам, т. к. последние заняли исключительно жесткую позицию в отношении тех, кто в прошлом имел какие-либо связи с коммунистическими властями. Решать вопрос об отставке надо было до начала кампании выборов в органы самоуправления, т. к. Марцинкевич отстаивал свою позицию в качестве альтернативного лидера польских правых. Ярослав в качестве премьера планировал объявить второй этап «моральной революции» и начать смену кадров, а также обвинения, процессы — то, что так привлекает широкую общественность (по аналогии с 1990—1993 гг., когда он провозгласил лозунги ускорения и канализования общественных настроений). Уход Марцинкевича при неясных обстоятельствах, несомненно, отрицательно

сказался как на имидже ПиС, так и Качиньских. Поляки совершенно неожиданно для самих себя увидели, что ПиС такая же, как и другие партии — не избежавшая ссор и разделений на фракции⁴⁶. При этом следует высоко оценить способность ПиС удерживать власть. Этой партии удалось навязать обществу свой язык, свое видение прошлого. Качиньский умеет убедить своих сторонников, а в какой-то мере и противников в том, что на данном этапе именно его решение является оптимальным. При этом ПиС активно работает над своим имиджем, а пиаровские достижения этой партии, как считают обозреватели еженедельника «Политика», войдут в историю социотехники⁴⁷.

Подводя итоги работы своего кабинета за первые 100 дней, Я. Качиньский отметил, что «Правительство выполняет свое предвыборное обещание солидарной Польши», вместе с тем отсутствие закона о своде экономической деятельности он назвал «поражением кабинета». В прессе отмечался огромный рост армии чиновников: если в последние годы существования ПНР в центральной администрации работали 46 тыс. человек, то в 2006 г. — 116 тыс. В бюджете на 2006 г. на канцелярию премьер-министра и 16 министерств было выделено 1,7 млрд злотых — на 300 млн больше, чем в предыдущий год⁴⁸.

Показательно, что при правительстве ПиС, несмотря на значительный экономический рост (увеличение ВВП в 2006 г. составило 5,8%), уровень жизни снижался, около 400 тыс. поляков зарабатывали на уровне допустимого законом минимума. Поэтому «С» как важнейшая общественная сила, симпатизировавшая ранее ПиС, перешла в наступление, организовав в начале 2007 г. всепольскую кампанию в СМИ с целью заставить правительство улучшить стандарт жизни польских семей⁴⁹.

Премьер Я. Качиньский придавал большое значение *выборам в органы местного самоуправления (ноябрь 2006 г.)*, т. к. их результаты должны были определить, будет ли самоуправленческая власть участвовать в использовании исторического шанса Польши, связанного с ее членством в ЕС. Речь шла о том, чтобы самоуправленческое руководство не противостояло центральной власти. По итогам самых престижных и важных с политической точки зрения выборов в воеводские сеймики (законодательные собрания) ГП незначительно опередила ПиС — 27,18% против 25,08%. Третьей силой стали объединенные левые (14,25%), т. е. СДЛС, Польская социал-демократия и Демократическая партия. За ними следовали: ПКП (13,24%) и, наконец, проигравшие «Самооборона» (5,6%) и ЛПС (4,74%)⁵⁰.

Таким образом, выборы несколько изменили соотношение различных сил на политической сцене. Победа кандидата ГП Х. Гронкевич-Вальц в Варшаве принесла не только большой психологический эффект, но и огромный политический капитал. При этом в прессе отмечалось, что в данном случае решающим был не вопрос компетенции, а принадлежность к определенной партии: большинство избирателей жаждали прочить Качиньского и правящую ПиС. Это поражение стало особенно болезненным для руководства ПиС, т. к. ее кандидат Лех Качиньский завоевал ратушу в 2002 г., создав себе тем самым благоприятную исходную позицию для победы на президентских выборах 2005 г. По мнению публициста «Жечипосполитой», результаты выборов для ПиС — это предостерегающий сигнал: «они должны подумать о смене своей риторики, а также задуматься над причиной победы т. н. группы профессионалов... Они где-то между ГП и левицей» (Речь шла о президентах Вроцлава, Познани и Кракова, которые стартовали как независимые кандидаты)⁵¹. Довольный результатами лидер ГП Д. Гуск отметил два символических поворота: от «Самообороны» к ПКП на уровне деревни и более медленный, на уровне всей Польши — от ПиС к главной оппозиционной силе — ГП⁵². Что касается явки на выборы в органы местного самоуправления, то она была выше, чем на общепольских, а это можно считать крупным успехом местного руководства. «Люди чувствуют, что местная власть обеспечивает Польше высокую стабильность», — заявил один из главных архитекторов польской территориальной реформы Е. Регульский⁵³.

Очередным шагом в русле программы Я. Качиньского стало вступление в силу 15 марта 2007 г. нового закона о люстрации. Прежний, значительно более мягкий закон, принятый летом 1997 г., не предусматривал каких-либо ограничений при вступлении в определенные должности в органах госвласти при честном предоставлении информации о сотрудничестве с коммунистическими спецслужбами. Согласно же новому закону гражданам, занимавшим государственные посты в социалистической Польше, а также банкирам, журналистам, преподавателям, ученым, бизнесменам вменялось в обязанность сообщить властям о своем сотрудничестве со спецслужбами СССР и ПНР. В противном случае им грозил запрет на публичную деятельность — то есть фактически на профессию — в течение десяти лет. Новая шоковая люстрационная терапия взбудоражила всю страну. Около 700 тыс. полякам следовало доказать, что они не сотрудничали со спецслужбами. Ситуация в Польше накалилась до такой

степени, что пришлось отреагировать властям. В интервью общественному радио премьер Я. Качиньский обрушился с критикой на журналистов, которые отказывались заполнять люстрационные заявления. В центре скандала оказался и экс-президент Лех Валенса. На свет вновь вытащили дело, в котором утверждалось, что он работал на спецслужбы ПНР под псевдонимом Болек. И это несмотря на то, что Валенса уже прошел три люстрационных процесса, которые сняли с него разного рода обвинения. Валенса назвал президента Л. Качиньского, выпустившего из бутылки «люстрационного джинна», глупцом, совершенно не учитывающим исторические обстоятельства⁵⁴.

Хотя у нового закона насчитывалось немало сторонников, иначе вряд ли он был бы одобрен парламентом, противников все же оказалось больше. По данным одного из крупнейших периодических изданий Польши «Газеты wyborczej», опубликовавшей результаты опроса общественного мнения, 52% из 500 опрошенных дали негативную оценку закону о люстрации и только 37% его одобрили. Это не значит, что поляки вообще выступают против люстрации. Ее поддерживает 56%, но большинство настаивает, чтобы она проводилась другими методами. Только электорат ПиС выступает за люстрацию по новому закону, избиратели же ГП — также за люстрацию, но проводимую по-иному, а сторонники Лид вообще отрицают какую-либо люстрацию⁵⁵. По оценкам газеты «Жиче Варшавы», более половины поляков (52%) считают, что для них не имеет значения, был ли кто-то в прошлом агентом. Количество тех, для кого агентурное прошлое важно, достигает 39,6%. Факт сотрудничества со службой безопасности наиболее существен для людей после 50-ти, а также лиц с высшим образованием и высокими доходами. «Такая позиция психологически понятна, — прокомментировал результаты опросов А. Дудек из Института национальной памяти. — Со времени ПНР прошли годы, для многих людей — это прошлое, не имеющее сейчас большого значения. Это как если бы кого-то спросить, какое значение сейчас имеет для него любовный роман 20-летней давности»⁵⁶.

В мае 2007 г. Конституционный суд (КС) Польши признал не соответствующими Конституции несколько десятков положений закона о люстрации, настаивая на исключении из документа пунктов, обязывающих граждан отчитываться о прошлом. Обосновывая постановление суда, его председатель Е. Стемпень, в частности сказал: «Желание мести не должно являться движущим мотивом для государства, которое базируется на торжестве закона». Суд признал также незаконной публикацию списков

бывших агентов, существенно ограничил число лиц, подлежащих люстрации. Из этого списка исключены научные работники, ректоры и проректоры частных вузов, директора негосударственных школ, журналисты, судебные исполнители и ряд других. По словам бывшего премьера и бывшего лидера СДЛС Л. Миллера, ПиС проиграло только битву, но не войну и будет искать другой способ проведения люстрации⁵⁷.

В мае 2007 г. была объявлена бессрочная забастовка польских врачей и медперсонала низшего звена, которая охватывала почти половину из 700 польских госпиталей. Еще годом ранее врачи с помощью забастовки добились повышения зарплаты, но с тех пор к лучшему ничего не изменилось: очереди и коррупция не исчезли. События отражали сложное положение в здравоохранении. После реформы 1999 г. польская служба здравоохранения вступила на путь рыночных перемен, образно говоря, только «одной ногой», т. е. в этой сфере они вообще не начинались, т. к. рынок не может быть «частичным». На вопрос почему нельзя полностью приватизировать службу здравоохранения, где уже сейчас очень развиты платные услуги, следует один аргумент: что делать с теми, кто не может оплатить лечение? Так, большинство поляков, принявших участие в соц-опросе в январе 2008 г., не согласны на полную приватизацию службы здравоохранения⁵⁸. Сложность ситуации в социальной сфере дала основание Союзу польских учителей добиваться от премьера Я. Качиньского безотлагательного созыва «круглого стола» бюджетной сферы. В нем могли бы принять участие представители служб здравоохранения, культуры, образования и науки, а со стороны правительства — премьер министры: финансов, образования, высшей школы и культуры. Эта акция воспринималась как призыв к представителям профсоюзов бюджетной сферы к совместной борьбе за соответствующий уровень финансирования. Между тем народный фронт борьбы за повышение зарплаты действует в Польше все активнее, что видно из сопоставления требований повышения зарплаты, причем это касается не только врачей, учителей, полицейских⁵⁹.

Распад правящей коалиции ПиС, ЛПС и «Самооборонь». В начале июля 2007 г. премьер Я. Качиньский уволил из правительства своего заместителя А. Леппера — лидера «Самооборонь». Официальным поводом стало обвинение в коррупции, борьба с которой значилась, как уже неоднократно отмечалось выше, едва ли не главным пунктом программы ПиС. Сместив Леппера и арестовав двух его соратников, Качиньские спровоцировали в стране новый политический кризис (нечто подобное про-

изошло в сентябре 2006 г., когда премьер уже увольнял Леппера. Правда, тогда против него выдвигали совершенно иные обвинения — в сексуальных домогательствах. Но досрочных выборов тогда удалось избежать). Леппер заявил, что выходит из коалиции вместе с 45-ю депутатами — своими сторонниками. «Самооборону» поддержал оппозиционный СДЛС, потребовавший провести досрочные парламентские выборы. Как заявил лидер Союза, вице-спикер сейма В. Олейничак, «поляки заслуживают лучшего, чем братья Качиньские, — сейм надо распустить, а выборы провести как можно скорее». Качиньские предложили компромиссный вариант — назначить выборы на сентябрь, мотивируя это возвращением поляков из отпусков, что якобы повысит представительность голосования. Однако реальная причина заключалась в другом: близнецы надеялись за это время укрепить свои пошатнувшиеся позиции. Леппер не считал себя виновным, утверждая, что причины отставки исключительно политические. Узнав об увольнении, он заявил: «Наши дороги с братьями разошлись»⁶⁰. Леппер выступал за вывод польского контингента из Ирака и Афганистана, предлагал решать «мясной спор» с Россией напрямую, а не через посредников в лице Евросоюза и прочих международных организаций. Еще до вступления Польши в ЕС Леппер был главным зачинщиком уличных протестов против присоединения к альянсу, считая, что вступление страны в «европейский клуб» может нанести удар по польскому крестьянству, а с ним и по всей польской экономике. И, наконец, — и это самое принципиальное — Леппер потребовал провести референдум по вопросу о размещении в Польше элементов американской системы ПРО. Качиньские выступали категорически против этой идеи, опасаясь, что соотечественники не поддержат их планы.

Следует отметить, что недолговечность правящей коалиции предопределялась разнородностью — от левых до правых радикалов — ее состава. Именно поэтому практически по всем обсуждавшимся в правительстве вопросам — от фискальной политики и введения евро до аборт и прав сексуальных меньшинств — вспыхивали горячие дебаты. «Газета wyborcza» прокомментировала отставку Леппера как «крах аморальной политики Ярослава Качиньского, проводимой во имя моральной революции. Эта политика толкнула его на коалицию с Леппером — популистом и преступником, с крайне правым Гертыхом (лидером ЛПС. — О. М.)... Эта коалиция наносит вред Польше и выставляет нам на посмешище Европы. Хорошо, что ей пришел конец»⁶¹. А. Михник резко отрицательно оценил правление Я. Качиньского, заметив, что по иронии судьбы их

партия называется Право и Справедливость, хотя Польша сделала шаг в направлении Бесправия и Несправедливости⁶². Непреклонный диссидент А. Михник в сборнике эссе с неожиданным названием «Исповедь обращенного диссидента» заявил, что он встал на позиции «глубокого недоверия». Пока шел сложный процесс преобразований, он «намеренно сохранял своего рода сдержанность, говорил себе, что всему свое время, что в переходный период может быть больно, но другого пути нет... Сейчас (т. е. в период правления Я. Качиньского. — О. М.) в Польше мы имеем дело с такой риторикой: что должен быть порядок и сильное государство; что Польше никто не будет плевать в лицо; что существует мир космополитов, которым надо противостоять; что необходимо начать борьбу с олигархами; что надо усмирить СМИ и уничтожить независимое правосудие, а в борьбе с политическими противниками можно использовать спецслужбы»⁶³.

Польские аналитики подмечали характерную черту этой правительственной коалиции: сочетание этатистского и популистского направлений, что представляло опасность для экономики. Акцент на трате еще не заработанных денег, идеи ограничения хозяйственных свобод (хотя бы в торговле) и создания все новых контрольных органов, напряженные международные отношения, затрудняющие деятельность экспортеров, конфликты с Евросоюзом, неясная процедура люстрации, которая может усложнить деятельность биржевых компаний, фирм СМИ и финансового сектора, — вот лишь некоторый перечень жгучих вопросов. Отмечалось также, что польская экономика проявляет поразительную сопротивляемость политике, но полностью не испытывать ее влияния она не может. Согласно опросам фирмы «Грант Тортон», 54% предприятий оценивали политическое положение негативно, а среди экспортеров эта цифра достигала 63%, что являлось весьма и весьма тревожным сигналом⁶⁴.

Досрочные парламентские выборы 21 октября 2007 года

Политическая сцена накануне выборов. Правый фланг в этот период занимали две главные партии-соперницы: Право и справедливость и Гражданская платформа. Известный социальный психолог Я. Чапиньский высказывал очень пессимистичные взгляды, отмечая, что правящая партия *Право и справедливость* по-прежнему соответствует ментальности огромной части поляков: недоверчивость, подозрительность, зависть. По опросам в июне 2007 г., правящий лагерь потерял в целом около 25% своего электората, большинство граждан не декларировало поддержку Пис.

За эту партию не собирались голосовать врачи, учителя, преподаватели вузов, возмущенные законом о люстрации, а также молодежь. Но Пис и не пыталась завоевать расположение этих кругов, им важен был другой электорат. Пис руководствовалась долговременным политическим расчетом — показать силу и последовательность власти, солидарной с «настоящими поляками», которые меньше получили от трансформации или даже потеряли⁶⁵. Тем временем согласно данным социологического опроса в мае 2007 г., лишь около 35% поляков высказывали положительное мнение о деятельности президента Л. Качиньского, а 68% расценили деятельность премьера Я. Качиньского как плохую⁶⁶.

Набиравшая силу либеральная *Гражданская платформа* шла на выборы с программой из 10 пунктов, в числе которых снижение и упрощение налогов, повышение зарплаты бюджетникам и увеличение пенсий. Не менее важный ее пункт — обещание вывода польского контингента из Ирака в 2008 г.

На имевшей место в июне 2007 г. конвенции СДЛС столкнулись две различные концепции стратегии СДЛС и левицы в целом. С одной стороны, вырисовывалась концепция, по которой левица должна была бы строиться по матрице ГП, т. е. быть группировкой общеевропейского, прозападного, модернизационного характера, но отличающейся от ГП большей однозначностью в отрицании консерватизма. По другой концепции, прежний, наиболее верный левице электорат следует постепенно увеличивать за счет различных профессиональных групп, т. е. учителей, работников бюджетной сферы по мере провоцирования властью очередных социальных конфликтов. Наиболее реальной считалась вторая концепция, но в этом случае СДЛС предстояло расстаться с мечтой рассчитывать на 40% поддержки, ведь основное течение общественного мнения — антипээрелевское⁶⁷. В итоге левые и левоцентристские партии сформировали предвыборную коалицию *Левица и Демократы (Лид)*, в которую вошли СДЛС, Польская социал-демократия, Демократическая партия и Союз труда. Возглавил ее бывший президент А. Квасьневский. Основная цель Лид — извлечь максимальную пользу из избирательной кампании, чтобы затем создать сильное левоцентристское объединение в следующей каденции. Нужно отметить, что Лид находится в поисках нового языка для контакта с обществом, т. к. такие понятия, как «Польша в ЕС», «гражданское общество», «самоуправляемая Польша» утратили для общества свою притягательность.

Избирательная кампания, по мнению политологов, была очень острой, часто лишенной ценностных суждений. Вместе с тем в ней с избытком присутствовали грубость, персональные выпады, попытки любой ценой очернить конкурентов.

Большую роль в определении предпочтений избирателей сыграли теледебаты лидеров основных партий: Я. Качиньский (ПиС) — А. Квасьневский (ЛиД); Я. Качиньский (ПиС) — Д. Туск (ГП); А. Квасьневский (ЛиД) — Д. Туск (ГП). Они привлекли к ТВ больше зрителей, чем сериалы и развлекательные программы — около 10 млн. зрителей каждые из теледебатов. Большинство политологов считали, что важнейшими теледебатами всей кампании явилась встреча лидеров крупнейших партий — премьера и лидера ГП, которые выиграл Д. Туск. Он был лучше подготовлен, более убедителен, держался свободнее. Туск показал себя политиком, знающим проблемы обычных людей, перехватив тем самым данную установку у Качиньского (а именно то, что ПиС — партия обычных людей). Туск заявил, что 2 млн. поляков выбрали либеральную экономику, но не в Польше, а за ее рубежами; что следует совместить либеральную и солидарную политику, как это сделали Великобритания и Ирландия. Он доказывал, что власть не должна уступать группам нажима только потому, что они сильные, и упрекал Качиньского, что тот пошел на уступки горнякам, а для усмирения санитарок направил полицию. Я. Качиньский в свою очередь считал, что нельзя допустить возврата курса, нацеленного исключительно на интересы обеспеченных слоев, следует отказаться от либеральной политики и продолжать строительство IV РП. Туск заявил, что Польша имеет наихудшие с 1989 г. отношения с Германией и Россией, ставил под вопрос успешность политики в отношении США, в Ираке и вопросе американской ПРО. Оба лидера придерживались различных взглядов на борьбу с коррупцией⁶⁸.

В ходе теледебатов Квасьневский — Туск оба политика боролись за центристский электорат, но преследовали разные цели. Для Квасьневского, по мнению специалиста по вопросам политического маркетинга С. Тшечака, — это попытка восстановить имидж и улучшить рейтинг ЛиД, показать, что ГП является «лучше упакованным и более культурным изданием ПиС», а «настоящим фронтом борьбы и альтернативой» для партии Качиньского представляется коалиционное объединение ЛиД. Речь шла о получении поддержки более умеренных избирателей. В свою очередь Туск стремился завоевать более либеральный электорат, убеждал, что Квасьневский — это социалист, только «в лучшей упаковке». Прояви-

лись и серьезные разногласия в вопросе о налогах. Так, Туск поддерживал линейный, единый для всех налог, Квасьневский же считал его несправедливым и предлагал по возможности идти на снижение налогов, отказываясь при этом от радикальных шагов. Различались конкуренты и своим отношением к прошлому. Если Квасьневский полагал, что процесс сведения счетов с прошлым должен продолжаться, но цивилизованно, то Туск убеждал: не будет справедливой Польши, если не сказать правду о прежней системе, о плохой власти, которая стреляла в людей. Согласно зондажу, проведенному для «Жечпосполитой», победу Туска признали 62% опрошенных, а Квасьневского — 38%⁶⁹.

На выборах была зарегистрирована самая высокая явка избирателей с 1989 г. — 53,88%. Некоторые аналитики назвали это показателем «общественного раздражения правлением братьев Качиньских».

Победителем оказалась ГП, набравшая 41,51% голосов электората; ПиС получила 32,11%; Лид — 13,15%; ПКП — 8,91%. Избирательного порога не преодолели «Самооборона» (1,53%), ЛПС (1,3%), Польская партия труда (0,99%) и Партия женщин (0,28%). Соответственно в сейме ГП получила 209 мандатов, ПиС — 166, Лид — 53, Немецкое меньшинство — 1. В сенате ГП — 60 мандатов, ПиС — 39, одно место досталось независимому кандидату Вл. Чимошевичу⁷⁰.

Проигрыш ПиС политологи назвали «поражением братьев Качиньских и их курса». За 15 месяцев правления близнецы настроили против себя электорат, создав в стране атмосферу подозрительности, политических преследований и скандала. К тому же Качиньские, как уже отмечалось выше, тормозили принятие общеевропейских законов, требуя для себя большего представительства в ЕС, а также признания «христианских корней Европы как основополагающего принципа». Они блокировали подписание Соглашения о партнерстве и сотрудничестве России и ЕС, увязав его с проблемами поставки польского мяса. Это способствовало их изоляции — партнеры по ЕС «антирусский пафос» близнецов не поддерживали. Открыто называя правление близнецов «реакционным режимом», Париж и Берлин возвестили «возрождение демократической Польши». Теперь, став оппозиционной, ПиС улучшила по сравнению с предыдущими выборами свой результат и является второй по величине партией в парламенте. Следовательно, она не была отброшена, ее по-прежнему поддерживает большая часть поляков. Между тем в ходе избирательной кампании более умелой в социотехническом отношении оказалась ГП. В обществе господствовало ожидание перемен.

Высоко оценивая прошедшие выборы, бывший премьер Т. Мазовецкий заявил, что польская демократия «сдала экзамен на зрелость хорошо», особенно подчеркнув высокую явку: более половины поляков. «Люди почувствовали, — заявил он, — что их голос имеет значение и следует выразить протест против того, что делалось в последние два года», «против авантюризма в политике до такой степени, против раздоров среди поляков, против правления посредством конфликтов и устрашения». Особо отмечалось высокое участие молодежи: «Молодое поколение стремится уже к той нормальной демократии, которая на Западе, и не желает, чтобы Польша была страной авантюры, которая не умеет использовать ситуацию в ЕС»⁷¹. Подобное объяснение высокой явки молодежи дает и архиепископ Т. Гоцловский: «Впервые в выборах участвовали люди, родившиеся в свободной Польше. У них нет обременений от коммунистической системы, их более интересует экономика, место Польши в Европе. События, связанные с деятельностью спецслужб в последние два года, они признали деструктивными и отбросили такой стиль правления»⁷². Серьезный экзамен придется также сдавать президенту, который покажет, сумеет ли он сотрудничать с правительством, в котором не представлена ПиС.

Конструктивной оппозицией станет также СДЛС. Его лидер В. Олейничак, поясняя слова А. Квасьневского («мы ожидали большего»), заявил: среди избирателей преобладало желание отстранить ПиС от власти, именно поэтому избиратели голосовали за ГП⁷³.

Парламентские выборы 2007 г. стали реваншем Туска: дважды проиграв Качиньским — президентские и парламентские выборы 2005 г. — Туск наконец-то оказался у власти. Он сумел доказать, что имеет в своем арсенале все, что нужно главе правительства, — опыт борьбы с коммунистами, образование, верность традиционным ценностям, знание экономической политики. При этом, что уже отмечалось, Туск, как и Качиньские, поддержал закон о люстрации, критикуя Качиньских лишь за «некоторые перегибы», не ставя под сомнение идеологические чистки. Либерализм Туска в большей степени касается экономической политики, в остальном он по сути консерватор: верность традициям, католической церкви и историческим стереотипам. Обращая промахи Качиньских в свою победу, он обещал наладить отношения и с ЕС, и с Россией⁷⁴.

Выигранные Гражданской платформой 9% голосов означают, что эта партия имеет мандат на проведение планируемых перемен. От правительства Туска ожидается оживление заторможенного процесса приватизации, дерегулирования экономики и введения линейного (единого для

всех) налога для корпораций и граждан. Победившая партия ГП будет стремиться снизить расходы, чтобы проложить путь к значительному снижению налогов в 2009 г. и перейти на евро в 2012 г. Необходимо также снизить бюджетный дефицит до отметки ниже 3%, что является условием вхождения в сферу евро⁷⁵. Новое правительство обещает досрочно вывести польский контингент из Ирака и пересмотреть соглашения с Вашингтоном по размещению американской ПРО.

Состояние общества в 2000-е годы

Процесс трансформации неизбежно влияет на положение тех или иных социальных групп, при этом обычно выделяют категории «выигравших» и «проигравших». Причем в конце 90-х гг. к разряду «проигравших» склонны были причислять себя все большее число поляков. Исследователь Т. Тораньская, введшая в оборот термины «мы» и «они», считает, что это деление вернулось очень быстро, через год после «Великого перелома» (1989 г.). Она пишет, что «сегодня граница, отделяющая «нас» от «них» проходит не там, где до 1989 г.: сегодня деление «мы—они» превратилось в деление на бедных и богатых. «Мы» — это те, кому не повезло, кто проиграл в рыночной конкуренции или не смог найти себя в новой Польше. Зато «они» — это не только элиты, связанные с властью, но и вообще все круги, достигшие успеха, преуспевающие, имеющие хорошую работу, полностью использующие возможности, предоставляемые рынком и свободой»⁷⁶.

От трансформации проиграло население малых городов, лица с низким уровнем образования, занятые на малых предприятиях, особенно принадлежащих частным лицам, часть малоземельного сельскохозяйственного населения, ведущего низкопродуктивное хозяйство в основном для внутреннего потребления, в том числе имеющее двойную занятость. В числе «выигравших» от системной трансформации оказались лица в возрасте от 35 до 44 лет, имеющие высокую квалификацию, проживающие в крупных городах; лица, профессионально связанные со структурами, обеспечивающими функционирование новой экономической системы; работники крупных предприятий, где сильны профсоюзы.

Безусловно, к «проигравшим» следует отнести две крупнейшие категории населения страны: рабочих и крестьян. Внутри рабочего класса происходили глубокие процессы реструктуризации, связанные с децентрацией производства, уменьшением доли крупных промышленных предприятий на фоне роста числа мелких и средних. Имеет место ряд

опосредованных показателей угасания рабочей солидарности. Влияние профсоюзов было радикально ограничено благодаря совместным усилиям неолиберальных политических и экономических элит, представителей кругов работодателей и значительной части профсоюзных лидеров. Все сложности происходивших перемен ощутило на себе и крестьянство. Поэтому на протяжении всей декады 90-х гг. Польшу сотрясала волна крестьянских протестов, причем протесты 1998—1999 гг. имели одну важную особенность. Основная их сила — это не бедные крестьяне, а владельцы крупных и высокотоварных хозяйств в северных и западных регионах страны, борющиеся за свои экономические права. Не самые лучшие времена переживает сейчас и средний класс, к которому причисляют себя около 40% населения (иногда без достаточных на то оснований). К новому среднему классу относятся как некоторые категории наемных работников (руководящие кадры, специалисты), так и профессионалы (врачи, юристы), обеспечивающие себя работой самостоятельно, а также в определенной степени владельцы малых и средних фирм⁷⁷.

Достоверно представить социологическую ситуацию в стране, а также динамику эволюции различных социальных групп помогают различные социологические исследования, проводимые в современной Польше, в частности самое масштабное и репрезентативное из них — «Социальный диагноз-2005». По этим данным, свыше $\frac{2}{3}$ поляков (69%) довольны своей жизнью, в то время как в начале 90-х гг. таких людей было лишь немногим более половины (57%). Снижается расслоение, причем весьма ощутимо: в течение трех лет показатель дифференциации снизился на 20%. При этом различия в уровне доходов непрерывно растут: наперекор статистике люди приносят домой все больше денег — с двух-трех мест работы по совместительству, зачастую в «теневом секторе», с работы за границей, из различных комбинаций и махинаций на грани закона. И это опровергает миф о том, что социальные барьеры неизменны, что бедные всегда будут бедными, а богатые — останутся богатыми. Поляки — в высшей степени мобильная нация. Если нет возможности улучшить свои жизненные условия, они меняют адрес. Из «Диагноза» следует, что 20% польской рабочей силы составляют такие мигранты-«кочевники». В 2000 г. 31% польских семей жили ниже уровня бедности, в 2005 г. — 22%, т. е. польская «зона бедности» уменьшилась почти на одну треть. Благодаря дотациям Евросоюза улучшается ситуация в сельском хозяйстве, и крестьянам эта связь хорошо видна. Более того: в 2004 г. 86% крестьян подали заявления о выделении дотаций, и только 5% этих дотаций не получили.

Показательно, что при этом $\frac{2}{3}$ дотаций были вложены в хозяйство и только $\frac{1}{3}$ — на текущее пополнение бюджета⁷⁸. Таким образом, из «диагноза-2005» складывается положительный баланс. Еще более радужны данные за 2007 г. Согласно опубликованному в июле этого года докладу «Евробарометра», почти 80% опрошенных заявляли о своей удовлетворенности жизнью. По данным Главного статистического управления, в 2006 г. более 70% семей имели сотовый телефон, почти 60% — автомобиль, 47% — компьютер, в 36% — доступ в Интернет. Средняя зарплата на предприятиях выросла на 9,3% по сравнению с июнем 2006 г.⁷⁹ Конечно, поляки осознают громадную дистанцию по отношению к средним зарплатам в ЕС. Но все-таки, невзирая ни на что, она уменьшается. В 1989 г. польский ВВП, приходившийся на одного жителя (и рассчитанный по паритету покупательной способности), составлял лишь 12% от тогдашнего среднего показателя в целом по ЕС. Сегодня эта цифра достигает уже 28% среднего ВВП для прежних 15-ти его членов⁸⁰.

Одним из факторов, определяющих состояние общества, является *рынок и отношение к нему*. В экономической сфере, как полагает польский исследователь А. Рыхард, больше факторов ослабляющих, чем углубляющих этот конфликт. Это — массовость участия в рыночной экономике; обусловленная преобладанием в стране мелких и средних предприятий, а также незавершенность польской трансформации, что выражается в существовании своеобразных гибридов, сочетающих государственную и частную собственность. Характерная черта польского капитализма — тесная связь бизнеса и власти, что способствует определенному смягчению сугубо экономических противоречий, но вместе с тем порождает напряженность иного рода, связанную с коррупцией и неэффективностью госаппарата. В известной мере, по мнению А. Рыхарда, последствием такого политического капитализма, а также результатом польских профсоюзных традиций является действующая в стране система квазикорпоративных соглашений и не всегда официальных переговоров между властью и некоторыми профессиональными группами, что тоже способствует некоторому смягчению возможных конфликтов и одновременно снижает эффективность реформ⁸¹.

Одна из важнейших проблем современной Польши связана с *безработицей*, достигавшей в 2002 г. 18% — самого высокого уровня в Европе (с 2,2 до 6,4% увеличилось число безработных с высшим образованием). Особенно социально опасной является безработица среди молодежи в возрасте до 24 лет, составлявшая в 2003 г. почти 45%. Наиболее острой пред-

ставляется проблема бедности сельского населения (в условиях крайней нищеты живет около 13% семей). М. Бони (министр труда и социальной политики в начале 90-х гг.) позже признавался, что изначально была допущена ошибка в выборе стратегии борьбы с безработицей, которая основывалась скорее на попытках смягчения последствий этого явления, чем на стремлении активизировать самих безработных. В стране помимо государственных существуют и неправительственные организации, призванные противостоять безработице, уровень которой постепенно снижается — в сентябре 2006 г. он составил 15,2%, т. е. был самым низким начиная с декабря 2000 г.⁸² На 2007 г. планировались показатели 14,4% и даже 10,5%. При этом в международном опросе фирмы «Грант Торнтон» на тему предпринимательства 34% польских фирм сигнализировали о трудностях с наймом работников (учитывая также исключительно высокий уровень неработающих в продуктивном возрасте — 46%). Поэтому многие эксперты высказывают сомнения в точности данных о безработице. Они наверняка завышена как минимум на несколько процентов как следствие теневой экономики и выездов на работу за границу. Наряду с этим Польша сталкивается со структурной безработицей, имеющей социальный характер, т. к. население обычно не располагает той квалификацией, которая востребована на трудовом рынке⁸³.

По мнению социального психолога Я. Чапиньского, наблюдается снижение уровня жизненного стресса. Это вызвано тем, что воспользовавшись в середине 90-х гг. благоприятной ситуацией, поляки довольно быстро улучшили свои экономические условия. Однако отрицательным моментом, с точки зрения психолога, считается то, что поляки мало сделали для построения гражданского общества: 90% населения не доверяют никому, кроме ближайшей семьи и великих людей, символизирующих народ, таких как Иоанн Павел II. Ничто не смогло подвинуть поляков выйти за пределы узкого круга собственных интересов. Об этом свидетельствует самая низкая в Европе явка на выборы, нежелание объединяться, заниматься вместе какими-либо общественными делами⁸⁴. В результате в Польше наблюдается парадоксальная ситуация: систематический рост человеческого капитала, т. е. уровня квалификации и компетентности отдельных людей и одновременно неизменно низкий уровень общественного капитала. Политологи отмечают, что в Польше коэффициент общественного доверия один из самых низких в Европе, поэтому следует помнить, что «решающим условием строительства гражданского общества являются не деньги или поддержка СМИ, а люди», что «универсальными и ключевыми» представляются две ценности, благодаря которым

30 лет назад КОР (Комитет защиты рабочих. — *О. М.*) добился успеха — лояльность и доверие, объединившие столь различных лидеров этих кругов и сделавшие возможной их деятельность»⁸⁵.

Что касается внешнеполитических вопросов, то согласно опросу Евробарометра, 60% жителей Польши считают, что *вступление в ЕС принесло стране пользу*, они положительно оценивают преимущества, вытекающие из членства в ЕС, прежде всего свобода передвижения и шансы работать или учиться за границей. С мая 2004 г. на работу в страны ЕС смогли выехать до 2 млн. поляков, прежде всего молодых. Уже после двух лет пребывания в ЕС стало очевидно: польские органы местного самоуправления отлично справляются с дотациями ЕС. Они смогли получить от Брюсселя в 2004—2006 гг. в рамках «Программы интеграции и оперативного развития регионов» около 3 млрд. евро. В конце 2006 г. уже 88% поляков, опрошенных ЦИОМом, выразили удовлетворение членством Польши в ЕС — и это самый высокий в истории уровень польского евроэнтузиазма⁸⁶. Между тем Польша часто занимает в ЕС особую позицию. Л. Колярская-Бобиньская, директор Института общественных проблем и одна из наиболее авторитетных варшавских аналитиков отмечала: польское правительство, руководимое консервативными близнецами Качиньскими, становилось все более евроскептическим и все чаще принимало решения, обрекавшие страну на изоляцию в европейском клубе. «Мы теряем шанс играть важную роль в Европе», — подчеркивала она⁸⁷. В июне 2007 г. на брюссельском саммите ЕС, на котором решалась судьба будущей европейской Конституции, Польша была единственной из 27 стран ЕС, которая выступила против т. н. формулы «двойного большинства» при распределении голосов в Совете министров ЕС («за» должно проголосовать большинство государств, представляющих большинство населения ЕС), считая это дискриминацией, ущемлением интересов «малых стран».

Инвестиции *НАТО* в Польше в 2005 г. впервые превысили польский взнос на развитие общей оборонной инфраструктуры. Однако следует отметить, что членство в ЕС привело к переориентации польской внешней и внутренней политики. По нынешнему семигодичному бюджету ЕС, Польша, к примеру, получает 120 млрд. долларов на модернизацию своей инфраструктуры и сельского хозяйства. Для сравнения: американское военное содействие Польше не превышает 30 млн долларов в год, а это лишь незначительная часть расходов Польши на миссии в Ираке и Афганистане⁸⁸.

Восприятие поляками реформ в целом

При обобщении опыта польских реформ вырисовывается любопытная закономерность. Реформы, осуществлявшиеся правительствами, связанными с «Солидарностью» в 1990—1993 гг. и в конце 1990-х гг., вели к ограничению помощи со стороны государства и, следовательно, вызвали снижение поддержки рыночных принципов, негативную реакцию наименее защищенных слоев населения. На волне нестабильности и растущих опасений побеждали социал-демократы, но со временем ощущение стабильности перерождалось в ощущение апатии и застоя, возникала потребность в более динамичном развитии, т. е. с приходом к власти посткоммунистических сил прорыночные настроения усиливались⁸⁹.

Две основные психологические *причины недовольства реформами* выделил Я. Чапиньский. Одна из них заключается в том, что в восприятии людей проигрыш имеет большее значение, чем равный ему выигрыш; вторая — в том, что люди обнаруживают склонность усматривать причины неудач во внешней среде, а причины успехов считать собственной заслугой. Он также обращает внимание на феномен общественной неблагодарности, комментируя «Социальный диагноз-2005»: «В Польше каждые четыре года происходит полная смена власти. Что бы власть ни сделала, никакой благодарности от поляков не дожидается. Люди в основном уверены, что они всего добились сами. А если не добились, то считают, что это власть им помешала. И даже те, кто признает, что все у них хорошо благодаря власти, в основной своей массе не хотят за нее голосовать»⁹⁰.

Объясняя настроения недовольства в обществе, Л. Бальцерович замечает, что в этом нет ничего удивительного. «Когда меняется общественный строй, — пишет он, — меняется и рейтинг зарплат и престижных профессий. Те, кто в старой системе были в привилегированном положении, отнюдь не всегда сохраняют его после перемен. У нас это относится, например, к шахтерам... Люди, относительное социальное и материальное положение которых ухудшается, вовсе не обязаны быть энтузиастами перемен. Но разве это достаточная причина, чтобы не реформировать страну?»⁹¹

Политические деятели в Польше вынуждены считаться с тем, что еще в течение многих лет проводимая ими политика будет оставаться непопулярной. Чем быстрее и эффективнее будут идти реформы, тем выше риск возникновения напряженности в обществе. Это выглядит как парадокс, особенно болезненный для политиков, вышедших из кругов демократи-

ческой оппозиции. Аналитики отмечают, что *политики пользуются разными способами, чтобы проводить преобразования вопреки воле значительной части избирателей*: 1) относятся к избирательным программам как к «красивым словам», уже ни к чему не обязывающим после выборов; 2) правительство стараются отвлечь внимание избирателей от процесса преобразований путем усиления политической напряженности; 3) политики стремятся приуменьшить достижения своих предшественников, чтобы лучше выглядеть на их фоне; 4) правительство может попытаться опередить события, ускорив темп реформ (так поступило правительство Е. Бузека, намереваясь большинство реформ провести в начале своего срока, чтобы потом спокойно «почивать на лаврах». Но, как уже отмечалось выше, они закончились неудачей, т. к. были плохо подготовлены, царила атмосфера хаоса и постоянной импровизации); 5) правительство хочет, чтобы перемен было как можно меньше, а его популярность выше⁹². Следует подчеркнуть, что ни один из вышеперечисленных способов не обеспечил прочных политических успехов, поскольку все правительства — быстрее или медленнее — все равно продолжали осуществлять экономические и социальные преобразования или по крайней мере мирились с тем, что преобразования идут сами собой. А это вызывало разочарование у тех групп, которые считали, что они теряют свои привилегии или что их интересы недостаточно защищены. Можно полагать, что большинство избирателей, пусть даже обманувшееся в своих ожиданиях и считавшее, что реформы принесли им лишь ухудшение их личного положения, по сути примирились с мыслью, что они все равно неизбежны и что попытка их затормозить привела бы к еще большим трудностям. Таким образом, пережить период социально-экономических преобразований оказалось гораздо труднее, чем можно было предполагать в самом их начале.

Не менее интересна проблема *особенностей восприятия реформ в обществе*. Польским реформаторам удалось добиться успеха шоковой терапии т. к. принципиальный перелом в экономике наступил еще до начала действия демократических механизмов выражения групповых интересов (по формулировке Бальцеровича, «если бы мы тогда погрязли в бесконечных дискуссиях, судьба реформ оказалась бы под вопросом»). Однако уже к концу 1990 г. начался *процесс приручения реформы*, т. е. такого переосмысления ее принципов, которое позволяло избежать ухудшения положения самых сильных и особенно решительно протестующих профессиональных групп. Как справедливо подметил известный польский

социолог Э. Мокшицкий, логическим следствием этого стало замедление и изменение характера преобразований. Задуманные и предпринятые как орудие мирной общественно-политической революции, они начали быстро утрачивать свой радикализм и терять из виду поставленную цель, незаметно превращаясь в ряд не слишком связанных действий, за которыми стоял не столько целостный образ нового порядка, сколько необходимость реагировать на все нарастающие проблемы. Такая ситуация возникла не столько в силу компромисса различных идеологических направлений, сколько как равнодействующая стихийного натиска различных групп на все более безыдейный и коррумпированный политический класс⁹³. Именно в этом коренится источник торможения реформ, нарастания конфликтов, жесткой борьбы за местнические интересы и постепенного возвращения утраченных позиций самыми сильными и агрессивными группами проигравших за счет самых слабых.

В числе причин нынешних разочарований польские аналитики называют ошибочный выбор общественно-экономической политики после 1991 г. Так, В. Вильчиньский отмечает, что польские политики «не решились сказать прямо, что мы идем к нормальной рыночной экономике, в которой каждый — кузнец своего счастья. Мы предпочли индексацию зарплат и социальные пособия... Очередные правительства и парламенты создавали благоприятную почву для общественных притязаний... Сейчас просто-напросто обнаруживается, насколько дорого обходятся, причем именно обществу, “третий путь” и государство-опекун»⁹⁴. Многие умело используют эту систему, что обуславливает маловероятность массового общественного взрыва, способного разрушить систему, основанную на рыночной экономике и демократии. Исследования показывают, что в Польше удельный вес принимающих участие в различных акциях-протеста значительно ниже, чем в странах Западной Европы и США.

Итоги преобразований за 18 лет: плюсы и минусы

Как известно, на рубеже 1989—1990 гг. Польша первой среди стран ЦЮВЕ начала системные преобразования и уже к 1996 г. преодолела трансформационный спад, превысив уровень ВВП 1989 г. на 4,7%. В 2006 г. экономический рост составил уже 6,1%, а в первом квартале 2007 г. — 7,4%⁹⁵.

В основе системной трансформации в Польше лежали *процессы кардинальных преобразований собственности*, начало которым было положено еще в середине 1990 г. благодаря высокой динамике развития город-

ского частного сектора, опиравшегося на мелкий частный капитал и сохранившиеся традиции индивидуального предпринимательства. За годы реформ в Польше построена экономика с преобладанием частного сектора: если в 1989 г. в частном секторе производилось около 20% ВВП, то в 2002 г. — уже 76,9%. В 2002 г. в частном секторе было занято около 70% от всех работающих в народном хозяйстве (в 1990 г. — 49%)⁹⁶. По доле частного сектора в производстве ВВП Польша вышла на средний уровень стран ЕС. Частная форма собственности господствует и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в розничной торговле, и в строительстве.

Вопреки заявлениям правительства реформаторов после 1989 г. относительно выбора либеральной модели экономического развития, предусматривавшей «уход государства из экономики», именно государство на деле стало главным субъектом политики рыночных преобразований. В его ведении оставались основные экономические и административные рычаги воздействия на экономику. Следовательно, уже на начальном этапе модель реформирования претерпела существенные изменения, и сегодня ее следует определять как неолиберальную, т. е. сочетающую в себе довольно широкую либерализацию экономической жизни и относительно высокую роль государства.

На протяжении всего периода трансформации она осуществлялась разными темпами, с разным видением участия государства в преобразованиях. 1989—1992 гг. можно назвать либеральным эпизодом, т. к. тогда экономическая свобода в Польше была максимальной. Введение свободной конкуренции и ограничение вмешательства государства в рыночные процессы привело к лавинообразному появлению среднего класса: возникли 2,5 млн частных предприятий. Первые три года общественно-экономической трансформации являли собой неплохое начало экономических перемен, но эта стратегия не стала долговременной. Парламентские выборы 1993 г. и победа левых партий увеличили вмешательство государства в экономику и усилили ее правовую регуляцию. Трансформация была замедлена, но не остановлена. Смена правящей коалиции в 1997 г. не привела к изменению курса. Очередные парламентские выборы 2001 г., когда к власти вновь пришли левые, привели к торможению польской системной трансформации, продолжению роста бюрократии и ограничению экономической свободы. Очень жестко об этом пишет польский исследователь Т. Лелен: «Торможение процесса системной трансформации более чем на десять лет представляет длительный процесс затруднения деятельности наиболее предприимчивых поляков. В этот период про-

изошло замедление численного прироста новых частных фирм, что означало ограничение развития польского среднего класса на долгие годы»⁹⁷. Снижение с 2001 г. темпов приватизации связано как с исчерпанием ее потенциала, снижением заинтересованности иностранных инвесторов, так и с отсутствием у правительства политической воли продолжать активную приватизацию. По оценкам экспертов, развитию приватизации в настоящее время препятствуют, с одной стороны, высокая политизация этого процесса, обусловленная борьбой сильных групп интересов, а с другой — отсутствие ощутимых импульсов со стороны власти к завершению начатых приватизационных процедур и инициированию новых⁹⁸. Вместе с тем практика Польши свидетельствует: переход предприятий на рыночные принципы хозяйствования приводит к повышению эффективности их работы.

Экономика Польши продолжает набирать обороты. Как уже отмечалось выше, экономический рост в первом квартале 2007 г. составил 7,4%. Говоря о нынешнем оживлении, аналитики выдвигают две основные гипотезы. Первая, касающаяся конъюнктурного цикла, заключается в том, что экономическая активность подвержена колебаниям, и страна временно оказалась на гребне волны. Вторая — гипотеза «критической массы реформ»: экономика была коренным образом реформирована, отношение государственных и политических структур к бизнесу стало доброжелательней. Однако население дорого заплатило за переустройство жизни общества, но еще не получило ожидаемых благ и, возможно, именно сейчас настает этот момент. Если справедливо второе объяснение, то высокие темпы роста ВВП могут наблюдаться на протяжении гораздо более длительного периода⁹⁹.

Стремительный экономический рост — результат ряда усиливающих друг друга факторов. Важнейшие из них — иностранные инвестиции и внешнеэкономические связи с целом. Объем инвестиций в 2006 г. составил рекордную сумму — около 15 млрд долл. Большое значение имеет вступление Польши в Евросоюз. Объем экспорта рос высокими темпами, положительно сказываясь на развитии экономики в целом. В 2006 г. экспорт вырос на 26%! Кардинально изменилась географическая и товарная структура польской внешней торговли. Основными партнерами Польши стали Франция, Германия и США. Польша экспортировала товары и услуги на сумму 87,5 млрд евро, из которых 77% приходится на рынки ЕС. Доля России за период трансформации резко сократилась, однако с 2000 по 2006 гг. российско-польский торговый оборот возрос четырехкратно,

а сейчас находится на уровне 15—16 млрд. долл. Сегодняшние успехи польского экспорта — это частично результат тех трудностей, через которые польская экономика проходила в начале десятилетия. Сокращение внутреннего рынка заставило тогда польских предпринимателей переориентироваться на зарубежье. В товарной структуре экспорта в последние годы ведущую роль играет продукция автопромышленности (главным образом легковые автомобили — 38%; запчасти — 28%; польская новая специальность — дизели — 20%). Польша стала четвертой страной в мире по экспорту мебели. Поддержкой польского экспорта является и сельскохозяйственно-продовольственная отрасль¹⁰⁰.

Второй двигатель роста — это потребление, поощряемое банковскими кредитами. По данным Я. Чапиньского, поляки тратят гораздо больше, чем зарабатывают. Тайна лежит в теневой экономике, т. е. различных формах незарегистрированной и не облагаемой налогами хозяйственной деятельности. По его оценке, в ней работает около полутора миллионов человек. ГСУ оценивает их доходы в 14,4% ВВП (а эксперты Всемирного банка — вдвое больше)¹⁰¹.

Но рыночная экономика развивается циклично. *Главные опасности — возможный рост инфляции, а также отсутствие реформ, торможение приватизации, высокие государственные расходы и налоги.* Пока что экономика развивается несмотря на отсутствие реформ и вопреки государству, которое не хочет помогать росту, считает «Газета wyborcza». Эта же газета, ссылаясь на Европейский банк восстановления и развития, неоднократно отмечала, что темп реформ в Польше — либерализация экономики и приватизация — замедлился после вступления в ЕС, а после победы ПиС осенью 2005 г. реформы застряли на месте¹⁰². Отсутствие политической готовности (если не считать пропагандистских деклараций) отмечалось и другими средствами массовой информации. «Политика», в частности, подчеркивала, что откладывается реформа государственных финансов и приватизация, сохраняются бюрократические барьеры (ответом на часть этих проблем должен был стать мифический «пакет Ключки» — пакет законов, которые, по заверениям тогдашнего премьера Я. Качиньского, облегчат жизнь частным предпринимателям, сохраняются высокие затраты на рабочую силу (помимо зарплаты) — все это ограничивает возможности развития. Обозреватель газеты обращала внимание на то, что в Польше политические расчеты уже много лет подряд выигрывают битву с экономическими. Так, из 1,78 млн. польских крестьянских хозяйств лишь 200—300 тысяч обладают экономическим потенциалом, со-

поставимым с аналогичным показателем в Западной Европе. Именно на них должно делать ставку государство, поскольку именно они способствуют развитию сельского хозяйства, но на результаты парламентских выборов влияют скорее мелкие, а не крупные хозяйства¹⁰³.

Развитие экономики Польши в течение всего периода трансформации нельзя назвать линейным. Политика «шоковой терапии», реализованная в Польше в наиболее радикальном ее варианте, позволила уже к концу 1991 г. приостановить существенный экономический спад. Вплоть до 1998 г. среднегодовые темпы роста ВВП составляли 5,75%. В 1998 г. вновь наметилась тенденция снижения роста, а с последующие пять лет среднегодовые темпы составили 3,5%; в 2001 и 2002 гг. они снизились до 1,1%, т. е. до уровня стагнации; в 2006 г. экономический рост достиг 6,1%, а приток прямых иностранных инвестиций стал рекордным — 14,7 млрд. долл. После гиперинфляции в декабре 1989 г. (1000%) темпы инфляции постоянно снижались и с 1999 г. не превышали 10% в год, в 2007 г. они равнялись 1,55%. Наиболее проблемной сферой материального производства в Польше по-прежнему остается сельское хозяйство. Процесс включения сельского хозяйства в рыночные отношения натолкнулся на неожиданные препятствия. На частный сектор в Польше традиционно приходилось 70—80% сельскохозяйственных земель и всего производства. Поэтому приватизация здесь носила ограниченный характер и коснулась лишь земель, ранее принадлежавших государственным и кооперативным хозяйствам (примерно 15% сельхозугодий). Однако вскоре стало очевидно, что собственность на землю в том виде, как она сформировалась в условиях социалистической системы хозяйствования, сохранила лишь формальные признаки частной, поскольку через систему производственной и снабженческо-сбытовой кооперации она была органично вписана в систему социалистических производственных отношений на селе. Поэтому внедрение рыночных механизмов, модернизация сельхозпроизводства остаются серьезной проблемой экономической политики¹⁰⁵. Однако Л. Бальцерович полагает, что поляки «склонны недооценивать масштаб перемен, уже произошедших в польской деревне». Есть целая группа «фермеров», модернизирующих свои хозяйства. Большим подспорьем стала модернизация агропищевой промышленности, которая превратилась в Польше в весьма важную отрасль. Была завершена также необходимая приватизация государственного сектора сельского хозяйства, причем в условиях непрекращающихся демагогических нападок¹⁰⁶.

Как уже отмечалось, сильным стимулом реформ являлась цель — *вступление в Евросоюз*. Активную подготовку к этому процессу Польша начала с середины 1990-х гг. В качестве первоочередной была определена задача адаптации национального законодательства к нормативам ЕС, означавшая принятие примерно трех тысяч по существу новых законодательных актов. Несколько медленнее шел процесс адаптации к европейским требованиям в сфере экономики. Это обстоятельство объясняется в первую очередь значительным разрывом в уровнях развития польской экономики и средневропейской (40% средневропейского уровня производства на душу населения и лишь 18% средневропейского уровня жизни). Так, по объему ВВП Польша находится на 7-м месте среди стран ЕС, тем не менее по уровню ВВП на душу населения она занимает в Европе 22-е место. Еще более заметно отставание по уровню заработной платы¹⁰⁷. По данным Евростат, ВВП на душу населения составляет 7,1 тыс. евро, но это лишь 54% от среднего по ЕС. Достижение среднего показателя по ЕС, который в настоящее время эквивалентен 24,5 тыс. долл., — задача весьма отдаленного будущего. В первую очередь потому, что страну сегодня называют «Польшей двух скоростей», т. к. половина польского ВВП создается всего лишь в четырех из 16 воеводств: Мазовецком, Силезском, Великопольском и Нижнесилезском¹⁰⁸. Тем не менее в развитии экономики страны происходят серьезные качественные изменения, и несмотря на структурные диспропорции, к моменту вступления в ЕС в мае 2004 г. качественные характеристики экономического развития Польши практически соответствовали критериям Маастрихтских соглашений. Единственный критерий, выполнение которого Польша пока не обеспечила, — дефицит государственного бюджета (не выше 3% ВВП), составивший в 2003 г. 4,5%¹⁰⁹. Именно укрепление связей Польши с Западом считает самым главным известный польский социолог П. Спевак, чему как раз Я. Качиньский не уделял особого внимания, недооценивая силу общественного стремления к цивилизационному сближению с Западом¹¹⁰.

В последние годы власти в Польше концентрировались прежде всего на увеличении эффективности экономики, полагая, что рост национального дохода автоматически решит все основные социальные проблемы или, по крайней мер, даст средства для смягчения высокой социальной цены этой стратегии. Независимо от того, какие партии находились у власти, они реализовывали одну и ту же стратегию развития, хотя левые партии ставили более сильный акцент на социальных проблемах. Следует

констатировать, что в период трансформации в Польше не удалось избежать чрезмерной социальной цены реформ. Программы реструктуризации, как правило, учитывали только экономические условия, а социальные последствия вводимых изменений трактовались обычно как неизбежные. Наиболее яркий пример такого типа политики представляет ликвидация госсельхозов — до настоящего времени не решены проблемы занятости тысяч безработных — бывших работников этих хозяйств. Другие примеры подобного противоречия между требованиями экономической эффективности и социальными издержками можно найти во всех случаях реформ социальной сферы, рассмотренных выше. Так, официальным поводом пенсионной реформы явилось противостояние неизбежному кризису системы пенсионных пособий в связи с неблагоприятными демографическими прогнозами. На практике же речь скорее шла не столько об улучшении положения будущих пенсионеров, сколько о создании нового источника финансирования польской экономики. Аналогично можно оценить реформу системы здравоохранения — ее главной целью было не улучшение качества и доступности здравоохранения, а скорее ограничение расходов на ее функционирование¹¹¹.

Таким образом, шоковая терапия преодоления экономического кризиса и перехода к рыночной экономике, примененная в Польше, обострила социальные проблемы, однако примеры бывших соцстран, выбравших отличную от шоковой стратегию преобразования экономической системы, явно доказывают, что социальная цена таких стратегий также значительна, а часто она даже выше цены шоковой стратегии. С учетом этого следует отметить, что при переходе от централизованной к рыночной экономике, видимо, невозможно избежать значительных социальных издержек. Но даже если согласиться с таким положением, то это существенно не повлияет на изменение оценки процесса трансформации, т. к. поляки понесли серьезные социальные издержки в виде безработицы, бедности и растущего неравенства, а состояние экономики в первые годы XXI в. обосновывает опасения, что по крайней мере частично эти издержки были понесены напрасно¹¹².

Таким образом, в Польше много разочарованных в свободном рынке. С психологической точки зрения это объясняется тем, что в политической мысли «Солидарности» или шире — оппозиции, не было четко разработанной программы поворота к свободному рынку. Не только потому, чтобы не быть сдвинутыми на позиции, не приемлемые коммунистами. В мышлении оппозиционных элит с 60- гг. вплоть до переговоров «круг-

лого стола» в 1989 г. доминировали различные концепции демократического социализма. Форсированный скачок от этого близкого социал-демократической мысли течения к свободнорыночному либерализму застал рабочих и другие слои польского общества врасплох. Как замечает бывший известный оппозиционер К. Колаковский, «у свободного рынка есть свои тяжелые стороны. Но ликвидация свободного рынка — гораздо большее несчастье. Быть может, некоторые люди верят, что свободный рынок справится со всеми социальными вопросами... Нельзя положиться на рынок, который должен действовать автоматически»¹¹³. Все же к несомненным достижениям польских реформаторов следует отнести следующее: им удалось сохранить на социально приемлемом уровне основные виды социальных пособий и создать систему социальной помощи для населения, имеющего низкие доходы. После 1993 г. рост номинальной заработной платы постоянно опережал рост цен. По итогам 2003 г. реальная заработная плата увеличилась на 33,9%, пенсия — на 35,0% по сравнению с 1992 г.

Остановливаясь на плюсах и минусах трансформации, следует отметить, что в представленном балансе не может быть всеобщего согласия. Крупнейшими достижениями 18 лет польских преобразований поляки считают: вступление в Евросоюз, свободу слова и передвижения (по 45%), вступление в НАТО (36%) и переход к демократии (27%). В числе самых крупных неудач они чаще всего называют безработицу и коррупцию¹¹⁴.

Приватизация означает отход от социализма в его ключевом аспекте. При этом трудно определить переломный момент, т. к. постсоциалистические преобразования идут в нескольких направлениях. Основные — это приватизация экономики, ограничение раздутой фискальной системы государства, отмена правил, ограничивающих экономическую свободу. *Прогресс проявлялся по-разному в разных областях и в разные периоды.* Наиболее эффективными оказались трансформационные действия в следующих областях: внутренней торговли, банковского рынка, рынка капиталов, мобильной коммуникации, рынка труда. Медленно проходят реформы в сфере модернизации сельского хозяйства (под нажимом ЕС); сырьевой промышленности (из-за интересов рабочих и разросшейся администрации); в системе образования (сохранение некоторых элементов прежней системы уменьшает шансы молодежи найти свое место на рынке труда); в транспортной инфраструктуре; в исполнительных органах права (полиция, пограничная охрана). К системам, не изменившимся со времен ПНР, следует отнести органы правопорядка и судопро-

изводства, а также публичное страхование. Трансформационная деятельность негативного направления проявилась в разросшейся бюрократии при одновременном отсутствии ответственности за ошибки и бездействие чиновников, а также в сохранении неэффективной, дорогостоящей и обременительной налоговой системы¹¹⁵.

Коренные изменения произошли и в политической системе, в первую очередь создание реальной многопартийности, обеспечение принципа главенства закона, гарантированные законом права собственности и формирование гражданского общества. Веще уже отмечались сложности, с которыми встретились поляки в процессе построения гражданского общества, не завершено до сих пор. В начале 90-х гг. многие в Польше были охвачены эйфорией, считая, что достаточно создать сильные демократические институты и механизмы — и действительность изменится едва ли не в один день. Между тем оказалось, что преобразования — это длительный, сложный процесс, в ходе которого нужно воздействовать на человеческое сознание и демонстрировать преимущества демократии. «Спор о том, может ли существовать в Польше либеральная демократия — это по сути спор об активности гражданского общества. Невозможно построить демократию, если общество будет пассивно», — заявлял бывший председатель Конституционного суда М. Сафьян¹¹⁶.

Два фактора за последние 18 лет предопределили будущее политических партий. Это 1993 г., когда избирательный закон ввел 5%-й порог, который следовало преодолеть для вхождения в Сейм. И вторая дата — 2001 г., когда началось финансирование партий из бюджета государства. Относительно крупных формирований речь идет о нескольких десятках миллионов злотых. Несомненно, что это ведет к укрупнению политических структур, т. к. партии, не получающие финансирования, теряют шансы на соперничество с гигантами. После выборов 2007 г. крупнейшую дотацию из госбюджета получила ГП — почти 38 млн. злотых ежегодно; ПиС — 35,5 млн.; коалиция Лид — св. 19,5 млн., а ПКП — более 14 млн. злотых¹¹⁷.

Для партийной системы последних лет по-прежнему характерна определенная нестабильность: исчезают и образуются новые партии, резко колеблются предпочтения избирателей, часто меняется избирательный закон. В политической жизни появляются новые моменты: многое меняется в вопросах политического маркетинга, уходят в тень конкретные программы партий, в которых еще возможно было какое-либо соперничество по существу, а на первый план выходит пиар. В целом слабые, раз-

деленные на фракции группировки и сложные коалиции заменяются сильными, централизованными объединениями. Вхождение на рынок новой партии может быть очень трудным. Удавшиеся дебюты последних лет (ГП в 2000 г. и ПиС в 2001 г.) можно назвать достаточно прочными. Впервые в новейшей истории именно эти политические образования заняли два первых места в досрочных парламентских выборах 2007 г. Это совершенно новое явление на польской политической сцене и, может быть, сигнал ее устойчивости в будущем¹¹⁸.

Как уже отмечалось, для польской политической сцены характерна нестабильность взглядов электората. По данным Польской генеральной инициативы, организованной для изучения и анализа парламентских выборов, в период 2001—2005 гг. 63% польского электората изменили свои предпочтения. Например, голосовавшие в 2001 г. за СДЛС четыре года спустя выбрали ПиС. 2005 г. оказался переломным и с другой точки зрения: ранее количество голосовавших и неголосовавших распределялось примерно поровну. Тогда еще можно было сказать, что польский non-voter принципиально не отличается от западного (с той разницей, что в т. н. старых демократиях только 20% имеющих право голоса не принимают участия в голосовании). Как правило, это лица менее образованные, с более низкими доходами, проживающие в деревне и в малых городах, наиболее молодые и наиболее пожилые, вне рынка труда. В Польше — и это специфическая польская проблема — постоянно фиксируется низкая явка на выборы. А если 60% имеющих право голоса в Польше не принимают участие в выборах, то, естественно, в этой группе должны были оказаться лица с высшим образованием или обеспеченный средний класс. И именно это вызывает удивление, т. к. в классических демократиях образование и высокий социальный статус, напротив, способствуют участию в выборах¹¹⁹.

Особенности развития демократии в Польше определил, в частности, компромисс, заключенный с коммунистами за «круглым столом». По мнению бывшего оппозиционера Л. Колаковского, польская демократия отличается «от устоявшейся британской демократии отсутствием функционирования четко разделенных властей, а также вполне сложившегося класса *civil servants* — чиновников гражданской службы, независимых от политических партий, не сменяющихся в результате выборов и составляющих стержень государства, хотя много говорится о такой службе». Колаковский считает чрезвычайно важной независимость основной структуры государства от политических партий¹²⁰.

* * *

Таким образом, можно утверждать, что в целом Польша столкнулась с большими экономическими и социальными трудностями переходного периода. Вместе с тем она осуществила постсоциалистическую трансформацию и в основном завершила переход от административно-плановой экономики к рыночной и к парламентской демократии. Была проведена широкая либерализация хозяйственной деятельности и внешней торговли, приватизирована большая часть госпредприятий и начаты масштабные структурные реформы в базовых отраслях экономики. Во все сферы экономики, включая финансовую, открылся широкий доступ иностранному капиталу. Вместе с тем полувековое развитие Польши на основе принципиально иной социально-экономической и политической модели не могло не оставить след в экономике, общественных ценностях и политической культуре страны, что отразилось на особенностях ее трансформации. Реформы еще не завершены. Мысль, что *реформы — это бесконечный процесс* красной нитью пронизывает концепцию Л. Бальцеровича: «В условиях современного, глобального хозяйства невозможно стать победителем раз и навсегда, свое место надо постоянно отстаивать в мирной, но жесткой борьбе... Реформы — это необходимое условие прогресса не только переходных, но и состоявшихся, мощных экономик». Между тем «в любом государстве всегда присутствует обширный популистский фронт, который под разными предложениями, в т. ч. и ссылаясь на “национальную самобытность”, противодействует реформам... Успех зависит от того, способно ли общество дать организованный отпор популистам, не позволить им увести нацию в сторону от назревших преобразований». «Мы не потратили впустую эти годы, хотя и не использовали их в полной мере», — делает вывод «отец польских реформ». Объясняет он это «следствием политического блокирования реформ (ставящихся сейчас под сомнение), а не их избытком». Бальцерович признает, что «проблема заключается не в том, что мы вообще начали реформы, а в том, что в нескольких ключевых пунктах не довели эти реформы до конца». Так, высокий уровень безработицы он считает следствием «вовсе не избытка рыночных реформ: оздоровления государственных финансов, либерализации рынка труда, устранения барьеров на пути предпринимательства, — а как раз наоборот, их тормозивания»¹²¹.

Польше еще далеко до уровня высокоразвитых стран Европы, однако прогресс сомнений не вызывает. А это значит, что *формы и методы про-*

ведения системных реформ здесь себя оправдали. Опыт Польши подтверждает, что рыночные отношения сами по себе не могут служить единственным регулятором на этапе переходного периода, а частная собственность не является достаточным условием быстрого и эффективного развития рыночных отношений в той или иной сфере. В целом глубокие системные преобразования в Польше были проведены в исторически короткие сроки и без длительного периода спада или застоя в экономике.

П р и м е ч а н и я

¹ Подробнее см.: *Бухарин Н. И., Синицина И. С., Чудакова Н. А.* Польша: десять лет по пути реформ // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 38—57; *Лыкошина Л. С.* Лешек Бальцеревич. Политические портреты. М., 2001; *Changing rules.* Polish political and economic transformation in comparative perspective. Warszawa, 1997; *Kofman J., Roszkowski W.* Transformacja I postkomunizm. Warszawa, 1999; *Postkomunistyczne transformacje.* Poznan, 2002; *Dudek A.* Pierwsze lata III Rzeczypospolitej. 1989—2001. Kraków, 2002.

² Подробнее см.: *Майорова О. Н.* Эволюция партийной системы в постсоциалистической Польше // Славяноведение. 2004. № 3. С. 47—58; *Demokratyzacja w III Rzeczypospolitej.* Wrocław, 2002; *Kierunki ewolucji systemu politycznego Rzeczypospolitej Polskiej.* Lublin, 1997; *Karpin'ski J.* Trzecia niepodleglosc: Najnowsza historia Polski. Warszawa, 2001; *Knyzewski K.* Partie I system partyjny w Polsce w okresie transformacji ustrojowej. Warszawa, 1998; *Partie I koalicje polityczne III Rzeczypospolitej.* Wrocław, 2004; *Polityka w Polsce w latach 90.* Wybrane problemy. Wrocław, 1999.

³ *Лыкошина Л. С.* Четыре реформы. От концепции до реализации // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе (сборник обзоров и рефератов). М., 2003. С. 222—228.

⁴ Четыре реформы... С. 229.

⁵ *Polityka społeczna.* 2004. N 5—6; *Rzeczpospolita.* 2004. 08.10; *Dziennik.* 2007. 15.02.

⁶ *Polityka.* 2000. NN 41, 42; *Alberski R.* Wybory prezydenckie w Polsce w latach 1989—2000 I ich funkcje polityczne // *Demokratyzacja w III Rzeczypospolitej.* Wrocław. 2002. S. 110—113.

⁷ *Polityka.* 2001. N 38.

⁸ *Antoszewski A.* Ewolucja polskiego systemu partyjnego // *Demokratyzacja...* S. 70—71.

⁹ *Jednaka W.* Proces tworzenia gabinetów koalicyjnych w Polsce w latach 1989—2001 // *Demokratyzacja...* S. 93—94.

¹⁰ *Rakowski F. M.* Przysmiona rados'c // *Trybuna.* 2000. 29—30.09.

¹¹ *Gazeta Wyborcza.* 2004. 30.04—03.05.

¹² *Rzeczpospolita.* 2002. 10—11.08 — 2—3.11.

- ¹³ Polityka. 2002. NN 45, 48.
- ¹⁴ Подробнее см.: *Balicka M.* Ogon, dawniej tygrys // Polityka. 2002. N 3.
- ¹⁵ *Miller L.* Po pierwsze przedsiębiorczość // Trybuna. 2002. 25.02.
- ¹⁶ *Gottesman K.* Zmierch cry Millera // Rzeczpospolita. 2003. 30.10.
- ¹⁷ Rozmowa z prezydentem Kwaśniewskim. Wybiegamy na duże boisko // Polityka. 2003. N 22. 31.05; Ньюсвик-Польша. 2002. 07.07.
- ¹⁸ Подробнее см.: *Rybak A.* Sieroty po AWS // Polityka. 2003. N 28. 12.07.
- ¹⁹ *Gazeta Wyborcza.* 2004. 02.01; *Rzeczpospolita.* 2004. 07.01.
- ²⁰ Rozmowa z prof. J. Raciborskim. Kaczyn'ski przegra z elitami // Przegląd. 2006. 18.04.
- ²¹ *Gazeta Wyborcza.* 2004. 30.03.
- ²² Подробнее см.: *Яжборовская И. С.* Эволюция национальной идеи в Польше // Форум. 2004. Нация и мир. М., 2004. С. 218; *Wprost.* 2006. 26.02.
- ²³ www.msg.gov.pl.
- ²⁴ *Rzeczpospolita.* 2002. 10.09.
- ²⁵ *Tarnowski P.* Jazda obowiązkowa // Polityka. 2005. N 35.
- ²⁶ *Solska J.* Chleb na igryskach // Polityka. 2005. N 36.
- ²⁷ *Socha R.* Most dla post. Politycy po przejściach // Polityka. 2005. N 16.
- ²⁸ Onet. pl — Wybory. 18.02.2005.
- ²⁹ Цит. по: *Лыкошина Л. С.* Польша после выборов 2005 г. Аналитический обзор. М., 2006. С. 11—15.
- ³⁰ *Зарицкий Т.* Идеалы польской «Солидарности» через четверть века // Восточноевропейские исследования. 2006. № 4. С. 65—72.
- ³¹ *Wybory 2001: Partie I ich programy.* Warszawa. 2001. S. 197—207.
- ³² *Tygodnik Powszechny.* 2005. 23.10.
- ³³ *Polityka.* 2006. 04.02.
- ³⁴ *Зарицкий Т.* Идеалы польской...
- ³⁵ *Marks B.* Trzy wymiary Samoobrony, czyli źródła sukcesu partii Andrzeja Leppera // *Studia polityczne.* 2004. N 14. S. 30—31, 23—24; *Wprost.* 2006. 07.05.
- ³⁶ *Gazeta Wyborcza.* 2006. 24.04; *Polityka.* 2005. 01.10.
- ³⁷ Onet. pl — Wybory. 18.02.2005.
- ³⁸ *Tarnowski P.* Jazda obowiązkowa // Polityka. 2005. N 35.
- ³⁹ *Polska w lustrze "Solidarnos'ci"* // *Mówią Wieki.* 2006. 27.01.
- ⁴⁰ Rozmowa z prof. J. Raciborskim. Kaczyn'ski przegra z elitami // Przegląd. 2006. 18.04.
- ⁴¹ *Черемушкин П.* От «Солидарности» до «нормальности» // Профиль. 2005. 17.10.
- ⁴² *Paradowska J.* Pod znakiem Bliźniąt // Polityka. 2005. N 43. 29.10; *Лыкошина Л. С.* Польша после выборов...

- ⁴³ Polityka. 2006. 04.11.
- ⁴⁴ *Janicki M., Władyka W.* Wybory jak rozbiory // Polityka. 2005. N 44.
- ⁴⁵ *Baczynski J.* Życzenia dla Prezydenta // Polityka. 2005. N 43.
- ⁴⁶ *Walenciak R.* Przerwany lot premiera Marcinkiewicza: dlaczego odszedł? // Przegląd prasy. Onet. pl. Wiadomosci. 18.01.2007.
- ⁴⁷ Polityka. 2006. 30.09.
- ⁴⁸ Rzeczpospolita. 2006. 21—22.10; Polityka. 2006. 11.11.
- ⁴⁹ *Zycie Warszawy:* koniec solidarnosci związkowcow z rządem // Przegląd prasy. Onet. pl. Wiadomosci. 18.01.2007.
- ⁵⁰ Gazeta Wyborcza. 2006. 14.28.11.
- ⁵¹ PAP. Gorzka lekcja dla Kaczyn'skiego. 23.11.2006; PAP. Wygrana w Warszawie to efekt psychologiczny. 26.11.2006.
- ⁵² *Najsztub P.* Zwierz ostrzega nagonkę. Czego wlas'ciwie chce Platforma. PAP. 23.11.2006.
- ⁵³ Ньюсуйк-Польша. 2007.12.08.
- ⁵⁴ *Рокоссовская А.* Ни права, ни справедливости // Российская газета. 2007. 30.03; *Шановалов А.* Лех Валенса рвется в журналисты и мученики // Там же.
- ⁵⁵ Sondaż: Polacy za lustracj, ale w inny spos'b // Gazeta Wyborcza. 2007. 27.03.
- ⁵⁶ *Zawadka G.* Polakow lustracja nie obchodzi nic a nic // Życie Warszawy. 2007. 15.03.
- ⁵⁷ *Lakomski G.* Otworzmy archiwa, nie można nimi grac' // Życie Warszawy. 2007. 14.05; Gazeta Wyborcza. 2007. 12—13.05.
- ⁵⁸ *Sliwa L.* Jajko częściowo nieswieze // Gosc Niedzielny. 2007. 28.05; Polacy za stan sluzby zdrowia winią rząd // Onet.pl. Wiadomosci. 2008. 07.01.
- ⁵⁹ *Dryszel A.* Gdzie ta kasa? // Przegląd. 2007. 29.05.
- ⁶⁰ *Шестернина Е.* Братья Качиньские перессорились с собственным правительством // Известия. 2007. 11.07.
- ⁶¹ Dymisja Leppera to krach amoralnej polityki Kaczyn'skiego // Przegląd prasy. Onet/ pl/ Wiadomosci. 10.07.2007.
- ⁶² Gazeta Wyborcza. 2007. 16.10.
- ⁶³ *Моя сущность не изменилась. Беседа с Адамом Михником, главным редактором «Газеты wyborчей»* // Новая Польша. 2007. № 9. С. 79, 83.
- ⁶⁴ *Гжешак А.* Что так гонит-подгоняет? // Новая Польша. 2007. № 6. С. 9.
- ⁶⁵ Przegląd. 2007. 04.06; *Walenciak R.* Kaczyn'scy nie mają rządu dusz // Przegląd. 2007. 26.06.
- ⁶⁶ *Kamin'ski* ma ratowac wizerunek prezydenta // Zycie Warszawy. 2007. 09.07.
- ⁶⁷ *Karpinski J.* Lewica nie moze byc PO-bis // Trybuna. 2007. 05.06; *Brzeziecki A.* Lewica i dylematy // Tygodnik Powszechny. 2007. 18.09.
- ⁶⁸ TVN 24. 2007. 15.10.

- ⁶⁹ Debata: publiczność usiadzie, politycy beda stali // TVN 24. 2007. 15.10.
- ⁷⁰ Pan'stwowa Komisja Wyborcza podala oficjalne wyniki wyborow // Wybory 2007. Onet.pl.Wiadomosci. 23.10.2007.
- ⁷¹ Wybory 2007. Onet. pl. Wiadomosci. 22.10.2007.
- ⁷² Dziennik. 2007. 25.10.
- ⁷³ Olejniczak: bedziemy konstruktywna opozycja // Wybory 2007. Onet. pl. Wiadomosci. 21.10.2007.
- ⁷⁴ Фокина К. Польша поТУСКнела // Известия. 2007. 26.10.
- ⁷⁵ USA: prasa o wyzwaniach stojacych przed zwycieska PO // Wybory 2007 — Onet. pl. Wiadomosci. 23.10.2007.
- ⁷⁶ Цит. по: Pankow Wl. Czy zmierzch III Rzeczpospolitej? // Polska po przejsc'ciach. Barometr spoleczno-ekonomiczny. 2001—2003 Warszawa. 2003. S. 213.
- ⁷⁷ Подробнее см.: Лыкошина Л. С. «Левый выбор» Польши и перспективы социал-демократии. Аналитический обзор. М., 2003. С. 47—50.
- ⁷⁸ Беседу с проф. Я. Чапиньским вел Я. Жаковский. Политика // Новая Польша. 2005. № 11. С. 17—23.
- ⁷⁹ Rzeczpospolita. 2007. 19.07; см. также: Gazeta Wyborcza. 2007. 27.06; Polityka. 2007. 28.07.
- ⁸⁰ Зелинский М. Как мы догнали греков. Полякам никогда в истории не жилось так хорошо, как теперь // Новая Польша. 2007. № 9. С. 23.
- ⁸¹ Лыкошина Л. С. Польша после выборов 2005 г.. С. 57—60.
- ⁸² Там же. С. 60—61; см. также: Polityka spoleczna. 2004. N 4. S. 32; Gazeta Wyborcza. 2006. 25.10; 2007. 30.04—01.05.
- ⁸³ Gazeta Wyborcza. 2007. 04.07; Гжешак А. Указ. соч. С. 9.
- ⁸⁴ Ньюсуик-Польша. 2006. 12.11.
- ⁸⁵ Sowin'ski Sl. Lekcja KOR. 3 portrety // Więz. 2006. 11.10.
- ⁸⁶ Tygodnik Powszechny. 2006. 03.12.
- ⁸⁷ Galindo Cr. Polska izoluje się w UE // El Pais. 2007. 04.04.
- ⁸⁸ Р. Сикорский, министр обороны Польши с октября 2005 по февраль 2007. Не принимайте Польшу как должное // Демографический еженедельник. Демоскоп Weekly. 2007. 02.03.
- ⁸⁹ Лыкошина Л. С. Четыре реформы... С. 232—233.
- ⁹⁰ Беседу с проф. Я. Чапиньским вел Я. Жаковский...
- ⁹¹ Л. Бальцеревич // Новая Польша. 2004. № 12. С. 3—9.
- ⁹² Гадомский В. Как пережить реформы // Новая Польша. 2002. № 3. С. 7—10.
- ⁹³ Мокшицкий Э. Ручной капитализм // Новая Польша. 2002. № 3. С. 12—14.
- ⁹⁴ Wprost. 2002. 23.06; Gazeta Wyborcza. 2002. 07.08.
- ⁹⁵ Rzeczpospolita. 2007. 01.06.
- ⁹⁶ Rocznik Statystyczny Polski. 2003. S. 581.

⁹⁷ *Lelen T.* Niekon'czona transformacja. Przemiany klasy s'rodniej w Polsce: od dynamicznego powstania do roli balastu politycznego // *Studia Polityczne*. 2005. N 17. S. 70.

⁹⁸ *Синицина И. С., Чудакова Н. А.* Кардинальные реформы: польский опыт // *Свободная мысль-XXI*. М., 2004. № 9. С. 47–62.

⁹⁹ *Хоцкуба Зб.* Как сохранить высокие темпы экономического роста? // *Новая Польша*. 2007. № 6. С. 18–19.

¹⁰⁰ *Гжешак А.* Указ. соч. С. 3–5; см. также: Не будем сгущать краски. Интервью посла России в Польше В. М. Гринина польскому изданию «The Wall Street Journal Polska» // *Новая Польша*. 2007. № 9. С. 15.

¹⁰¹ *Гжешак А.* Указ. соч. С. 4, 6.

¹⁰² *Gazeta Wyborcza*. 2006. 15.11.

¹⁰³ *Polityka*. 2007. 28.07.

¹⁰⁴ *Rzeczpospolita*. 2007. 10.01; *Tygodnik Powszechny*. 2007. 14.01.

¹⁰⁵ *Синицина И. С., Чудакова Н. А.* Указ. соч.

¹⁰⁶ *Бальцерович Л.* *Новая Польша*. 2004. № 12. С. 3–9.

¹⁰⁷ *Rzeczpospolita*. 2000. 21.07; *Polityka*. 2004. N 19. 08.05.

¹⁰⁸ *Гжешак А.* Указ. соч. С. 4.

¹⁰⁹ *Синицина И. С., Чудакова Н. А.* Указ. соч.

¹¹⁰ *Новая Польша*. 2006. № 11. С. 12–14.

¹¹¹ *Księżopolski M.* Punkt dojs'cia, drogi wyjs'cia // *Polska po przejs'ciach. Barometr społeczno-ekonomiczny. 2001–2003*. Warszawa. 2003. S. 206–207.

¹¹² *Ibidem*. S. 209.

¹¹³ Беседа с Л. Колаковским. *Новая Польша*. 2005. № 12. С. 3–6; см. также: *Polska w lustrze "Solidarnos'ci"* // *Mówią Wieki*. 2006. 27.01.

¹¹⁴ *Rzeczpospolita*. 2004. 13.09.

¹¹⁵ *Lelen T.* *Op. cit.* S. 68; см. также: Патриот не может пренебрегать политикой. Беседа с Л. Бальцеровичем // *Новая Польша*. 2006. № 9. С. 80–82.

¹¹⁶ *Polityka*. 2006. 03.06.

¹¹⁷ *Janicki M.* *Apel poległych partii* // *Polityka*. 2007. 17.10; PKW: ponad 107 mln zł dla ugrupowań parlamentarnych // *Wybory parlamentarne 2007*. PAP. 2007. 30.10.

¹¹⁸ *Czes'nik M., Markowski R.* *Uwarunkowania budowy polskiego systemu partyjnego: instytucje i procesy* // *Budowanie instytucji państwa 1989–2001 w poszukiwaniu modelu*. Warszawa, 2004. S. 45; *Janicki M.* *Op. cit.*

¹¹⁹ *Mateja A.* *Do urny czy na grzyby?* // *Tygodnik Powszechny*. 2007. 09.10.

¹²⁰ Беседа с Л. Колаковским...

¹²¹ *Бальцерович Л.* Реформы нельзя закончить // *Россия в глобальной политике*. М., 2005. Т. 3. № 2. С. 68–70; *Он же.* Против мифов // *Новая Польша*. 2005. № 11. С. 30–33.

Глава IV

Чехия и Словакия в начале нового тысячелетия: разнонаправленные поиски приоритетов политического развития

Анализ процессов политического развития Чехии и Словакии представляет собой довольно благодатный материал для сопоставления в связи с тем, что они образовались вследствие «бархатного» развода: его динамика начинается с некоего общего пункта — единого чехословацкого государства. В отличие от СССР и СФРЮ разделение федеративного государства в ЧСФР произошло в цивилизованной форме и признано через полтора десятка лет вполне приемлемым по своим результатам. Однако этот промежуток истории Чешской Республики и Словацкой Республики не являлся полностью беспроблемным, да и отношения между появившимися государствами не всегда были простыми. Это касается как решения в их рамках внутривнутриполитических проблем, так и векторов внешнеполитического развития. Наличие подобной общей стартовой платформы позволяет легче анализировать траекторию развития данных государств, выявлять в них пункты схождения и расхождения или, как отмечалось в наших работах — «ритмы притяжения и отталкивания» (мы не используем данные термины в связи с тем, что два эти момента сохранились скорее в отношениях между чехами и словаками, чем между государствами, которые развиваются самостоятельно, хотя воздействие этих ритмов ощущалось и будет ощущаться постоянно)¹.

Специфика внутривнутриполитического развития Чехии и Словакии анализируемого периода характеризуется сложностью формирования их правительств: и в первом, и во втором случаях в парламентах не обнаруживается явно доминирующей партии, поэтому преимущество в несколько голосов (и даже в один голос, как это бывало в Чехии) в принципе может менять и даже меняет конфигурацию правительства. Такая ситуация сохраняется до настоящего времени и имеет тенденцию превратиться в общую характеристику политической жизни двух государств.

В то же время эти политические структуры формировались неодинаково². Если в Чехии можно говорить о противостоянии (даже в форме «удушающих объятий» двух основных парламентских политических партий Гражданской демократической партии (ГДП) и Чешской социал-де-

мократической партии (ЧСДП) — с предоставлением права на решающую поддержку коммунистам, отвергаемым и теми, и другими), то в Словакии сложилась иная ситуация. Там формирование правительств характеризовалось созданием и функционированием крайне рыхлых и неопределенных коалиций, а решающая роль отводилась — для внешнего наблюдателя — непонятно каким партиям. Политические структуры правительства в подобной ситуации могут меняться с калейдоскопической быстротой, а премьер-министры занимают и сохраняют свои посты (правда, не с такой степенью нестабильности, как в Чехии), опираясь на самые причудливые комбинации.

В двух ставших независимыми государствах в первом десятилетии нового века довольно ощутимо снизился статус президента. Гавел являлся квазихаризматиком, причем скорее для западного мира, а не для своих сограждан, которые к концу президентства устали от его «идеализма», тем более что он имел своим следствием явно русофобские внешнеполитические интенции. Президенты Словакии были на фоне Гавела менее заметны, но, как ни странно, они в большей мере оказывали влияние на внутривнутриполитическую жизнь страны. Так было, по крайней мере, до 2003 года, когда в Чехии «президента-идеалиста» В. Гавела сменил на посту «президент-прагматик» В. Клаус: произошла, как замечали политические остроловы, ротация «двух Вацлавов». Считается, что привели его к власти именно коммунисты, хотя он не брал перед ними никаких обязательств. Политика внутренняя в большей мере и внешняя в меньшей при новом президенте заметно изменились. Партия ГДП куда более четко проводила свой курс, хотя ей не всегда удавалось использовать тот момент, что президентом являлся ее бывший руководитель. Причина заключается в том, что, во-первых, В. Клаус придерживался и придерживается конституционных принципов, не отдавая формально предпочтений ни одной политической силе, во-вторых, поскольку социал-демократы держат под особым контролем «ставленника коммунистов» (известно, что позиция КПЧМ способствовала его избранию на этот пост парламентом).

Все же противостояние между этими партиями приобретало все более четкие контуры. Даже скандальные разоблачения «взяточников» и в чем-то излишний шум по поводу соответствующих ярлыков камуфлирует весьма значимый процесс: жесткое проведение партийной линии, а в итоге — формирование двухпартийной системы в Чехии. Однако вынужденных «браков по расчету» между ЧСДП и ГДП в политической истории Чехии избежать никак не удастся.

Влияние внешнеполитического фактора на внутривнутриполитические трансформации не подлежит никакому сомнению, несмотря на трудную определяемость импульсов извне, носящих зачастую спорадический характер. Доказательством этого являются события последних лет. В 2006 году в Прагу с визитом прибыл президент РФ В. Путин. Создалось впечатление, что Чехия может и будет проводить более сбалансированную внешнюю политику с учетом ее статуса как центральноевропейского государства. Но уже в следующем году принимается решение о размещении в Чехии элементов ПРО, которое однозначно трактуется российской стороной как угроза. Отслеживать, как народ воспринимает и то, и другое вместе крайне сложно, однако трудно избавиться от впечатления, что ему выкручивают руки так же, как и ранее народам Чехословакии.

Как это не покажется странным, более сбалансированная позиция Словакии, называвшейся в свое время госсекретарем США «черной дырой» Европы, выглядит и является куда более выигрышной. Государственные деятели Словакии не так громко декларировали свои приоритеты, клялись в приверженности демократии, правам человека, принадлежности к ареалу свободы и т. д. Но как раз Словакия в 2005 году стала местом встречи В. Путина и Дж. Буша³. При этом внешнеполитические ее ориентации играют меньшую роль в определении внутривнутриполитических структур.

Переходный период в Словакии оказался в меньшей степени детерминирован общим достоянием единого государства (жителей Чехословакии за 75-летнюю историю единого государства часто именовали просто «чехами», как советских людей просто «русскими»). Ей пришлось пройти куда более сложный путь становления государственности и с 15-летней дистанции видно, что правление В. Мечьяра — одного из «последних диктаторов Европы» — носило не столь неблагоприятный характер, как об этом постоянно говорилось и говорится. В то же время после него политический кризис в стране оказался неизбежным по причине большой аморфности как партии Движение за демократическую Словакию (ДЗДС), так и примкнувших к ней политических сил, которые скорее претендовали на социал-демократическую (или какую-либо иную идентичность), чем представляли ее. В то же время политические противники Движения выглядели крайне неконсолидированными. ДЗДС предстала как та политическая реторта, где легко вращивался вирус власти ради власти, о чем свидетельствовало, к примеру, жесткое противостояние премьер-министра и президента страны (в Чехии это наблюдалось в го-

раздо меньшей степени, хотя властные мотивации у социал-демократа М. Земана и его оппонентов из ГДП были не меньшие).

Развитие страны до 2006 года определялось двумя особенностями — неприятие политики популизма, олицетворявшейся Мечьяром, и рыхлостью коалиций, сдерживавших темпы осуществления многих экономических реформ. Ко времени выборов 2006 года оказалось, что данная ситуация мало совместима и с ожиданиями избирателей, и с логикой развития страны. На политическую арену в Словакии вышел давно готовившийся к занятию властных позиций политик Р. Фицо. Перед выборами ему в какой-то мере удалось использовать и ресурс популизма, и рыхлость коалиции (как в чем-то в 2002 г. «контрабандно» использовал Клаус ресурс Компартии при выборе президента за три года до этого).

Фицо понимал, что пришедшей к власти партии нужно четко заявить о своей идентичности буквально на второй день после создания коалиции. И он выбрал социал-демократическую ориентацию, явно «обманув» мечьяровцев, которые также претендовали на владение ею, и привлек к себе мелкие социал-демократические группировки, но что, несомненно, более важно — часть реформированных коммунистов (Партию левых демократов — ПЛД). Даже если приверженность социал-демократической идее была им (как и Мечьяром) скорее продекларирована, чем намечена для реализации, обратный путь — ставка только на популизм или только на рыхлую коалицию — стали невозможными. Этим определяется специфика и современной внутриполитической жизни Словакии.

Поскольку определенность приобрели приверженцы социал-демократической идеи (даже помимо своей воли), постольку стала необходимостью политическая идентификация и конкурирующих с ними сил. Оппозиционные партии и их коалиции тоже избавляются от признаков рыхлости, однако процесс их консолидации происходит с гораздо большими трудностями. В этом плане Фицо, которого считают молодым, но весьма искусственным политиком, выигрывает, и есть все основания утверждать, что он будет выигрывать и в дальнейшем.

Важен и сравнительный анализ статуса и функций президентов Чехии и Словакии. Институт президентства при Гавеле стал в чем-то заложником его добродетелей и концепции «неполитической политики». Глава государства, часто отбывавший в зарубежные поездки для получения наград и премий, мало вмешивался во внутренние дела страны, а если и вмешивался, то делал ситуацию своего рода средством выражения собственных довольно абстрактных моралистических представлений. Авторитет президентства в чешской политической жизни в связи с этим

казался не столь высоким и есть основания утверждать, что Клаус, которому, как уже отмечалось, стать президентом помогли коммунисты (что никогда и никем не забудется), вряд ли в обозримом будущем в полной мере его восстановит. Другое дело — Словакия: президенты М. Ковач, Р. Шустер и нынешний И. Гашпарович в гораздо большей степени ориентировались на решение внутривластных проблем.

Противостояние Ковача и Мечъяра при всей его сложности, а порой и курьезности — важная особенность политического процесса в стране, равно как и довольно жесткая позиция президента Шустера на фоне рыхлости коалиции. На авторитет президента работает и его надпартийность (не только продекларированная, но и реально осуществляемая), а также активные внешнеполитические инициативы.

С учетом этих общих соображений рассмотрим более детально некоторые тенденции в политической жизни Чехии и Словакии в начале XXI столетия.

Дилеммы чешской политической жизни

В июне 2004 г. в Чехии состоялись выборы в Европарламент. Годом ранее, в июне 2003 г., на общенациональном референдуме три четверти чешских избирателей, пришедших к урнам, проголосовали за присоединение своей страны к ЕС с 1 мая 2004 г. (такой срок установлен договором, подписанным в Ницце на саммите Евросоюза в декабре 2002 г.). Партии правящей коалиции заняли однозначно «проевропейскую позицию»; премьер-министр В. Шпидла накануне референдума рекомендовал соотечественникам голосовать «за». Президент Клаус вел себя более сдержанно, отметив, что каждый гражданин должен ответить на вопрос референдума, тщательно взвесив все «за» и «против»⁴. Он предпочитал говорить о своем «еврореализме» и о «Европе национальных государств, связанных между собой взаимными обязательствами», что «предпочтительнее громоздкого европейского супергосударства, управляемого из Брюсселя»⁵.

Выборы в Европарламент характеризовались низким участием избирателей и неудачей на выборах правящей ЧСДП, которая уступила правым и левым евроскептикам — ГДП и Коммунистической партии Чехии и Моравии (КПЧМ). Еврооптимисты на выборах в Европарламент оказались на пятом месте, получив лишь два мандата. Это послужило одной из причин требования провести в Нижней палате парламента голосование о доверии кабинету министров. Однако это не удалось, как не удалось и очередные попытки отодвинуть социал-демократов от власти в резуль-

тате успешных для ГДП выборов и других ее успехов. Как известно, первую правящую коалицию во главе со Шпидлой (ЧСДП) утверждал в 2002 г. президент Гавел, который критиковал предшествующий договор между ЧСДП и ГДП. Что касается Клауса, то он после выборов в Европарламент в 2004 г. принял отставку Шпидлы, но в июле того же года поручил формирование нового кабинета тоже социал-демократу С. Гроссу. При этом он потребовал письменное подтверждение того, что новое правительство будет иметь поддержку нижней палаты парламента, хотя это не входит в конституционные полномочия президента.

Молодой и весьма амбициозный 35-летний Гросс тем не менее собрал 101 подпись коалиционных депутатов, а 4 августа занял пост премьер-министра. С ним связывались немалые надежды социал-демократов, особенно в связи с поисками «третьего пути», манифестированного в Великобритании Т. Блэром. Действительно, как экономист-практик Гросс был в состоянии решать многие проблемы. Однако вскоре после своего избрания он стал предметом пристального интереса средств массовой информации по причине наличия у него сверхроскошной квартиры в Праге и невразумительных объяснений по поводу происхождения средств; раздражающим фактором стал и успешный бизнес его жены.

Результаты этого интереса не заставили себя ждать: электоральный потенциал социал-демократов существенно снизился. Так, 13 ноября 2004 г. в Чехии завершился финальный тур выборов в Сенат. Участие избирателей в выборах оказалось минимальным (от 14 до 17%). В итоге соотношение между вновь избранными сенаторами от ГДП и сенаторами от ЧСДП составило 5 : 1, и заместитель председателя ГДП П. Нечас 15 ноября в очередной раз заговорил о некомпетентном правительстве с поддержкой 101 депутата, а, следовательно, и о досрочных выборах. К этому времени число членов ГДП достигло самой высокой отметки за всю ее историю — 23 700 чел., тогда как число членов ЧСДП равнялось 16 200 чел.

Социал-демократы, по мнению аналитиков, демонстрировали неспособность справиться с высоким уровнем безработицы, значительным дефицитом государственного бюджета, реализацией реформы общественных финансов и реформы пенсионного обеспечения. Обвинения в адрес Гросса росли, как снежный ком. И все же тому было чем гордиться: темпы экономического роста Чехии составили 3,7% (правда, в Словакии они приблизились к отметке в 5,3%, но там приходилось решать задачи другого порядка). Такие темпы в Чехии не фиксировались в предшествующие 8 лет, и Гросс на этом основании вполне мог давать завышенные обещания. Число безработных, однако, не снижалось, а дефицит бюджета не

демонстрировал тенденции к уменьшению. Надо отметить, что оптимальных и решительных рецептов справиться с этими социальными бедами не предлагала и ГДП.

В марте-апреле 2005 г. в период правительственного кризиса президент отказался принять отставку ряда министров и тем самым провести ускоренными темпами реконструкцию кабинета. Кабинет Гросса ушел в отставку, а ЧСДП, Христианский демократический союз-Чешская народная партия (ХДС-ЧНП), Союз свободы-Демократический союз (СС-ДеС) пришли к соглашению о новом правительстве во главе с социал-демократом И. Пароубеком, которое начало работу с 24 апреля 2005 года. Но во взаимоотношениях премьера и президента возникли разногласия относительно их компетенций во внешней политике. Они стоили поста Шпидле, мимо них удалось пройти Гроссу — возможно, в силу его непродолжительного пребывания на посту премьер-министра, но евроскептицизм Клауса вновь столкнулся с еврооптимизмом социал-демократов при новом премьере. И. Пароубек прошел самый жесткий отбор как внутри партии, так и вне ее, став новой надеждой ЧСДП, Гроссу же пришлось включиться во внутрипартийную работу.

В мае 2005 г. произошла очередная стычка социал-демократов и ГДП — и, как почти год тому назад, — снова по вопросам Евросоюза. Пароубек со всей определенностью выступил за принятие Евроконституции (его взгляды в Брюсселе и Страсбурге отстаивал Шпидла, ставший еврокомиссаром), уже отвергнутой к тому времени голландцами. Лидер ГДП М. Тополанек, вторя президенту Клаусу, именовал ее мертворожденной. Но уже в июне стало ясно, что этот конфликт не будет ключевым: встреча президента и премьера в Пражском Граде прошла за обсуждением более приземленных вопросов. Действительно, информация, поступившая тогда от Всемирного банка относительно того, что Чехия включена в число стран с развитой экономикой (первой из стран региона таковой еще в 2000 г. стала Словения) и что среднемесячная зарплата достигла в ней 800 долларов, а темпы экономического роста не спадают, — явилась весьма неплохой почвой для взаимопонимания всех политиков. Социал-демократов при этом не очень обескураживало, что, судя по опросам, за них голосовал бы лишь каждый десятый избиратель.

Летом 2005 г. усилился накал дискуссий по исключительно идеологическим проблемам. Политические противники все чаще обвиняли Пароубека в том, что он «чрезмерный» социалист, он же отвечал, что его политический оппонент Тополанек ориентируется на такой «свободный рынок», которого в Европе уже давно нет. За этими идеологическим

столкновениями шла борьба избирательных программ, особенно в части реформирования сферы образования и здравоохранения, а также пенсионной системы. Любому правительству после парламентских выборов 2006 г. предстояло принимать в этих областях непопулярные решения. ГДП в этом плане выступала за большую определенность в данном вопросе, а социал-демократы грешили чрезмерным оптимизмом.

В начале августа чешские СМИ провели обзор 100 дней пребывания Пароубека во главе правительства. Было признано, что шестой премьер-министр Чешской Республики смог преодолеть кризис в связи с полускандалной отставкой Гросса, укрепить отношения с партнерами по правящей коалиции — христианскими демократами и Союзом свободы. Дебаты о возможном союзе с КПЧМ хотя и шли, но решение этого вопроса отодвигалось на неопределенное время: коммунисты при этом должны были бы, по убеждению Пароубека, приблизиться к установкам демократического социализма, а не наоборот. Заявленные им приоритеты и программы не казались провальными, хотя и прорывных успехов не было, а большинство в один голос — несмотря на предостережения и угрозы, идущие даже изнутри ЧСДП, — сохранялось; оно не казалось безнадежным.

Текущие политические проблемы — включая назначение судей, отставку высокопоставленного чиновника внутренних дел, допустившего бегство чешских миллионеров, и т. д. — решались правительством Пароубека достаточно успешно. Поэтому, если весной опросы общественного мнения свидетельствовали о том, что социал-демократов на парламентских выборах поддержал бы лишь каждый десятый избиратель, то в конце лета — уже каждый пятый. Тем самым они ненамного отставали от гражданских демократов: партию президента поддержал бы каждый четвертый. Во внешнеполитических делах у Пароубека поубавилось еврооптимизма, что неудивительно: французское «нет» Евроконституции — к тому моменту доказало правоту Клауса о ее мертворожденности. Пароубек весьма часто и продуктивно встречался с зарубежными политиками самого высокого ранга (включая Г. Шредера, Т. Блэра, М. Фрадкова) и завоевал у них определенный авторитет. Но важнее для него являлись результаты опросов чешского общественного мнения, указывающие, что его считали больше, чем других политиков, заслуживающим доверия.

Кризис удалось преодолеть, но следовало демонстрировать конструктивность программ развития страны. ГДП в своей оценке деятельности Пароубека утверждала, что он не решает проблемы, а прячет их под стол. Доказать справедливость этих утверждений гражданские демократы обе-

шали на парламентских выборах, но спорадические попытки приблизить их досрочно со стороны ГДП прекратились. От тактических стычек она перешла к стратегическому противостоянию на уровне программ и не побоялась первой объяснить свою предвыборную платформу еще в конце года. Это во многом воспринималось как своего рода вызов.

Новый 2006 год открылся яростной теледискуссией Пароубека и Тополанека, которая взбудоражила чешский электорат и напомнила ему о том, что это год четких решений в пользу той или иной партии. Лишь 30 января 2006 г. представлена предвыборная программа ЧСДП «Уверенность и процветание». Социал-демократы обещали, что экономический рост составит более 5%, а это должно привести к росту средней зарплаты по стране к 2010 г. до 26 500 чешских крон и снижению уровня безработицы до 6%. Программа обещала рост благосостояния ученым и работникам в сфере просвещения, здравоохранения и социальных услуг; на четверть планировался рост пенсий. Однако не все пункты вызова гражданских демократов были приняты, особенно относительно проблемы инвестиций в экономику.

Последующие три месяца прошли в обсуждении программ избирателями и их сравнении - аналитиками. Многие из них полагали, что социал-демократы взяли на себя завышенные обязательства. Установки партии во многом сближались с положениями коммунистов — и чего, казалось бы, лучше: идеологическая близость и сумма голосов... Но Пароубек не принял этого «данайского дара» и в мае на экономическом форуме в Теплице назвал абсурдным предположение о формировании коалиционного правительства ЧСДП и КПЧМ. По его словам, коммунисты, оказавшись в правительстве, не могли не приступить к реализации программы своей партии, что неизбежно привело бы к прекращению хозяйственного роста и к экономическому кризису. Но, по его убеждению, еще большей опасностью явилась бы победа ГДП, ибо, если коммунисты на первый план выдвигали нереальные социальные прожекты, то гражданские демократы приведут страну к демонтажу социального государства и поддержке лишь самых богатых слоев населения. Эту позицию можно было бы квалифицировать как некий аналог «третьего пути» в духе Блэра, тем более, что партийный руководитель социал-демократов Гросс считался его апологетом. Однако все же четче просматривалась опора на достигнутые социал-демократами реальные результаты в экономике, а они выглядели довольно весомыми.

15 мая делегаты чрезвычайного съезда ЧСДП еще раз услышали завешения Пароубека: союза с коммунистами не будет. Поле для политиче-

ского маневра было сужено под воздействием политических противников, которые символически приветствовали съезд в форме пионеров с красными галстуками, держа в руках транспаранты, напоминавшие о некоторых аферах партии, и т. д. Но, по словам Пароубека, социал-демократы исключали возможность сотрудничества также с зелеными и с гражданскими демократами. В ответ зампреда ГДП И. Лангер заявил: «ГДП ведет приличную, честную и правдивую предвыборную кампанию без каких-либо оскорблений и личных инвектив. Каждый самостоятельно может сделать оценку успешности социал-демократии. Я вижу полмиллиона людей без работы, гигантские долги и чрезвычайно развитую коррупцию. Это вещи, которые мы хотим изменить, и которые мы изменим к лучшему»⁶.

Конец мая ознаменовался очередной теледьюэлью Пароубека и Тополанека, которая оказалась намного ожесточенней январской. Оба заявили, что «большая коалиция» невозможна как по своей сути, так и с точки зрения персонального состава. Казалось бы, все ясно. Однако лидер гражданских демократов обвинил ЧСДП в контактах с мафией и не пожелал подать премьеру руку после завершения передачи. В свою очередь Пароубек упомянул о неясностях вокруг финансирования фирмы Тополанека. Ни тот, ни другой не представили при этом конкретных доказательств. Комментируя столь мало привычную для чешского избирателя склоку, политолог В. Срб из пражской Высшей школы общественных наук посчитал, что ход избирательной кампании сильно изменился. «Четыре года назад, — утверждал он, — партии пытались (в целом, не совсем удачно) обратить внимание на свою избирательную программу. Сейчас никто не говорит о преимуществах своей партии и программы, все кричат о недостатках конкурентов, о том, что страшное случится, если те или другие выигрывают».

Очередные парламентские выборы в ЧР состоялись 3 июня 2006 г., их результаты были таковы: ГДП получила 35,38% голосов электората (81 мандат в парламенте), ЧСДП — 32,32 (74), КПЧМ — 12,81% (26), ХДС—ЧНП — 7,22 (13 мест), Партия зеленых (ПЗ) — 6,29% (6 мест, за свою 16-летнюю историю партия оказалась в парламенте впервые). В парламентских выборах приняли участие 64,47% из общего числа имевших право голоса избирателей — 8 333 305 чел.⁷

ГДП победила ЧСДП с отрывом всего в 3%, хотя аналитики обещали ей победу с гораздо большим преимуществом. Это означало, что нельзя будет составить двухчленную коалицию ГДП и ХДС—ЧНП, которая первоначально планировалась лидером ГДП Тополанеком. А вот связанные

обещанием не вступать в союз с коммунистами социал-демократы тоже остались без мощной поддержки. Повторялась уже в который раз ситуация политического пата... Уходящим депутатам аукнулось то, что они не смогли провести своего кандидата на президентских выборах: коммунисты дали понять, что в тайном голосовании они поддержали лидера правых Клауса, но могли «помочь» и социал-демократам. А ГДП в полной мере использовала ресурс президента-(экс)однопартийца в предвыборных баталиях и готовилась еще с большим успехом использовать его в борьбе за пост премьер-министра.

Представителям ЧСДП оставалось напоминать о том, что 8 лет правления, то есть два избирательных срока подряд, само по себе является крупным успехом, тем более что и достижения в экономике были налицо. Подводя итоги работы ЧСДП за 4 года, министр финансов Б. Сobotка отметил: «Для нас самым важным является то, что мы смогли модернизировать чешское народное хозяйство. Рост экономики в настоящее время намного выше, чем 4 года назад, а жизненный уровень наших граждан стал быстрее приближаться к уровню жизни в развитых странах... Если мы уйдем в оппозицию, то постараемся сосредоточиться на защите социального государства европейского типа так, чтобы противостоять экономическим опытам на людях Гражданской демократической партии. Если же останемся в правительстве, то намереваемся модернизировать нашу социальную систему, повысить уровень жизни семей с детьми и пенсионеров, а также подготовиться к принятию евро». Первое место заняло все же «если мы уйдем»...

ГДП повела переговоры о создании правительства с христианскими демократами и зелеными, но было видно, что данной коалиции в парламенте не хватает одного голоса. Между тем 74 депутата от ЧСДП подписали заявление, что не поднимут руки за новый кабинет Тополаңека. КПЧМ к переговорам о формировании правительства никто не подключал, но она на большей дистанции держались от ГДП, а не от ЧСДП.

Использовать для решения патовой ситуации внеочередные парламентские выборы, чтобы избиратели вновь перетасовали колоду? Но вряд ли цифры стали бы совсем другими — и приходилось еще раз прибегать к столь привычной и от этого не менее тягостной процедуре: переговоры, подковерная борьба, опять переговоры и... опять без определенного результата. Относительно «большой коалиции» ГДП и ЧСДП Тополаңек заявил, что она невозможна, причем не столько по причинам персональным, сколько по программной несовместимости, что не позволило бы осуществлять структурные реформы в стране.

В середине июня состоялась встреча лидера ГДП Тополанека с президентом Клаусом, из которой стало ясно: глава государства позволит формировать правительство, не опирающееся на большинство голосов в Палате депутатов. Ранее Клаус заявлял, что в случае победы ЧСДП он будет требовать от лидера Пароубека обязательную поддержку 101 голоса в 200-членной нижней палате. Вот и проявился вес президентского ресурса, а зампреда ЧСДП и все еще министру финансов Б. Сobotке пришлось оценить решение президента как существенное изменение точки отсчета. Клаус объяснил свою позицию следующим образом: «Я думаю, что депутаты не глупы и понимают, о чем были дебаты: заблокировать правительство меньшинства, основанное на сотрудничестве иной политической партии. Это была суть дебатов о правительстве большинства или меньшинства. Тогда не говорилось о патовой ситуации после выборов и способов выхода из нее». Президент не скрывал своего намерения предотвратить правление ЧСДП с «тихой поддержкой» коммунистов любой ценой⁸.

26 июня 2006 г. наконец-то сформировалась правоцентристская политическая коалиция, располагавшая в нижней палате парламента ровно половиной голосов. Три партии (ГДП, ХДС—ЧНП И ПЗ) обязались не вступать в иные коалиции, главным образом с ЧСДП, по отдельности. Ознакомившись с содержанием коалиционного договора, ЧСДП сообщила, что формируемое Тополанеком правительство не может рассчитывать на ее поддержку. Более того, Пароубек, который все еще занимал пост премьер-министра, посчитал, что коалиционное соглашение напоминает скорее политическую прокламацию, нежели конструктивный документ.

С самого конца июня началась длительная череда тайных голосований по кандидатуре спикера чешского парламента. На этот пост претендовала кандидат от ГДП М. Немцова, но она не собрала все голоса даже внутри трехцветной коалиции. Выявить «предателей» в собственных рядах, которые не отдали голоса за Немцову, коалиционеры не имели никакой возможности. ЧСДП, чтобы доказать, что ни один из ее представителей голосовать за кандидата от ГДП не будет, избрали простейшую тактику. В двух турах голосования депутаты получили бюллетени, но не сдали их, из чего следовало, что никто из социал-демократов Немцову не поддержал.

Перед вторым тайным голосованием на заседании правительства был утвержден предварительный проект госбюджета ЧР на 2007 год. Снизить бюджетные затраты удалось за счет благоприятного экономического развития — за первое полугодие 2006 года госбюджет получил 7,6 млрд. крон

прибыли, и все понимали, что это во многом заслуга все еще действовавшего правительства социал-демократов.

Вторая попытка избрать председателя Палаты депутатов завершилась крахом, так как кандидаты правоцентристской коалиции не смогли заручиться поддержкой ЧСДП. Может быть, в силу и того, и другого ГДП выразила готовность отдать пост спикера социал-демократам, более того, она села за стол переговоров и с КПЧМ, от чего ранее отказывалась. Но ЧСДП не спешила с выдвижением своего кандидата. На авансцену в этих условиях вышли партии второго ряда. Сначала зампреда КПКМ Й. Долейш предложил временно избрать председателем депутатского корпуса социал-демократа З. Йичинского. Это позволило бы голосовать о доверии правительству, после чего временный председатель мог бы уйти в отставку. Данный план не удовлетворил ЧСДП. Затем председатель христианских демократов М. Калоусек обвинил социал-демократов в злоупотреблении ситуацией. «Они, — заявил он, — блокируют все варианты, которые не приводят к единственной цели, что председатель социал-демократов Йиржи Пароубек формирует правительство. Социал-демократы не предлагают своего кандидата, не участвуют в выборах, не хотят согласиться с временным руководством палаты депутатов. В этом основная причина, почему уже шестую неделю нижняя палата не работает». ГДП подобного рода обвинений не выдвигала, хотя за сверхжесткую позицию, заявленную ранее, приходилось платить очень дорого.

20 июля 2006 г. Пароубек заявил, что единственным кандидатом от ЧСДП может быть нынешний спикер Л. Заоралек, его заместителями станут еще один социал-демократ, два представителя ГДП и по одному от КПЧМ и ХДС—ЧНП. За это социал-демократический спикер пообещал (в случае третьей попытки составления кабинета) назначить премьером того, кто предоставит подтверждение на бумаге — черным по белому — что его поддерживает 101 депутат, не менее. Данный уже затянувшийся политический спектакль вызвал раздражение у граждан, и в Праге на Вацлавской площади прошел митинг протеста против премьер-министра Пароубека, в котором приняли участие около 20 тыс. чел. Организаторы акции протеста выразили обеспокоенность заявлением Пароубека, в котором он подверг сомнению итоги выборов и сравнил развитие событий на политической сцене Чехии с путчем 1948 года. Среди демонстрантов, несущих транспаранты с лозунгами: «По красному (пути) вместе», «Долой красного диктатора» и «АнтиКПЧСДП», находились как молодежь, так и пенсионеры. Правда, из разговоров среди демонстрантов можно было

понять, что они протестуют не столько против той или иной партии, сколько против их неспособности договориться между собой.

Наконец, президент ЧР Клаус официально назначил новое коалиционное правительство во главе с М. Тополанеком, хотя ему не была обеспечена поддержка большинства в Палате депутатов. Голосование о вотуме доверия коалиционному правительству гражданских демократов, христианских демократов и зеленых могло породить сюрпризы, но многим казалось: лучше уж неприятности, чем неопределенность.

По предположениям ряда аналитиков, президент, критикуя сотрудничество ГДП с ПЗ, косвенно подталкивал ГДП к союзу с социал-демократами, но Тополанек недвусмысленно заявлял: поскольку социал-демократы не смогли разобраться с коррупционными скандалами в своих рядах, данный союз невозможен. ЧСДП же снова подчеркнула, что не поддержит правительство Тополанека, а Парoubек добавил, что вести переговоры согласен, но только в прямом телеэфире. Не поддержали коалиционное правительство Чехии также коммунисты, ратуя за создание так называемого правительства специалистов.

На пятых по счету выборах председателя Палаты депутатов участвовал лишь один претендент — христианский демократ Я. Касал. Конечно, это была непроходимая фигура. Пост этот мог бы в любом случае перейти к социал-демократу — хотя бы в награду за то, что сразу же после выборов правительство Парoubека объявило о своей готовности уйти в отставку, однако не сделало этого и работало на благо страны. Глава государства признал, что ЧСДП на путь «неконструктивного поведения» не встала. «В итоге, — как бы продолжил его мысль Парoubек, — я должен был терпеливо участвовать во всех этих переговорах, хотя, с моей точки зрения, было бы правильнее руководствоваться текстом Конституции»⁹. Ясно одно: служение интересам Чешской Республики не явилось для уходившего в отставку кабинета министров пустым звуком.

В конце июля 2006 г. Тополанек был уверен, что президент наконец-то примет отставку правительства Парoubека при допущении: новое правительство при поддержке ЧСДП будет иметь мандат только до весны 2007 года, после чего в стране могут пройти досрочные выборы. Более того, он предложил Парoubеку самому составить новый кабинет, если тот сможет найти 101 голос в парламенте. Премьер назвал это «пустым жестом» и предложил свой вариант: сначала спикером станет социал-демократ, после чего правительство хоть на следующий день уйдет в отставку. Снова продолжились переговоры, которые шли по кругу так долго, что большинство избирателей утратили интерес к ним. Но к августу опреде-

лились новые варианты: «большая коалиция», т. е. правительство ЧСДП и ГДП (аналоги чего уже имелись ранее), «правительство специалистов», гражданско-демократический кабинет меньшинства. При любом раскладе становились неизбежными переговоры Тополанека и Пароубека, которые инициировал во многом Клаус, опасавшийся признаков двоевластия. Он же пригласил в Пражский Град представителей пяти парламентских партий для совместных переговоров, а сенаторы предложили внести поправку в Конституцию о сокращении срока, необходимого для объявления в стране досрочных выборов.

Наконец-то 15 августа был избран спикер, правда, временный — член ЧСДП М. Влчек. А десять дней спустя пришло сообщение лидера социал-демократов о том, что его партия прекращает переговоры с Тополанеком. И это тогда, когда ХДС—ЧНП выразила готовность войти в состав нового правительства под руководством ЧСДП. Правда, надо заметить: эта готовность стоила христианскому демократу М. Калоусеку поста председателя партии.

Лишь спустя три месяца после парламентских выборов в Чехии появилось новое правительство, а президент Клаус передал грамоты о назначении кабинета во главе с Тополанеком. В его состав вошли 9 гражданских демократов и 6 беспартийных политиков, т. е. на 3 министра меньше, чем в правительстве Пароубека; предполагалось, что в октябре оно обратится в нижнюю палату с просьбой о выражении доверия.

Новый премьер еще не успел заручиться выражением парламентского доверия для своего кабинета, а оппозиция уже предложила ему уйти в отставку — из-за прошлых финансовых злоупотреблений, которые, к слову, трудно было доказать. Но кто сотрясал воздух такого рода требованиями? Помощник социал-демократического экс-премьера Гросса, которому уже приходилось ранее оправдываться по аналогичному поводу. Сложилась ситуация, достойная пера Я. Гашека или В. Гавела — в жанре то ли острого фельетона, то ли пьесы абсурда...

К концу сентября правительство завершило работу над программой, которую оно намеревалось представить парламенту. Хотя у власти находилась фактически только ГДП, программа составлялась с учетом пожеланий ХДС—ЧНП и ПЗ. Однако 4 октября Палата депутатов не поддержала правительство: его поддержали лишь 96 депутатов от ГДП, ПЗ и ХДС—ЧНП, против проголосовали 99 депутатов от ЧСДП и КПЧМ, три депутата от ХДС—ЧНП в голосовании не участвовали.

В связи с этим Клаус решил объявить имя нового премьера лишь после выборов в Сенат и муниципальных выборов 20 и 21 октября 2006 г.

Непосредственно перед выборами прошли «большие маневры» (так иронически называли журналисты съезд ГДП), в котором принял участие президент — основатель и почетный председатель партии. Поддержку 70% делегатов снова получил Тополанек, и это свидетельствовало об одном: именно ему Клаус поручит снова формирование кабинета министров. Лидер ГДП заявил, что намерен препятствовать приходу к власти левых — социал-демократов и коммунистов — и даже подчеркнул, что он также против «большой коалиции» ГДП и ЧСДП. На выборах в Сенат (переизбиралась его третья часть) ГДП получила поддержку 54,5% избирателей, второе место — с огромным отставанием от лидера — заняли социал-демократы, за которых проголосовали почти 16%, КПЧМ удалось привлечь на свою сторону лишь 8% голосов. В итоге ГДП получила 14 мест, ЧСДП — 6, ХДС—ЧНП — 4 места, а Партия за открытое общество, независимые старосты и независимый кандидат — по одному мандату. Явка составила 20,73% и лучшего доказательства того, насколько народ устал от выборов, трудно было придумать... Тем не менее Тополанек назвал итоги выборов в Сенат «фантастическим успехом» и это поистине так, если руководствоваться исключительно интересами партии. Действительно, ГДП вместе с ХДС—ЧНП могли создать «конституционное большинство», ибо у них имелись 52 сенаторских мандата из 81.

Победила ГДП и на выборах в органы местного самоуправления, причем тоже с большим преимуществом. Социал-демократы могли договориться с коммунистами и оставить гражданских демократов ни с чем, но они не сделали этого. Тем самым ГДП получила моральное право окончательно утвердить кабинет, но Клаус еще раз встретился с Парубеком. Тот представил президенту уже не три, а целых четыре варианта выхода из кризиса: «большая коалиция» соперничавших партий ГДП и ЧСДП; коалиция ЧСДП, ХДС—ЧНП и ПЗ; кабинет чиновников; правительство меньшинства ЧСДП.

23 ноября 2006 г. Тополанек отметил 100 дней на посту премьер-министра правительства без парламентской поддержки, а томительная цепь переговоров не прекращалась. Признаки беспокойства по этому поводу появились и за границей. Как отмечалось в комментариях радиостанции «Радио Свобода»: «Ситуация, как и была, остается исключительно сложной. Не представляется возможным сформировать правительство без участия социал-демократов. А такое правительство, как показывает и опыт соседних стран, и опыт самой Чехии в прошлом, будет правительством не реформистским, в то время как страна настоятельно требует глубоких реформ. Об этом свидетельствует и заявление Всемирного валютного

фонда: без радикальных и в то же время последовательных реформ экономика страны вступит в период торможения, в период стагнации».

А что переговоры? Здесь ситуация сложилась даже хуже, чем в театре абсурда или фельетоне: дело дошло до прямых, хотя и заочных оскорблений. Л. Кукал в статье «Неожиданные откровения» привел слова личного секретаря Тополанека М. Далика (его неформальный разговор с журналистом был записан скрытой камерой) о перспективах сотрудничества ГДП и ЧСДП на правительственном уровне. Госчиновник не стеснялся в выражениях, когда описывал газетному репортеру планируемую тактику ГДП в отношении ЧСДП. Реакция лидера ЧСДП Пароубека последовала немедленно: партия прекращает переговоры, пока гражданские демократы не объяснят, что все это значит. После двухдневного молчания чешский премьер-министр заявил, что взгляды М. Далика полностью соответствуют официальным взглядам ГДП.

По мнению М. Земана, разрулить безвыходную политическую ситуацию в стране могло бы правительство экспертов. «В настоящее время, — сказал он, — налицо фальшивая дилемма о существовании лишь двух вариантов: социал-демократы уходят в оппозицию или социал-демократы входят в коалицию на вторых ролях, что представляет собой вариант скрытой Большой коалиции. Я предлагаю третий путь». Но это правительство должно было подготовить новый избирательный закон и досрочные парламентские выборы. Остается добавить: на которых обе партии снова набрали бы почти одинаковое число голосов...

Тем временем в середине декабря Клаус подписал проект госбюджета на 2007 год, который аналитики назвали «одним из наиболее щедрых за последние годы». В соответствии с ним значительно улучшалась ситуация в семьях с детьми, увеличились пенсии, а также средняя зарплата госслужащих. Подобный бюджет ко многому обязывал, и премьер-министр Тополанек сообщил журналистам о прекращении переговоров с ЧСДП и возврате к проекту коалиции ГДП, ХДС—ЧНП и ПЗ. Непосредственно перед 28 ноября 2006 г., месяц спустя после важной для страны даты — обретения Чехословакией независимости — правительство Тополанека было утверждено. В состав кабинета вошли 9 гражданских демократов, 5 христианских демократов и 5 представителей ПЗ. Тройственная коалиция ГДП, ХДС—ЧНП и ПЗ располагала в нижней палате чешского парламента сотней голосов, а для выражения доверия кабинету министров необходим 101 голос.

А уже 22 декабря 2006 г. Клаус выразил недовольство представленным ему персональным составом правительства и отказался назначить каби-

нет министров. Это произошло впервые. Президент заявил, что не будет назначать правительство до тех пор, пока лидер гражданских демократов не заручится более широкой поддержкой своего кабинета. Надежды коалиции на поддержку со стороны «конструктивно мыслящих» социал-демократов (иными словами — перебежчиков) Клаус счел недостаточным основанием для того, чтобы выпустить в жизнь новое правительство. Пароубек заявил, что на «перебежчиков» из лагеря ЧСДП тройственная коалиция может не рассчитывать и предложил вернуться к переговорам о создании другой коалиции, костяк которой могли бы составить ГДП и ЧСДП. «Я считаю, — заявил Пароубек, — что некоторым политикам из правых пора перестать ставить свои частные интересы превыше государственных и начать вести переговоры о формировании правительства народного согласия, в основе которого лежало бы сотрудничество двух крупнейших чешских партий. Мы к таким переговорам готовы»¹⁰.

29 декабря 2006 г. три чешские политические партии (ГДП, ХДС—ЧНП и ПЗ) подписали еще раз на основе результатов выборов в парламент коалиционное соглашение.

Подводя итоги года, аналитики утверждали: вопреки ситуации на политической сцене, экономика ЧР в 2006 г. росла приличными темпами — в среднем на 6%, хотя наблюдался рост государственного долга и дефицита госбюджета. Экономисты признали, что ЧР не сможет перейти на евро в 2010 году, поскольку расходы казны по-прежнему превышали ее доходы более, чем на 3% ВВП. Курс национальной валюты продолжал расти, а торговым операциям сопутствовал успех: впервые в истории Чехии положительное сальдо внешней торговли составило около 50 млрд. крон.

В сфере внешней политики тоже определились некоторые подвижки. Впервые Прагу с официальным визитом посетил президент РФ В. Путин, налаживался двусторонний диалог на высшем уровне. Одним из результатов явилось увеличение внешнеторгового оборота между двумя странами, который в 2005 г. составил 5 млрд. долл., а в 2006 г. превысил 6 млрд. долл.

В начале 2007 года президент Клаус выступил с традиционным новогодним обращением, поневоле говоря и о том, о чем должен был бы говорить премьер-министр. Но тот все еще не являлся полностью легитимной фигурой — президент к тому времени так и не утвердил новое правительство. И Тополанеку приходилось вести непрестанные сражения с обладавшим точно такой же парламентской поддержкой Пароубеком, сплачивать коалицию и твердить о неотвратимости сценария экономических реформ по либеральному образцу. Да еще отбиваться от обвинений в кор-

рупционности, как это делал один из его предшественников на этом посту С. Гросс. Однако большинству аналитиков и даже наблюдателей стало ясно: 2007 год будет за ГДП и ее представитель наконец-то возглавит правительство, даже если оно останется правительством меньшинства.

Что касается президента, то он, в частности, сказал в своем новогоднем послании, явно осуждая более чем полугодовую неопределенность с правительством в стране: «Бескомпромиссная борьба за идеи и программы для демократии необходима, особенно перед выборами. Но эта борьба не должна перерасти в холодную гражданскую войну. Наша ситуация в определенной мере напоминает такую войну». И — как бы следуя призыву Тополанека — положительно оценил идею необходимости проведения реформ в экономике, но — прислушиваясь и к Пароубеку — признал настоятельность конструктивной социальной политики в области поддержки семей, повышения пенсий, предоставления новых возможностей учащимся гражданам, словом, всего того, что не встраивалось в жесткую реформаторскую линию.

Говорил Клаус и о первых девяти месяцах пребывания Чехии в Евросоюзе, скепсис по отношению к которому с его стороны был известен как внутри страны, так и за ее рубежами. «Мы, — заявил он, — справились со вступлением в ЕС, который нам предоставил новые возможности. Однако одновременно он ограничивает нас в правах самостоятельно принимать решения. Евросоюз нас организует, контролирует, регулирует». Для апологета свободной рыночной экономики, каким считал себя Клаус, каковым он выглядел в глазах других и каким являлся на самом деле, такой контроль не считался безоговорочным благом, как не было им и членство Чехословакии в Совете экономической взаимопомощи.

Далее Клаус определил свою позицию относительно Евроконституции, процесс принятия которой резко затормозился вследствие позиций Голландии, а затем и Франции: «Надо, — подчеркнул президент, — быть осторожными в связи с попытками Германии, как ныне председательствующей страны, вернуться к дискуссии о так называемой Европейской конституции». Это прозвучало как явный намек на то, что, по крайней мере по данному аспекту, позиция социал-демократов вызывает у президента непоколебимое неприятие.

Большинство граждан Чехии приняли обращение благосклонно: Клаус смог завоевать авторитет у них своей взвешенной позицией не только во внешнеполитической деятельности — восстановление нормального формата отношений с Россией после ряда заявлений предшествующего пре-

зидента с их скрыто и даже явно русофобскими интенциями считалось его важным достижением. Взвешенной представлялась позиция Клауса и в противостоянии двух крупнейших партий; создавалось даже впечатление, что он как профессиональный экономист следил за признаками финансового и производственного благополучия и даже процветания, а не за громогласными политическими баталиями.

Однако имелись и такие, кто все же фиксировал использование президентского ресурса партией ГДП — без запретительных мер с его стороны. Готовились и новые интерпретации «миролюбия» Клауса, связывая его с желанием удержать за собой пост президента и после 2008 года. Среди части политических аналитиков ходили даже шутки следующего рода: что делать, если результаты парламентских выборов так и не определились с должной определенностью? Переходить к выборам президента, где неопределенность будет не меньшая... В любом случае президент Клаус волей-неволей выступал перед гражданами не только как глава государства, но и как ведущий политический актер, правда, желавший избавиться от ситуации, при которой премьер-министр так и не мог полноценно осуществлять свою деятельность.

Что касается лидеров ведущих политических партий, то на громкие слова о «холодной гражданской войне» Тополанек едва ли обратил особое внимание: ему следовало концентрировать внимание на другом и готовиться к работе в качестве утвержденного президентом премьер-министра. Лидер ЧСДП Пароубек, напротив, сконцентрировал свои оценки на элементах данной «войны» — как оппозиционному политику ему приходилось ориентироваться не столько на созидание, сколько на сражения. И еще: если Пароубек заявил, что он никакой угрозы со стороны ЕС не ощущает, то Тополанеку больше понравилась та часть выступления Клауса, где речь шла об излишнем контроле со стороны ЕС.

Наконец, в январе 2007 г. возник кабинет ГДП, ХДС—ЧНП и ПЗ во главе с премьером Тополанеком, который явно не был правительством большинства, его можно назвать даже — в плане конституционности — «половинным» правительством, но утверждение со стороны президента оно все же получило. Первые полгода его работы прошли относительно спокойно: страна, казалось, отдыхала от политической неопределенности и концентрировалась на реализации идей экономической реформы, предложенной ГДП и негласно одобренной президентом. Правда, они оказались не столь просты при своей реализации, как предполагалось. При этом, в отличие от политиков, население Чехии не столь оптимистично оценивало экономические перспективы развития своего госу-

дарства. 25 июня 2007 г. в Праге прошла крупнейшая за последние 10 лет демонстрация против правительственных реформ; в ней приняли участие около 30 тыс. чел. Ее цель — выразить протест против проекта реформ, разработанных коалиционным правительством премьера Тополанека. Лидеры чешских профсоюзов утверждали, что готовившиеся новым кабинетом преобразования приведут к дальнейшему имущественному расслоению общества. В 2007 г. против правительственного проекта реформ в области налогообложения и социального обеспечения выступили около 50 чешских профсоюзов, ряд гражданских организаций, включая «Объединение пациентов», «Союз пенсионеров», общество «НЕТ радарам!», а также представители левых оппозиционных партий Чехии.

Демонстрация стала крупнейшей за последние 10 лет; не только аналитики и историки, но также многие граждане припомнили, что в декабре 1997 г. на Вацлавскую площадь вышли около 15 тыс. человек, чтобы выразить протест против экономической политики правительства В. Клауса. С тех пор его позиции предстали куда в более приемлемом виде.

Естественно, что демонстрацию активно поддержали социал-демократы, выступившие на стороне не только занятых в общественном производстве и частном бизнесе, но также безработных, учащихся, пенсионеров. Пароубек при этом убеждался, что политическая линия, которую избрала ЧСДП, приносит и еще в большей мере принесет свои плоды, на основании чего можно обосновывать и проект модернизации партии. Он высказал убеждение, что ЧСДП может получать от 35 до 40% голосов избирателей¹¹.

ГДП пришлось преодолевать трудности, которые неизбежно возникают у правящей партии. Она подчинилась выявленной рядом аналитиков общей тенденции, в соответствии с которой победившая на парламентских выборах партия постепенно теряет доверие общественности и ее предпочтения снижаются, а на первое место в рейтинге общественного мнения выходит оппозиция. Аналитики ЧТК сравнили сроки от окончания выборов до момента потери победившей партией первого места в предпочтениях. Так, после июньских выборов 1996 г., на которых победила ГДП и возникла коалиция ГДП, ХДС—ЧНП и ГДА во главе с премьер-министром В. Клаусом, ЧСДП, судя по опросам, уже в сентябре опередила ГДП (правда, всего на десятые процента); в последующем партии поочередно лидировали в опросах, однако с начала 1997 г. приоритет отдавался ЧСДП.

В июне 1998 г. указанный срок оставил пять месяцев. Специфика ситуации заключалась в следующем: победившая ЧСДП заключила оппо-

зиционный договор с ГДП, что позволило в итоге сформировать правительство меньшинства во главе с М. Земаном. ЧСДП впервые утратила лидерство в опросах в ноябре 1998 г. На выборах 2002 г. данный срок составил те же пять месяцев. Тогда победу одержала ЧСДП, сформировавшая коалиционное правительство (ЧСДП, ХДС—ЧНП и СС—ДеС) с премьером Шпидлой. Но уже в ноябре стала доминировать оппозиционная ГДП. Наконец, на выборах 2006 г. этот промежуток составил целых 13 месяцев. ГДП удерживала лидерство в опросах общественного мнения, и лишь в июле 2007 г. опросы выявили первое место оппозиционной ЧСДП.

Этот момент смены предпочтений актуализировал дебаты о будущем президенте Чехии, выборы которого планировались на февраль 2008 г. По мнению чешских аналитиков, найти кандидата, который имел бы против Клауса какие-либо серьезные шансы, весьма трудно. Со второй половины 2007 г. чаще всего в этом плане говорили об экс-министре иностранных дел И. Динстбире, которому отдавали приоритет зеленые и социал-демократы. Впрочем, и сам он проявил определенную активность в данном направлении. Социал-демократы и зеленые в качестве кандидата видели и американского экономиста чешского происхождения Я. Швейнара. При этом напоминалось, что нынешнему президенту помогли «завоевать» Град разногласия внутри ЧСДП, что сказалось на проходимости кандидатуры М. Земана, который посчитал это предательством и вышел из рядов партии.

ЧСДП повторила свое намерение добиваться проведения прямых всеобщих выборов президента, допуская, что они могут быть проведены через 5 лет, и подчеркивая, что во внутрипартийной дискуссии такие выборы поддержали 82% социал-демократов. Со своим кандидатом окончательно на тот момент не определилась, однако, ХДС—ЧНП, часть партии считала, что Клаус хороший президент и нет доводов его менять. В дебаты включился и Гавел, отдав предпочтение кандидату от младшей генерации политиков.

В сложившейся к осени 2007 года ситуации президент Клаус имел ряд преимуществ; главное из них — ясность вопроса о том, чего можно от него ожидать. Отсюда, по опросам общественного мнения, его поддержка колебалась вокруг высокой отметки 70%. И в самом деле, к намечавшемуся завершению первого срока его президентства в 2007 г. ВВП увеличился на 6—7%, а объемы потребления домохозяйств вызывали удовлетворение граждан. Важная особенность чешской экономики — рост числа новых рабочих мест (до 80 тыс. в 2007 г.) в основном в промышленной

отрасли. Экономические успехи приписывали себе и гражданские демократы, и социал-демократы; ГДП это удастся в большей мере, поскольку на ее стороне — экономический авторитет одного из творцов реформы президента Клауса.

Чешская экономика рывком «подтянулась» к общеевропейскому уровню, если под таким понимать стандарты Евросоюза. Все же, по опросам лета 2007 г., Чехия оказалась в ряду стран, граждане которых выражали недовольство членством в ЕС. Лишь 46% чехов довольны этим, что почти на пять процентов меньше, чем в 2006 г. (они находятся в «золотой середине» — между вполне довольными испанцами, ирландцами и жителями Люксембурга, с одной стороны, и британцами, венграми и австрийцами — с другой). Конечно, эти граждане солидарны с известным негативизмом Клауса, но, согласно Динстбиру, важно и позитивное отношение к европейской интеграции, тем более, что в 2009 г. к Чехии перейдет председательство в ЕС.

В конце лета 2007 г. развернулась очередная полемика вокруг экономической политики. Нынешнее правительство, по словам Тополанека, стремится провести ряд важнейших экономических реформ, и если принять их не удастся, коалиция будет инициировать досрочные выборы. Относительно проекта финансовой реформы премьер-министр подчеркнул необходимость снижения в 2008 г. дефицита бюджета до уровня 3%. По его мнению, Чехии грозят санкции со стороны Европейской комиссии, поскольку страна не выполнила данное правительством Шпидлы обещание снизить бюджетный дефицит.

В ответ ЧСДП приступила к разработке собственной реформы общественных финансов с целью стабилизации госбюджета и принятия необходимых для дальнейшего экономического роста мер. Предлагаемую правительством Тополанека реформу социал-демократы характеризовали как «несправедливую и несбалансированную» и отказывались ее поддерживать. Коммунисты предложили свой вариант реформ, подчеркивая, что планируемые коалиционным правительством Тополанека реформы приведут к росту инфляции, бедности и обогащению лишь 5% чешского населения.

Предметом столкновений правящих партий и коалиции стал вопрос о средствах противоракетной обороны. Летом 2007 г. большинство граждан выступали против размещения на их территории соответствующей американской базы и радара. Согласно опросам общественного мнения, проводившимся в 2006—2007 гг., подобную позицию занимали около трех пятых граждан, число сторонников базы составляло немногим менее

одной трети. При этом за проведение референдума о радаре высказался каждый седьмой из десяти чешских граждан. Что касается гражданских демократов, то они почему-то обвинили Россию в стремлении внести раскол в ЕС по этому вопросу. Правда, Тополанек и Пароубек сошлись во мнении, что решение об установке американского противоракетного радара должно приниматься в ЧР, а не в Брюсселе или Москве. Пароубек не выразил уверенности в том, что ЕС, Чехия и ее союзники по НАТО нуждаются в подобного рода обороне, и добавил, что если бы противоракетная база стала частью коллективной обороны НАТО, ЧСДП пошла бы на корректировку своей позиции, однако она не намерена отказываться от референдума¹².

Естественно, что лейтмотивом политических обсуждений конца 2007 г. стал в Чехии вопрос о втором сроке президентства Клауса. Многие политики и большинство рядовых граждан Чехии считали, что его реальные политические шаги отличались гораздо большей взвешенностью по сравнению с широковещательными декларациями многих других «действующих лиц». Во-первых, он сконцентрировал внимание на экономическом развитии страны и добился видимых успехов в данном направлении. Идеологически ангажированным восхвалениям «возвращения в Европу» Клаус противопоставил детальный подсчет плюсов и минусов вхождения в Евросоюз, и оказалось, что вторых было более чем достаточно. Его евроскептицизм разделяли если не явно, то латентно даже многие западные политики, а неприятие ими проекта Евроконституции — тому доказательство. Что касается союза между партиями, то Клаус постоянно призывал их к примирению, ратуя за создание экономического ответственного правительства. Поэтому на первое место глава государства ставил не столько сам факт примирения, выступая даже его идеологом и апологетом, сколько требование нести ответственность за программы, в первую очередь их экономические пункты. Создавалось убеждение, что он придерживался следующей установки: нельзя безоговорочно давать карт-бланш на ультрарадикальные экономические реформы своим (экс)однопартийцам, равно как и не стоит безоговорочно поддерживать установки социальной политики ЧСДП. Надо, скорее, помнить, что реализация и той, и другой установки может потребовать завышенных экономических затрат. Отсюда, по видимости, нерешительная позиция Клауса, хотя ряд его действий ориентированы на поддержку линии ГДП. Требование ответственности правительства за свою политику находилось для президента на первом месте. Это создало ему надежную платформу не только среди граждан Чехии, но и среди депутатского корпуса, в первую очередь

сенаторов, которые наделены конституционным правом выбирать президента на совместном заседании.

Ход президентской кампании показал, что расчеты Клауса оказались верными, хотя она проходила не с меньшими интригами, чем предыдущая. Лишь к началу февраля 2008 г. окончательно определился второй кандидат на высший государственный пост — им стал Я. Швейнар, выдвиженец ЧСДП и ПЗ. Согласно данным опроса Центра изучения общественного мнения, к этому времени обоим кандидатам в президенты доверяли по 42% респондентов, но недоброжелателей у Клауса оказалось 22% опрошенных, а у Швейнара — 16%.

8 февраля 2008 г. в парламенте после продолжительных и бурных дебатов, наконец, начались выборы президента Чешской Республики. Камнем преткновения, как это уже не раз было в современной чешской истории, явились процедурные вопросы: представители ГДП, крупнейшей партии правящей коалиции настаивали на тайном голосовании, сторонниками открытого публичного волеизъявления являлись не только оппозиционеры — депутаты от ЧСДП и КПЧМ, но и входящие в правящую коалицию парламентарии от ХДС—ЧНП. Спустя 10 часов после начала совместного заседания нижней и верхней палат парламента ЧР было принято решение о выборе президента в открытом режиме¹³.

Оба кандидата представили чешским законодателям свои взгляды на роль главы государства. Клаус обещал продолжать политику надпартийного президента, подчиняющегося Конституции ЧР, а не политическому давлению. Швейнар изложил свою идею «Чехии без границ», подчеркнул стремление к установлению диалога между политическими партиями и к возвращению гражданам доверия в политику¹⁴.

Лишь в третьем туре 9 февраля Клаус получил 139 голосов (из необходимых 140), а, следовательно, для победы ему не хватило одного голоса; Швейнару парламентарии отдали 113 голосов.

Следует отметить, что партии правящей коалиции поддерживали на президентских выборах разных кандидатов: ГДП и ХДС—ЧНП выступали за переизбрание Клауса, зеленые же голосовали за Швейнара. КПЧМ в первых двух турах отдала предпочтение Швейнару, но в третьем туре коммунисты решили воздержаться от голосования. Чешские аналитики так комментировали подобного рода тактику: «Для коммунистов и Клаус, и Швейнар — это экономисты-либералы, и коммунисты должны своим избирателям показать, что они не совсем согласны ни с одним из них. Поэтому они отказались голосовать в третьем туре и надеялись на то, что первые выборы завершатся ничем, и они смогут предложить своих кан-

дидатов в случае, если Швейнар не пройдет». По мнению аналитиков, учитывая расклад сил в парламенте, решающими стали голоса коммунистов и христианских демократов¹⁵.

Накал конфликтности и напряженности заседания привел к тому, что первый день выборов завершился драматически: трех депутатов с диагнозами сердечный приступ или нервный срыв увезла из Пражского Града скорая помощь, некоторые ушли сами, сославшись на недомогание. ГДП и ЧСДП обвиняли друг друга в давлении и шантаже парламентариев.

Таким образом, первый раунд выборов из трех туров, завершившийся безрезультатно, дал основания назначить новые президентские выборы. Как уже отмечалось, политические партии могли выдвинуть новых кандидатов. Но ГДП и ПЗ сообщили, что снова предложат кандидатуры Клауса и Швейнара; коммунисты же предложили баллотироваться на высший государственный пост депутату Европарламента Я. Бобошиковой. По итогам прошедших 15 февраля выборов, победу одержал действующий президент Вацлав Клаус, получивший 141 голос парламентариев (в 2002 г. — 142), кандидатуру Яна Швейнара предпочли 126 законодатель; Яна Бобошикова сняла свою кандидатуру.

Своеобразным итогом президентских выборов можно считать заявление лидеров пяти крупнейших чешских парламентских партий о настоятельности перехода в следующих выборах к избранию президента на прямых всеобщих выборах. Политики выразили единодушное мнение, назвав существующую систему «невозможной», поскольку она создает «недоверие и напряжение между политическими партиями». По мнению лидеров пяти политических партий, каждые пять лет «этот недостойный спектакль повторяется»¹⁶.

Таким образом, Клаус предстал не только как авторитетный глава государства, но и как политический актер, способный решать довольно сложные проблемы в стране (где после парламентских выборов правительство смогло приступить к полноценной, а, главное, в должной мере легитимизированной работе более чем полгода спустя), и как экономист, поддерживающий взвешенный реформаторский курс. Равно как и политик, задающий тон в определении внешнеполитических приоритетов Чешской Республики. Работа во всех этих ипостасях получала позитивные оценки, что и отразилось на результатах выборов.

Выбор социал-демократической альтернативы со «словацким лицом»

Если в Чехии выборы в Европарламент стали причиной смены премьер-министра, то в Словакии их результаты не привели к столь серьезным последствиям. Они состоялись 11—13 июня 2004 г., и Словакия отличилась

на них «печальным первенством», продемонстрировав не только самое низкое участие избирателей из 25 стран ЕС, но и во всей истории выборов в Европарламент, ведущих начало с 1979 г. В Словакии к избирательным урнам пришли 16,9% избирателей (в среднем по ЕС явка составила 45,5%, в Польше — 20%), что стало для словацких политиков «холодным душем». По итогам выборов представительство в Европарламенте получили следующие политические субъекты страны: Словацкий демократический и христианский союз (СДХС) (17,09% голосов электората и 3 мандата), Народная партия — Движение за демократическую Словакию (НП—ДЗДС) (17,04 и 3), Направление—СД (16,89 и 3), Христианское демократическое движение (ХДД) (16,19 и 3), Партия венгерской коалиции (ПВК) (13,24 и 2). Причины столь низкой активности избирателей объяснялись по-разному, но наиболее часто указывалось на фактор усталости: в первом полугодии 2004 г. в республике прошли уже четвертые выборы (два тура президентских выборов и референдум). Однако, по мнению некоторых аналитиков, наиболее глубинная причина все же скрывалась в ином — в отчуждении между массой избирателей и политиками. Рядовые граждане полагали, что словацкие политики не желали смотреть на сложившееся положение «их глазами». Отношения между теми и другими необходимо строить на взаимном доверии, однако евровыборы наглядно продемонстрировали его отсутствие¹⁷.

В этих условиях внимание концентрировалось на успехах экономической политики правительства М. Дзуринды¹⁸. В 2004 г. оно добилось сочетания благоприятной конъюнктуры внешнего рынка и темпов роста словацкой экономики. При расчете параметров бюджета словацким правительством в 2004 г. был заложен рост ВВП в 4,1%, инфляция — 7,5%, а уровень безработицы — 14,9%. Дефицит госбюджета — 78,5 млрд. словацких крон — определялся на уровне 6,1% от ВВП. Сравнительно невысокий уровень налогообложения способствовал дальнейшему повышению инвестиционной привлекательности экономики СР. В итоге в 2005 г. Словакия добилась 6% роста экономики, хотя аналитики обращали внимание на то, что жизненный уровень словацкого населения увеличивался гораздо медленнее, чем в Чехии. В 2005 г. средняя зарплата в Словакии составляла около 16 тыс. словацких крон, причем большая часть трудоспособных граждан зарабатывала меньше этой суммы. В большинстве стран ЕС этот показатель был значительно выше.

Всемирный банк в своем анализе констатировал, что правительство Дзуринды провело решительные реформы в налоговой, социальной, пенсионной системах, здравоохранении, а также в сфере образования, судеб-

ном и трудовом праве. На этом основании его аналитики отдали Словакии в 2003 г. первое, а в 2004 г. четвертое место в списке стран по показателям реформирования и улучшения предпринимательской среды. В общем списке Всемирного банка за 2005 г. Словакия опережала страны Вишеградской группы (ЧР, Венгрию и Польшу). На высоких темпах экономического развития отразился в первую очередь рост объема инвестиций и оживление экспорта, а также увеличение внутреннего потребления. В последнем квартале 2005 г. производительность словацкой экономики реально увеличилась на 7,5%, что стало историческим рекордом. Статуправления указывали, что темпы роста СР по-прежнему оставались самыми высокими в регионе. В целом рост словацкой экономики за весь 2005 г. составлял 6%, в то время как в 2004 г. этот показатель равнялся 5,5%.

Позитивное развитие государства в целом подтверждал и словацкий президент И. Гашпарович. В то же время в серии своих публичных выступлений в первой половине 2005 г. он демонстрировал определенную дистанцию по отношению к правительственному курсу. Так, в своей речи на заседании НС СР в июле 2005 г. глава государства, положительно оценив интеграцию Словакии в демократическое международное сообщество, сконцентрировал внимание на нерешенных социальных вопросах (безработица, региональные диспропорции, проблема бедности и др.). Он заявил о своей поддержке проводившихся в стране реформ, но вместе с тем указал и на их недостаточную эффективность с точки зрения повышения уровня жизни населения¹⁹.

Следует отметить, что в ноябре 2004 г. в истории партии Направление произошло знаменательное событие — объединение левых сил Словакии под крылом этого политического субъекта. Партия левых демократов (ПЛД), просуществовавшая на политической сцене Словакии более 15 лет и потерявшая почти всех сторонников, заявила о своем слиянии с партией Направление. А незадолго до этого эта партия объединилась с Социал-демократической партией Словакии (СДПС) и партией Социал-демократическая альтернатива (СДА). С этих пор объединенные партии выступают под названием Направление-Социал-демократия (Направление-СД). Вобрав в себя еще и Партию левых демократов, Направление-СД стала самым богатым политическим субъектом в СР (к партии перешло тогда все имущество ПЛД в размере около 35 млн. крон). В ноябре же 2004 г. Фицо заявил о необходимости «идти по пути современных социал-демократических программ»²⁰. На V съезде в декабре 2004 г. процесс интеграции левых политических партий в Словакии завершился, и партия официально заменила в своем названии «Третий путь» на «Социал-демократию».

Вместе с другим партиями стран Центральной Европы — БСП и румынскими социал-демократами — Направление-СД стала 19 мая 2005 г. полноправным членом Партии европейских социалистов (ПЕС), а 24 мая 2005 г. вошла в ряды Социалистического Интернационала. Примечательна неординарная процедура приема этой партии в СИ: она просто пришла на смену СДПС и ПЛД. В июне 2005 г. партия Направление-СД организовала празднование 100-летия появления в стране социал-демократии, что еще раз подтвердило готовность партии взять на себя новые интегрирующие функции и сплотить в конце концов социал-демократическую альтернативу. В начале октября 2005 г. в Моравии состоялась встреча Фицо и Пароубека, на которой они подписали Соглашение о сотрудничестве и взаимной поддержке двух партий в контексте будущих чешских и словацких парламентских выборов.

На своем VI съезде 3 декабря 2005 г. партия Направление-СД заявила о поддержке концепции социального государства (программа «Поворот к человеческому достоинству»), выступив с требованием справедливого распределения экономических результатов хозяйствования. В новой программе усиливался накал следующего рода требований: бесплатное высшее образование, пенсии, обеспечивающие достойную старость, право на трудоустройство согласно уровню образования, сохранение минимальной заработной платы, право всех регионов Словакии на свое развитие. Речь шла и о сфере здравоохранения, которая должна быть доступной всем категориям граждан в равной степени. Один из ее приоритетов — рост инвестиций в образование до 5% ВВП, а также отмена платного высшего образования. В своих внешнеполитических предпочтениях партия Направление-СД выступила в поддержку программы «Социальная Европа», критиковала одностороннюю ориентацию правительства Дзуринды на США и игнорирование отношений с РФ.

В работе съезда принял участие лидер ЧСДП И. Пароубек, который назвал Р. Фицо своим другом. Фицо призвал соратников по партии брать пример с Чехии — «социального государства». Партия продемонстрировала намерение после парламентских выборов в 2006 г. войти в правящую коалицию с теми политическими субъектами, которые готовы поддержать ее программу, ориентированную на социальные преобразования. Что касается тогдашних властей, то премьер Дзуринда охарактеризовал тезисы новой программы партии Направление-СД как «безысходные». В ответ Фицо заявил, что правительство Дзуринды недемократическое и для проведения в жизнь реформ «покупает» голоса депутатов словацкого парла-

Глава V

Историк и историческая наука в переходный период развития общества (По материалам чешского журнала «Soudobé dějiny» 90-х годов XX века)

События ноября 1989 г. в Чехословацкой социалистической республике (ЧССР)¹, приведшие к краху коммунистического режима, распаду в 1993 г. единого государства чехов и словаков и возникновению на его месте Чешской и Словацкой Республик, положили начало переходному периоду в их развитии. Переходного от чего к чему? Ответ может быть разным: «от социализма (социализма ли?) советского образца к капитализму современного вида» или «от порядком одряхлевшего тоталитаризма (точнее авторитаризма) к демократии, поначалу весьма несовершенной и в силу молодости агрессивной». Стали осуществляться масштабные политические и социально-экономические преобразования, приведшие к глубоким качественным сдвигам в обществе, брожение в котором не прекращалось на протяжении всего последнего десятилетия прошлого века². Настало время решительной переоценки ценностей и пересмотра ориентиров, которыми люди жили в период коммунистического режима. Эйфория по поводу победы над изжившим себя режимом и возврата к демократическим, традиционным для чешского общества ценностям была особенно заметна в начале 90-х годов, а затем в связи с возникшими, прежде всего в экономической сфере, трудностями начался ее постепенный спад. Явственнее обозначились характерные для чешского менталитета рационализм и осторожность, чем, впрочем, не в последнюю очередь, объяснялось и то, что страна одной из последних присоединилась к череде демократических преобразований 1989 г. в Центральной и Юго-Восточной Европе. Следует, например, отметить, что в ноябре 1989 г. согласно опросу общественного мнения 47% респондентов отдали предпочтение строю, сочетающему в себе преимущества социализма и капитализма. Почти столько же высказались в пользу социалистического выбора, и лишь 5% предпочитали капиталистический путь развития. Уже через несколько лет после смены власти большинство населения осознало, что за продвижение по этому пути надо платить и платить немало, идя на самоограни-

В выборах приняли участие всего 18,02% избирателей (в декабре 2001 г. — 26,02%). Самой успешной стала ХДД: 87 ее депутатов (из 412) получили представительство в региональных парламентах СР. На втором месте фигурировала партия Направление-СД (70 депутатов), на третьем — СДХС (61), на четвертом — ПВК (58), на пятом — ДЗДС (48 мандатов); представительство получил также и 41 независимый депутат²⁵. Таким образом, партии правящей коалиции (ХДД, СДХС, ПВК) вместе с ДП и ГКП получили в целом 219, а оппозиционные парламентские партии (партия Направление-СД и ДЗДС) вместе с СНП, ДЗД, АНГ и СФ — 149 мандатов. Но выборы в краевые представительные органы, как представляется, достаточно сложно оценивать однозначно, поскольку итоги выборов председателей словацких краевых администраций принесли успех оппозиционным партиям²⁶.

Надо подчеркнуть, что именно на этих выборах, кстати, была зарегистрирована рекордно низкая явка, а ДЗДС получила достаточно чувствительное поражение. Оно, как представляется, во многом определило активность партии Фицо, которая взяла на себя миссию полной репрезентации социал-демократической идеи в стране.

В октябре 2005 г. СР вошла в Совет Безопасности ООН на правах непостоянного члена. Этот статус позволил ей участвовать в течение двух лет в принятии всех важнейших решений наиболее авторитетным органом ООН. В решении конкретных кризисных ситуаций СР, по словам министра иностранных дел Э. Кукана, намерена тесно консультировать свою позицию с органами Евросоюза. Никогда еще в истории Словакии у нее не было столь хороших отношений с США и это обстоятельство дает ей право и возможность действовать в составе Совета Безопасности максимально эффективно. Конечно, появление Словацкой республики в руководстве ООН явилось большой поддержкой правящей коалиции, которая считала, что это повысит ее шансы на выборах. Но 2006 год ожидался как один из наиболее сложных в истории независимой Словакии.

2 января 2006 г. в своем новогоднем радиообращении президент И. Гашпарович заметил, что словацкое население с трудом переносит нежелательные последствия экономических и иных реформ. Хотя они определили долговременное стратегическое направление развития словацкого общества, однако результатом части реформных шагов явился и рост числа бедных, и ухудшение условий жизни некоторых социальных групп. «Политические турбуленции, — заявил президент, — являются в Словакии реальностью. Политики часто тратят свое время и энергию на политические игры, причем результаты этих их усилий являются вредными.

Они не осознают серьезных последствий своего поведения для положения в стране...»²⁷ В преддверие парламентских выборов президентское замечание прозвучало как довольно жесткое. 25 января 2006 г. состоялась встреча президента и лидера словацких профсоюзов И. Сакатора. Оценивая комплекс реформ, проводимых правоцентристским коалиционным правительством Дзуринды, глава государства признал их настоятельность, но вместе с тем подчеркнул, что ни одна реформа не может быть причиной резкого ухудшения социального положения рядового гражданина и появления бедных людей.

Но удар по коалиционному правительству был нанесен изнутри коалиции. В начале 2006 г. христианские демократы вышли из коалиционного кабинета Дзуринды, после чего неизбежность досрочных парламентских выборов стала предельно ясной. Причиной раскола явились споры вокруг Ватиканского договора о гарантиях свободы вероисповедания, а фактически о некоторых преференциях католической церкви. Дзуринда в его интерпретации отстаивал позиции относительного свободомыслия, но важно не столько это, сколько то, что он решил провести по данной проблеме дискуссию в обществе, когда для нее не оставалось ни времени, ни места.

Конкретный повод был практически третьестепенным: министр иностранных дел Э. Кукан не подписал Ватиканский документ из-за пункта, требовавшего предоставить право участвовать в богослужениях отказавшимся служить в армии. Неприемлемым для правительства оказался и запрет на уроки по половому просвещению, запрет верующим врачам делать аборт и т. п. В поддержку договора во всем его объеме выступали верующие католики, составлявшие петиции с сотнями тысяч подписей. Но даже тот факт, что католиками считают себя 70% населения Словакии, не остановил правительство в нежелании подписывать договор²⁸. Ситуация, надо заметить, никак не представляемая в Чехии, да и, пожалуй, в любой другой европейской стране, кроме Польши. Если вспомнить, что подобный кризис, связанный с голосованием по искусственному прерыванию беременности 3 июля 2003 г., был преодолен с трудом — и лишь в связи с намечавшимся визитом папы Павла Иоанна II в Словакию²⁹, то можно заключить: и правительство, и ХДД наступали на те же грабли, которые на сей раз сработали в своем известном смысле.

Как тогда, так и сейчас сугубо политические процедуры вызвали возмущение у христианских демократов, которые придерживались линии на то, что Словакия (наряду с Польшей) — наиболее католическая страна Европы. И все же не мировоззренческие вопросы находились в основе кризиса: 7 февраля чаша вдруг оказалась переполненной из-за полити-

ческой неэффективности рыхлой коалиции и склонности к манипуляционным технологиям ее главы. Немаловажным явилось также то, что Дзуринда пытался выстраивать свою внешнюю политику с ориентацией на США, в то время как христианские демократы ориентировались на Европу, столицей которой ими считался Рим, точнее Ватикан.

16 февраля 2006 г. председатель словацкого парламента Б. Бугар принял решение провести парламентские выборы не в сентябре, как это предполагалось по процедуре, а 17 июня³⁰. Словацкий парламент в этом плане оказался намного мобильнее чешского. Уже в начале весны 2006 г. начался процесс формирования политическими партиями своих кандидатских списков на внеочередные выборы в Национальный Совет. Следует напомнить, что ХДД и СДХС премьера М. Дзуринды еще в 2002 г. открыто соперничали между собой за лидерство в коалиции, а в итоге ситуация изменилась в направлении их взаимного ослабления. Дзуринда намекал, что политические позиции В. Мечьяра ему ближе, чем позиции партии Направление-СД, но ему мало верили: ДЗДС тоже надеялась на реванш в одиночку. Христианские демократы не определились с кем сотрудничать — с бывшим соратником по правительству Дзуриндой или новым партнером Фицо. Но появилось, как отметил автор материала в словацкой газете «Правда», важное обстоятельство по сравнению с выборами 2002 года: политическое соперничество начало приобретать четко выраженный программный характер³¹.

Партия Направление-СД, став членом Социалистического Интернационала, позиционировала себя как левая сила. СДХС в 2002 г. черпала свою популярность в антимерьяризме, а к 2006 г. выглядела мотором жестких правополиберальных реформ. Пафос же часто трудно идентифицируемой на политическом спектре критики тех и других стал достоянием не находившейся на авансцене ХДД. Остальные же партии всего лишь надеялись на роль «подносчиков снарядов», хотя не теряли надежды стать «делателями королей».

Надо сказать, что предвыборная борьба в Словакии отличалась отсутствием явного популизма и невыполнимых обещаний. Коалиционный кабинет М. Дзуринды добился экономного бюджета — его дефицит удалось сделать ниже 3% от валового национального продукта, чего не наблюдалось в других странах Центральной Европы, но предметом правительственного пиара это не стало. Между тем Р. Фицо заверил избирателей в том, что те инициированные правящим кабинетом реформы, которые доказали свою жизнеспособность и оправданность, свертываться

не будут; он не прибегал к радикальной терминологии, поскольку допускал, что вынужден будет сотрудничать с партиями правой ориентации³².

В то же время Фицо пошел на обострение полемики с министром финансов И. Миклошем относительно единого 19% налога. Единый налог, по утверждениям Фицо, снизил налоговое бремя для наиболее богатых граждан, и повысил его для тех, кто зарабатывает себе на жизнь собственным нелегким трудом. Повышение единого налога на добавленную стоимость повысило цены на товары первой необходимости, на оплату жилья и других услуг. Это привело к тому, что реальные доходы 25% наиболее богатых словаков за два года повысились на 27%, тогда как доходы 75% населения на 7% снизились. Вместе с этим возрос уровень длительной безработицы, увеличилась разница в доходах населения по регионам, а уровень бедности в Словакии достиг одного из самых высоких в ЕС. Налог отрицательно повлиял и на экономическую эффективность. Демонстрируя сдержанность и по другим позициям, Фицо набирал очки в борьбе за большинство в парламенте, а главное — завоевывал электорат, который устал и от рыхлости коалиции, и от Дзуринды.

Опрос общественного мнения, проведенный во второй половине мая 2006 г., зарегистрировал следующие предпочтения: 51,8%, т. е. больше половины словаков, ставили премьеру Дзуринде самые низкие оценки за деятельность на посту главы правительственного кабинета и лишь 16% ее одобряли. Многие считали, что работу сопровождают бесконечные скандалы, конфликты и споры, что Дзуринда руководил правительством непрозрачными методами и что он часто показывал свою слабость при поиске решений наиболее серьезных споров между участниками коалиции, зато мелкие проблемы решал излишне жестко. Главным же стало то, что в Словакии сохранялся высокий — выше 20% — уровень бедности³³.

К середине мая 2006 г. стали известны предвыборные программы политических партий и наметились планы возможных переговоров о будущей правящей коалиции. Как и ожидалось, полем сражения не переставало быть налоговое законодательство. Действительно, экономика развивалась, а число бедных при этом не уменьшалось, да еще звучали призывы повысить плату за учебу и медицинские услуги. Зато все партии предлагали ввести ссуды для молодых семей, узаконить одноразовые дотации при рождении детей, а также пособия для многодетных семей.

Направление-СД в предвыборном лозунге использовала свое название, призывая двигаться «По направлению к людям», правящая правоцентристская коалиция предпочитала ставить акцент на реальных достижениях в экономике. Она настаивала на введении прогрессивного налога

применительно к физическим лицам и налога на монополии, СДХС—ДП наиболее важным считала продолжение реформ³⁴. Фицо заявлял, что кабинет министров отклонился от общеевропейской модели социально ориентированной рыночной экономики и пошел по пути реализации в Словакии модели неолиберального и консервативного общества по типу американского. Население же отвергало эту политику, выступая за общество, основанное на принципе социальной справедливости. Лидер правящего СДХС—ДП, как и ранее, назвал подобного рода линию возвратом к социализму и к тем трудностям, которые Словакия уже преодолела. Резкое повышение жизненного уровня граждан вело бы, по его мнению, к замедлению экономического роста и новым государственным долгам³⁵.

Центристскую позицию занял, как это часто бывало, президент Словакии. Накануне парламентских выборов 10 июня 2006 г. И. Гашпарович выступил по радио и подчеркнул, что новое правительство должно продолжать процесс реформ. Он выразил удовлетворение, что некоторые реформы, осуществлявшиеся кабинетом под руководством Дзуринды, помогли снизить уровень безработицы и увеличить объем иностранных инвестиций. Однако, как он заметил, правительство не учитывало в должной мере влияния реформ на ухудшение социального положения в стране. Будущему правительству он рекомендовал принять ряд новых законов в социальной области, здравоохранении, образовании, в региональной политике, которые должны улучшить положение рядовых граждан³⁶.

Непосредственно перед выборами лидеры СДХС—ДП выложили в качестве козыря проект «Минерва», в котором шла речь о необходимости создания экономики, основанной на знаниях, а также проект, связанный с внедрением информационных технологий, поддержкой науки и образования; подчеркивалось, что у партии есть потенциал специалистов, способных реализовать этот и все другие намеченные проекты³⁷. Но это не помогло: гарантий, что указанная экономика состоится, а тем более снимет проблему бедности, партия предоставить не могла.

Между тем около 50 неправительственных организаций выступили с критикой кабинета за рост бюрократии, а также за то, что оно не обеспечило вовремя выплаты из еврофондов на уже реализованные проекты в социальной области. В свою очередь Фицо заявил, что после выборов его партия пересмотрит распределение средств — около 400 млрд. крон — из еврофондов на период 2007—2013 гг. Приоритетными он назвал инфраструктуру и образование, а также сбалансированную помощь регионам³⁸.

17 июня 2006 г. состоялись выборы в словацкий парламент, при этом явка избирателей была самой низкой с момента образования независимого государства и составила 54,67%³⁹ (в 2002 г. — 70,0%). Победу одержала партия Направление-СД, добившись поддержки 29,14% голосов электората (в 2002 г. — 13,46) и получившая 50 мандатов из 150 мест; на втором месте оказалась партия премьера Дзуринды СДХС—ДП — 18,35% (15,09) и 31 мандат. В парламент прошли также следующие партии: СНП — 11,73% (по сравнению с 3,32% в 2002 г. это был явный успех) и 20 мандатов; ПВК — 11,68% (11,16), полученные ею 20 мандатов — самый высокий результат со времени участия партии в выборах. Весьма незначительных успехов достигла НП—ДЗДС — 8,79% (19,5 — более чем в два раза меньше голосовавших окончательно лишили Мечьяра надежд на какой угодно реванш) и всего 15 мандатов. Что касается возмутителя спокойствия ХДД, то партия получила 8,31% (8,25) и 14 мандатов. В парламент не вошли Коммунистическая партия Словакии (КПС) (3,88% — по сравнению с 6,32% в 2002 г.) и Альянс независимых граждан (АНГ) — 1,42% (по сравнению с 8,01 в 2002 г. и это можно назвать просто катастрофой)⁴⁰.

Направление-СД после переговоров со всеми парламентскими партиями приняла решение сформировать правительство с оппозиционными НП—ДЗДС и СНП, поскольку лишь такое правительство, по словам Фицо, способно возводить в Словакии социальное государство. И хотя лидер СНП Я. Слота (как, впрочем, и В. Мечьяр) не вошел в состав правительства, Партия европейских социалистов приостановила членство в этой структуре Направления-СД.

СНП и ДЗДС со своей стороны не выдвинули в ходе переговоров каких-либо принципиальных программных требований, их лидеры были в чем-то ошеломлены: Мечьяр — катастрофической неудачей, Слота — неожиданным большим успехом. Неожиданностью парламентских выборов Словакии явился значительно меньший, чем это предсказывалось аналитиками, процентный разрыв между партиями Направление-СД и СДХС—ДП: немногим более 10% вместо нецелых 20%.

Новое правительство располагало в парламенте 85 местами из 150. Партия Направление-СД получила 11 из 16 министерских постов. Утвержденный 4 июля 2006 г. премьер-министром Словакии Р. Фицо в своей программной речи заверил, что выполнит все необходимые экономические требования для введения Словакии в еврозону в 2009 г. «Новое правительство, — подтвердил он, — будет однозначно проевропейски ориентировано и будет уважать все обязательства, вытекающие из нашего членст-

ва в Европейском союзе, Североатлантическом альянсе и в других международных организациях». Он заявил также, что его кабинет выступает за скорейший вывод национального воинского контингента из Ирака.

Лето и осень 2006 г. прошли в сложной притирке партий правящей коалиции — с сохранением некоторых характеристик, присущих годам правления рыхлой коалиции. До парламентских выборов партия Направление-СД утверждала, что ключевые изменения будут касаться главным образом реформ в сфере экономики, а во внешней политике все останется по-прежнему. Но в экономической сфере принципиальных изменений до значимой степени заявлено не было, а вот дискуссии о том, что Словакия идет по другому пути во внешней политике шли довольно острые. В целом отмечался повышенный акцент на экономическом аспекте внешней политики в духе прагматизма. Была продекларирована цель: развитие страны должно благоприятно сказываться и на конкретной жизни людей, хотя региональные диспропорции в экономике преодолеть вряд ли удастся. И все же многочисленные аналитики подчеркивали, что страна вступает в уникальный этап, когда около половины населения доверяют и правительству, и парламенту, и президенту.

Согласно словацкому политологу Г. Месежникову, в начале 2006 г. в правящей коалиции правых партий зародился и разрастался конфликт, а левый кабинет, сформированный бывшими оппозиционными партиями, сразу же заработал более слаженно. Попытки формирования правительства из представителей бывших правящих (то есть правых) партий и оппозиции (соответственно левых партий) не привели к право-левой коалиции, sporadически работавшей в соседней Чехии, хотя словацкое правительство нельзя назвать «исключительно левым»⁴¹. Действительно, партия Направление-СД заявляет о своей приверженности левым ценностям, но вряд ли она пришла к власти из-за того, что ее программу полностью разделяло большинство избирателей. На выборах правый блок и левый блок получили примерно сопоставимое количество голосов избирателей, но ДЗДС и СНП предпочли союз со вторым.

Хотя партия Направление-СД декларировала стремление провести коренные изменения в социально-экономической политике, сразу после формирования нового правительства таковых не наблюдалось, предпринимались лишь некоторые смягчающие шаги в социальной сфере. Что касается внешней политики, то здесь подчеркивались прежде всего экономические выгоды. Все же лидеры нового правительства, по словам Месежникова, демонстрировали, что «Словакия является составной частью

НАТО, страной-членом Европейского союза. Обе эти организации базируются на одних и тех же ценностях. Иными словами, риторика некоторых представителей правящей коалиции, подчеркивающих прагматическое измерение и экономическую выгодность, как бы отодвигала на задний план ценностную основу словацкой внешней политики»⁴².

Опасения в связи с «билатеральностью» внешнеполитического курса Словакии и уменьшением ее роли как интегральной составной части НАТО и ЕС развеялись в первые месяцы работы нового правительства. Да они вряд ли были обоснованы — просто рыхлой коалиции чаще приходилось с некоторой натуужностью доказывать свою приверженность западным ценностям, в то время как нынешней — больше концентрироваться на конкретных проблемах.

Словаки также продемонстрировали, что они так и не привыкли к рыхлой коалиции как некой, казалось бы, трудно устранимой особенности политического процесса и одновременно четкой альтернативы авторитаризму Мечъяра. Сразу после выборов 2006 г. ситуация оказалась яснее и одновременно сложнее. Во-первых, коалицию из 5—6 партий заменила коалиция из трех партий. Однако она соединила принципиально несоединимые, на первый взгляд, силы: националистов, ДЗДС и социал-демократов. В то же время надо особо подчеркнуть, что это силы с достаточно четко выраженной физиономией, а не партии, создающиеся на потребу заданным извне стандартам демократии. И в этом плане они адекватнее выражали интересы различных политических групп внутри словацкого общества. Тем самым электорат как бы признавал: лучше «плохое» сосуществование разных политических сил, если это балансирует внутриполитический курс, чем «хорошее» взаимодействие квазиодинаковых.

Уже в первые месяцы после начала работы нового правительства звучали прогнозы, что между вошедшими в него партиями развернется борьба, а, может, и расхождения, но она будет отличаться большей определенностью позиций и состоятельностью идей, а не своеобразной мышинной возней внутри рыхлой коалиции.

СМИ называли Словакию «центральноевропейским тигром» и приводили доказательства этому не только в цифрах. Так, газета «Le Figaro» непосредственно перед выборами писала: «Словаки с гордостью реагируют на то, что их страну международные финансовые институты воспевают как тигра под Татрами, а большинство жителей страны убеждены в том, что проведенные реформы были неизбежными. Словаки уже не желают, чтобы Словакию унижали и считали ее черной овцой, а хотят быть тигром. Но цена, которую надо заплатить за это, на этот раз будет вы-

сокой»⁴³. Сразу после выборов тональность публикаций газеты изменилась — хотя не трансформировались тренды экономического развития страны. Его характер и темпы оказались совместимыми не только с «приверженностью началам истинной демократии», но и концентрацией на решении реальных проблем в социальной сфере.

Итоги выборов 2006 г. наглядно продемонстрировали, что избиратели устали от деклараций и хотят видеть политическое лицо своего государства более четким. Да, большинство из них признавало, что как раз при рыхлой коалиции наметились условия и начался экономический подъем. Но надо признать, что и после смены правительства темпы экономического развития не снижались. И все же лето и осень показали также, насколько население устало от неопределенностей в политике. В лице Фицо они нашли некую надежду на отвечающую их чаяниям политическую линию и успокоились. Отсюда и отсутствие привлекающих внимание новостей в политической и даже общественной жизни, что трактуется как если не хорошая, то как приемлемая новость. Это, в частности, продемонстрировали состоявшиеся 2 декабря 2006 г. в Словакии коммунальные выборы, в которых приняли участие 37% зарегистрированных избирателей. Естественно, что большинство из них поддержали партию Направление-СД: уверения ее лидеров, что она направлена к народу, пока не потеряли своей убедительности. Так, президент подписал 15 декабря 2006 г. правительственную поправку в Закон о налоге на добавленную стоимость, которая с января 2007 г. снизила планку налога на лекарства с 19 до 10%.

Фицо выступил 18 декабря 2006 г. по словацком радио по поводу перспектив экономического развития страны. Он высказал убеждение, что 2007 год будет с точки зрения увеличения темпов экономического роста самым успешным годом за последние 20 лет. «Будущий год, — заявил глава кабинета, — станет подготовительным, важным мостом для реализации самых амбициозных задач»⁴⁴. Вторая озвученная им новость заключалась в том, что Словакия станет председательствующей страной в Совете Европы с ноября 2007 по май 2008, а министр иностранных дел Я. Кубиш — председателем Комитета министров этой организации. Не забывал в своих выступлениях Фицо и о восточном направлении внешней политики: отношения с Россией демонстрировали тенденцию к дальнейшей интенсификации.

Президент И. Гашпарович принял такого рода отчеты, выразив доверие коалиционному правительству Фицо. Более того, он одобрил и тактику главы кабинета, подчеркивая, что Направление-СД, НП-ДЗДС

и СНП объединились в коалицию по воле избирателей, что они имеют схожие взгляды на экономическую и социальную политику государства и способны эффективно отстаивать интересы республики на международной арене. Данного рода одобрение завершило традицию противостояния высших лиц государства, проявлявшуюся ранее. 20 декабря 2006 г. Гашпарович подписал закон о Госбюджете на 2007 г., в соответствии с которым государство планировало получить доходы на уровне 310,5 млрд. крон. Запланированный дефицит общественного сектора, включая расходы на пенсионную реформу, составлял 38,4 млрд. крон, то есть 2,9% от ВВП.

В парламенте 85 коалиционных депутатов поддержали этот закон, а все 65 оппозиционных депутатов высказались против. Вряд ли оппозиция, будь она у власти, приняла бы более оптимальный вариант бюджета, но одобрять данный бюджет она не стала по политическим причинам.

27 декабря 2006 г. в интервью словацкому информационному агентству Гашпарович еще раз дал положительную оценку действиям правящей коалиции, отметив «хороший старт» вошедших в нее партий. Прежнее правительство, по его словам, «имеет большие заслуги в том, что в республику в последнее время пришли зарубежные инвестиции, однако главную роль в том, чтобы данный позитивный процесс получил свое логическое продолжение, будет играть нынешняя коалиция во главе с лидером партии Направление Фицо». Разумеется, это большой аванс, но позитивный настрой в оценке будущего был присущ не только президенту. По опросам конца 2006 г., 42% словаков заявили, что 2006 год стал для них успешным, 39% назвали его ни хорошим, ни плохим, остальные оценили его как плохой. 49% опрошенных считали, что 2007 год станет для них не лучше, чем 2006, 8% граждан ожидали для себя ухудшения жизненной ситуации. В целом же 47% респондентов считали, что правительству удалось сделать больше позитивного, чем негативного.

В пятнадцатый год самостоятельного существования страна входила относительно спокойно — как редко в какой другой год. 17 января 2007 г. Гашпарович встретился с руководителями словацких СМИ. Он отметил, что большая часть представителей словацкой прессы довольно скептически отнеслась к появлению нынешней правящей коалиции, однако, по его мнению, ситуацию в стране можно назвать стабильной и стандартной. Да и свои симпатии партии Направление-СД выразили 48% опрошенных респондентов, чего до сих пор в новейшей словацкой истории не удалось добиться ни одному политическому субъекту⁴⁵. А что касается персоналий, то проведенный 14 февраля 2007 г. опрос общественного

мнения об уровне популярности политиков у населения дал следующие результаты: Р. Фицо — 39,8%, И. Гашпарович — 14,9%, Я. Слота — 12,5%. Из оппозиционных политиков наибольшее число голосов набрал лидер ПВК Б. Бугар — 8,2%, а Дзуринда в рейтинге популярности набрал всего 5,9%, хотя именно он получил награду Международного фонда Ф. Хайека за успешное проведение в стране реформ в 1998—2006.

22 февраля 2007 г. на заседании правительства оценивалась внешняя политика СР в 2006 году. Отмечалось, что Словакия как член ЕС и НАТО оставалась активным, надежным и стабильным партнером, подчеркивался факт ее избрания непостоянным членом Совбеза ООН. Во внешнеполитической деятельности нового кабинета появились и новые акценты, в первую очередь усиление экономического аспекта дипломатии, активизация отношений с Россией и Китаем. Оппозиция намеревалась именно по этим вопросам дать сражение правящей коалиции, но ей этого не удалось. Более того, положительную оценку внешнеполитическому курсу кабинета дал Я. Чарногурский, один из лидеров ХДД. Он заявил, что внешняя политика Фицо превосходит внешнеполитический курс Дзуринды, особенно по отношению к РФ. По мнению Чарногурского, Словакия имеет все основания стать соединительным звеном между востоком и западом. Правда, оппозиция постоянно критиковала внешнюю политику кабинета, Партия европейских социалистов держалась отчужденно, а западные, и особенно американские, СМИ выискивали недостатки у нового правительства с большим азартом, чем у правительства Дзуринды. Но словаки еще при Мечьяре признали, что в первую очередь надо прислушиваться к себе, а не к чрезмерным похвалам или порицаниями из-за рубежа.

Правда, Партия европейских социалистов так и не переставала оказывать давление на партию Направление-СД, настаивая на выходе из правящей коалиции СНП, считавшейся ультранационалистической. После выборов 2006 г. в связи с этим было приостановлено членство Направления-СД во фракции социалистов в Европейском парламенте. Однако евродепутаты, в том числе и социалисты, не намеревались вмешиваться во внутренние дела Словакии.

В годовщину прихода к власти Фицо отметил, что «нынешняя коалиция является весьма стабильным и прочным политическим объединением, а если ему удастся сохранить высокие темпы экономического развития страны, она сможет просуществовать весь избирательный период — то есть полные 4 года». Он заверил, что все ее партнеры разделяют общие ценности, которые можно назвать «возвращением к социальному госу-

дарству», хотя и трактуют его по-своему. Фицо даже заявил о том, что коалиция за один год своего правления сделала в социальной области больше, чем предшествующее правительство за долгие 8 лет⁴⁶.

Прямо противоположное мнение о деятельности нового кабинета продолжал высказывать Дзуринда, акцентируя внимание на том, что бывшая правящая коалиция оставила своим преемникам страну со стабильной экономикой, а правительство Фицо пользуется плодами ее трудов. Фицо в своих выступлениях озаботился тем, что в целом хорошие макроэкономические показатели республики пока не повлияли на экономическую ситуацию большинства словацких семей. Что касается эффективного социального государства, то избиратели приняли его модель и пока в своих ожиданиях не обманулись.

Социолог М. Бутора, президент Института общественного мнения в Братиславе отметил, что лето 2007 года — время, согласно опросам, достаточно четкого размежевания в оценках статуса и потенциала правящих партий в Чехии и Словакии. Р. Фицо отдали бы предпочтение 35,6% чел. (в мае 2006 г. — 25,4%), а М. Дзуринде — всего 5,7% (6,1%). Это свидетельствует, что авторитет первого и возглавляемой им партии (голоса распределились бы в следующем порядке: Направление-СД — 43%, СНП — 12,4, СДХС—ДП — 11,3, ДЗДС — 11,0, ХДД — 9,6, ПВК — 8,7%) устоялся. Правящая коалиция в Словакии в июле 2007 г. получила бы 103 депутатских мандата, тогда как в мае 2006 г. это число равнялось всего 86. Это примечательный момент по сравнению с Чехией, где после парламентских выборов 2006 г. наблюдается, судя по опросам, снижение рейтинга коалиции любого рода, и редко кто мог рискнуть предположить летом 2007 года, какую форму она приобретет. Конечно, делать подобные выводы на основе всего лишь опросов затруднительно. Однако утверждать, что перманентный клинч двух крупнейших чешских политических партий — благо для страны, вряд ли кто согласится признать безоговорочно, даже несмотря на экономическую стабильность в стране.

К осени критика европейскими социалистами Направления-СД заметно смягчилась. Лидер ПЕС Расмуссен уже не настаивал на исключении СНП из правящей коалиции, а вел речь о необходимости борьбы с проявлениями ксенофобии в Словакии, имея ввиду высказывания Я. Слоты в адрес Партии венгерской коалиции, от которых Фицо публично отстранился⁴⁷. В поддержку членства партии Направление-СД в ПЕС выступили чешские социал-демократы, подтвердив позицию, которую Пароубек отстаивал и год назад⁴⁸.

В своем докладе на международной конференции «Будущее Европы» в Братиславе, посвященной перспективам развития ЕС, Фицо заявил, что Евросоюз должен больше внимания уделять интересам простых граждан, а не финансовым и лоббистским группировкам. Нынешняя экономическая практика в ЕС, по его мнению, свидетельствует именно об этом. Кроме того, Фицо отметил необходимость разработки четких правил и механизмов для дальнейшего расширения Евросоюза. Он подчеркнул значимость принятия до конца 2009 года Конституционного договора Евросоюза, который должен предоставить более эффективную и прозрачную систему принятия решений, упрочить статус национальных парламентов. По мнению словацкого премьера, ЕС после этой реформы приблизится к людям⁴⁹.

11 октября 2007 г. словацкое правительство одобрило проект закона о госбюджете на 2008 г. Дефицит бюджета, согласно законопроекту, должен в 2008 г. снизиться до 2,3% ВВП, что позволит Словакии реализовать один из важнейших «маастрихтских критериев» (уровень бюджетного дефицита не должен превышать 3% ВВП) введения в стране евро. По словам премьера, законопроект, с одной стороны, учитывает «маастрихтские критерии», а с другой — дает государству возможность продолжать курс на развитие социально ориентированной экономики и в дальнейшем⁵⁰.

В целом политический курс Фицо по итогам первых полутора лет его премьерства оказался в принципе благоприятным. Он во многом представляет собой политика новой генерации для стран Центральной Европы, характеризующегося идеологической неангажированностью (о чем свидетельствует его взаимодействие с СНП), способностью поддерживать сбалансированный курс во внешней политике и курс на прагматически ориентированную экономическую политику.

Чехия и Словакия: поиски общего вектора развития

15-летняя история существования двух независимых государств на территории бывшей Чехословакии, и особенно их внутривнутриполитическая жизнь после совместного вхождения в ЕС в 2004 году свидетельствует: начавшееся примерно в равных стартовых условиях политическое развитие Чехии и Словакии протекало неодинаково. Однако общий вектор изменений оказался во многом сходным. Можно утверждать, что к началу нового столетия Чехия и Словакия в полной мере выровняли многие параметры своей политической субъектности и говорить о большей или меньшей европейскости той или другой нет никаких оснований, а вхождение в Европейский Союз — явное подтверждение данной ситуации.

Примечателен в этом плане 2006 год, когда в двух государствах прошли парламентские выборы: в Чехии по конституционной процедуре, но с малой продуктивностью в плане формирования правительства, в Словакии досрочные, но имевшие на выходе (через 17 дней после подсчета голосов — в отличие от Чехии, где этот срок растянулся более чем на полгода) правительство авторитетное.

Политический процесс в Чехии в этой связи характеризуется почти полной анемией: на его поверхности проходили страстные баталии, звучали взаимные обвинения, едва ли не инсинуации между лидерами партий-победителей, которыми по сути можно считать ГДП и ЧСДП. Минимальное преимущество ГДП вылилось в попытки формирования правительства, что было уже знакомо для Чехии. Однако новым явилось то, что в стране так и не обнаружили политических лидеры со своим четко выраженным идейным лицом. Как только на поверхность политической жизни поднимался тот или иной политик, ему тут же припоминали то коррупционный скандал, то особенности его не очень светлого морального облика, то другие «грехи». В итоге его энергия, а во многом и энергия партии уходила на опровержение компромата, а для конструктивных мероприятий сил уже просто не оставалось. Указанные и многие другие «грехи» были присущи политикам в истории многих других стран. Однако наличие политической воли определяло видение будущего той или иной страны, оставляя подобные «грехи» как бы за сценой. В Чехии же в ряде случаев они становились предметом политического торга, что, собственно, является доказательством почти полной анемии политической жизни в ЧР.

Президентство Гавела, как уже указывалось, во многом сводилось к тому, что он в основном занимался зарубежными поездками, практически игнорируя внутренние проблемы. Нелегко проходило и проходит президентство Клауса. Как известно, его избрание было связано с рядом не совсем доброкачественных компромиссов, за ним тянулся шлейф неудач в области реформирования. Его партия ГДП — до и во время его президентства — с трудом могла занимать лидирующие позиции. Тем не менее Клаус показал себя искушенным политиком, способным принимать нетрадиционные и неординарные решения, одно из которых — восстановление связей с Россией на высшем уровне. Кроме этого обладатель поста президента в ситуации клинча двух партий получил новые возможности, которые он использовал довольно корректно. Конечно, партия с президентом оказалась в принципе сильнее, чем партия без президента, но социал-демократы не нашли прямых следов использования этого ре-

курса. Поэтому поиск новых кандидатур на президентский пост шел без экзотических кандидатов (к примеру, М. Олбрайт), претендующих на этот пост в силу чего угодно, но только не политических амбиций.

Наш анализ показывает, что борьба между, условно говоря, лидером гражданских демократов и лидером социал-демократов будет весьма и весьма серьезной и вторые имели бы немалые шансы на то, чтобы занять этот пост. Выдвигая это утверждение, мы исходим из факта эволюции политических установок и предпочтений ЧСДП как традиционной европейской партии. Сначала они проигрывали выборы, затем добивались парламентского большинства, а их представители даже возглавляли правительство. Остается одна еще незанятая вершина (не навсегда, как это и происходит в демократических обществах) — пост президента. Эта борьба весьма значима и победа в ней может снизить или устранить вышеуказанную политическую анемию.

И все-таки Клаус продемонстрировал, что даже при сравнительно небольшом объеме полномочий президента его политическая роль может быть очень весомой, а его шансы остаться на этом посту выглядят предпочтительнее. Ему не столько «простили» поддержку коммунистов при первом избрании, сколько «забыли» ее.

Современное развитие Чехии ориентировано на полное вхождение в ЕС и по этому направлению она продвинулась наиболее далеко по сравнению с другими центральноевропейскими странами, за исключением, пожалуй, Словении. Однако ей предстоит решить две проблемы. Во-первых, во внутривнутриполитической жизни длящийся клинч двух ведущих политических сил, которые обычно набирают равное количество голосов, мало устраивает уже не только чешских избирателей. Политическая борьба ведется раз за разом не столько вокруг программ развития Чехии, сколько вокруг обсуждения нарушений представителями политических партий неких правил политической игры.

Что касается внешнеполитической ситуации, то вопрос о размещении ПРО выявил ряд дополнительных аспектов. Тенденция регионализации мировой политики проявляется через укрепление самостоятельного статуса ЕС. В этом статусе Евросоюз ориентирован на поиск сбалансированных отношений не только с США, но и с Россией. Смена правительств в Германии и Франции притормозила, но не отменила эту тенденцию, равно как и тенденцию дистанцирования от политики США в Ираке. Более того, данная тенденция укрепляется в странах, выступавших верными союзниками США. ЧР и Польша, казалось бы, самостоятельно принимающие решение о размещении ПРО, в этом плане уже вызывают

некое отчуждение. Выборы 2008 года в США резко обостряют некоторые тенденции их внешней политики. Республиканцам нужна победа любой ценой, включая внешнеполитические авантюры. Для ЕС этот путь неприемлем, и Чехия вряд ли выступит как некая Грузия, вольно или невольно выражающая сверхпретензии к России, прикрываясь лозунгами о свободном выборе во внешней политике, приверженности демократии и т. д.

Ситуация во внешней политике крайне переменчива, однако позиция о размещении ПРО чревата скорее издержками, чем приобретением в плане интеграции в структуры ЕС. Не способствует она и внутривнутриполитической стабильности страны, поскольку, как и в случае «бархатного» развода, большинство населения, судя по опросам, выступает против решения, навязываемого ему элитой. К примеру, трудно определить позицию политиков по отношению к ПРО: известно, что размещение этих элементов вызывает неприятие общества, но редко какая из партий берет на себя миссию канализации этих протестных настроений.

В целом внешняя политика Чехии, а через нее и внутренняя оказалась куда более зависимой от ее статуса нахождения между Россией и Европой (вариант Т. Г. Масарика), который трансформировался в более усложненную структуру (США — Россия — Европа), чем это казалось при образовании независимого государства, однозначно определившего свой европейский выбор.

Если внутривнутриполитическая ситуация в Чехии обозначилась на исходе выборов 2006 г. своей принципиальной неопределенностью, то в Словакии наблюдается обратное: кажущаяся неопределенность, которая связана с сотрудничеством в рамках коалиции разнонаправленных партий даже с риском столкновения между ними.

Комплексный анализ политической деятельности Р. Фицо в качестве премьера показывает ряд особенностей, свидетельствующих о преемственности его курса с курсом Мечьяра. Однако это «Мечьяр» без крайностей, вызывавших критику, а то и озлобление со стороны внутренних и особенно внешних противников. Премьер-министр склонен принимать и непопулярные решения, а экономический курс, характеризуясь прагматизмом, ориентирован на уход от форсированных приватизации и реприватизации, от чрезмерностей патернализма и крайнего либерализма, которые приходились на время Мечьяра и Дзуринды. Характерно, что они связывались в сознании электората с чрезвычайно высоким уровнем коррупции, что сближало их носителей.

Фицо досталась СР в состоянии экономического роста с довольно большой тенью коррупции, которая неизбежна в различных «складках» рыхлой коалиции. Он поставил задачу укоротить эту тень и, как ни странно, ее решению при наличии коалиции партий с конфликтными идеологическими позициями, а не партий, находящихся в состоянии соглашения, это благоприятствует. И все же делать прогнозы относительно возможности полного устранения коррупции довольно рискованно — это та болезнь, которая, как показывает опыт преобразований в странах Центральной Европы, может прийти неожиданно и к каждому. Тоньше регулирует Фицо и проблемы, связанные с национальными меньшинствами, не делает резких заявлений, поэтому грехи, главным образом мнимые, которые навешивались на Мечьяра, к нему не пристаю. Дебаты с оппозицией, в первую очередь с Дзуриндой (надо отдать должное этому политику, которому приходилось решать не только непростые задачи в рамках рыхлой коалиции, но и предпринимать шаги по удержанию от распада ее самой), приобрели крайне жесткий характер. Но складывается впечатление, что принципиальная позиция Фицо на левом фланге формирует четче и правый фланг, а Словакия сделала более значимый шаг к биполярной конфигурации, чем Чехия к стандартам западной политической жизни. Во многом это произошло благодаря Фицо, которому удалось дистанцироваться и от популизма Мечьяра, и от демократического по видимости, но зачастую бесплодного политиканства Дзуринды.

Во внешнеполитических предпочтениях Р.Фицо по ряду направлений сохраняет линию Мечьяра. Курс его кабинета характеризуется постоянством связей с РФ с акцентом на экономических контактах с другими странами. Примечателен в этом плане последний визит Фицо в Москву — и сразу же вслед за ним поездка спикера словацкого парламента в Германию. Фицо со всей определенностью высказывал свое негативное отношение к размещению ПРО в Чехии и даже пошел на такой экзотический для Центральной Европы политический шаг, как контакты с президентом Белоруссии А. Лукашенко. Но все это он делает с должным дипломатическим мастерством и нападок в своей адрес, как Мечьяр, не вызывает, а линия на укрепление связей с ЕС и НАТО остается для него приоритетной.

Прежде чем сформулировать из вышеизложенного анализа общий вывод, уместно обратиться к некоторым итогам взаимного оценивания 15-летнего периода существования двух отдельных стран их гражданами —

на материалах совместного чехо-словацкого опроса общественного мнения. «Вархатный» развод в 1993 году привел к тому, что чехи и словаки в своем восприятии жизни стали намного ближе, чем 15 лет назад, — таков общий вывод исследования. При этом ни те, ни другие не разделяют идеи воссоединения государств и считают распад ЧСФР верным. Оба народа похоже воспринимают понятие демократии, которая означает для них свободу, уважение социальных прав, приличный уровень жизни и равенство граждан перед законом. Но если в первые годы для большинства чехов и словаков понятие «свобода» отождествлялось с возможностью выезда на Запад, затем это значило «жить и работать на Западе», то сейчас — «жить и работать, как на Западе». Если политики и политологи полагают, что демократия в Чехии и Словакии имеет стабильный характер, у рядовых граждан этих государств тут иное мнение: 64% опрошенных считают доморощенную демократию до сих пор хрупкой и ранимой. А широковещательным декларациям своих политиков доверяет всего 25% населения обеих стран. Чехи активнее в региональной политике и больше акцентируют внимание на органах самоуправления, словаков же больше волнуют вопросы уровня жизни и занятости трудоспособного населения. Так, жизненный уровень и социальные гарантии волнуют 77% словаков и всего 30% чехов. В 1994 году 40% чехов были оптимистами, а 10 лет спустя их осталось всего 24%. Словаки, хотя их считают самыми большими пессимистами в Европе, на свой менее высокий уровень жизни по сравнению с чехами смотрят более стабильно: число оптимистов по-прежнему 27%. Иными словами, упомянутое исследование зафиксировало интересный момент в плане общественных настроений: чехам предстоит переоценить свое мнение о национальной предопределенности к демократии и лидерстве в осуществлении реформ на фоне словаков; оно доминировало слишком долго и моменты его расхождения с действительным положением дел часто игнорировались⁵¹.

Сегодня общим для Чехии и Словакии является одно — показатели политической жизнедеятельности этих стран из-за неопределенности партий, стоящих на полярных позициях, пока еще явно не вписываются в стандарты стран Западной Европы, что касается и других стран региона. И в этом плане анализ процессов, происходящих в самом центре Центральной Европы, приобретает первостепенный интерес для более общих исследовательских и политических прогнозов. В конце 1990-х годов автором данной главы был сделан вывод о том, что политическая жизнь стран данного региона — сначала северного, а в будущем и южного субрегионов — входит в общецивилизационное русло и приобретает при-

знаки стабильности. Был обоснован принцип маятника, в соответствии с которым партии левой и правой ориентации постоянно сменяют одна другую у власти, что является «показателем известной зрелости политических отношений и в страновом, и в региональном аспекте»⁵². Есть основания утверждать, что этот принцип реализуется, хотя и гораздо медленнее, чем предполагалось. Парадоксальным является то, что первой более четко приблизилась к нему как раз Словакия. Но он, на наш взгляд, будет доминировать и в Чехии, когда там разрешится ситуация клинча между двумя ведущими политическими партиями.

Завершить настоящее исследование можно утверждением, что по ряду параметров, особенно внешнеполитических, Словакия занимает более взвешенные позиции, чем Чехия, которая сосредоточена пока что в основном на стабилизации своей внутренней политики. Но преодоление и этих не совсем, конечно, конструктивных особенностей — задача обозримого будущего, ибо заявленный нами еще в 1993 году⁵³ тезис — зачем было разъединяться? — и тогда не потеряет своей актуальности.

Примечания

¹ См.: *Задорожник Э. Г.* Любовью или железом достигается единение общества? // Вестник Российской Академии наук. 1993. Т. 63. № 12. С. 1103—1109; *Задорожник Э. Г., Харциева Г. Ю.* Алгоритм распада // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М. 1994. С. 137—161.

² Подробнее см.: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005. Т. 2. С. 332—429.

³ Подробнее см.: *Задорожник Э. Г.* Место встречи — Словакия // Год планеты. 2005. М., 2005. С. 399—405.

⁴ *Lidové noviny*. 2003. 10.VI.

⁵ *Mladá fronta dnes*. 2003. 4.X.

⁶ <http://www.radio.cz/statja/78885>.

⁷ <http://www.volby-2006.cz/clanek.php?cl=115>.

⁸ <http://www.radio.cz/statja/80111>.

⁹ <http://www.radio.cz/statja/81630>.

¹⁰ <http://www.radio.cz/radio.cz/statja/86597>.

¹¹ http://www.ceskenoviny.cz/volby/index_view.php?id=261565.

¹² <http://www.radio.cz/ru/novosti/90869>.

¹³ Согласно процедуре выборов, в первом и втором турах голоса депутатов и сенаторов считаются отдельно, а в третьем туре — вместе. Для победы достаточно набрать 141 голос из 281 (всего в парламенте 200 депутатов и 81 сенатор). Если же

в третьем туре не удастся выбрать нового президента, тогда вся процедура повторяется с самого начала. При этом кандидаты могут оставаться те же, но не исключается выдвижение и других претендентов.

¹⁴ См.: <http://www.radio.cz/ru/novosti/100619>.

¹⁵ См.: <http://www.radio.cz/ru/novosti/100659>.

¹⁶ См.: <http://www.radio.cz/ru/novosti/100354>.

¹⁷ Подробнее см.: <http://www.integrace.cz/integrace/kalendarium.asp?id=2005>.

¹⁸ Подробнее см.: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории... С. 394—429; Slovensko 2005. Súhrnná správa o stave spoločnosti. Eds. M. Kollár, G. Mesežnikov, M. Butora. Bratislava, 2006; см. также электронную версию коллективного труда словацких авторов на русском языке: Опыт демократических преобразований Словакии. Под ред. М. Буторы, Г. Месежникова, М. Коллара. Братислава, 2007. Сайт <http://www.ivo.sk>.

¹⁹ Slovensko 2005... S. 31—32.

²⁰ См.: Fico R. Niet smeru okrem Smeru? // Slovo. 2004. 10.XI.

²¹ <http://www.slovakradio.sk/inetportal/rsi/core.php?page=showsprava&id=273&lang=5>.

²² См.: Slovensko 2005... S. 65.

²³ Ibid. S. 65, 68.

²⁴ Ibid. S. 61—62.

²⁵ Ibid. S. 61.

²⁶ Ibid. S. 63.

²⁷ <http://www.slovakradio.sk/inetportal/rsi/core.php?page=showsprava&id=451&lang=5>.

²⁸ Daily news. 2006. 28.I.

²⁹ Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005. Т. 2. С. 418.

³⁰ Daily news. 2006. 16.II.

³¹ Pravda. 2006. 24 III.

³² Ibid. 2006. 14. IV.

³³ <http://www.slovakradio.sk/inetportal/rsi/core.php?page=showsprava&id=2287&lang=5>.

³⁴ <http://www.slovakradio.sk/inetportal/rsi/core.php?page=showsprava&id=2146&lang=5>.

³⁵ <http://www.cevro.cz/cs/cevrorevue/aktualni-cislo-on-line/2006/6-7/67618-volebni-ka...>

³⁶ <http://www.slovakradio.sk/inetportal/rsi/core.php?page=showsprava&id=2596&lang=5>.

³⁷ <http://www.slovakradio.sk/inetportal/rsi/core.php?page=showsprava&id=2517&lang=5>.

³⁸ [15. 06. 2006, 15:48:06].

³⁹ <http://www.volby-2006.cz/clanek.php?cl=135ю>

⁴⁰ http://www.sme.sk/rubrika-20060619-smeprint_v06.html; см. также: Hynčica P. Volby 2006 a zména vlády na Slovensku // Politologická revue. 2007. а 1. S. 130—133.

⁴¹ Месежников Г. // Televízna stanica TA 3. Správy. 2007. 17.02.

⁴² Ibidem.

⁴³ http://spravy.pravda.sk/le-figaro-slovensky-tiger-je-unaveny-ds0-/sk_domace.asp?c=A060616_134749_sk_domace_p23.

⁴⁴ <http://www.slovakradio.sk/inetportal/rsi/core.php?page=showsprava&id=4197&lang=5>.

⁴⁵ <http://www.slovakradio.sk/inetportal/rsi/core.php?page=showsprava&id=4414&lang=5>.

⁴⁶ <http://www.slovakradio.sk/inetportal/rsi/core.php?page=showsprava&id=5694&lang=5>.

⁴⁷ См.: http://www.strana-smer.sk/index.php?id=zahranicna_politika&clanok=robert_fico_reaguje_na_vyhlasenie...

⁴⁸ <http://www.slovakradio.sk/inetportal/rsi/core.php?page=showsprava&id=6675&lang=5>.

⁴⁹ <http://www.slovakradio.sk/inetportal/rsi/core.php?page=showsprava&id=6772&lang=5>.

⁵⁰ http://www.strana-smer.sk/index.php?id=ekonomika0&clanok=rozpocet_na_rok_2008_plni_kriteria_pre_euro_aj_socialny_program_vlady.

⁵¹ <http://www.slovakradio.sk/inetportal/rsi/core.php?page=showsprava&id=4988&lang=5>.

⁵² См.: *Задорожнюк Э. Г.* Социал-демократия в Центральной Европе. М., 2000. С. 5, 86; *Она же.* Становление новых региональных идентичностей в Европе: итоги первого десятилетия (1989—1999 гг.) и перспективы // *Россия. Планетарные процессы.* С.—Пб., 2002. С. 507.

⁵³ *Задорожнюк Э. Г.* Любовью или железом достигается единение общества... С. 1103—1109.

Глава V

Историк и историческая наука в переходный период развития общества (По материалам чешского журнала «Soudobé dějiny» 90-х годов XX века)

События ноября 1989 г. в Чехословацкой социалистической республике (ЧССР)¹, приведшие к краху коммунистического режима, распаду в 1993 г. единого государства чехов и словаков и возникновению на его месте Чешской и Словацкой Республик, положили начало переходному периоду в их развитии. Переходного от чего к чему? Ответ может быть разным: «от социализма (социализма ли?) советского образца к капитализму современного вида» или «от порядком одряхлевшего тоталитаризма (точнее авторитаризма) к демократии, поначалу весьма несовершенной и в силу молодости агрессивной». Стали осуществляться масштабные политические и социально-экономические преобразования, приведшие к глубоким качественным сдвигам в обществе, брожение в котором не прекращалось на протяжении всего последнего десятилетия прошлого века². Настало время решительной переоценки ценностей и пересмотра ориентиров, которыми люди жили в период коммунистического режима. Эйфория по поводу победы над изжившим себя режимом и возврата к демократическим, традиционным для чешского общества ценностям была особенно заметна в начале 90-х годов, а затем в связи с возникшими, прежде всего в экономической сфере, трудностями начался ее постепенный спад. Явственнее обозначились характерные для чешского менталитета рационализм и осторожность, чем, впрочем, не в последнюю очередь, объяснялось и то, что страна одной из последних присоединилась к череде демократических преобразований 1989 г. в Центральной и Юго-Восточной Европе. Следует, например, отметить, что в ноябре 1989 г. согласно опросу общественного мнения 47% респондентов отдали предпочтение строю, сочетающему в себе преимущества социализма и капитализма. Почти столько же высказались в пользу социалистического выбора, и лишь 5% предпочитали капиталистический путь развития. Уже через несколько лет после смены власти большинство населения осознало, что за продвижение по этому пути надо платить и платить немало, идя на самоограни-

чение, отказываясь от ставших уже привычными социальных благ, зачастую принося в жертву собственное благополучие и мирясь со снижением жизненного уровня. «Затягивание поясов» многим пришлось не по вкусу. В конце 1993 г. только треть чешских респондентов положительно оценивала процесс общественных трансформаций. Усиливались, особенно с 1996 г., скептицизм и критическое отношение к «новой реальности», ностальгические представления о преимуществах прежней общественной системы, что сказалось на укреплении позиций партий социалистической и модифицировано-коммунистической ориентации. Политический и экономический кризис 1997 г. привел к тому, что сомнения в правильности стратегии трансформации приобрели массовый характер. В 1999 г. большинство опрошенных считало, что общество движется «скорее в неправильном, чем в правильном направлении», рассеивались далеко идущие ожидания прежних лет, связанные с интеграцией Чехии в Европу. «Незаконное и аморальное экономическое поведение периода неоллиберальной модернизации, как и порожденные ею крайние формы экономической и социальной дифференциации, решительно осуждались чехами. Они позитивно оценивали полученную, наконец, возможность открыто выражать свои взгляды, путешествовать, но растущее недовольство вызывало состояние сферы труда и занятости, а особенно утеря социальных гарантий и чувства безопасности»³.

Серьезные изменения в 90-е годы произошли и в области культуры. Российский культуролог Г. П. Мельников пишет, что в это время «была разрушена система старых культурных институций, восторжествовал принцип свободы творчества, в широкий культурный оборот поступила масса “задержанной”, ранее запрещенной культурной продукции и потребовалось время на ее освоение и осмысление, к руководству сферой культуры пришли бывшие диссиденты, начался резкий наплыв западной масс-культуры»⁴. Примерно такие же процессы были характерны в первое постсоциалистическое десятилетие и для чешской исторической науки, одной из важнейших сфер культурной жизни чешского общества. Все перипетии его движения по пути к сокрушению старой и созданию новой общественной системы, несомненно, находили отражение в историографии, влияя как на методологию, так и тематику исследований. Следует учитывать и внешнеполитический фактор: после 1989 г. Чехословакия (Чешская Республика) резко повернулась спиной к Востоку, новой России, и лицом к Западу, стремясь как можно скорее стать его частью. Естественно, усилилось влияние представителей западных исторических школ и на чеш-

скую историческую науку. В то время, как обмен исторической литературой с Россией почти прекратился, а общение российских и чешских историков практически свелось к нулю (особенно это относится к первой половине 90-х годов), в Чешскую Республику хлынул поток западной исторической продукции, чрезвычайно расширились контакты с историками Германии, Франции, Англии, США и т. д. Говоря о роли государственной политики в формировании национальной истории, российский историк, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова Н. Б. Селунская пишет: «Характерно, что процесс развития национальных исторических концепций в странах Восточной Европы во многом определяется устремленностью восточноевропейских политических элит на Запад, их стремлением вписаться в “систему западных ценностей”, как следствие, “реформировать” свои взгляды на национальную историю в этом направлении»⁵. О модном «нынче поголовном устремлении в “Европу” наших средневропейских и балканских соседей — не только в политике, но и в «чистой» сфере исторической науки» писал и российский историк Т. М. Исламов⁶. С этими утверждениями нельзя не согласиться. Следует учитывать, что демонтаж существовавшей в этих странах модели социализма, экспортированной и защищавшейся Советским Союзом, сопровождался массовым протестом, направленным не только против «своих» властей, но и против России, против «русских». «Во многих славянских странах, — писал В. К. Волков, тогда директор Института славяноведения РАН, — отношение к России стало своего рода орудием во внутривнутриполитической борьбе. Такая борьба нередко служила питательной почвой для распространения русофобии»⁷.

Теория и методология

В чешской историографии 90-х годов стали нарастать новые тенденции⁸, явно обозначились попытки поиска отличных от старых методологических подходов к изучению и освещению истории как национальной, так и всеобщей. Начался процесс широкой и многоплановой трансформации в выборе проблематики исследований, их содержании, в методах анализа, во всей системе научного инструментария. Перед чешским историческим сообществом, как, впрочем, в этот период и перед российским, польским, венгерским, болгарским и т. д., встала дилемма: полный разрыв с прошлым в области метода, способа исследования исторической действительности или континуитет, преемственность. Каждый из историков решал это вопрос по-своему, но для начала 90-х годов характерным стало полное отрицание прошлых методологических подходов,

точнее марксистских схем и однолинейного взгляда на историю. В начале 1990-х годов критика официальной марксистской историографии как в СССР, так и в странах бывшего советского блока, была сосредоточена на наиболее очевидных ее «грехах». В. К. Волков выделил шесть таких направлений, хотя, как он полагал, этот список при желании можно было бы и расширить. Этой историографии ставилось в вину, во-первых, то, что она призвана была поставлять «историческую аргументацию и факты для обоснования легитимности существующих коммунистических режимов», когда преобладала «нацеленность на изучение исторического процесса почти исключительно сквозь призму упрощенно понимаемых социально-экономических факторов и классового анализа», когда особое внимание уделялось «прославлению революций и революционных потрясений». Во вторых, нигилистическое отношение к исследованию многих других проблем, в частности, истории религий, значения интеллигенции, роли культуры в широком смысле слова и пр. В-третьих, особо идеологизированный подход к событиям, процессам и деятелям предшествующего периода капиталистического развития, их оценка с партийно-прагматических позиций, «под углом зрения неизбежности пролетарских революций и установления диктатуры пролетариата». В-четвертых, апологетика деятельности радикально-экстремистских групп и течений в рабочем движении», а затем — апологетика «коммунистических режимов, история которых изображалась как непрерывная цепь побед и достижений». В-пятых, нигилистическое отношение «к национальным ценностям и интересам». В-шестых, деперсонификация исторического процесса⁹. Критическое отношение к прошлому подвигло ученых обратиться к исследованию таких вызывавших всеобщий интерес проблем новейшей истории, как приход коммунистов к власти, становление и развитие коммунистических режимов, их репрессивная политика, внутренние кризисы, конфликты внутри «социалистического лагеря», оценка роли многих видных в прошлом политических деятелей, заклеянных в прежней историографии как предатели, реакционеры и т. д.¹⁰

Однако новых методологических подходов еще выработано не было: историческое сообщество находилось в состоянии поисков и растерянности. «Историческую науку в посткоммунистических странах, — пишет чешский историк П. Коларж, — можно описать разными метафорами: например, как зверя, который много лет содержался в клетке, где его скромно, но регулярно кормили, и где он покорно ходил из угла в угол. Когда же прутья клетки, наконец, сломались, зверь пришел в замеша-

тельство и не знал, в каком направлении двигаться»¹¹. «Зверь», продолжим сравнения Коларжа, не только пришел в замешательство, но и разъярился, решив отомстить за то, что его долго держали в клетке, лишив свободы. А посему начал огрызаться и рычать: нередки стали попытки переписать прошлое, просто поменяв плюсы на минусы; научный плюрализм стал граничить с хаосом, скоропалительные оценки и интерпретации часто основывались на примитивном принципе «от обратного».

Именно в это время французский писатель испанского происхождения Хорхе Семпрун в своем интервью «Литературной газете» (15.05.1991) на замечание корреспондента: «интеллигенты всегда грешили тем, что создавали умозрительные схемы и стремились подогнать под них жизнь», ответил: «прошлое — такая вещь, которую надо менять очень и очень осторожно». Но «осторожно» в эйфории «революционного восторга» начала 1990-х годов не получалось. Верх брала публицистика, активно формировавшая общественное мнение и сама питавшаяся настроениями общества. От нее вряд ли можно было требовать объективности, взвешенности суждений: выводы зачастую делались на основе отдельных, «выдернутых» из истории примеров. Обозначились попытки поиска «врагов» в исторической науке, сбора «компромата» на ученых. Делалось это сравнительно просто: извлекались цитаты из далекого прошлого и сопоставлялись с современными высказываниями человека, что создавало образ эдакого флюгера в исторической науке. Нет спора: были и такие. Но при указанном подходе, во-первых, не учитывалась вся фактическая деятельность ученого, во-вторых, естественная и закономерная эволюция его взглядов, в частности под влиянием появления множества новых документов (что было характерно для начала 1990-х годов), зачастую кардинально менявших нередко представления о тех или иных исторических событиях, процессах, лицах. Огульное отрицание достижений в историографии 1970—1980-х годов приводило к тому, что «под одну гребенку» подравнивались и «флюгеры» и серьезные исследователи, а таких было немало. В попытках «реформировать» историческую науку, как и в стремлении перестроить все общество, прерывание связи времен чревато негативными последствиями. «Манкуртизм» - отсутствие элементарного уважения к своему историческому прошлому, а в историографии — к своим предшественникам, несомненно, достоин осуждения.

Во второй половине 1990-х годов положение в исторической науке стало меняться к лучшему. Институт восточной и юго-восточной Европы в Вене на переломе веков провел конференцию, на которой были подве-

дены некоторые итоги развития историографии в странах этого региона после падения коммунистических режимов. Рассматривались такие вопросы, как институциональное, методологическое, тематическое развитие исторической науки; отрицание и преемственность в ней; взаимоотношение политики и истории в постреволюционный период и др.¹² Положению дел в историографии стран бывшего советского блока сейчас уделяют внимание многие научные западноевропейские центры. В частности, анализом коммунистического прошлого этих стран занимается Центральный институт восточноевропейских исследований Католического университета в Айхштетте (ФРГ). В Интернете на сайте указанного института появился русскоязычный журнал «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры»¹³, издание которого тесно связано с выходящим с 1997 г. на немецком языке одноименным журналом. «Форум» предоставляет возможность российским и другим восточноевропейским ученым более активно включиться в западноевропейские дебаты на такие темы, как «коммунизм», «тоталитаризм», участвовать в дискуссиях об особенностях исторического и культурного развития стран бывшего «социалистического лагеря». На страницах журнала выступают не только историки, но и философы, политологи, правоведы, экономисты и т. д.¹⁴

Представляется, — хотя это возможно связано с недостаточным знанием автором чешской исторической продукции, — что чешской историографии, как части мировой исторической науки, в рассматриваемый период удалось избежать явления, названного академиком А. О. Чубарьяном «постмодернистской атакой на историю». Раскрывая суть этого явления, профессор Н. Б. Селунская пишет: «Проявление критически-нигилистического отношения к основным направлениям методологии истории XX века — позитивизму, марксизму, структурализму — историческое общество называет “постмодернистским вызовом”»¹⁵. Ранее в исторической науке понятия «модернизм» не существовало. Представители постмодернизма подразумевают под ним все предшествующие направления методологии истории, связанные, прежде всего, с научной историей. Они противопоставляют историографию, также как и искусство и литературу, науке, абсолютизируя эстетическую функцию истории и отождествляя историческое исследование с литературным произведением¹⁶. На первый план выдвигается значимость языка, литературоведческого анализа, что в области методологии означает игнорирование различий между историей и литературой¹⁷. В исторических произведениях постмодернистского плана, имеющих форму рассказа о событиях и носящих

повествовательный характер, исторический факт соседствует, сочетается с художественным вымыслом и саморефлексией автора, что делает интересным и увлекательным чтение таких работ, но не имеет ничего общего с научной историей.

Американский культуролог Хэйдэн Уайт утверждает, что между текстами писателей и историков нет существенной разницы. «Клио тоже сочиняет» — так озаглавлено немецкое издание его работ¹⁸. С этим отчасти можно согласиться, так как лакуны, неясные, непонятные для исследователя места в изучаемом прошлом зачастую заполняются в исторических работах логическими рассуждениями или гипотезами автора. В то же время увлечение постмодернистской методологией в условиях рыночной экономики может способствовать превращению истории как науки в отрасль интеллектуально-развлекательной продукции, в отрасль шоу-бизнеса. «Рынок, — пишет один из российских исследователей, — оставляет истории прежде всего функцию развлечения публики... История уже давно не учит жизни; а только помогает сделать ее приятной... В нынешнем обществе “мы” уже не определяемся общностью нашего прошлого. Хорошо это или нет, но “мы” определяемся общностью опыта потребления». Более того, в эпоху глобализации, — по мнению того же автора, — история не только не нужна — она мешает. «Национальная история (и даже ее отдельные сколки) опасны, поскольку они строятся на застарелых претензиях к “другим” и восхвалении собственных исключительных достоинств». В потребительском обществе надобность в «жрецах Клио» будет постоянно сокращаться. Научная история окажется востребованной лишь «кастой знатоков», членов «своего рода закрытого международного клуба»¹⁹.

Но пока, как представляется, большинству профессиональных историков, такие рассуждения не свойственны. И прав Президент Международного Комитета исторических наук профессор Юрген Кока (ФРГ), который полагает, что с позицией представителей постмодернизма нельзя согласиться, что историки, занимающиеся эмпирической наукой и ставящие в центр своего внимания источники и их критическое исследование, работают иначе, чем авторы художественной литературы²⁰. Это мнение разделяет и профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета Н. И. Смоленский, считающий что «тезис об историографии как разновидности художественного жанра имеет мало общего с подлинной природой исторического познания»²¹.

Автор данной статьи относит себя к представителям научной истории. И, насколько ему известно, большинство чешских историков, занимающихся проблемами новейшей истории, несмотря на «социальный стресс», который испытало общество в конце XX века, не поддались пока натиску постмодернизма и опираются в своей профессиональной деятельности на конкретно-исторический анализ, изучение фактического и документального материала, компаративистику. Подтверждением этого является то внимание, которое в прошедшее десятилетие и сейчас в Чешской Республике уделяется выявлению и публикации новых документов, обнаруженных в национальных и зарубежных архивах. Историзм, конкретно-исторический подход к изучению прошлого — отличительная черта профессионального историка — основывается на нескольких принципах: во-первых, признании как отличия прошлого от настоящего, так и их преемственности; во-вторых, согласии с тем, что исследуемое событие, явление не может быть рассмотрено и понято в отрыве от окружающей обстановки, вне исторического контекста (особенно это относится к высказываниям видных общественных и политических деятелей, их поведению, принимаемым ими решениям); в-третьих, понимании истории как процесса; наконец, отказе от пренебрежения к деталям, казалось бы, несущественным мелочам: история — это следствие многих взаимоперекрещивающихся усилий, стремлений, что нередко приводит к никем не ожидаемому результату. Только из мелких и мельчайших подробностей можно сложить более или менее полную объективную картину прошлого события, явления.

Но, что касается методологии истории, то автор согласен с Н. Б. Селунской, утверждающей, что этот предмет всегда «по факту и смыслу» был сложен для определения и что «все создаваемое в области метода имеет лишь временный характер, ибо методы меняются по мере развития науки»²². В историографии коммунистического периода, в том числе и чехословацкой, упор делался на изучении производительных сил, классово-вой борьбы, которая считалась стержнем и движущей силой исторического процесса, главным был формационный подход. Согласно ему история развивалась по социально-экономическим формациям: первобытное общество — рабовладельческий строй — феодализм — капитализм — коммунизм со своей первой стадией социализмом и его высшей формой развитым социализмом. Формационная концепция, на первый взгляд простая и убедительная, не смогла, как не сможет и любая другая, «стать магической палочкой-выручалочкой для решения всех сложных и проти-

воречивых проблем исторического процесса. Множество их оставалось за бортом исследований. К тому же за многочисленными схемами забывался человек, хотя он и провозглашался творцом истории»²³. На смену формационному пришел цивилизационный подход, сторонники которого пытаются объяснить «ход исторического процесса сменой цивилизационных эпох и парадигм». Однако и с этой концепцией измерения исторического процесса, по мнению А. О. Чубарьяна, не все так просто и понятно, поскольку существует множество толкований термина «цивилизация»²⁴. У В. К. Волкова, например, за этим термином скрывается «консолидация народов и государств в общности определенного культурно-исторического типа», но каковы взаимоотношения между этими цивилизациями и внутри них, неясно²⁵. Своих противников находит и полное отрицание значимости марксистской методологии. Российский ученый Б. Г. Могильницкий (Томск), признавая и раскрывая «ограничения, накладывавшиеся марксистско-ленинским учением на отечественную науку советского периода, ...последовательно отвергает попытки отказать марксизму в праве занимать свое место в теоретическом арсенале обществознания». Считая важным видеть разные региональные и национальные направления и школы марксистской исторической науки, он полагает, что в XX веке развивались не только советская и восточноевропейская, но также различные западноевропейские марксистские школы, что между восточной и западными школами существовали и углублялись принципиальные различия, и недостатки одной из школ, в первую очередь советской, не могут автоматически переноситься на всю марксистскую историографию XX века в целом, видным представителям которой удалось занять значимые места в мировой исторической науке²⁶. Так что поиски методологического ключа или ключей к пониманию, освещению, толкованию истории в ближайшее или отдаленное время, несомненно, будут продолжены, и здесь, видимо, необходимо объединение усилий ученых-обществоведов различных отраслей знания: историков, философов, социологов, политологов.

Учитывая все вышесказанное, перейду к собственному, авторскому видению работы историка и его положения в обществе. Возможно, это кому-то покажется банальным, общеизвестным, а кто-то не согласится с этим, но утверждаю: каждое поколение хочет видеть историю своими глазами или, что то же самое, историк — дитя своего времени и общества, которое поручило (доверило) ему изучать прошлое. Значит ли это, что все историки одного поколения, занимающиеся конкретной исторической

проблемой, на одно лицо? Что касается тоталитарного советского или авторитарного чехословацкого обществ, то тут с натяжкой можно ответить утвердительно, поскольку все они руководствовались единой марксистско-ленинской методологией и исходили из единого понимания исторического процесса как смены социально-экономических формаций. Выводы и оценки как бы были известны заранее. Различие состояло в наборе фактического материала, подгоняемого под существующую формулу (если коммунистическая партия, то авангард рабочего класса и руководящая сила общества; если рабочий класс, то движущая сила истории; если крестьянство, то союзник рабочего класса в революции; если интеллигенция, то прослойка; если буржуазия, то классовый враг и т. д.), и в большем или меньшем количестве цитат из произведений классиков марксизма-ленинизма. Но и тут, конечно, нельзя сбрасывать со счетов уровень профессионализма и добросовестности отдельных исполнителей, стремившихся ввести в научный оборот как можно больше конкретно-исторического материала, зачастую весьма противоречивого, что фактически приводило к выходу за рамки утвердившихся «марксистско-ленинских постулатов». Такие попытки были особенно характерны для историков-шестидесятников как в СССР, так и в странах советского блока, в том числе и в Чехословакии, и кончались они, эти попытки, как правило, победой власть предержащих. В подтверждение сказанного тут можно вспомнить то, что произошло с известными советскими историками П. В. Волобуевым и В. П. Даниловым, первый из которых занимался историей российского рабочего класса, а второй — крестьянства. Подвергнутые в конце 60-х — начале 70-х годов XX века резкой критике и ostrакизму за попытки, опираясь на широкую документальную базу высказать свои соображения, отличавшиеся от принятых в официальной исторической науке «формул», они были отстранены от занимаемых должностей, и вынужденно отказались от указанной тематики. Некоторым из таких, не вписывавшихся в общепринятые рамки, историков, как, например, А. Некрич, который предложил свою версию событий 1941 года, с точки зрения сегодняшнего дня не содержащую никакой крамолы, пришлось эмигрировать. Весьма печальной оказалась участь историков-шестидесятников и в Чехословакии. Лишенные властями после 1968 года права заниматься историей многие из них либо зарабатывали себе на жизнь неквалифицированным физическим трудом, либо эмигрировали, либо, отводя душу, работали в «ящик письменного стола» в надежде, что когда-нибудь их труды увидят свет²⁷. Об одном из них, чешском историке Виле-

ме Пречане, основателе пражского Института современной истории Академии Наук Чешской Республики и журнала «Soudobé dějiny» («Современная история») пойдет речь далее.

Что касается демократических государств или намеренных идти по этому пути, то тут дело обстоит иначе. Единой обязательной для всех исследователей прошлого методологии не существует. Каждый в этом плане сам себе хозяин. Однако, по сути, это не означает безграничной свободы выражения своего мнения и оценок прошлого, хотя порой внешне выглядит именно так. Заказчиком выступает теперь уже демократическое (либо псевдодемократическое) государство и общество, которое представлено множеством социальных слоев, групп, политических партий, общественных организаций, идейно-политических течений. И каждое из них хочет иметь выразителя своих интересов в среде историков, не без основания полагая, что тем самым можно укрепить свое положение в обществе. От историка тут, пожалуй, требуется лишь одно: не подрывать устои государства, не наносить ему вред, хотя и оно, это требование, не всегда соблюдается, поскольку интересы различных общественных сил нередко вступают в противоречие друг с другом.

Упреки в адрес историков в искажении истины, в тенденциозном освещении прошлого не лишены оснований. Воздействие политики на освещение исторических событий несомненно, и, кажется, всеми уже признано. Достаточно сослаться на размышления М. Горького в пору, когда он еще был настроен критически по отношению к большевикам: «...Общественные науки — история, право, политическая экономия — несвободны от влияния времени, страны, класса и легко поддаются тем или иным внушениям политической жизни...»²⁸ История действительно одна из самых (если не самая) политизированных общественных наук. Нельзя не согласиться с упомянутым выше Вилемом Пречаном, который пишет, что прошлое «является полем битвы современников, которые свои проблемы рядят в исторические костюмы», и что «в отношении современников к прошлому в силу всегда вступают их теперешние интересы — идет ли речь об отдельных людях, группах или слоях, политических партиях либо властном истеблишменте». И это, считает В. Пречан, — «не всегда политические или материальные интересы либо политический конъюнктурализм. Это, например, нежелание неприятной саморефлексии, опасения угрозы существования или просто подрыва репутации, склонность к идеологизированному видению мира, чрезмерные амбиции, попытки компенсировать подавленную вину, а зачастую простая человеческая глупость,

незнание, злоба»²⁹. Историк — живой человек со всеми присущими ему слабостями, и все вышеперечисленное может оказывать влияние на его позиции, взгляды, оценки. Задача же добросовестного и высокопрофессионального историка, на наш взгляд, состоит в том, чтобы стремиться ввести в научный оборот и объяснить все известные ему на основании источников и часто весьма противоречивые факты, относящиеся к рассматриваемой проблеме, с целью максимальной объективности отражения исторического процесса. «Положение исторической науки противоречно, — считает академик Ю. А. Поляков. — Она обладает огромной доказательностью, опираясь на подлинные неоспоримые документы. С другой стороны, она уязвима для искажений и фальсификаций. При таком многообразии русел и факторов, из которых складывается исторический процесс, легко выделить одно из русел или гипертрофировать его роль, оставляя в тени другие, умаляя их значение, замалчивая их взаимосвязи и взаимодействия»³⁰. Стремление к честному и правдивому, адекватному отображению всего богатства и многообразия исторического процесса — основная цель каждого уважающего себя и достойного уважения общества историка.

И еще следует отметить вот что: историк, как в тоталитарном, так и в демократическом обществах, даже на протяжении одного поколения может либо уточнять, либо менять свои оценки и взгляды. И это понятно: ведь появляются новые обстоятельства и факты, заставляющие вольно или невольно по иному взглянуть на описываемые события, открываются новые, ранее неизвестные документы, зачастую переворачивающие представления исследователя о прошлом. Это движение исторической мысли, менее показательное в тоталитарных и более в демократических обществах, ведет к нарушению абсолютного или относительного застоя в исторической науке. Интересен такой факт, характерный для американской историографии и подмеченный американским историком Артуром Шлезингером (младшим)³¹: примерно каждые двадцать лет после описываемого события возникает так называемое ревизионистское направление, которое подвергает сомнению все до тех пор существовавшие оценки по важнейшим вопросам современной истории и провоцирует, таким образом, широкую дискуссию по ним. И, если даже в результате критика оказывается несостоятельной, то это обсуждение конкретных явлений, событий, процессов способствует более глубокому, нюансированному, детальному осмыслению прошлого. Так, например, было с холодной войной, когда американские историки-ревизионисты заявили,

что правительство США несет главную ответственность за ее развязывание. Результатом бурной и продолжительной полемики явились «горы» книг и статей, позволивших уточнить многие ранее неясные аспекты проблемы. Естественно, это активизировало и деятельность занимающихся ею советских (российских) историков. Если обратиться к российской (советской) историографии, то следует напомнить о непрекращающихся дискуссиях о роли личности Ивана Грозного, Петра Первого, Екатерины Второй и др. в истории России, И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева в истории советского общества. Здесь уже можно говорить, пользуясь вышеуказанным термином, о «ревизионизме ревизионизма», стремлении всесторонне осветить деятельность указанных лиц, дать ей не однозначно положительную или отрицательную оценку, показать сильные и слабые их стороны, объяснить причины принятия ими тех или иных решений. И это, как представляется, правильно, потому что задача историка — это не суд над историей, а ее объяснение, понимание того, что волновало участников исторических событий, мотивов их поведения. А дискуссии в исторической науке всегда полезны. Они — с одной стороны, свидетельство и показатель степени демократичности общества, с другой, как известно, способ выявления истины. Только тон полемики должен быть соответствующим, уважительным по отношению к оппоненту, не подвергающим его право на собственное мнение. Правда, оборотной стороной критических дискуссий о прошлом является их использование политическими демагогами в собственных интересах.

Теперь — об истинности суждений историка, о том, насколько его видение прошлого адекватно реальной исторической действительности. И тут, как нельзя более, уместно изречение Козьмы Пруткова: «нельзя объять необъятное». «Постижение истории необычайно сложно и трудно, потому что исторический процесс никогда не шел и не идет прямо, а складывается из подъемов и падений, движений по прямой и зигзагов, изломов, поворотов», — пишет Ю. А. Поляков. — Исторический процесс складывается из множества событий, фактов, явлений, крупных и мелких, затрагивающих миллионы людей и судьбы отдельных личностей... Ни одна наука не имеет дело с таким обилием фактов. Практически это делает невозможным адекватное отображение в исторических трудах всей суммы явлений жизни человечества применительно к любому хронологическому периоду»³². Историческая реальность, описываемая, исследуемая историком, всегда богаче, сложнее нашего сегодняшнего представления о ней. Именно поэтому у историков всегда остается воз-

можность вернуться к ней, используя новые источники, опираясь на новые документы или толкуя старые, уже известные. Полагаю, что совершенно прав В. А. Тишков, ныне академик РАН, еще в 1992 г., т. е. на заре движения России к демократии, утверждавший: «Историк должен, конечно, стремиться к тому, чтобы достичь адекватности написанного им текста реальному ходу истории, но мысль о том, что этого можно достичь — заблуждение»³³. Истина, правда ушедшего времени для историка, как горизонт, вроде бы видимый, достижимый, но фактически недостижимый. Как бы честен и правдив не был историк в своем стремлении познать и оценить прошлое, он всегда остается только на пути к этой цели, в лучшем случае лишь приоткрывая завесу над ним, за которой скрыто много неизвестного. Именно поэтому историография всегда находится в движении, в развитии, и для нее не существует «закрытых», «отработанных» тем, в каждой из которых есть свои «потаенные уголки», а подчас даже более обширные, скрываемые своенравной Клио пространства.

К разряду вечных, по-видимому, относится и продолжает волновать умы современных исследователей прошлого и вопрос о соотношении объекта (историческая реальность) и субъекта (историк). В последнее десятилетие эта тема, например, часто затрагивалась на страницах российских журналов «Вопросы истории», «Новая и новейшая история», «Вопросы философии». Интересной в этом плане представляется фундаментальная статья вышеупомянутого профессора Н. И. Смоленского «Проблема объективности исторического познания»³⁴. Остановимся на тех ее положениях, которые, как думается, интересны для исследователей, занимающихся проблемами современной истории, под которой сейчас, как правило, понимается история второй половины прошлого и начала нынешнего веков, хотя не исключено, что в будущем хронологические рамки этого понятия будут изменяться, сдвигаясь в сторону сегодняшнего дня. Автор указанной статьи показывает, как возникали и развивались представления о соотношении объекта и субъекта исторического познания во времена античности, средние века, новое время, XIX веке, итогом которого стало «доказательство неустранимости влияния современной историку среды на его позицию и последствия этого». «Последующее развитие науки, — пишет Н. И. Смоленский, — многократно увеличило материал, раскрывающий социальную обусловленность исторического познания, показало, как положительные, так и негативные последствия влияния современности на изучение прошлого»³⁵. Весьма любопытны размышления автора о связанности событий прошлого, настоящего и бу-

душего: «Известно, что любое событие бывает только один раз и никогда в буквальном смысле не повторяется (это отражено в изречении «нельзя дважды войти в одну и ту же реку или воду». — В. М.); вместе с тем любое событие — часть некогда большей цепи явлений, подготовлено предшествующим их ходом, связано с окружающим миром и в какой-то мере — частица будущего. Следовательно, качественная определенность события — это сочетание, единство уникального, неповторимого и сходного, повторяющегося, скрытого в его сути... Познание событий, как звена в общей цепи событий, которая исключает всякую уникальность события, представляет собой реальную задачу историка. В конечном счете, общеисторическая связь событий — необходимое и самое общее условие их познания»³⁶. С этим нельзя не согласиться.

Заставляют задуматься и размышления Н. И. Смоленского о роли знания исторической перспективы развития событий, т. е. роли знания об их последствиях, в процессе объективного исторического познания. «Для своего понимания, — пишет автор, — любое событие должно быть завершено не только в своих непосредственных хронологических рамках, но и с точки зрения его отдаленных последствий... Выражение “никто так не врет, как очевидцы” скрывает и определенное гносеологическое содержание: не только неизбежную разную индивидуальную окраску восприятия событий их современниками, но и нечто общее для них всех — им не дано знать отдаленных последствий этих событий. У потомков появляется автоматическое преимущество... в смысле шансов на истинное понимание каждой такой ситуации. Историческая перспектива, кроме того, показывает место любого события в более общей цепи развития, а без этого также невозможно адекватное его понимание». В связи с этим автор отмечает, что «в настоящее время в научной и общественной жизни России идет жесткая научная, политическая, идеологическая полемика вокруг оценки советского периода нашей истории; и хотя многое ясно уже сейчас, в своем истинном свете этот период предстанет только в рамках масштабной исторической перспективы, лишь она даст ответ на вопрос о месте и роли этой формы общественных отношений в истории». «Опираясь на историческую ретроспективу и тенденции современного развития, — полагает Н. И. Смоленский, — можно утверждать, что этот ответ не будет выдержан в духе известной либеральной оценки этого периода как печального заблуждения, тупика и т. д.». Окончательная оценка, по мнению указанного автора, за историей³⁷.

Та же яростная научная, политическая, идеологическая полемика, что и в современной России, относительно недавнего да и более глубокого прошлого ведется ныне и в обществе стран бывшего советского блока, в том числе в Чехии и Словакии. Зубодробительные характеристики «социалистического» этапа развития этих стран, особенно характерные для первых после падения коммунистических режимов лет, тогда соседствовали с огульным их обелением, а теперь заменяются более взвешенными и сбалансированными оценками этого периода, попытками выделить то рациональное, позитивное, что содержалось, прежде всего, в социальной сфере, в этом будто бы уже списанном со счетов истории строе. Ведь эксперимент построения «социализма с человеческим лицом» нигде, ни в одной стране не был доведен до конца, погубленный на корню либо догматиками от марксизма, сторонниками поступательного движения общества от социализма к коммунизму, либо либералами, обожающими законы капиталистического рынка.

Теперь, исходя из всего вышесказанного, перейдем к тому, какие проблемы поднимались, как они ставились и освещались чешским журналом «Soudobé dějiny» (SD) в 90-е годы прошлого века. Институт современной истории АН ЧР был создан вскоре после событий 1989 г., весной 1990 года, а журнал, ныне один из ведущих и читаемых исторических журналов Чехии, начал выходить в 1994 г. И Институт, и журнал возникли благодаря усилиям вернувшегося из эмиграции Вилема Пречана. Он стал и первым директором этого института, и главным редактором издаваемого им журнала. Не подлежит сомнению, что научный облик каждого исторического журнала напрямую связан с личностью его руководителя, с тем, как он понимает роль историка и место исторической науки в обществе, какие задачи ставит перед возглавляемым им печатным органом, кого в качестве авторов привлекает на его страницы. Главный редактор должен быть не только историком-профессионалом, готовым осуществлять научное руководство журналом, но и хорошим организатором, способным наладить его работу. Всеми этими качествами, несомненно, обладал и обладает В. Пречан, цельный и честный историк-профессионал, человек глубокой саморефлексии и твердых принципов, чешский (чехословацкий) патриот, обладавший широкими связями в международных исторических кругах, «историк от Бога», имевший вкус к работе с документами, наконец, прекрасный организатор.

Восхождение В. Пречана к высоким академическим должностям было тернистым и, без преувеличения, драматичным. Много свидетельств это-

го содержит его книга «В украденное время», включающая преимущественно работы периода эмиграции историка. Остановимся на историографическом разделе книги, в котором представлено видение Пречаном этапов развития чешской (чехословацкой) исторической науки на пути к ноябрю 1989 г. Это важно для понимания позиций Пречана как главного редактора журнала «Soudobé dějiny». Он начал свой путь в исторической науке, как и большинство его коллег по «историческому цеху» второй половины 1950-х годов, со статуса историка-марксиста (в советском понимании этого термина), одного из «воодушевленных, убежденных и готовых к жертвенности строителей социализма»³⁸. Главной их задачей по велению партии стало внедрение в общественное сознание двух взаимосвязанных и взаимообусловленных формул: «Коммунисты — наследники великих традиций чешского народа» и «Советский Союз — наш пример». Когда же после развенчания культа личности И. В. Сталина оказалось, что не все так прекрасно в уже построенном «социалистическом здании», и приоткрылись архивы, появилась возможность непредвзято взглянуть на прошлое, в том числе и недавнее, В. Пречан был одним из первых, кто захотел это сделать. Он стал активным членом созданного в 1960 г. Чехословацкого комитета по истории антифашистской национально-освободительной борьбы. В нем с чешской стороны работали также К. Бартошек, Ф. Беер, А. Бенчик, Й. Долежал, Ф. Яначек, О. Яначек, Я. Кржен, В. Курал, Я. Навратил, Б. Пекарек, Я. Тесарж и др.³⁹, в большинстве пострадавшие в период «нормализации» в 1970-е годы. В 1965 г. был издан сборник документов о Словацком национальном восстании 1944 г., составленный В. Пречаном и с его обширным предисловием, где дана характеристика фондов 17 архивов Праги, Братиславы, Банской Бистрицы, Москвы, Киева, содержавших материалы о восстании. Пречан участвовал и в выпуске другого интереснейшего сборника архивных документов «Путь к Маю», в котором были собраны уникальные сведения о возникновении и развитии в Чехословакии строя, который получил название «народной демократии»⁴⁰. Наконец, он — один из основных составителей другого важного сборника документов о Словакии периода Второй мировой войны «Немцы и Словакия». Все три сборника содержат богатейший архивный материал, который, как представляется, пока еще недостаточно использованный исследователями⁴¹. Все это — иллюстрация к тому, что выше было названо «вкус к работе с документами», что являлось одной из характерных черт будущего главного редактора журнала «Soudobé dějiny».

В. Пречан — вместе с другими историками активный участник подготовки Пражской весны. Он в числе первых решительно и открыто осудил ее подавление и оккупацию Чехословакии войсками стран Варшавского договора. Вскоре последовала расплата. Пречана, как и многих других историков уволили из Института, и он пробивался случайными заработками, испытывая непрестанное внимание к себе со стороны органов госбезопасности. Исторический фронт был буквально разгромлен⁴². Новейшую историографию «нормализаторы от науки» заклеямили как ревизионистскую, буржуазно-объективистскую, порвавшую с марксизмом-ленинизмом, выступавшую под флагом «пресловутого демократического социализма». Особо подчеркивалась идеологическая функция науки, и в первую очередь исторической. В соответствии с этим центром внимания исследователей опять становилась революционная борьба народных масс, рабочего класса и коммунистической партии, приведшей страну «к победе социализма».

В августе 1975 г. в Сан-Франциско состоялся XIV международный исторический конгресс, часть участников которого выразили свою солидарность с репрессированными чехословацкими историками. В. Пречан направил его участникам письмо, в котором поведал о «материальном и моральном притеснении историков в Чехословакии»⁴³. После этого официальные власти разрешили ему покинуть страну. В июле 1976 г. он вместе с семьей эмигрировал в Германию, где провел более 13 лет, занимаясь не только научной, но и организационной деятельностью и поддерживая постоянные контакты с коллегами-единомышленниками на родине. Здесь В. Пречан создал Чехословацкий документальный центр, материалы которого впоследствии были переправлены в Чешскую республику, а ныне в виде отдельного фонда хранятся в Национальном музее в Праге. В эмиграции он много размышлял над вопросами развития исторической науки в Чехословакии после Второй мировой войны, взаимоотношений историков с властями, взаимосвязи истории и политики и т. д., о чем свидетельствует упомянутая книга «В украденное время». Исследуя состояние общественных наук в тисках «консолидации» (1973 г.), Пречан говорил о «трех тяжелых ударах», которые были нанесены этим наукам во время нацистской оккупации, после февраля 1948 г. и после апреля 1969 г., когда во главе партии встал Г. Гусак. В истекшие после войны годы, за редким исключением, общественные науки были ограничены в своем развитии «полицейской властью, цензурой (или же самоцензурой) и бесчисленными идеологическими и политическими табу либо кнутом общепринятого тогда толкования так называемой марксист-

ско-ленинской теории»⁴⁴. Вскоре после отъезда за границу (в 1978 г.) Пречан писал о себе: «Я причисляю себя к ряду тех историков “дома”, которые исходят из результатов, достигнутых [исторической наукой] в конце шестидесятых лет, и которые — пусть вне стен официальных институтов и университетов и несмотря на лишение возможности публиковаться — программно ориентируются на исследование слабостей и недостатков чешской политики, на объяснение причин повторяющихся неудач в кризисных ситуациях»⁴⁵. «Перерождение коммунистического историка в нормального (оба термина надо было бы взять по крайней мере в кавычки) я проделал в шестидесятые годы... Перелом шестидесятых и семидесятых лет для меня был временем окончательного оформления ценностных жизненных и профессиональных критериев... Эмиграция для меня таким образом не означала принципиальной переориентации ни духовной, ни политической, ни методологической»⁴⁶, — писал Пречан в заключении к цитируемой книге. И в 1990-е годы он исповедовал в профессиональной сфере те же ценности, что и до эмиграции, хотя, несомненно, горячо приветствовал события ноября 1989 г., приведшие к падению ненавистного ему режима «нормализации» и устранению от власти коммунистов.

Впрочем, Пречан не отрицал необходимости серьезного изучения истории коммунистической партии на различных этапах ее развития, считая, что глубокий моральный кризис общества, как результат многолетнего господства тоталитарного режима, коснулся и самой партии, накопив «много взрывчатого потенциала под самими ее устоями как партии ленинско-сталинского типа». Он полагал, что среди членов КПЧ после 1948 г. существовали различные группировки, иногда мирно сосуществовавшие друг с другом, а иногда пребывавшие в состоянии сильного взаимного напряжения. По-разному в разное время вели себя члены компартии в деревне, в рабочей среде, в сфере культуры, в государственном аппарате и силовых структурах; отличалось их поведение, например, в период Сталина и в период Хрущева (и в период Брежнева. — *В. М.*), в период до венгерских событий 1956 г. и после них и т. д.⁴⁷ Чтобы избежать неисторического подхода, по мнению Пречана, следует проводить глубокий анализ состояния общества, как целого и отдельных его слоев, на каждом этапе и в каждый момент исторического развития⁴⁸. Таким, очень ответственным за свое «ремесло», видится Вилем Пречан автору главы на момент назначения его директором Института современной истории. «Историки несут огромную ответственность, — писал Пречан

осенью 1990 г. в весьма популярном тогда журнале «Kulturný život» («Культурная жизнь»), — особенно тогда, когда вопросы прошлого становятся аргументом в ежедневной политической практике, как теперь, и когда нет ничего проще, как начать заигрывать с толпой»⁴⁹.

В июне 1992 г. на конференции Сообщества представителей науки и искусства (Společnost pro vědu a umění) Пречан дал краткий обзор развития и состояния чешской исторической науки на тот период, отметив: 1. Глубокий дисконтинуитет (персональный, институциональный и интерпретационный) между предвоенной историографией и историографией 1945—1948 гг., с одной стороны, и историографией первых десятилетий после установления коммунистического режима, с другой; такой разрыв, по мнению Пречана, не наблюдался ни в одной из стран Центральной и Восточной Европы. 2. Переход от первоначально догматической и схематической чешской марксистской историографии к научности истории в течение десятилетия перед 1968 годом. 3. Усиление в 1963—1968 гг. отхода в работе историков от политики и идеологии, участие в поисках выхода общества из политического и морального кризиса, ввергнутого в него усилиями сталинизма, на путях демократизации и создания предпосылок политического плюрализма. 4. Беспрецедентный массовый, единовременный удар по чешским историкам, персональные и институциональные изменения с осени 1969 до конца 1971 г., насильственно нарушившие процесс эмансипации исторической науки и стремления обеспечить свободу научного творчества на основе автономии исторического сообщества. 5. Новое закабаление чешской историографии диктатом политики и идеологии, формирование немногочисленного слоя независимых историков, публикующих свои труды в форме «самиздата»⁵⁰.

Тематика

Выработка концепции журнала Института современной истории потребовала довольно много времени и усилий его создателей. Первый номер журнала вышел лишь осенью 1993 г. Вводная статья его главного редактора знакомила читателей с направлениями работы нового издания, которое, по мысли его создателей, должно было стать одним из инструментов, способствующих становлению истории современности как научной дисциплины. Журнал должен был содействовать выяснению того, что такое современная история, каковы предмет ее изучения и методология. Говорилось о тематической открытости и необходимости исполь-

зования результатов исследований в области социальной истории, исторической демографии и антропологии, изучения ментальности и материальной культуры, так называемой микроистории, в частности, истории повседневности, гендерной истории и пр. Предполагалось сотрудничество с представителями других общественных наук: социологами, философами, этнологами, историками литературы, искусства, кинематографии, архитектуры и др. Журнал намеревался информировать читателей о трендах и проблемах изучения современной истории в мире (рубрики: «горизонт», дискуссии, рецензии, аннотации, библиография), публиковать мемуары и документы, относящиеся к этой области исторического знания. В качестве одной из важнейших ставилась задача обсуждения проблем методологии изучения современной истории⁵¹. «Мы исходим из представления, так сказать, уже банального, однако, как правило, снова и снова забываемого: прошлое является составной частью настоящего, нравится нам это или нет, понимают люди это или, наоборот, не хотят осознать»⁵², — писал Пречан. Он руководил журналом (первые полтора года вместе с Э. Мандлером), опираясь на так называемый редакционный круг (по всей видимости, рабочий орган. — В. М.) и редакционный совет. В первый входили Л. Брокл, М. Драпала, К. Каплан, Э. Мандлер, Я. Мехирж, М. Отагал, Й. Пецка, В. Пречан, Ф. Сватек, О. Тума (он сменил В. Пречана на посту главного редактора), Й. Жаткульяк (Братислава). Во втором (26 человек) числились в большинстве пражские историки, но были представлены и зарубежные ученые из Парижа (4), Мюнхена (1), Питтсбурга (1), Оксфорда (1), Братиславы (2).

Наряду с общей концепцией журнала продумывалась и конкретно-историческая проблематика, которая освещалась бы в нем. В октябре 1993 г. состоялся VII съезд чешских историков, на котором В. Пречан выступил с докладом «Значение 28 октября (1918 г. — В. М.) для Чешской республики». Тогда же в сокращенном виде его опубликовала газета «Mladá fronta dnes» («Млада фронта днес») под заглавием «Прошлое — поле битвы современников», а в полном — журнал «Soudobé dějiny» под названием «Историография и политика»⁵³. Главный редактор только что родившегося нового издания обращал внимание на те вопросы современной истории, которые, по его мнению, нуждались в изучении. Помимо этого, в статье поднимались и некоторые вопросы методологии, поэтому остановимся на ней подробнее. «Историк, как субъект и объект истории одновременно, является живым человеком с присущими его времени (т. е. современными) представлениями (zakotveností — буквально: встать на якорь), социальной и человеческой детерминированностью.., со своей иерархией

моральных и политических ценностей, со своим собственным взглядом на мир, который так индивидуален, как отпечатки пальцев», — пишет Пречан. Находясь между «миром прошлого и миром современности», историк испытывает на себе жесткое давление и того, и другого. Что касается прошлого, то историк «снова и снова подвергает сомнению возможность и границы» его познания, однако «опыт учит его, что история — это, прежде всего, дискуссия о прошлом, и что плюрализм интерпретаций является единственным законом, который действительно имеет силу, когда речь идет об истории». Современность давит на историка не менее сильно. «Мир современности — это в первую очередь мир всепроникающей политики, к которой относится не только государственная власть, интересы, аргументы и проекты будущих политических субъектов, которые участвуют во власти, но и гражданское общество, и его отдельные составляющие вплоть до отдельных лиц — граждан»⁵⁴.

С падением коммунистического режима, пишет далее Пречан, «автоматически рухнула и концепция утилитарной и инструментальной коммунистической историографии». Возвращение свободы в конце 1989 г. способствовало не только ее освобождению, но и «освобождению прошлого. Возрождение гражданского общества и преобразование всей системы было связано с тем, что в жизнь общества возвратилось историческое время, восстановился континуитет с прошлым, начала обновляться историческая память. В живое настоящее из прошлого вернулось все, что в течение сорока предшествующих лет официально предавалось анафеме, отрицалось, замалчивалось, обрекалось на забвение или намеренно интерпретировалось в соответствии с потребностями и интересами коммунистических властей». Но одновременно с этим, по мнению Пречана, у критически мыслящего историка начали возникать скептические вопросы и беспокойство: 1. Он обнаружил, что «с прошлым обращаются весьма бесцеремонно, что в нем каждый ищет то, что необходимо ему для его сегодняшних потребностей, зачастую стремясь приукрасить собственную биографию, историю целых социальных групп и даже народов, или же отыскать увесистую дубину против своего недруга. Прошлое, короче говоря, является и далее полем битвы современников.... Отличие от прежнего времени состоит в том, что это делается плюралистически и что существует свобода слова, а не параграф о подстрекательстве или подрыве [устоев] республики». Далее Пречан говорит, что многое из того, чем прошлое так или иначе вступило в современность, является следствием либо «красивого жеста, либо актом без понимания сути вещей, либо половинчатым с точки зрения исторической справедливости или мораль-

ной точки зрения». «Обратной стороной демифологизации является демонизация событий или лиц», например, жизни и деятельности президента Э. Бенеша. «Вместо анализа вины за прошлые неудачи, которая так или иначе в разной степени касается каждого члена общества, выискиваются виновники, на которых можно, образно говоря, свалить всю вину, (чтобы все остальные могли почувствовать себя чистыми)», применяется «принцип коллективной вины и коллективной ответственности там, где, наоборот, следует делать различия, индивидуализировать», внезапно «возникают новые схемы, стираются различия между историческими явлениями, оценки, верные для одного периода развития механически переносятся на другое историческое время, за людьми не признается право на ошибку и искупление вины». В качестве примера девиации (отклонения от правильной линии, намеченного курса. — В. М.) Пречан приводит такой: «При обозначении всех «шестидесятников» как главного тормоза движения к демократии общие выводы делались на основании отдельного опыта тех бывших членов КПЧ, реабилитированных жертв чисток после разгрома Пражской весны, которые не преодолели свой тогдашний политический горизонт или же по естественным причинам профессионально не шли в ногу со временем»⁵⁵.

Необходимость критического осмысления собственного прошлого, по мнению Пречана, еще достаточно глубоко не осознана обществом, по крайней мере, касательно следующих «важных феноменов последних пятидесяти—шестидесяти лет чешской истории: а) поведение чешского населения во времена оккупации и протектората, слабость сопротивления, размеры и формы коллаборационизма с нацистами или приспособления к диктату оккупантов; б) решение немецкого вопроса в Чехословакии после Второй мировой войны, непосредственные и отдаленные последствия этого решения; в) внутренние факторы советизации Чехословакии — слабость или недостатки демократических структур страны, послевоенные просоветские иллюзии, охватившие все слои народа, политический конъюнктурализм, — что все вместе способствовало тому, что чешское общество двигалось к тоталитарной диктатуре, так сказать, с развевающимися знаменами, и что коммунистическая власть в Чехословакии в отличие от остальных стран Центральной и Восточной Европы, включенных в советскую сферу влияния, в течение длительного времени пользовалась явной поддержкой населения; г) быстрый отлив с осени 1969 г. сопротивления “нормализации”, отход от гражданских позиций и мера адаптации большинства населения к правилам поведения [в период] реального социализма; д) ошибки, просчеты и беспомощность чешской

политики и чешского общества в отношении словацкого феномена; самокритичный анализ является здесь одним из первоочередных чешских интересов не для того, чтобы плакать о пролитом молоке, а для того, чтобы научиться и быть способными понимать Словакию и словаков, как своих ближайших соседей, с которыми нас связывает не только три четверти столетия проживания в общем государстве, но и все будущее».

Говоря о соотношении «историк — большая политика» в переходный период развития общества, Пречан полагал: «Историк выясняет, что произошло, почему это произошло и какие это имело или все еще имеет последствия, ничего более. Он представляет современникам генезис проблемы, с которой они сталкиваются, но предлагать решение, это уже не его профессия, в этом случае историк выступает, как и всякий другой его современник. [Вопросы] современности и будущего решают политики, а также граждане, среди которых историк занимает место равного среди равных... Политики в большинстве случаев должны принимать решения очень быстро. В переходный период, каким является наше время, их решения имеют еще меньше времени, чтобы стать зрелыми или дозревшими, чем в “нормальные” времена. Коммуникации же с историками им внешне лишь осложняют жизнь, поскольку от них они не могут ожидать ни простого объяснения, ни простого рецепта»⁵⁶. Так, по сути, были намечены концепция и конкретная линия деятельности журнала в ближайшее время, и пока В. Пречан оставался его главным редактором (до 2000 г.) они, в основном, выдерживались.

Теперь о том, как задуманное воплощалось в жизнь. Автор не ставит своей задачей анализ отдельных материалов, опубликованных в журнале в 1990-е годы, да это и невозможно сделать в рамках одной главы. Цель, куда более скромная: обзор проблематики, нашедшей отражение на страницах журнала. И это тоже было бы весьма нелегко исполнить, если бы не структура каждого его номера, предполагающая (конечно же, в идеале) акцентирование внимания читателя на блоке материалов, посвященных одной проблеме. Начнем с вопросов методологии, которые в той или иной степени затрагивались во многих номерах журнала на протяжении исследуемого периода⁵⁷. Эти вопросы поставил Я. Марек в выступлении на VII съезде чешских историков в октябре 1993 г., затем опубликовавший статью на эту тему⁵⁸. Среди большей части историков, полагал автор, «преобладает мнение, что теоретическое осмысление является своего рода роскошью, спекуляцией... Собственным полем [битвы], на котором одерживаются победы и терпят поражения, считается работа с конкретными источниками... Декларация о необходимости теории являлась

стандартным стройматериалом, из которого создавался костяк докладов на предшествующих съездах. Речь шла о парафразе веры в единственно возможную научную историографию, основанную на «творческой» аппликации положений исторического материализма на конкретный [исторический] материал». Марек считал, что чешская историография далеко отстала от западной в разработке проблем методологии. Как показано выше, некоторые из них уже поднял В. Пречан в своей статье «Историография и политика». О сложности структуры власти и соотношении отдельных ее частей на различных этапах исторического развития размышлял известный чешский историк Ф. Граус, статья которого, написанная вскоре после августа 1968 г., впервые была опубликована на чешском языке только в 1993 г. Актуальность поднятых автором вопросов и, прежде всего, об опасности концентрации власти (в едином центре, в одних руках, в отдельных структурах) и необходимости ее ограничения, не вызвала сомнений у руководства журнала⁵⁹. Социологическим методам исследования социальной памяти посвящена статья Й. Шубрта⁶⁰. Методологическая проблематика оказалась в центре внимания журнала в начале 1999 г. Специалист по истории и теории историографии З. Бенеш изложил свои взгляды на характер современной истории в статье «История и современность»⁶¹. Свое исследование он начал цитатой из учебника чехословацкой истории (1921 г.) видного чешского историка Йозефа Пекаржа: «История последних семи лет, в течение которых рухнуло столетиями выстраиваемое здание Центральной и Восточной Европы, когда среди европейских государств заняла свое место чехословацкая республика, превосходит по своему значению и богатству событий целые столетия чешской истории. Однако она (история последних семи лет. — *В. М.*) еще не является в общем историей; она — часть современности, которую мы прожили и проживаем; поэтому, ни в коей мере, она не подлежит суду истории, и, можно сказать, более глубокому историческому познанию». Из этого суждения Пекаржа и исходит З. Бенеш в своем исследовании проблемы. С одной стороны, он говорит о противоречивости термина «современная история», совмещающего в себе и настоящее, и прошлое, с другой о «современности истории», подразумевая под этим актуальность некоторых событий и явлений для дня сегодняшнего. Говоря о ветвистости путей познания динамики исторического процесса, автор упоминает о постмодернистских попытках его освещения, о соотношении мифа и исторических реалий, о возможности интерпретации событий, явлений, процессов с помощью методов исторической антропологии, о взаимосвязи и взаимодействии макро- и микроистории («В первом слу-

чае подчеркивается «глобальность» исторической действительности, во втором — единичность и неповторимость явлений; к более глубокому познанию динамики исторического развития оба пути поведут в том случае, если будут рассматриваться во взаимозависимости и взаимообусловленности), о невозможности при исследовании новейшей проблематики знать все источники и всю историографию и, следовательно, появлении простора для субъективности суждений историка.

Типичным стремлением избежать какого-либо теоретизирования при освещении вопросов международных отношений в новейшее время, по мнению П. Луняка и Й. Шедивого, отмечены исторические работы посткоммунистического периода⁶². Такое отношение они объясняют реакцией «на многолетнюю монополию марксистской теории, которая могла, будто бы, объяснить все, что происходит в мире, в том числе и в международной политике». По их мнению, целью историка дипломатии является как можно более полная реконструкция прошлого при опоре на фактический материал, теоретик же стремится организовать его концептуально, что нередко означает селекцию фактов. («Теоретиков прошлое интересует лишь постольку, поскольку оно касается настоящего. В большинстве случаев они ставят своей целью не только объяснить и обобщить прошлое для потребностей настоящего, но также квалифицированно предсказать будущее развитие и в случае необходимости дать компетентный совет политикам и дипломатам».) В статье рассматривается история развития теории международных отношений при акцентировании внимания на англоязычной, прежде всего американской, политологической и исторической продукции, доминирующей в историографии холодной войны. Представляя различные американские школы, авторы, касаясь, в частности, и так называемого ревизионистского направления (об этом говорилось выше), возникшего в конце пятидесятих годов. Согласно его зачинателю⁶³ и последователям «основным мотором американской внешней политики являлась вовсе не забота о свободе и демократии, а экспансионистский характер мирового или американского капитализма», вера в возможность достижения своих целей путем «экономического превосходства» и силы американских идей, и, как следствие, отсутствие желания и способности «слушать другую сторону». Луняк и Шедивы полагают, что сторонники этой школы «совершенно волонтаристски обращаются с историческими источниками, которые целенаправленно интерпретируют в соответствии с заранее созданными схемами». «В целом можно сказать, — пишут они, — что дискуссия по поводу тезисов ревизионистов была более ценной, чем инициировавшие ее работы»⁶⁴. Прием-

никами «ревизионистов» в определенном смысле стали сторонники так называемой корпоративистской школы, возникшей в восьмидесятые годы и объединявшей в основном специалистов по экономической истории. Подобно Уильямсу некоторые из них утверждали, что после окончания Второй мировой войны «США стремились к установлению мировой глобальной системы», которая могла бы быть, согласно их представлениям, «гарантом мира и стабильности». С окончанием холодной войны, по мнению авторов статьи, изменяется и перспектива исторических исследований на эту тему: «Уже не так существенно, кто холодную войну начал, а скорее то, как и почему она окончилась. Историографии следовало бы ответить на вопрос, была ли западная политика против СССР действительна или же она являлась лишь пустой тратой материальных ресурсов, чтобы свалить колосс на глиняных ногах, и каков был действительный характер советской угрозы. Она (историография. — В. М.) должна была бы также поразмыслить над тем, существовала ли возможность окончить холодную войну с пользой для Запада ранее, чем на переломе восьмидесятых и девяностых лет». Завершая статью, авторы пишут: «Хорошая теория не может обойтись без качественной эмпирической базы, подобно тому, как сегодня хорошая история уже не может обойтись без качественных концептуальных или теоретических предпосылок (*východisek*)»⁶⁵.

Влиянию идей модной ныне социологии М. Вебера⁶⁶ на изучение истории посвящена статья Я. Горского⁶⁷. Социальное действие, по Веберу, может быть объяснено через истолкование индивидуальных мотивов. Он предложил теорию «идеальных типов» — абстрактных и произвольных мысленных конструкций исторического процесса, которые не отражают действительность, а являются лишь инструментом для систематизации и понимания единичных фактов, понятием, с которым историк сравнивает действительность.

Наконец, несомненно, методологический характер имеет эссе Я. Крже-на «Интерпретация национальной, центральноевропейской и европейской истории» с подзаголовком «Больше вопросов, чем ответов»⁶⁸. Из множества поставленных автором историко-методологических вопросов останемся лишь на одном, как представляется, важном с точки зрения изучаемых нами проблем, а именно, на необходимости коррекции классической теории тоталитаризма, исходя из опыта исторического развития центральноевропейских⁶⁹ стран во второй половине XX века и того факта, что в послевоенное время сохранился лишь один тоталитарный режим, коммунистический. «Детотализация тоталитаризма?» — вопрошает автор эссе, приступая к рассмотрению вопроса. Новшеством

в истории тоталитарного режима явился, прежде всего, феномен сопротивления как снизу, так и сверху. «Первое, продемонстрированное мятежами 1953 и 1956 годов, хотя и было подавлено, но напряженность и [общественные] взрывы стали с той поры перманентным явлением, по крайней мере, на периферии советского блока. Но перманентным стало и сопротивление “сверху”, в советской руководящей верхушке, а также в виде появления противоречий и стремления к “самостоятельности” или оппозиции конкурирующих коммунистических режимов, которые представляли Гомулка, Надь, Тито, но, прежде всего, Мао... Тоталитаризм с внутренней конкуренцией в борьбе за власть — это новшество, с которого традиционная теория [тоталитаризма] особенно не считалась».

Однако важнейшим новым явлением после смерти Сталина стали реформы, получившие в 1953 г. наименование новый курс. На этом новом этапе, как считает Я. Кржен, «все признаки тоталитаризма опустились на ступеньку ниже»: место вождя заняло коллективное руководство, созданное по принципу первый среди равных; коммунистическая партия начала утрачивать свой мобилизационный характер и превращалась в номенклатурную партию; изменение претерпела и идеология: выдвинутая Хрущевым задача — догнать и перегнать Америку — уже не имела такой притягательной силы, как ленинско-сталинские лозунги; произошла также известная редукция тотальной претензии на овладение всем обществом. К этому добавились также определенное ослабление тотального сателлитизма и изменение отношений внутри советского блока, ранее монолитный «социалистический лагерь» превращается в «социалистическое содружество». Новшество тоталитаризма — «просвещенные» реформы «сверху» в сфере «надстройки» — имело целью сохранить в основе неизменный «базис» системы, тотальную национализацию и этатизм. В Польше (Гомулка, а затем Герек) и в Венгрии (Кадар) особенно выразительно обозначился хрупкий компромисс между ортодоксальным и реформаторским коммунизмом; потенциально наиболее глубокие реформы шестидесятых лет, намечаемые в Чехословакии, были жестко пресечены.

Несмотря на чехословацкий пример, демонстрирующий возможность возвращения к тоталитарной ортодоксии («гусаковская нормализация» с «цивилизованным терроризмом»), начался процесс ослабления тоталитаризма. Явственно обозначилась диверсификация коммунистических режимов: «Коммунизм в единственном числе сменился коммунизмом во множественном числе». В восьмидесятые годы стала явной стагнация коммунистического режима, «для чего в российской историографии был

найден прекрасный термин застой. Режим уже полностью утратил и последние остатки прошлой харизматической идеологии: от пламени коммунистического рая остался лишь зловонный дым реального социализма — социализм — это то, что есть». В этот период уже можно говорить о тоталитаризме в стадии регресса, о его превращении в «полутоталитаризм» (*semitotalizm*) или авторитаризм нового типа, что требует «ревизии первоначальной статичной теории тоталитаризма»⁷⁰.

Таким образом, в конце 1990-х годов обозначился явный интерес чешской исторической науки к вопросам методологии. В период подготовки VIII съезда чешских историков и на самом съезде в сентябре 1999 г. развернулась бурная дискуссия по проблеме «легитимизации истории», т. е. роли исторической науки в установлении того или иного политического строя, в оправдании и доказательстве правомерности его утверждения либо краха. Затем обсуждение этой проблемы продолжилось на трех дискуссионных форумах, организованных инициативной группой молодых пражских историков в 1999—2001 годах⁷¹, в том числе и в Интернете. Резкой критике подвергалось скептическое отношение большей части чешского исторического сообщества к теории историографии. Активно обсуждались на форумах вопросы этики и служебно-политической роли истории. Ф. Сватек в статье, предваряющей дискуссионные материалы в журнале «*Soudobé dějiny*», пишет: «Внешнему, иностранному наблюдателю спор представляется явно как конфликт между “национальной” интерпретацией и скорее “традиционным” подходом к исторической науке, с одной стороны, и “европеистской”, в методологическом плане скорее “модерной” историографией, с другой. Первый подход часто связан с реликтами коммунистического истеблишмента, другой — с “диссидентством” и его эмансипационными попытками избавиться от коммунистической диктатуры и найти “путь в Европу”, если понадобится с представителями самого молодого поколения, на собственном жизненном опыте которых мало сказались условия коммунистического режима»⁷². В дискуссии приняли участие М. Сватош, А. Костлан, М. Гавелка, З. Вашичек, Р. Квачек, В. Ваничек.

Директор Института Современной истории АН ЧР О. Тума, остановившись на том, как чешская историография содействовала легитимизации коммунистического режима, попытался ответить на вопрос играет ли историческая наука подобную роль в современных условиях. «Определенно не в таком смысле, как прежде, — считает он. — Историография также, несомненно, способствует пониманию и легитимизации нашего, так сказать евроамериканского, взгляда на мир, признающего демокра-

тию, права человека, права меньшинств, толерантность и т. д. — все это отражается и в сфере историографии, в отслеживаемых ею взаимозависимостях. Таким образом, в общем смысле, да; однако, возникающая система организации жизни общества и ценности, на которых она зиждется, не требуют окончательного и однозначного объяснения истории»⁷³.

Вопросы методологии заняли видное, но не основное место на страницах обзореваемого журнала. Главное внимание уделялось рассмотрению конкретных проблем и в первую очередь тех, которые в прошлом являлись запретными и не исследовались вовсе либо были политизированы и мифологизированы. Многие из них, как уже говорилось, обозначил В. Пречан в своем выступлении на У11 съезде чешских историков. Надо сказать, что возможность обращения журнала к той или иной исторической проблематике в значительной степени обуславливалась наличием или отсутствием соответствующих специалистов, способных под новым углом зрения взглянуть на, казалось бы, уже известные, события, явления, процессы, личности и пр. Именно этим, по-видимому, можно объяснить тот факт, что история чешского и словацкого народов в период Второй мировой войны нашла «мозаичное» освещение, хотя сами по себе поднятые вопросы были новы и интересны. Они касались оккупационной политики нацистов в чешских землях и репрессивной деятельности словацких властей, взаимоотношений Советского Союза и Словацкой республики в 1939—1941 г., позиции СССР в чехословацком вопросе в 1938—1941 г., высадки советских десантов на оккупированную чешскую территорию и в Словакию в 1941 г. и т. д.⁷⁴ Отражение нашла и роль отдельных личностей в движении Сопротивления, например Г. Гусака⁷⁵. Особо следует отметить рецензию Я. Куклика⁷⁶ на первое полное, критически осмысленное и комментированное издание книги Ю. Фучика «Репортаж с петлей на шее», предпринятое Ф. Яначек и А. Гайковой⁷⁷. Автор рецензии высоко оценивает издание, подчеркивая объективность ее публикаторов, сумевших отойти как от напыщенно-хвалебных неправдоподобных жизнеописаний Ю. Фучика, от возникших в прошлом легенд и мифов о нем, так и априорных нападок на него как предателя, нападок, которые «фактически тоже идеологически окрашены, только с обратным знаком». Куклик, в частности, указывает, что во всех предыдущих многочисленных изданиях книги Ю. Фучика отсутствовали некоторые его тайные послания из тюрьмы, в которых объяснялось его решение «говорить» и «начать высокую игру». Публикаторы считают неоправданными обвинения писателя в том, что по его вине гестапо начало «оказывать внимание» некоторым левым интеллектуалам, и называют имя человека,

который действительно был активным информатором гестапо — Зонка-Зонненштайн (Sonka-Sonnenschein).

Немалый интерес проявил журнал к проблеме, которая волновала чешское общество еще в 1960-е годы, потом была «табуирована» и снова возникла не только как научная, но и политическая в конце 80-х годов XX века. Речь идет о выселении немцев из Чехословакии в 1945—1948 гг. (из Словакии — с 1944 г.), об оценке так называемых декретов Бенеша, подвергшихся на Западе в 1990-е годы жесткой критике. Этот вопрос был поднят сначала политиками, а потом привлек к себе внимание и историков. В. Гавел сразу после избрания на пост президента Чехословакии в январе 1990 г. посетил Берлин и Мюнхен и принес извинения судетским немцам за проявления жестокости во время их послевоенного насильственного выселения. Р. Шустер, второй президент Словакии, а в 1991 г. глава Словацкого национального совета (словацкого парламента) добился тогда принятия им резолюции, выражавшей извинения перед депортированными и признававшей, что во время исхода немцев из Чехословакии жертвами часто становились невинные люди⁷⁸. Журнал «Soudobé dějiny» откликнулся на проблему, проведя в одном из первых своих номеров заочный форум «О судетонемецком вопросе»⁷⁹: Свое мнение высказали 14 ученых, в том числе пятеро из-за границы, главным образом из Германии. Обсуждению подвергся текст чешского публициста Б. Долежала, который предварительно был разослан участникам дискуссии. Принявшая в ней участие группа авторов, ядром которой являлись П. Питхард и П. Пржигода, высказалась за принципиальное осуждение выселения немцев, оценивая его, прежде всего, в моральном ракурсе и с точки зрения общедемократических ценностей. Критики «морализирования» (М. Гюбл, В. Курал) обращали внимание на то, что моральному осуждению должен предшествовать подробный анализ происшедшего, что историк обязан рассматривать события в их конкретно-исторической обусловленности. Они полагали, что выселение было, хотя и трагическим, но необходимым событием, что иного оптимального решения не существовало, что случившееся в истории уже нельзя отменить и что это даже не в чешских интересах. Долежал, соглашаясь с Куралом в том, что ответ на вопросы, которые ставит история, не может быть результатом лишь морального суда, подчеркивал, что эти вопросы «перед нами ставит не история, а современность, причем в двух смыслах: как внешнеполитическую проблему, которая может иметь большое влияние на судьбу Чешского государства, и как внутреннюю проблему с аналогичными возможными последствиями. Основной вопрос, следовательно, не в том, что

могли чехи делать тогда, в 1945—1947 гг., а в том, что должны делать теперь, сегодня». «Судетонемецкая проблема, — по мнению Долежала, — для нас является внешнеполитической проблемой: наш путь в Европу не ограничивается членством в европейских институтах. Его первой предпосылкой является исповедание общих ценностей. Выселение было основано на иных ценностях, и если мы хотим его защищать, то не встанем обеими ногами на европейскую почву»⁸⁰. Курал обвинил Долежала в том, что тот в своих рассуждениях ограничился, по сути, лишь критикой чешской стороны и что из его поля зрения выпала сторона немецкая, ответственность которой за войну и ее последствия скорее преуменьшена. В логике Долежала, полагал Курал, отсутствует причинно-следственная связь, важнейшим изначальным звеном которой является нацистский режим в Германии, задавшийся целью уничтожить демократическую Чехословакию при поддержке судетских немцев, оккупационная система с ее бесчеловечным террором, а также начатая Германией и ведущаяся крайне жестокими методами война. Эти главные факторы, считал Курал, «создали ситуацию, на которую реагировали союзники, и именно они инициировали обрушение устоявшихся моральных ценностей»⁸¹. Дискуссия, несомненно, имела методологический характер, обсуждался «вечный вопрос» о взаимоотношении истории и политики, об их приоритетности в условиях современности. Каждая из спорящих сторон осталась, как представляется, при своем мнении.

Вопрос о выселении немцев не потерял своей актуальности и в последующие годы: он то поднимался, как правило, на пике политических баталий, то на некоторое время исчезал из поля зрения мировой и чешской общественности⁸². Журнал тоже не упускал эту тему из вида. Например, в 1995 г. Й. Вондрова опубликовала очень содержательную рецензию⁸³ на книгу В. Курала о взаимоотношениях чехов и немцев в 1938—1945 гг.⁸⁴ Не сходила тема со страниц журнала и в начале века нынешнего: появились избранная библиография и цикл статей по проблеме⁸⁵; вопрос о последствиях выселения немцев для Чехии оказался в центре внимания последнего номера журнала за 2005 г.⁸⁶

Не менее привлекательной для журнала сразу же оказалась и тема переходного периода от капитализма к социализму, советизации, в частности, стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе и Чехословакии, в послевоенные годы, сама возможность обсуждения которой в прошлом была просто немислима. В сентябре 1993 г. Институт современной истории провел международную научную конференцию на тему «Внутренние факторы, облегчившие советизацию стран Центральной

и Восточной Европы в 1944—1948 гг». В центре внимания ее участников находились Чехословакия, Венгрия, Польша и Румыния. Материалы конференции нашли отражение в журнале на страницах форума «О предпосылках советизации Восточной Европы»⁸⁷, которому предпослана была статья российского историка Л. Я. Гибианского «Информбюро и Восточная Европа. Соотношение внутренних и внешних факторов в процессе советизации»⁸⁸. Автор подчеркивал их теснейшую связь («совершенно нельзя определить, где заканчивается фактор внешний и начинается фактор внутренний»): стремление Советского Союза к советизации восточноевропейских стран увязывалось с активностью местных коммунистических партий в этом направлении.

Финский исследователь Х. Лармола, сравнивая послевоенную судьбу Финляндии и Чехословакии, пришел к выводу, что для стран Восточной Европы решающим был внешний фактор, и, прежде всего, политика Советского Союза. В Чехословакии для ее осуществления имелись чрезвычайно благоприятные условия. Ученый из ФРГ М. Вильке проанализировал взгляды немецкой коммунистической эмиграции на проблемы послевоенного государства. Руководство КПГ ставило тогда задачу строительства государства демократического, а не советского типа. (Как показали исследования последнего времени, в конце войны это была общая установка советской внешней политики для стран Центральной и Юго-Восточной Европы. — В. М.). О подчинении судебных органов коммунистическому контролю в Польше писал А. Жеплинский. Польский историк А. Пачковский согласился с утверждением, что трудно разграничить влияние внешних и внутренних факторов. Если бы не присутствие Красной Армии, полагает автор, коммунисты не смогли бы взять власть: большинство населения отвергало коммунистическую систему, хотя и готово было приступить к принципиальной перестройке общества. Одним из внутренних инструментов советизации Чехословакии чешский историк К. Каплан считает весьма разросшиеся численно органы внутренней безопасности, которые действовали как самостоятельная политическая сила в борьбе за власть, причем не только в соответствии с политикой КПЧ, но также независимо от нее, и даже против, что связано с наличием в партии представителей радикальных и умеренных взглядов.

На последствиях для Чехословакии вынужденного выселения немцев остановился Й. Слама, который полагал, что, хотя судетские немцы многократно поддерживали агрессивную и экспансионистскую политику Гитлера, несправедливо было возлагать на них коллективную вину и наказывать как национальное сообщество выселением. Вместе с тем, Слама

считал, что Гитлер и немцы своей политикой в отношении Чехословакии в тридцатые и сороковые годы «толкнули Бенеша и чехов в объятия Советского Союза». З. Сладек проанализировал влияние нацистского господства на политическое развитие в Чехии и Моравии. В частности, он пришел к выводу, что для большинства чешского населения жизнь в протекторате была нелегкой, но все таки сносной, что оно, хотя и ненавидело, но уважало немецкий режим, что для имперских немцев протекторат являлся оазисом мира и относительного изобилия, что нацисты были заинтересованы не столько в активном, сколько в пассивном сотрудничестве с ними чехов. Интересно и утверждение Сладека, что между выполнением требований оккупационных властей и участием в Сопротивлении никогда не существовала точно обозначенная граница. Например, были рабочие, готовые ради заработка работать на военных предприятиях в воскресенье, и одновременно поддерживавшие движение Сопротивления; некоторые крестьяне, хотя и выполняли строго все обязательные поставки, но одновременно помогали партизанам или бежавшим из немецкого плена, несмотря на несомненный риск и не ожидая за это вознаграждения.

Параллельно с тематикой советизации Чехословакии журнал поднимал вопросы о характере режима, сложившегося сразу после войны в стране, об альтернативных путях ее развития, о причинах, приведших к февральским событиям 1948 г. и установлению, по сути, монополярной власти коммунистов. Современное видение этих событий получило отражение в работе международной научной конференции историков, политологов, социологов «Чехословацкий февраль 1948 г.: внутренние и международные предпосылки и последствия» (Прага, февраль 1998 г.). Среди ее участников, помимо чешских и словацких, были ученые из России, Польши, Франции, Финляндии, Канады, США, Великобритании и др. Часть материалов конференции опубликовал журнал «Soudobé dějiny»⁸⁹. Основное внимание участников дискуссии привлекла проблема соотношения внешнего и внутреннего факторов, повлиявших на развитие и результаты февральского политического кризиса. Характерно было стремление избавиться от перекоса в ее видении, когда акцент делался на одном из этих факторов, показать их взаимосвязь и взаимозависимость. В общей форме взгляды ученых сводились к следующему. ЧСР, оказавшись в советской сфере влияния, после освобождения не являлась по настоящему суверенным государством. В своей внешней политике она, опасаясь возрождения германского экспансионизма, ориентировалась преимущественно на СССР, хотя наличествовала и тенденция крепить союзнические отно-

шения с Западом. Компартия Чехословакии, согласовавшая еще на завершающем этапе войны свою стратегию и тактику с ВКП(б), в 1945—1948 гг. поддерживала постоянные контакты с советским руководством и действовала в соответствии с полученными от него советами. Москва при опоре на КПЧ стремилась превратить Чехословакию в форпост своего влияния в Центральной Европе. Сразу после войны СССР не имел намерения установить в странах сферы своего влияния, в том числе и в Чехословакии, советский строй. Заинтересованный в сохранении мира на как можно более длительное время и в связи с этим в сохранении союзнических отношений в рамках антигитлеровской коалиции, Советский Союз держал курс на создание пояса дружественных государств на своих западных границах, в правительствах которых более или менее прочные позиции должны были занять коммунисты. Сталин не отказывался, однако, в перспективе от идеи социалистической революции и рассматривал народную демократию как несоветский путь к советской модели социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. По мере роста международной напряженности Москва все более усиливала свое давление на руководство КПЧ и его критику, подталкивая к более решительным действиям в отношении политических партнеров по Национальному фронту. «Эlegantный» переворот в Чехословакии лишь завершился февральскими событиями 1948 г., а начался он в 1945 г., когда КПЧ стала контролировать решающие позиции в государстве. Не только чехословацкая, но и компартии других стран Центральной и Юго-Восточной Европы многое сделали для ускорения процесса «самосателлизации» и «самосоветизации» этих стран.

Западные державы, осознавая усилившийся нажим СССР на Чехословакию, исходили из достигнутых договоренностей о разделе сфер влияния в послевоенной Европе и не предприняли никаких активных мер для предотвращения переворота в Праге. Прямыми последствиями февральских событий в ЧСР стало значительное обострение международной ситуации, быстрый рост напряженности в отношениях между СССР и США, ускорение экономической, политической, а затем и военной интеграции западных держав, развязывание холодной войны, превращение европейских стран советской сферы влияния в «санитарный кордон» против Запада. Он был шокирован «февралем», создание НАТО, по мнению В. Магного, явилось прямой реакцией на это событие. Пражский переворот способствовал тому, что Европа обратилась к союзу с США. В политике Англии по отношению к Чехословакии после войны сохранилось много от того, что характеризовало ее позицию и в 1938 году.

США стремились не к поддержке демократических сил в рассматриваемом регионе, а в укреплении своих великодержавных позиций и установлении контроля над ним. Февральские события стимулировали антикоммунистическую пропаганду на Западе и страх перед угрозой коммунизма.

Особая полемика на вышеозначенной конференции, а затем на страницах журнала развернулась по вопросу о миссии заместителя министра иностранных дел СССР В. А. Зорина в Прагу в феврале 1948 г. Представленные российской стороной новые документы опровергали сложившийся в историографии миф, будто Сталин предлагал Готвальду советскую военную помощь для разрешения политического кризиса в интересах коммунистов. Но было все наоборот: Готвальд полагал возможной такую помощь, а Сталин делал ставку на КПЧ и мобилизацию прокоммунистических сил в самой Чехословакии. Однако Зорин пытался давать советы руководителям КПЧ: быть потверже, не идти на уступки правым силам, готовиться к решительным действиям и возможному нарушению некоторых положений действующей конституции. Большинство участников полемики, признавая важность обнародованных документов, полагало, что еще рано закрывать вопрос о роли Москвы в февральских событиях 1948 г. в ЧСР⁹⁰.

Стабильно привлекала внимание журнала и другая важная полоса в жизни Чехословакии: так называемая Пражская весна и ее подавление войсками стран-участниц Варшавского договора. В конце 1992 г. прекратила свою деятельность созданная в январе 1990 г. Комиссия правительства ЧСФР для анализа событий 1968—1970 гг., возглавляемая В. Менцлом. В ее состав входило 18 ученых-обществоведов, преимущественно историков, занимавшихся проблемами современности. Результатом напряженной работы коллектива стало создание коллекции важнейших документов по проблеме из чехословацких, зарубежных (российских⁹¹, венгерских, польских, немецких, болгарских) и частных архивов. В нее входили также интервью с активными участниками Пражской весны, в том числе с А. Дубчеком, О. Черником, Й. Шпачеком, Ч. Цисаржем, З. Млынаржем, Б. Шимонем, Л. Штроугалом. Протагонисты «нормализации» Г. Гусак, Й. Ленарт, В. Биляк, Б. Хнеупек и др. отказались беседовать с членами Комиссии. В декабре 1991 г. она организовала международную конференцию на тему «Развитие Чехословакии в 1968 г.: международные аспекты и последствия», в которой приняли участие ученые из десяти стран. Созданный по инициативе Комиссии Издательский совет во главе с В. Пречаном приступил к подготовке первых книг многотомного изда-

ния документов по истории Пражской весны. В первом номере журнала были обнародованы итоги трехлетней работы Комиссии⁹².

Здесь же появилась и статья Я. Мехиржа⁹³, размышлявшего о смысле ключевых событий 1968—1969 гг., которая вызвала дискуссию. Точка зрения Мехиржа, считавшего, что сутью событий указанных лет в Чехословакии является внутрипартийная борьба в КПЧ за власть, подверглась критике со стороны Й. Белды, А. Бенчика, В. Курала, Л. Брокла, Й. Ванчуры⁹⁴. Они обвиняли автора указанной статьи в незнании основных документов по проблеме, а также уже существующей по этой теме литературы, и полагали, что источником идей Пражской весны являлась напряженность в обществе, симптомы которой появились еще в конце 1950-х годов и которая достигла критического состояния в 1967 г. Л. Брокл привел интересные данные Института по изучению общественного мнения, относившиеся к сентябрю 1993 г. (т. е. спустя четверть века после подавления Пражской весны) и касавшиеся оценки ее сути. 37% респондентов в возрасте от 15 до 29 лет считали Пражскую весну попыткой восстановления демократии, 15% борьбой двух фракций в КПЧ, 41% не имели мнения, 7% не интересовались; в возрасте 30—40 лет соответственно 47%, 19, 27 и 2%; в возрасте 45—59 лет соответственно 51%, 27, 20 и 2%; в возрасте более 60 лет соответственно 57%, 22, 19 и 2%. Три четверти (75%) чешского населения (*dnešní české populace*) считали идеи Пражской весны «делом большей части народа» или «всего народа»⁹⁵.

В дебаты о сути Пражской весны включилась и мировая научная общественность. В частности профессор университета в Торонто Г. Скиллинг в специально подготовленной для журнала статье рассуждал на тему, чем являлись события 1968 г. — попыткой реформ или прерванной революцией?⁹⁶ Если А. Дубчек и его соратники использовали термин реформы, то, например, К. Бартошек, И. Свитак, М. Кусы и Е. Лебл считали Пражскую весну революцией. Сравнивая события 1968 и 1989 гг., Скиллинг писал: «Бархатная революция» являлась ненасильственной демократической революцией, которая была пронизана идеей мирного реформирования коммунизма и готовила почву для его окончательного поражения. События 1989 г. действительно показали, насколько ограниченны и неполны были деяния правящей элиты в 1968 г. и насколько более глубокими и принципиальными являлись реформы, начатые новой революцией... полное проведение реформ в 1968 г., если бы даже дело не дошло до вторжения извне, не было бы легким: ему могли бы воспрепятствовать мощные внутренние консервативные силы, олицетворяемые Густавом Гусаком»⁹⁷.

Журнал, естественно, обратил внимание и на статью российского историка вице-президента международного фонда «Демократия» Р. Г. Пихой⁹⁸, написанную на основании документов ЦК КПСС и посвященную международным аспектам событий 1968 г. в Чехословакии⁹⁹, а также на его интервью газете «Сегодня»¹⁰⁰, которое в переводе на чешский язык без комментариев было опубликовано в журнале. Поскольку в интервью Пихоя говорил о роли Я. Кадара, который, по его мнению, а вовсе не В. Ульбрихт, как общепринято, являлся инициатором вторжения войск стран-участниц Варшавского договора в Чехословакию, то в дискуссии приняли участие и венгерские историки Л. Шандор и И. Патаки, попытавшиеся опровергнуть это утверждение¹⁰¹.

Весьма большое внимание журнал уделял международным аспектам событий 1967—1968 гг. в Чехословакии (рассматривалась реакция на них в Польше, ГДР, Румынии, Югославии, Великобритании, Франции¹⁰²) и публикации документов о них¹⁰³.

К концу 1990-х годов в журнале стали появляться пока еще немногочисленные статьи о событиях ноября 1989 г. и их кануна. Одна из них была посвящена образованию и деятельности Института прогнозирования АН ЧССР во главе с В. Комареком, возникновению так называемого правительства национального согласия, борьбе внутри «властной» верхушки за направление экономического развития страны¹⁰⁴. Вторая — ноябрьским событиям 1989 г. в Словакии. С. Сомоляни, автор статьи, задается, прежде всего, вопросом, что же произошло тогда в Чехословакии: революция, переворот или...? Описывая и анализируя события в Словакии, она приходит к выводу, что здесь революции не было: «Доказательством является вышеозначенный континуитет прежних элит, с одной стороны, и сохранение [позиций] бывших лидеров ОПН (Общественности против насилия. — В. М.) на политическом пике..., с другой»¹⁰⁵.

Поднимались и другие, ранее менее или совсем неизученные темы: история Чехословакии в 1950-е годы (некоторые аспекты)¹⁰⁶, интеллигенция и власть (как общие вопросы так и на примере отдельных деятелей культуры)¹⁰⁷, отношение к евреям и антисемитизм¹⁰⁸.

Журнал не обошел вниманием и проблематику всеобщей истории, посвятив цикл статей вопросам внутреннего развития и внешней политики ряда зарубежных стран, а также взаимоотношений Чехословакии с некоторыми из них¹⁰⁹. История послевоенной Словакии, которая с 1993 г. стала для Чешской республики одной из стран «ближнего зарубежья», также получила освещение на страницах журнала¹¹⁰. Несколько его номеров

было почти полностью подготовлено зарубежными учеными, польскими и немецкими.

Довольно много места в журнале, как уже подчеркивалось, отводилось публикации документов, а также описанию фондов зарубежных архивов. Пречан, в частности, опубликовал обширную и весьма интересную, в том числе и для российских исследователей, статью о своем опыте работы в архивах РФ — в основном, в Архиве внешней политики РФ и Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (ныне — Российский государственный архив социально-политической истории) — и обнаруженных им материалах¹¹¹. Характеристике, описанию источниковой базы исследования современной истории был посвящен еще ряд статей¹¹². Во многих номерах публиковались документы, касающиеся событий (главным образом, 1968 г.) и фигурантов современной чехословацкой (чешской) истории, советско-чехословацких отношений¹¹³, а также мемуары¹¹⁴.

К безусловным достоинствам журнала следует отнести то, что в каждом его номере публиковалась (и публикуется) библиография чешской и зарубежной литературы (книги, сборники материалов и документов, журнальные статьи), в том числе и по проблемам современной чехословацкой (чешской) истории. Это весьма помогает исследователям ориентироваться в поистине безбрежном историографическом море темы.

Как видно из вышеизложенного, проблематика рассматриваемого журнала в 1990-е годы была достаточно разнообразной и актуальной. Журнал, как представляется автору главы, достойно преодолел сложности переходного периода в развитии Чешской республики. Покидая пост главного редактора, В. Пречан подвел некоторые итоги его работы. Инициатором написания большинства опубликованных статей, как пишет Пречан, являлся «редакционный круг» журнала: «В области современной истории у нас спрос значительно превышает предложение... Это нас вынуждало искать авторов за пределами Чехии и Словакии, обращать взоры на Запад и Восток¹¹⁵, к соседям и в заморские страны». Начертанная Пречаном программа начального периода деятельности журнала, несмотря на значительные трудности, была в основном выполнена. Но многое еще предстояло сделать. Разработка истории последних шестидесяти лет, по мнению Пречана, была намечено «лишь пунктиром, сосредоточена на некоторых рубежных событиях, избранной тематике и кратких исторических периодах». Он полагал, что еще систематически на исследована история Сопrotивления в годы Второй мировой войны, только в пленках находится современная социальная история, не начата глубокое изу-

чение политической истории пятидесятих лет, на начальном этапе изучения находится сорокалетняя история политической эмиграции, не существует истории внешней политики Чехословакии после 1948 г., почти terra incognita чешское и словацкое общество семидесятых—восемидесятых годов. «И это, — по мнению Пречана, — далеко не полный перечень белых мест». Журнал продолжил свою деятельность под руководством нового директора Института современной истории АН ЧР О. Тумы.

Примечания

¹ Употребление термина «события» связано с тем, что и их современники и исследователи характеризуют происшедшее по разному, используя определения «бархатная», «нежная», демократическая, антикоммунистическая революция, но также переворот, путч и др. Но, как известно, «лицом к лицу, лица не увидать». Какое из них более точно соответствует действительности, покажет история. Скорее всего, это была все же революция, но не одноразовая, а эволюционного характера, растянутая во времени.

² См. подробнее: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005. С. 263—429; 490—536.

³ Там же. С. 498—499.

⁴ Там же. С. 459—460.

⁵ Селунская Н. Б. Методологическое знание и профессионализм историка // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 40.

⁶ Исламов Т. М. Европейские историки о европейской истории // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 17.

⁷ Славянский мир: проблемы истории и современность (Памяти Владимира Константиновича Волкова). М., 2006. С. 113.

⁸ Об общих направлениях развития чешской историографии в 90-е годы см. главу Марьиной В. В. Чешская и словацкая историческая наука на пути к ноябрю 1989 г. и в первое десятилетие после него // История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007. С. 280—324.

⁹ Славянский мир: проблемы истории и современность. С. 117.

¹⁰ Волков В. К. Новые тенденции в развитии исторической мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Новая и новейшая история. 1991. № 4.

¹¹ Kolář P. Nenápadné okovy Kleió. Východoevropské dějepisectví po pádu železné opony mezi vědeckým étosem a legitimizací panství // Soudobé dějiny (далее: Sd). 2004. N 1—2. S. 224.

¹² Klio ohne Fesseln? Historiographie im östlichen Europa nach dem Zusammenbruch des Kommunismus. (Ed. Ivanišević A., Kappeler A., Lukan W., Suppan A.) Frankfurt/M., 2002.

¹³ <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/>.

¹⁴ Дюкс Л. Новый интернет-журнал по новейшей истории // Новая и новейшая история. 2005. № 4. С. 218—219.

¹⁵ Термин «постмодернизм» изначально обозначал отрицание модернистской архитектуры (школа Ле Карбюзье). Это понятие, сменившее понятие «модернизм», употребляется также для обозначения новых направлений критики в искусстве и литературе.

¹⁶ На взгляд автора статьи подобным «постмодернистским вызовом истории» в России, вне зависимости от того, считали ли себя авторы представителями постмодернизма, являлись романы советского писателя В. Пикуля, а позже произведения В. Успенского (например, «Тайный советник вождя. Т. 1—5. М., 2006), Э. Радзинского (например, «Сталин. Жизнь и смерть». М., 2006) или проект Г. Любомирова «Сталин. Live» на телевизионном канале НТВ (январь 2007 г.)

¹⁷ Селунская Н. Б. Ук. соч. С. 30—32.

¹⁸ Кока Ю. Современные тенденции и актуальные проблемы исторической науки в мире // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 19.

¹⁹ Цит. по: Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю. История, память, мифы // Новая и новейшая история. 2007. № 2. С. 117.

²⁰ Кока Ю. Ук. соч. С. 19.

²¹ Смоленский Н. И. Проблема объективности исторического познания // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 48.

²² Селунская Н. Б. Ук. соч. С. 39. С этим согласен и профессор Н. И. Смоленский, который пишет: «Историческая наука не знает какого-либо одного варианта методологии, каждое новое ее состояние означало и изменение методологических позиций историков... Влияние жизни, общественной практики на развитие методологии неустранимо. Поэтому в развитии и смене методологических позиций историков также всегда имеют место и преемственность, и разрыв с прежними представлениями одновременно... методологии вообще, вне рамок времени, историческая наука не знает. (Смоленский Н. И. Из опыта ведения курса по методологии истории // Новая и новейшая история. 2007. № 2. С. 133.)

²³ Поляков Ю. А. Как отразить многомерность истории // Новая и новейшая история. 2003. № 4. С. 3.

²⁴ Чубарьян А. О. Историческая наука в России к началу XX века // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 12.

²⁵ Славянский мир: проблемы истории и современность. С. 119—120.

²⁶ См. Согрин В. В. История исторической мысли XX века // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 154. Автор анализирует фундаментальный труд Б. Г. Могильницкого «История исторической мысли XX века. Курс лекций, вып. 1. Кризис историзма». Томск, 2001; вып. 2. Становление «новой исторической науки». Томск, 2003.

²⁷ См. подробнее: Марьина В. В. Чехословацкая историография: перипетии движения к «бархатной» революции // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд десятилетия. М., 2001. С. 147—168.

²⁸ Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917—1918 гг.). М., 1990. С. 47.

²⁹ Prečan V. V kradeném čase. Výběr ze studií, článků a úvah z let 1973—1993. Brno, 1994. S. 347—349.

³⁰ Поляков Ю. А. Ук. соч. С. 10.

³¹ Выдающийся американский историк, патриарх американской историографии, как пишет академик А. А. Фурсенко, с 1994 г. являлся иностранным членом Российской Академии Наук. (Академик Фурсенко А. А. Памяти Артура М. Шлезингера-младшего // Новая и новейшая история. 2007. № 4. С. 222—223).

³² Поляков Ю. А. Ук. соч. С. 4.

³³ Актуальные теоретические проблемы исторической науки. Материалы дискуссии // Вопросы истории 1992. № 8—9. С. 162.

³⁴ См. Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 26—56.

³⁵ Там же. С. 38—39.

³⁶ Там же. С. 51.

³⁷ Там же. С. 52.

³⁸ Prečan V. V kradeném čase. S. 601.

³⁹ См. подробнее: Марьина В. В. Чехословакия: Движение Сопротивления в историографии // Антифашистское движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (Вопросы национальной историографии). М., 1991. С. 82—84.

⁴⁰ См. подробнее: Марьина В. В. «Народная демократия»: теория и практика // Власть — общество — реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006. С. 14—77.

⁴¹ Slovenské národné povstanie. Dokumenty. Bratislava, 1964; Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. Sv. 1, 2. Praha, 1965; Slovenské národné povstanie. Nemci a Slovensko. Bratislava, 1971.

⁴² См. подробнее: Марьина В. В. Чехословацкая историография: перипетии движения к «бархатной» революции. С. 158—162; Prečan V. V kradeném čase. S. 247—319.

⁴³ Prečan V. V kradeném čase. S. 549—552.

⁴⁴ Ibid. S. 274.

⁴⁵ Ibid. S. 120.

⁴⁶ Ibid. S. 594.

⁴⁷ Ibid. S. 144—145.

⁴⁸ Ibid. S. 132—133.

⁴⁹ Цит. по: Ibid. S. 115.

⁵⁰ Ibid. S. 321—322.

⁵¹ Prečan V. Jaký časopis, nač a pro koho // Sd. 1993. N 1. S. 5—10; Prečan V. Předávaji kormidlo // Sd. 1999. N 4. S. 416.

⁵² *Sd.* 1993. N 1. S. 6.

⁵³ *Sd.* 1994. N 2–3. S. 199–205.

⁵⁴ *Ibid.* S. 199–200.

⁵⁵ *Ibid.* S. 202–203.

⁵⁶ *Ibid.* S. 203–204.

⁵⁷ Следует отметить, что из-за нарушения книгообмена между Россией и Чехией после ноября 1989 г. в распоряжении автора имелся неполный комплект журнала за 1993–1999 годы.

⁵⁸ *Sd.* 1994. N 2–3. S. 194–198.

⁵⁹ *Graus F.* Historické studium otázek moci // *Sd.* 1993. N 1. S. 44–60.

⁶⁰ *Šubrt J.* Sociální paměť a sociologický výzkum // *Sd.* 1995. N 2–3. S. 269–280.

⁶¹ *Beneš Z.* Dějiny a přítomnost. Zamyšlení nad povahou soudobých dějin // *Sd.* 1999. N 1. S. 45–54.

⁶² *Luňak P., Šedivý J.* Teorie a empirie ve studiu mezinárodních vztahů // *Sd.* 1999. N 1. S. 55–70.

⁶³ *Williams W. A.* Tragedy of American Diplomacy. Madison, 1959.

⁶⁴ *Luňak P., Šedivý J.* Teorie a empirie... S. 65–66.

⁶⁵ *Ibid.* S. 69–70.

⁶⁶ Вебер Макс (1864–1920) — немецкий социолог, историк, экономист и юрист.

⁶⁷ *Horský J.* Racionalita dějinného jednání. Podněty Weberovy sociologie pro dějepisné bádání // *Sd.* 1999. N 1. S. 71–90.

⁶⁸ *Křen J.* Interpretace národních, středoevropských a evropských dějin. Více otázek než odpovědí // *Sd.* 1999. N 4. S. 488–513.

⁶⁹ Наряду с этим автор употребляет также в качестве синонима термин центрально-восточные страны Европы.

⁷⁰ *Křen J.* Interpretace národních, středoevropských a evropských dějin. S. 507–512.

⁷¹ Материалы дискуссии опубликованы в журналах *Soudobé dějiny*. 2001. N 1. S. 77–130; *Dějiny a současnost*. 1999. N 6. S. 2–4, 16–25; 2000. N 1. S. 46–50.

⁷² *Svátek F.* Pokus o bilanci průběhu a výsledků “sporu historiků” v České republice na přelomu tisíciletí // *Sd.* 2001. N 1. S. 84–85.

⁷³ *Tůma O.* Legitimizační funkce české historiografie před rokem 1989 a po něm // *Sd.* 2001. N 1. S. 109–114.

⁷⁴ См. например, *Korček J.* K posobeniu mocensko-represívneho aparátu Slovenského štátu pred vypuknutím SNP (január–august 1944) // *Sd.* 1994. N 6. S. 705–723; *Marjinová V. V.* “Braná na Balkan”. Slovensko v geopolitických plánech SSSR a Německa v letech 1939–1941 // *Sd.* 1994. N 2–3. S. 827–846; *Sládek O.* Výsadky ze Sovětského svazu na Slovensko a do protektorátu v roce 1941 // *Sd.* 1995. N 4. S. 514–529; *Marjinová V. V.* K historii sovětsko-československých vztahů v letech 1938–1941. Nad deníkem Ivana M. Majského // *Sd.* 1999. N 4. S. 514–533.

⁷⁵ *Jablonický J.* Husák v rezistenci 1939–1943 // *Sd.* 1994. N 2–3. S. 222–235.

⁷⁶ Kuklík J. O mýtu, legendě a hagiografii // *Sd.* 1995. N 4. S. 636–640.

⁷⁷ Fučík, Julius. Reportáž, psaná na oprátce. Přípr. František Janáček, Alena Hájková. První úplné, kritické a komentované vydání. Praha, 1995.

⁷⁸ Позицию автора статьи по этому вопросу см.: *Марына В. В.* Выселение немцев из Чехословакии: рождение и модификация идеи. 1939–1943 гг. // *Славяноведение*. 2003, № 1; *Она же*. Выселение немцев из Чехословакии: интернационализация и реализация идеи. 1944–1946 гг. // *Славяноведение*. 2003, № 3; *Она же*. Выселение немцев из Чехословакии // *Национальная политика в странах формирующегося советского блока 1944–1948*. М. 2004. С. 153–210.

⁷⁹ Forum. O sudetoněmecké otázce // *Sd.* 1994. N 2–3. S. 236–292.

⁸⁰ *Ibid.* S. 240–241, 245.

⁸¹ *Ibid.* S. 259.

⁸² См. подробнее: *Национальная политика в странах формирующегося советского блока*. С. 515–519.

⁸³ *Vondrová J.* Několik poznámek k tematú “cesta k odsunu sudetských Němců z Československa” // *Sd.* 1995. N 4. S. 629–635.

⁸⁴ *Kural V.* Místo společenství — konflikt! Češi a Němci ve Velkoněmecké říši a cesta k odsunu (1938–1945). Praha, 1994.

⁸⁵ См. *Sd.* 2002. N 2. S. 348–376; N 3. S. 252–292, 293–318.

⁸⁶ *Komplex odsunu. Výsídlení Němců a české pohraničí po roce 1945* // *Sd.* 2005. N 3–4. S. 425–485.

⁸⁷ Forum. O předpokladech sovětizace východní Evropy // *Sd.* 1994. N 4–5. S. 483–539.

⁸⁸ *Gibianskij L.* Informbyro a východní Evropa. Vzájemný poměr vnitřních a vnějších faktorů v procesu sovětizace // *Sd.* 1994. N 4–5. S. 462–472.

⁸⁹ См. *Sd.* 1997. N 3–4 (*Marjinová V.* Od důvěry k podezřivosti. Sověťští a českoslovenští komuniste v letech 1945–1948. S. 451–468; *Muraško G.* Únorová politická krize roku 1948 v Československu a “sovětský faktor”. Z materiálů ruských archivů. S. 468–478; *Narinskij M.* Sovětský svaz a Marshallův plán. Ještě k otázce sovětského veta. S. 479–491); 1998. N 2–3; *Krejčí J.* Tři diagnózy jedné moci komunisty. S. 203–207; *Tomaszewski J.* Cesta komunistických stran k moci ve střední Evropě. Srovnávací pohled. S. 208–237; *Pruessen R. W.* Od symbolu ke katalyzátoru a znova k symbolu. Vývoj amerického chápání Československa a východní Evropy v letech 1943–1948. S. 238–246; *Mastný V.* Pražský puč v únoru 1948. a počátky Severoatlantického paktu. S. 247–256; *Zeman Z.* Československý uran a únor 1948. S. 257–265; *Pešek J.* Februárový převrat 1948 na Slovensku. S. 266–274; *Ivaničková E.* Slovensko-český vztah v mocenskom zápase v ČSR 1945–1948 z pohľadu britskej diplomacie. S. 275–280).

⁹⁰ См. *Sd.* 1998. N 2–3. S. 312–320; 1999. N 1. S. 103–110; N 4. S. 534–544 (В дискуссии участвовали российские историки Г. П. Мурашко и Л. Я. Гибианский и чешские историки В. Пречан, К. Каплан).

⁹¹ Комиссии долго не удавалось получить документы из российских архивов, несмотря на неоднократные обращения по этому поводу к российским властям

А. Дубчека, чехословацкого посла в Москве Р. Сланского, министра иностранных дел РФ Б. Панкина и др. Только после визита чехословацкого президента В. Гавела в Москву в 1992 г. Комиссия получила ряд важных российских документов (Sd. 1993. N 1. S. 131).

⁹² Sd. 1993. N 1. S. 129–133.

⁹³ *Měchyř J.* Na okraj legendy roku 1968 // Sd. 1993. N 1. S. 11–23.

⁹⁴ *Soudobé dějiny.* 1994. N 2–3 (*Belda J., Benčík A., Kural V.* Místo tzv. legendy legendy? S. 338–348; *Brokl L.* Čím byl a čím zůstal osmašedesátý? S. 350–356; *Vančura J.* K legende 1968. S. 357–358).

⁹⁵ Ibid. S. 355.

⁹⁶ *Skilling G. H.* 1968 — přerušená revoluce? // Sd. 1998. N 4. S. 485–489.

⁹⁷ Ibid. S. 486–487.

⁹⁸ *Пухоя Р. Г.* Чехословакия 1968 год: Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1994. № 6. С. 3–20, 1995. № 1. С. 34–48.

⁹⁹ В журнале было подробно изложено ее содержание: *Vondrová J.* K dokumentům ÚV KSSS o Československu 1968 // Sd. 1996. N 2–3. S. 271–291.

¹⁰⁰ Оценки прошлого должны соотноситься с реалиями прошлого: Вопрос об интервенции в Чехословакию был согласован с американцами // Сегодня. 23.08.1996.

¹⁰¹ Znovu o “Pražském jaru” // Sd. 1996. N 2–3. S. 292–299.

¹⁰² *Pajórek L.* Polsko a “pražské jaro” 1968 // Sd. 1996. N 2–3. S. 247–263; *Hoppe J.* Od neúvěry k spojenectví a zpět. Československo-rumunské vztahy v letech 1967–1970 // Sd. 1999. N 4. S. 443–459; *Hoppe J.* Britský pohled na “pražské jaro” // Sd. 2000. N 3. S. 338–350; *Pelikán J.* Jugoslaviie a okupace Československa v srpnu 1968 // Sd. 2000. N 4. S. 711–750; *Pfeil U.* SED, PGF a “pražské jaro” // Sd. 2001. N 1. S. 58–77.

¹⁰³ *J. V.* Poslední projev Františka Kriegla // Sd. 1993. N 1. S. 83–86; *Janáček F., Michálková M.* Příběh zvacího dopisu // Sd. 1993. N 1. S. 87–101; *Vondrová J.* K dokumentům ÚV KSSS o Československu 1968 // Sd. 1996. N 2–3. S. 271–291; *Pecka J.* Rozhovor Jozefa Smrkovského s generálem N. V. Ogarkovem 30.8.1968 // Sd. 1997. N 1. S. 158–166.

¹⁰⁴ *Burian M.* Přígnostici v takzvané sametové revoluci // Sd. 1997. N 3–4. S. 492–509.

¹⁰⁵ *Szomolányi S.* November 89. Otvorenie prechodu a jeho aktéry na Slovensku // Sd. 1999. N 4. S. 421–442.

¹⁰⁶ См., например, *Madry J.* Oddobí zbrojení a přezbrojování. Uzlové body komunistického rozhodování o Československu po Stalinovi // Sd. 1994. N 4–5. S. 623–639; *Pernes J.* Dělnické demonstrace v Brně v roce 1951 // Sd. 1996. N 1. S. 23–41; *Manák J.* Vývoj početního stavu a sociálního složení KSČ v letech 1948–1968 // Sd. 1999. N 4. S. 460–478.

¹⁰⁷ См., например, *Vladislav J.* K podílu inteligence na sovětzací české a slovenské společnosti // Sd. 1994. N 4–5. S. 443–449; *Rupnik J.* Intelektuálové a moc v Československu // Sd. 1994. N 4–5. S. 540–550; *Drápala M.* Spisovatelé na rozcestí. Na okraj prvního sjezdu českých spisovatelů // Sd. 1994. N 4–5. S. 450–462; *Drápala M.* Iluze jako osud. K vývoji politických postojů Vítězslava Nezvala // Sd. 1996. N 2–3. S. 175–218; *Knapík J.*

Verše v nemilosti. Ke vzniku a souvislostem kritiky Jaroslava Seiferta v roce 1950 // *Sd.* 1998. N 1. S. 25–46; *Svátek F.* Překračování hranic. Zamyšlení nad životem a dílem českého a evropského intelektuála Bedřicha Loewensteina // *Sd.* 1999. N 1. S. 91–97.

¹⁰⁸ См., например, *Hyndráková A.* O židovských listech (Judisches Nachrichtenblatt) 1939–1948 // *Sd.* 1993. N 1. S. 102–108; *Svobodová J.* Problematika antisemitismu v současné historiografii // *Sd.* 1994. N 4–5. S. 640–647; *Krejčová H., Hýndráková A.* O postojů Čechů k židům. Z politického zpravodajství okupační správy a protektorátního tisku 1939–1941 // *Sd.* 1995. N 4. S. 578–605.

¹⁰⁹ См. например, *Mareš P.* Čekání na Godota. Americká politika a volby v Československu v květnu 1946 // *Sd.* 1997. N 1. S. 7–25; *Gibiánský L.* Moskva a východní Evropa. Některé aspekty vzniku sovětského bloku // *Sd.* 1997. N 1. S. 26–41; *Reiman M.* Stalin po válce (1945–1948) // *Sd.* 1997. N 1. S. 42–63; *Mastný V.* Promarněné příležitosti po Stalinově smrti? // *Sd.* 1997. N 1. S. 64–74; *Litera B.* Spojenci na začátku studené války. Stalin a takzvané dlouhé telegramy // *Sd.* 1997. N 1. S. 75–95; *Schlesinger A.* Počátky studené války // *Sd.* 1997. N 1. S. 96–117.

¹¹⁰ См. например, *Varinský V.* Nútené práce na Slovensku v letech 1945–1948 // *Sd.* 1994. N 6. S. 734–736; *Pešek J.* Vysídľovacie akcie na Slovensku v letech 1948–1953 // *Sd.* 1996. N 1. S. 42–59; *Barnovský M.* K profilu a činnosti Demokratickej strany (1944–1948) // *Sd.* 1996. N 2–3. S. 219–246.

¹¹¹ *Prečan V.* Dokumenty sovětské éry v ruských archivech — nový pramen k československým dějinám 1941–1945. Badatelské zkušenosti z let 1994 a 1995 // *Sd.* 1995. N 4. S. 609–628.

¹¹² См., например, *Rafaj P.* Soupisy zahraničních pramenů k dějinám Československa // *Sd.* 1995. N 4. S. 606–608; *Kuklík J., Němeček J.* České a československé archivní dokumenty v Archivu Hooverova institutu // *Sd.* 1998. N 1. S. 95–116.

¹¹³ См. например, *Sd.* 1994. N 2–3. S. 302–309; 1994. № 6. S. 747–780; 1996. № 1. S. 123–130; 1999. N 4. S. 589–616; 2000. № 3. S. 471–525; 2000. № 4. S. 711–750.

¹¹⁴ См., например, *Sd.* 1994. № 2–3. S. 293–301; 1994. N 4–5. S. 591–597; 1994. № 6. S. 817–826; 1998. № 4. S. 509–554.

¹¹⁵ В 1990-е годы в журнале публиковались российские историки В. Афиани, Л. Гибианский, В. Марина, Г. Мурашко, М. Наринский, Р. Пихоя. К сожалению, в последнее время интерес журнала к работам российских ученых упал.

Глава VI

Вторая модернизирующая трансформация в «Восточноевропейских исследованиях»

1. «Трансформационный» путь развития востока Европы, его смысл, изучение и освещение

Восточноевропейское пространство сформировано не только политическими и символическими реалиями (коммунистическим режимом, Берлинской стеной), но и объективными, материальными и духовными процессами второй половины XX века в Восточной и Центральной Европе, в России. В основе этих процессов — ступени интеграции востока Европы, подразумевая страны бывшего социалистического блока, в современный мир. Это специфически восточноевропейский тип ускоренного развития «через трансформации». Однако результаты движения «по пути прогресса», далеко не во всех отношениях позитивные для общества и человека, несомненны по своим социоэкономическим и социокультурным показателям. В ходе радикальных и односторонних перемен в большой группе стран сложилась уникальная цивилизационно-культурная общность соседних народов региона.

За противоречивыми оценками современной истории стран «к востоку от Эльбы», за прошлыми и новыми мифами о блеске или, напротив, нищете социалистических и демократических преобразований надо пытаться распознавать реальные общественные процессы. В силу их восточноевропейский регион в течение всего новейшего времени — от завершения второй мировой войны до наших дней — сохраняет ключевое значение для судеб мира, предопределяя траекторию его изменений. Для самих стран востока Европы эпоха социализма, как и капитализма, совпала с процессами форсированной модернизации общества, но в первом случае — вольно или невольно — еще при сохранении многих черт национально-культурного своеобразия («консервативная модернизация»).

Страны, в большинстве своем составлявшие аграрную периферию запада Европы, общество классического сельского типа, за период с конца 1940-х годов одновременно совершили вместе несколько межцивилизационных переходов. Возникшая в результате соцмодернизации группа

стран «второго мира» составила в результате другой по отношению к Западу полюс развития, способствуя социализации капиталистического общества на протяжении времени существования восточного блока. Его ставшее для всех неожиданным крушение и переход после 1989—1991 годов к капмодернизации, а одновременно — однополярному, «несбалансированному» миру сопровождалось повсеместным усилением социального неравенства и ростом глобальных рисков, отступлением традиционной культуры народов перед «общедемократическими» и «общечеловеческими» ценностями. Тем не менее, восточноевропейская проблематика и спустя полтора десятилетия после «бархатной» по форме геополитической революции и распада соцсистемы не теряет актуальности. Напротив, именно это внутренне по-прежнему взаимосвязанное, хотя внешне по многим признакам уже давно разделенное пространство остается сегодня во власти во многом сходных тенденций развития.

Глобальные перераспределения силы на протяжении второй половины XX века, конечно, не могли строиться лишь на властно-политических основаниях, противостоянии идеологий. У них был вполне «материальный» фундамент — и экономический, и культурный, подразумевая под последним определенную систему ценностей, в том числе и ценностей, объединяющих народы для достижения «прорывных» целей развития. Эти цели предопределили ускоренное прохождение трех этапов модернизации восточноевропейского общества, сопровождавшееся его трансформациями, то есть системными изменениями и кризисами — политическими и экономическими, социальными и духовными. Не что иное, как упомянутые *три этапа модернизации* составили содержание *раннесоциалистического, позднесоциалистического (первая трансформация) и постсоциалистического/раннекапиталистического (вторая трансформация)* периодов истории стран региона.

Первая модернизация — индустриальная, «по советским образцам», собственно, и создала восточноевропейскую общность. Она начинается с принятия компартиями стран линии на «социалистическое строительство». Подразумевалась под ним программа преодоления цивилизационного отставания от развитого Запада путем промышленного подъема в форме «большого скачка». Первая модернизация, или переход от преимущественно аграрного общества к индустриальному символически завершается событиями Пражской весны 1968 года.

Вторая модернизация — постиндустриальная, производная от первой, создала городскую культуру и ее носителей — массовые высокообразо-

ванные слои населения. От времени превращения восточноевропейского общества в промышленное в середине 1960-х годов до начала советской перестройки проходит еще два десятилетия. Это период относительной социальной консолидации и стабильности — «нормализации» — «в тени Пражской весны» и фактически несостоявшихся экономических реформ 1960-х. Это время постепенного угасания внутренней энергетики коммунистического режима при усилении его внешних проявлений — предпочтения партийной номенклатурой охранительных целей развитию. Позднесоциалистический — это период скорее неотрадиционализации и утверждения приоритета национальных путей развития над отступающими «блоковыми» закономерностями. Тем не менее, в начале 1980-х годов завершается выполнение запущенной на рубеже 1940—1950-х годов программы соцмодернизации как формирования на востоке Европы общества индустриального, городского, образованного.

Лишившись, таким образом, прежней основы своего существования и не создав новой, политическая конструкция Восточного блока, воплощенная в коммунистическом режиме, переживает крах. Ее «могильщиком» выступает сам «продукт» модернизации советского типа — молодые образованные горожане. В поисках возможностей личностной и профессиональной самореализации они поддерживают перестройку общественной системы, инициированную коммунистами-реформаторами, подразумевая моральную, правовую коррекцию существующего строя и устранение власти номенклатуры. Однако история распорядится совсем иначе. Система переживает не перестройку, а полное крушение, номенклатура обменивает власть на собственность. Пространство «от Праги до Владивостока» переживает шоковую трансформацию, никак не предвещавшуюся «нежной/бархатной» революцией с ее идеалами гуманизации и демократизации общества, формирования его достойного «человеческого лица» и прихода интеллигенции к власти, в соответствии с идеалами Пражской весны 1968 года — прообраза революции 1989 года.

Сегодня, спустя два десятилетия после перестройки, под которой надо понимать 10-летний период от польской революции Солидарности до ноября 1989 года, мы говорим об итогах *третьей модернизации*, постсоциалистической, или в терминологии прежней эпохи — «капстроительства». Программа создания экономических (либерализация экономических отношений) и культурных (индивидуализированное, «приземленное» общество потребления) «основ» капиталистического общества в странах региона реализована. «Капстроительство», собственно, и составило со-

держание *второй трансформации*, определяемой как либерально-демократическая. По своей идейной направленности она отрицает первую трансформацию, сформировавшую так называемый тоталитарный строй. Однако по реальному содержанию модернизационных процессов, составляющих смысл второй трансформации, она — не что иное, как продолжение первой, шедшей по советским образцам. Вторая модернизирующая трансформация, тоже «догоняющая», осуществлялась в России и других странах региона по западным образцам.

Для восточноевропейцев очевидно, что — несмотря на различия в способах и темпах реформ, характера социалистического и досоциалистического наследия — содержание трансформационных процессов, начавшихся в странах региона после 1989 г., едино¹. Это движение по пути радикальных рыночных реформ, либерализации всех сфер жизни, а также «сплошной материализации» сознания. Социальные и духовные последствия процессов 1990-х оцениваются сейчас скорее негативно: оценки их поменялись на противоположные по сравнению с господствовавшими десятилетие назад.

Восточноевропейские общества вступают в позднекапиталистический период своей консолидации после очередной волны трансформационных потрясений. Это характерно для всех «постсоветских» стран региона. Восстановление сотрудничества обществоведов рассматриваемой группы стран позволит дать развернутую объективную характеристику и оценку произошедших перемен, предметно разобраться в сущности почти 70-летней восточноевропейской динамики, в особенно сложной нынешней реальности наших стран периода постмодерна.

Главным результатом третьей, постсоциалистической волны модернизации восточноевропейского региона явилась демографическая революция, изменившая глубинные основы существования восточноевропейского человека, не меньше, чем индустриальная и затем городская революции периода социализма. Капиталистическая модернизация восточноевропейского общества — основа посткоммунистической, индентифицирующей себя как антикоммунистической, трансформации, в конечном счете, неотделима от нового витка в изменении баланса геополитических сил. Следующим его этапом после распада соцсистемы и «модернизирующей трансформации» бывших членов этой системы стало расширение на восток ЕС и НАТО.

Летом 2005 г. на своем Берлинском конгрессе Международный комитет по центрально- и восточноевропейским исследованиям, созданный

странами Запада в 1974 г., провозгласил, что предшествующие 3 десятилетия, которые привели регион к радикальной смене геополитического вектора в 1989—1991 гг., стали «прологом» последующих перемен в этой части мира. Тема Берлинского конгресса звучала: «Европа — наш общий дом?». Тема следующего, Стокгольмского конгресса этой организации 2010 г.: «Евразия: перспективы расширения сотрудничества». Нельзя, однако, забывать о роли России, исторически выполняющей на этой обширной территории роль движущей силы процессов европеизации — вплоть до берегов Тихого океана².

В самих западных восточноевропейских исследованиях акцент сейчас перенесен с изучения политических и экономических реалий на социальные вопросы, историю и культуру региона, охватывающего территорию «от Праги до Самарканда». Их объединяет не что иное, как постсоветский опыт, за которым стоит общий путь развития. Значение этого опыта в жизни восточноевропейцев хорошо понимают западные политики и эксперты, но недооценивают российские обществоведы и гуманитарии. Укоренившаяся в России на завершающем, перестроечном этапе существования коммунистического режима пораженческая, самоучижительная в отношении собственной страны, ее роли в мире парадигма продолжительное время господствовала, особенно в академических кругах, и отстывает только в последнее время.

Попытки пересмотра общего восточноевропейского исторического прошлого нашли в 2007 году предельное проявление в перенесении могил советских воинов, освобождавших Восточную Европу во время второй мировой войны. Истоки же сегодняшних событий связаны с ролью «наиболее прогрессивных» представителей нашей интеллигенции, выступивших еще в годы перестройки с русофобских под видом антисоветских позиций*.

«Отталкивание от русского Востока началось с критики советского Востока»³. Везде в Восточной Европе (в широком смысле) бывшие преподаватели истории компартии (если не перешли в сферу бизнеса) стали первыми создателями обширной антикоммунистической литературы. Беспрепятственно российский и восточноевропейский антисоветизм и анти-

---

* Скандальный характер, пишет болгарский историк Илияна Марчева, получило изгнание службами госбезопасности советского обществоведа В. Киселева (из бывшего Института экономики мировой социалистической системы АН СССР), излагавшего антисоветские и антисоциалистические взгляды, с IX Национальной школы молодых историков Болгарии летом 1989 г.

коммунизм в 1990-е годы превратился в русофобию, а славянство — вновь в символ отсталости. Отношения России со странами региона оказались в центре внимания официальных исследователей в этих странах, но уже, конечно, в негативном плане. Новая европейская ориентация трактовалась как способ преодоления славянофильства — препятствия формированию западноевропейской идентичности. Предпосылки этих господствовавших в 1990-е, но не сдающихся, а лишь модифицирующихся в наши дни, настроений не только в убеждениях их носителей. Но и в солидном финансировании регионоведческих исследований Евросоюзом в условиях плачевного состояния российских и национальных восточноевропейских разработок, значение которых в наши дни далеко не только научное, но и политическое⁴.

Изучение истории и культуры региона Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ), выдвинувшееся на передний план в западных восточноевропейских исследованиях в последнее время, в России традиционно осуществлялось в рамках академического славяноведения. На его основе тот отрезок истории стран ЦЮВЕ, когда они составляли часть советского блока, сопровождался «взрывным развитием»⁵ историко-филологического направления региональной проблематики — имея в виду группу союстран Европы за пределами СССР. Спустя шесть десятилетий, в совершенно новой международной ситуации, после геополитической катастрофы 1990-х встает вопрос о модернизации самого славяноведения, изучающего восточноевропейское пространство. Требуется расширение его междисциплинарных рамок за счет историко-социологической компоненты, точнее социокультурного измерения исторического процесса, особенно применительно к современному периоду. Россияведение, русистика должны стать органической частью этих исследований. Необходимо использовать солидный задел западной и восточноевропейской советологии, оставшийся в наследие от коммунизма, а также богатый опыт западных восточноевропейских исследований, центральное внимание в которых перенесено с ЦЮВЕ на Россию. Время поворота к позитивному, поступательному этапу пришло для науки о восточноевропейском пути развития, как и для самого бывшего «второго мира». Две стороны одной медали.

Восточноевропейский регион — пространство двух пережитых нами геополитических революций, радикально менявших в прошлом веке судьбы всего человечества, его систему ориентиров, границы государств и отношения народов. Это общность, окрепшая на крутых виражах сов-

местного перехода «от капитализма к социализму и обратно». Духовный потенциал данной общности в полной мере раскроется в наступившем столетии. Восточноевропейский путь развития⁶ начался с появления социалистического содружества в середине XX века, но не завершился с его распадом. Исторический процесс, как очевидно теперь всем имеющим отношение к его изучению, включает мощную социогуманитарную компоненту — изменения в стилях жизни и духовных ценностях народов, их сообществ. В центре восточноевропейских исследований — биографии, образ жизни, отношения, взгляды нескольких поколений людей, историческая память о совместном преодолении важных этапов в развитии своих стран, неразрывная связь времен.

Сформировавшийся во второй половине прошлого века восточноевропейский тип развития составил альтернативу западному, капиталистическому пути развития, альтернативу, реальную как для первых послевоенных лет, так и для наших дней, полтора десятилетия после крушения коммунистического режима. Об этом сейчас задумываются восточноевропейские ученые⁷. Ведь Россию с бывшими социалистическими странами Центральной и Юго-Восточной Европы, с постсоветскими республиками, объединяет далеко не только прошлое.

Постсоветский опыт, который два десятилетия остается за пределами объективного анализа, во всяком случае, в восточноевропейской, прежде всего, российской науке, составляет живую ткань повседневности, основу единства и многообразия пространства от Эльбы до Тихого океана. Реконструировать картину социокультурной динамики региона — значит сделать шаг к его культурной реинтеграции.

Страны восточноевропейского региона, находившиеся на совершенно различных ступенях цивилизационного развития к моменту завершения второй мировой войны, за полвека прошли свое Новое и Позднее время — осуществили прорыв к современности и постсовременности, включающий цепь преобразований революционного характера. Каждая смена поколений несла с собой новую, во многих отношениях более прогрессивную социальную реальность и иную картину мира человека. Каждый этап развития, равный 20-летней «длине поколения», служил логическим продолжением и одновременно преодолением предыдущего. 1950—1960-е годы — время поколения 1930-х годов рождения, 1970—1980-е — поколения 1950-х, 1990—2000-е — поколения 1970-х, на горизонте 2010—2020-е — время уже родившегося поколения 1990-х.

Восточноевропейский исторический процесс детерминирован наследием двух органично взаимосвязанных Великих Трансформаций — переходами к восточноевропейскому Новому (модерн) и Позднему (постмодерн) времени. Их специфические для данного региона версии обусловлены особенностями стартового социалистического модерн-проекта, отличного от модерн-проекта капиталистического и по содержанию, и по темпам реализации. И социализм, и капитализм повсеместно в странах региона устанавливались «сверху», были «спроектированными»⁸.

На первом послевоенном этапе (до середины 1960-х годов) соцмодернизация обладала выраженным эффектом советизации. В период форсированной индустриализации 1948—1953 гг., давшей старт первой Великой Трансформации, как пишет чешский историк, страны Центральной и Юго-Восточной Европы прошли все основные фазы советского пути развития, включая двоевластие, поражение своих Керенских, пятилетки, коллективизацию, рост партийной бюрократии, инсценированные политические процессы, имели своих мини-Сталиных⁹. На втором этапе «строительства социализма» все более отчетливо начинает преобладать национальное своеобразие над так называемыми общими закономерностями развития.

Рубеж 1970—1980-х годов — время завершения социалистической «консервативной» модернизации: основные ее задачи оказались решенными. Этот тип развития иногда несправедливо называют «модернизацией без модерна», поскольку она происходила преимущественно в социально-экономической сфере, меньше — в социально-политической и социально-культурной сферах. Восточноевропейский регион преодолел тогда важнейшие рубежи создания общества современного типа — индустриального, городского, высокообразованного. Хотя, конечно же, это был «незавершенный модерн». Кстати, с рубежом этих двух десятилетий принято связывать и «постмодернистский переворот» в мировой культуре (прежде всего, архитектуре и философии)¹⁰. Вступление в эпоху постмодерна в нашем регионе совпало по времени со сменой общественно-политической системы.

Социалистическое общество до конца своего существования оставалось по сути посткрестьянским, полутрадиционным, даже когда большинство населения уже не было занято в аграрном секторе и переселилось в города. В самом селе сохранялись многие черты доиндустриального стиля жизни, о чем отчетливо свидетельствовали результаты этнографических исследований второй половины XX века. Расставание с прошлым, напри-

мер, в венгеро-словацком пространстве, по оценкам экспертов, шло медленно и селективно¹¹.

Пожалуй, главной особенностью восточноевропейского, хотя, прежде всего, советского, рабочего класса и интеллигенции, особенностью, многое объясняющей в их отношении к общественному строю и его смене на рубеже 1980—1990-х годов, явилась маргинальность — несоответствие характеристик социальных и культурных (гораздо более инерционных). Образованные горожане в первом и втором поколениях с неустоявшимися социокультурными характеристиками оставались мировоззренчески дезориентированными. Общество тоталитарного типа как сверхполитизированное отвечало целям форсированной модернизации, мобилизационного типа развития силами людей с преимущественно маргинальным, «промежуточным» менталитетом, дезориентированных и зависимых.

Вторая модернизирующая трансформация явилась логическим продолжением первой, ее завершением. Она началась с «шоковой терапии» экономической либерализации. Однако ключевое значение на этот раз, в условиях наступающего информационного общества приобрели перемены в сфере не экономики, а культуры, сознания. Теперь уже не промышленная, а демографическая революция становится движущей силой перемен. Законсервированная соцмодернизацией, особенно ее вторым этапом «домашнего», «гуляшного» социализма, традиционная восточноевропейская семья стремительно теряет свое значение, вызывая в 1990-е годы сдвиги в межчеловеческих отношениях и базисных моральных категориях: «жизнь — смерть», «родители — дети», «мужчина — женщина».

В наши дни, на этапе посттрансформации процессы вестернизации, как было в случае с советизацией, вновь постепенно отступают перед национальной спецификой каждой из стран региона, особенностями исторических путей и традиционными идентичностями. Ожидает ли нас в 2010-е годы, как в 1970-е, новый этап неотрадиционализации и «возврата к корням»? И сохранится ли общность траектории развития России и бывших соцстран, интегрированных в западные структуры? Ответ на эти вопросы требует глубокого осмысления нашего недавнего прошлого и настоящего.

Итак, цикл из трех этапов ранне-, средне-, и постсоциалистической трансформации завершился. Пройдя его, страны региона по воле «модернизаторов» с Востока и Запада достигли новых цивилизационных рубежей, заплатив утратой части национально-культурного своеобразия. «Трансформационный» путь развития региона имел кризисный характер,

сопровождался не только политическими, но также социальными и культурными потрясениями, радикальной сменой основ жизнедеятельности восточноевропейцев. Три их поколения на всем пространстве Большой Восточной Европы (включая бывший СССР) оказались вовлеченными в процессы «перехода к современности» по заимствованным моделям. Объективная оценка результатов и последствий обеих модернизирующих трансформаций, как и их роли в сохранении культурных ценностей и неповторимого облика народов региона, просто их самосохранения, впереди. В этой ситуации значение восточноевропейских исследований, осуществляемых общими усилиями обществоведов и гуманитариев стран региона — на обновленной, демократической, свободной от идеологии основе, выдвигается на передний план. Совместное осознание «советского наследия», опыта Великих Трансформаций второй половины XX — начала XXI столетий является условием самоопределения восточноевропейских народов в современном мире, формирования отношения к России, выбора стратегий будущего развития.

Первые шаги к теоретическому историко-социологическому осознанию опыта первой трансформации в России делались на международном уровне накануне распада соцсистемы. На конференции в Институте славяноведения и балканистики РАН, по материалам которой вышел сборник «Классы и социальные слои: исторические судьбы. СССР и Восточная Европа 20—60-е годы XX века» (М., 1990), восточноевропейский социализм был отождествлен с программой преодоления цивилизационного отставания стран региона. Последовавшие вскоре революционные перемены, распад соцсодружества, а одновременно и связей обществоведов, наконец, кризис академической науки в странах региона прервали почти на два десятилетия изучение общего опыта нашего развития. Точнее — становления в России восточноевропейских исследований.

Во всем мире, однако, специалисты-регионоведы по Восточной Европе после 1989—1991 гг. «пребывали в плохом расположении духа»¹². Тогда исчезли с политической карты не только СССР и восточный блок, но и изучавшие их науки — советология и восточноевропейские (коммунистические) исследования. Возобладавший в то время неолиберальный подход экономистов и политологов поставил под вопрос всякие региональные исследования истории и культуры отдельных частей мира, тем более ключевого в политическом отношении и наиболее быстро развивающегося в XX веке — восточноевропейского. Универсальные модели перехода к рыночной экономике и западной демократии, сменившие модели

советские, пренебрегали историко-культурными процессами, учетом предшествующего опыта развития. Региональные восточноевропейские исследования были несовместимы с концепцией трансформации как превращения бывших соцстран в «нормальные» общества. Далеко неоднозначный, как стало ясно уже во второй половине прошлого десятилетия, опыт форсированной модернизации 1990-х способствовал недавнему возрождению западных региональных исследований. Свидетельством тому — привлечший огромный, массовый интерес специалистов, в том числе российских, вышеупомянутый Берлинский конгресс 2005 г. Изучение особенностей посткоммунистических обществ постепенно возвращалось и в социогуманитарные исследования в России, переживавшей особенно острый «кризис перехода» — и научной парадигмы, и самого общества.

Лишь с начала нынешнего десятилетия осуществляется постепенный возврат к теоретическому осмыслению пути развития бывших соцстран, приостановленный или искаженный в 1990-е. Важным этапом становления восточноевропейских исследований стала еще одна международная конференция в Институте славяноведения РАН, по материалам которой опубликован сборник «Социокультурные трансформации в Центральной и Восточной Европе второй половины XX века» (М., 2002, отв. ред. Н. В. Коровицына). А с 2005 г. начал выходить Международный журнал по социальным и гуманитарным наукам «Восточноевропейские исследования» («ВЕИ») ¹³. В центре внимания первых его шести выпусков находится проблематика общественной трансформации конца XX века и социокультурные последствия ее для стран региона. Больше социологический в первых выпусках подход, затем дополняется историческим: эти две дисциплины являются базовыми для понимания восточноевропейского прошлого и настоящего.

Журнал изначально создавался как междисциплинарный и международный, главное назначение которого — отражение научных оценок, представлений преимущественно зарубежных ученых, введение в российский научный оборот практически недоступной для российских специалистов информации о современном развитии стран региона. В публикациях журнала «Восточноевропейские исследования» акцент делается на общих для данной группы стран проблемах и тенденциях социально-исторического развития, раскрывающих состояние социогуманитарных исследований в каждой из них.

Опубликованные за три года существования журнала «Восточноевропейские исследования» материалы — статьи, эмпирические исследования, сообщения о научной жизни (конференциях, проектах и др.), содержания важнейших академических журналов стран региона — социологических, исторических, этнологических, демографических — дают представление о достижениях научной мысли стран и принципиально изменившейся картине жизни восточноевропейского общества. Работы авторов из стран теперь малоизвестного, но соседнего и во многих отношениях близкого нашей стране региона являются для российских исследователей своего рода первоисточником для понимания происходящих процессов, помогая «в их зеркале» лучше понять отечественные реалии.

Каковы же нынешние воззрения обществоведов из стран, связи с которыми у России после длительного перерыва на новом историческом перекрестке были «обречены на восстановление»? Ответы на этот вопрос мы находим в публикациях Международного журнала по социальным и гуманитарным наукам «ВЕИ». С 2005 г. он выпускается совместными усилиями ученых стран региона.

2. Современные представления об особенностях восточноевропейской динамики в международном журнале «Восточноевропейские исследования»

Победа, одержанная Советским Союзом над фашистской Германией в 1945 г., привела к формированию восточноевропейской общности народов на основе одной модели цивилизационного перехода — соцмодернизации. Смена модели развития стран региона в 1989—1991 гг. повсеместно подразумевала переход к капмодернизации. Общность стран региона фактически сохранялась, хотя и в новых границах и на новой содержательной основе.

«При всем различии все эти страны подчиняются все же одним и тем же законам общественного развития», — писал в первом выпуске журнала «Восточноевропейские исследования» директор Института славяноведения РАН К. В. Никифоров¹⁴. Вынесение, например, титовской Югославии (как и единственной индустриально развитой на старте преобразований Чехии) за рамки процессов, происходивших на восточноевропейском пространстве после второй мировой войны, неоправданно. С этим согласны и авторы из стран. Коммунистический режим в Югославии стал результатом успешного партизанского движения во время второй мировой войны, а не установлен советскими танками¹⁵. Социалистическая модернизация в Югославии (как и везде в регионе) включала, по М. Лазичу,

«деаграризацию, экспансию образовательной системы и эгалитарную легитимацию», предопределившие характер динамики населения¹⁶. Все это звенья восточноевропейского пути развития.

Деление Европы на западную и восточную части, на два типа развития, варианта модернизации, приведших к похожим результатам, но разными средствами и в разные исторические сроки не вызывает сомнений¹⁷. Как и существование особенностей восточноевропейского пути развития наряду с общими закономерностями цивилизационных и формационных переходов. Например, фактически несостоявшаяся при социализме коллективизация в Польше или Югославии способствовала там консервации традиционной модели сельского хозяйства до конца XX века, сохранению в этих странах «последних крестьян Европы». Они попали под каток модернизации уже после 1989 г.

На формирование соцсодружества повлияли русофильские традиции, например, Болгарии, где они имели давнюю историю¹⁸. Почти повсеместно в регионе в послевоенные годы царили массовые настроения в пользу социальных преобразований по советскому образцу. Историки современности считают, что восточноевропейский путь ускоренного развития определенно дал положительные результаты в странах, расположенных за пределами Западной Европы и не успевших модернизироваться до второй мировой войны. Задачи «достичь за десять—пятнадцать лет того, что другие народы добились за столетия» составляли содержание «строительства социализма». Точка зрения, что социализм представлял собой, по сути, программу преодоления отсталости и форсированного превращения стран этого региона в индустриально развитые, высказывают в журнале болгарские историки — сейчас, после «резких политических колебаний», как и два десятилетия назад.

Индустриализация рассматривается как необходимая «сердцевина» развития и предпосылка изменений структуры населения. В преимущественно сельских на старте преобразований обществах доля горожан достигает половины численности населения в 1970-е годы. Попытки сдерживать перемещение крестьян в города, а женщин — к производственной занятости и образованию встречали значительное сопротивление. Также и попытки обратной переориентации, например, болгарской экономики с промышленного сектора на сельскохозяйственный в 1950-е годы оказались безрезультатными, и в последующем уже не оспаривался курс на индустриализацию страны высокими темпами. Причем бывшие крестьяне, даже если не находили себе применения в городе, отказывались возвращаться работать в село. Аналогичным образом, ощутив преимущества

образовательного и профессионального развития, восточноевропейские женщины не желали отказываться от них в условиях дефицита рабочих мест, соответствующих полученной квалификации.

Вместе с тем, социализм советского типа представлял собой форсированную модернизацию в условиях централизации и огосударствления, отличительной чертой которой были элементы насильственной социализации. Сверхполитизация по мере продвижения к обществу современного типа, росту уровня образования населения все больше снижала экономическую эффективность, вызывала протест. Преобразования объявлялись и осуществлялись преимущественно «сверху», поэтому после смены власти преувеличенные минусы и преуменьшенные плюсы прежнего строя ассоциируются в сознании восточноевропейца с действиями власти. Тесная связь соцмодернизации с политической моделью социализма, пережившей крах на рубеже 1980—1990-х годов, повлекла за собой волну антикоммунизма. Она сопровождалась распространением безграничного индивидуализма, либерализма, отказом от гуманистических жизненных ориентиров, социальной справедливости. Как известно, главным фактором революционных перемен считается «демонстрационный эффект» Запада, его потребительских стандартов, недостижимых — в массовых масштабах — для Востока или влекущим чрезмерные человеческие издержки. Однако, хотя уровень жизни, например, в Болгарии в 1989 г. был не особенно высок, он составлял 45% среднего для европейского сообщества, тогда как в 2007 г. — лишь 33%¹⁹.

Процесс соцмодернизации и тем более «социалистического строительства», конечно, не был идеальным, что видно, в частности, из анализа истории «выравнивания уровней» развития Чешских земель и Словакии, различавшихся, по оценкам, на 50 и более лет. Опережающее на раннесоциалистическом этапе развитие индустриальных Чешских земель — «кузницы социализма» — сопровождается перетоком туда рабочей силы из аграрной Словакии (обычно сохраняя место жительства). Концепция индустриализации и в целом экономического развития в 1960-е годы в Чехословакии стала объектом критического пересмотра. Но замечания экономистов относительно несовершенства модели индустриального развития Словакии зазвучали на фоне происходивших именно в тот период — 1963—1964 гг. — переломных процессов. Численность занятых на промышленных предприятиях республики тогда начала превышать количество занятых в сельском хозяйстве. То есть исторический переход от аграрного общества к индустриальному состоялся как раз в те годы²⁰.

В середине 1960-х в условиях назревания событий Пражской весны происходила либерализация политического режима и особенно культурной жизни. Ее обновление выразилось в появлении молодой послевоенной генерации деятелей культуры, создавших целую палитру экспериментальных направлений в искусстве — живописи, фотографии, музыке, кино. Эти новаторские направления прекратили свое существование с началом «нормализации», которая приобрела характер неотрадиционализации общества.

История периода форсированной соцмодернизации далека от характерных для коммунистической пропаганды однозначно позитивных оценок. Как неоднозначно и восприятие ее хода и результатов самими историками современности, а также непосредственными современниками и участниками происходивших процессов. Но это не абстрактные общественно-политические процессы, а жизненные судьбы и ощущения восточноевропейцев, их взлеты и падения.

Исследовав состояние и динамику общественного мнения населения Словакии на рубеже 1940—1950-х годов, М. Барновский обнаружил преобладание уже тогда сторонников нового режима, установленного после 1948 г. в стране: среди людей младшего возраста («поколение 1930 года рождения»), среди рабочих по сравнению с крестьянами и «самостоятельными» (мелкими собственниками, ремесленниками, лицами свободных профессий). Исследование показало также «конформистские наклонности» представителей интеллигенции, их сервильность по отношению к власти и стремление приспособиться к новым условиям²¹. Социальная основа режима сформировалась, как и в условиях либеральной модернизации, под влиянием прежде всего материальных факторов (заработки на нововозведенных промышленных предприятиях) и открывшихся (что гораздо менее характерно для второй трансформации) действительно широких возможностей восходящей социальной мобильности — как реальных, так и иллюзорных. Не все действия власти общество отвергало: индустриализация почти не находила противников в Словакии, чего нельзя сказать о коллективизации и церковной политике. История коммунистического (как и либерально-демократического) эксперимента полна человеческих надежд и разочарований.

Масштабное междисциплинарное исследование проблематики исторического сознания, проведенное в Словацкой академии наук в 2005—2005 гг., показало, что одной из самых значительных вех словацкой национальной истории считается Словацкое национальное восстание (СНВ) августа 1944 г. Тенденциозные его оценки, преобладавшие после 1989 г.,

не повлияли существенно на общественное мнение граждан Словакии, они открыто объявляют себя сторонниками заветов СНВ. Другой важный исторический рубеж — события февраля 1948 г. Для большинства людей — это установление тоталитарного режима, политическое подавление и отсутствие свободы вероисповедания, но также и начало экономического и социального расцвета Словакии, развития образования, искусства и культуры. Не отрицаются результаты коллективизации — подъем села, рост доходов, уровня жизни и образованности сельского населения. Положительные и отрицательные оценки сбалансированы. Авторы исследования резюмируют: «недовольство властью существовало во все времена коммунистического режима, но ни для одного из рассматриваемых периодов это не является мнением большинства респондентов»²².

Конечно, «вмешательство 1968 г. оказало огромное эмоциональное воздействие на граждан». В то время относительное экономическое благополучие граждан находилось в противоречии с их социально-политическими убеждениями, приведя, в конечном счете, к событиям 1989 г.²³ Постулируя необходимость обновления гражданства в Словакии, Р. Рошко сразу после революционных перемен подчеркивает, что это касается прежде всего основных гражданских прав и свобод (гражданства в узком смысле) и так называемого политического гражданства — участия в исполнении власти. Что же касается другой разновидности гражданства — социального как «участия в достигнутом общественном благосостоянии», то здесь «просто не должны слишком опускаться ниже уровня ноябрьских времен»²⁴.

Концепция «строительства» гражданского общества выдвинулась на передний план в социогуманитарных науках бывших соцстран в 1990-е годы — период либеральной трансформации. Она была реанимирована центральноевропейскими диссидентами в 1970-е годы и получила развитие как идеология оппозиционных движений в Чехословакии, Венгрии и особенно Польше — стране, где сопротивление власти получило действительно массовый характер общественного движения. Идея гражданского общества, сопротивления коммунистической власти через независимую социальную самоорганизацию, существующую параллельно, альтернативно государству, приобрела в начале 1980-х годов форму 10-миллионного движения Солидарность (при численности населения страны 36 млн.).

Однако, как установил Д. Гавин²⁵, даже в период легального существования этого движения до декабря 1981 г. понятие гражданского общества

не фигурировало в оппозиционном дискурсе. А появилось это понятие, практически «открытое на Востоке», уже благодаря теоретическим усилиям Запада, то есть в западной политической мысли. Там оно было облечено универсальным содержанием, вернувшись в восточноевропейскую публицистику — как своего рода заимствование — в конце 1980-х, в связи с серией бархатных революций и начавшейся глобальной геополитической трансформацией от двуполярной модели мира к однополярной.

Таким образом, понятие «гражданское общество» — результат «сотрудничества» центральноевропейской диссидентской интеллигенции и их западных коллег — стало ключевым в революционных процессах на восточноевропейском пространстве, приведшим к его распаду. Другим таким понятием, сыгравшим революционную роль, явилось реанимированное понятие «Центральная Европа» как отсеченный от советского пространства регион «между Балтикой и Адриатикой». Возрожденное диссидентами в 1970-е годы, оно сейчас, с завершением разворота Восточной Европы к Западу заменено на понятие «Средняя Европа». Череда смены обозначений региона действительно многозначительна. «Европа» всегда выступала в роли культурного кода для дистанцирования от Москвы, обращают внимание К. Мюллер и А. Пикель²⁶. «Восточная Европа» как принадлежность «Восточного блока» превратилась в «Mitteleuropa» в 1960-е годы, затем в «Центральную Европу» и, выполнив политическую роль, наконец, просто «Европу». Сдвиг выразился в заголовке статьи 1990 г. в журнале *Daedalus* «Eastern Europe... Central Europe... Europe».

Исходной точкой развития оппозиционного движения в Польше явились мартовские события 1968 года и последующее крушение левого мировоззрения, отход интеллектуалов и студенчества от существующей общественной системы, революционной парадигмы и веры в традиционно понимаемый марксизм. Но одновременно это был и отход от провозглашенного В. Гомулкой в 1956 г. «польского пути к социализму» как его национальной, преодолевающей ортодоксальный сталинизм, версии. Диссидентской интеллигенцией («новыми интеллектуальными кругами») преодолевалась и уходящая корнями в эпоху Французской революции 1789 г., через революции XIX и XX веков левая традиция и мировоззрение, а также парадигма и традиция марксистская, постулаты о революционном преобразении общества, руководящей роли рабочего класса в историческом процессе, об обществе, основанном на подлинном равенстве и справедливости. В 1968 г. совершился отрыв «пуговины», связывающей левых с системой (А. Михник).

Так, на рубеже 1960—1970-х годов начала формироваться новая парадигма политического мышления и активности, в конечном счете, приведшая к развалу и самого левого лагеря, и социалистической системы. В основе этого процесса был (1) переход от лево-правого деления политического спектра к широкому понятию «демократического социализм», (2) переход от ориентации на насильственное свержение системы или даже от попытки ее реформы к стихийной самоорганизации общества и независимой активности, (3) переход от дихотомии «прогресс-реакция» к дихотомии «тоталитаризм-демократия», (4) переход от идеологического противостояния режиму к моральному, к «противодействию злу». Принята стратегия объединения на моральной основе диссидентской интеллигенции с «открытой для взаимодействия» частью католической церкви в общей борьбе уже не за будущую власть, а за человеческие и гражданские права «здесь и сейчас». На смену революции политической на повестку дня выдвинулись задачи революции этической, эволюционной по характеру. Они нашли полное проявление в идеологии движения Солидарность и последующих бархатных революциях — в сильной мере феноменах массового сознания. Их лидеры говорили, что не хотят захватывать власть, но только «помочь жертвам тоталитарного насилия», «построить аутентичное гражданское общество», правда не откладывая, а без промедления, в рамках реального социализма²⁷. Новая идеология, построенная на идее гражданского общества и реальности дистанцирования от Москвы, позволила во второй половине 1970-х годов «бывшим левым» доказать ненужность, несостоятельность борьбы с капитализмом за рабочую демократию.

От провозглашенной «диссидентами по отношению к злу, фальши и насилию» внутренней духовной трансформации к общечеловеческим ценностям, жизни по правде и гражданским свободам путь лежал к трансформации политической и затем экономической, принявший уже далеко не романтический, а жесткий материальный — «шоковый» — характер перехода к новой общественной системе — капиталистической.

Парадокс моральной революции, или перестройки как прелюдии общественной трансформации 1990-х, «введения» к ней, заключался в отсутствии реальной социальной основы революционных преобразований, ее массовой движущей силы, то есть групп, заинтересованных в смене системы. Общность интересов «нового рабочего класса» и «пролетаризированной интеллигенции», созданных самим госсocialизмом и ставших основным его достижением, неожиданно для всех оказалась разрушительной по отношению к общественной системе.

Одна из главных проблем системы заключалась в том, что уровень образования послевоенного поколения (1950 года рождения), выросшего при социализме, значительно, в Польше драматически превосходил образование его отцов и матерей²⁸. Многочисленная высокообразованная молодежь не демонстрировала по этому поводу энтузиазма, а скорее испытывала разочарование из-за ограниченных возможностей самореализации в труде, власти, доходах. 30-летние квалифицированные работники начали испытывать трудности социально-профессионального роста. Такой молодой рабочий класс, как польский, — уверенный в себе, независимый по отношению к власти, ориентированный на самореализацию, обладал способностью к объединению и сильнейшей вовлеченностью в протестные акции. В среднем 73% работников моложе 30 лет состояли в движении Солидарность, принадлежа к числу наиболее активных его участников²⁹. Однако эту категорию «протестантов» можно найти среди выигравших от произошедших в результате трансформации (к которой они проложили дорогу) намного реже, чем бывших управленцев или даже малоквалифицированных работников нефизического труда. Тотальный отход участников Солидарности от любых форм организованного политического участия в 1990-е явно противоречил пройденному обучению в школе «социальной самоорганизации» 1970-х и декларированному новой властью переходу к «гражданскому обществу».

Самое любопытное, как показали результаты польских социологических исследований 1990-х годов, те, кто одобрял приватизацию наиболее решительно, также был и сторонником интеграции Польши в ЕС и НАТО, а, кроме того, и сторонником роста иностранных инвестиций в польскую экономику. Но шокирующе парадоксально, пишет В. Адамский, что это не те поляки, которые относят себя к «правым», а идентифицирующие себя с левой частью политического спектра, как и интеллектуальная оппозиция 1950—1960-х годов, их «отцы». На следующем витке революционных преобразований «дети» интеллигентов-марксистов выступили активными сторонниками радикальной приватизации. Их сохраняющаяся «левая» ориентация действительно коррелирует с биографическими факторами — происхождением из «левых», то есть бывшим членством самого респондента и его отца в компартии. А также с сильной приверженностью политике самоуправления рабочих, образованием выше среднего и, что очень важно, принадлежностью к властным структурам, то есть обладанием управленческими позициями, дефицит которых так характерен для участников Солидарности. Это, видимо, лишь временно порвавшие с левым мировоззрением сторонники «этического очищения»

и авторы капиталистической революции. Собственно, к «правым» на востоке Европы, особенно в Венгрии, уже давно относят национально ориентированных консерваторов, тогда как коммунистов и их последователей демократов — нередко бывших коммунистов, именно к «левым».

Шестнадцать месяцев истории Солидарности 1980—1981 годов Т. Зарицкий называет «фестивалем свободы», периодом «бесчисленных надежд и невероятного в современности идеализма»³⁰. Уже скоро, с приходом прагматической капиталистической действительности романтическим мечтам не осталось места. После падения коммунизма идеализм быстро иссяк. Плоды победившей революции стали предметом политического торга и получения материальной выгоды. «Пиррова Солидарность» обернулась резким разъединением общества, бедствиями многочисленных слоев населения, особенно на начальных этапах либерализации. Работники крупных предприятий, участвовавшие в протестном движении, выступали за повышение уровня жизни и демократию — «как на Западе», — но не за смену системы. Массовое разочарование и обманутые надежды оказались, таким образом, характерны не только для периода «строительства социализма», но и последующей перестройки, а тем более «строительства капитализма».

Стратегия борьбы за гражданские и человеческие права второй половины 1970-х — начала 1980-х годов была переоценена. Осознаны предательство левой интеллигенции по отношению к рабочим и обман ею католиков, завлеченных в те годы в политику ее религиозной риторикой. Простые верующие поняли, что так называемые контрэлиты («независимая интеллигенция») просто были вынуждены пойти на союз с католической церковью, видя в этом единственный путь к власти³¹. Костелы в Польше были местом, где открывались возможности беспрепятственной протестной деятельности. И это было еще одним подтверждением относительности деления на элиту и контрэлиту в восточноевропейском обществе, как и на левых и правых, коммунистов и демократов. Т. Зарицкий пишет о феномене экспорта идеалов Солидарности во время оранжевой революции в Украине. Однако речь идет скорее об общем процессе экспорта революции на восточноевропейское пространство, идущем на протяжении уже десятилетий после завершения программы социализации. Массовую основу смены режимов всегда составляют дезориентированные элитами и контрэлитами люди, как правило, лучшая, национально ориентированная часть образованного класса.

«Болгария вступала в 80-е годы XX века после десятилетия стабильного политического и экономического развития в условиях разрядки меж-

дународной напряженности», — начинает свою статью об отношении интеллигенции и власти Е. Калинова. Результаты в основном завершившейся к этому времени модернизации общества были здесь очевидны: облик в недавнем прошлом аграрной крестьянской страны полностью изменился. Страна, однако, явно «отставала» в «протестном типе развития» не только от Чехословакии и Польши, но и от СССР.

Вскоре процессы советской перестройки стимулировали в Болгарии распространение среди людей желания перемен. Хотя, как и в других странах региона, — не против социализма, а против нарушения его принципов властью, не против власти, а против методов ее управления, не против партии, а против ошибок в ее политике³². Собственно, везде в странах региона люди, за исключением узкого круга интеллигенции, проповедовавшей, что «иного не дано», выступали не столько против социализма, сколько против недостаточно высокого уровня жизни и отсутствия демократии.

Импульсы, идущие от советской интеллигенции, радикально воздействовали на интеллигенцию болгарскую. В этой ситуации Т. Живков сам выступил инициатором «оздоровительного» процесса, предложив в 1985 г. «Соображения по некоторым проблемам развития реального социализма» и призывая «не терять веру». Концепция введения рыночного капитализма при сохранении политической монополии компартии позже доказала свою эффективность в Китае. Однако восточноевропейский социализм пошел совсем другим путем.

Тесная связь советского и болгарского общества, их интеллигенции, особенно проявилась после январского 1987 г. Пленума ЦК КПСС, который положил начало перестройке и гласности в Советском Союзе. Болгарская власть пыталась ограничить советское влияние, которое сводилось в основном к громким критическим саморазоблачениям, препятствовать распространению процессов полного отрицания предшествующего пути развития. Первые диссидентские организации «в поддержку гласности и перестройки» появились в Болгарии лишь в 1988 г., то есть накануне революционных перемен. В феврале 1989 г. Живков призвал к противодействию дестабилизации общества через усиление «патриотизма, национальной чести и достоинства», считая, что преодоление национального нигилизма позволит «поднять интеллигенцию»³³.

Однако развитие событий в Восточной Европе в едином революционном русле было уже неумолимо. Примечательны цитируемые Е. Калиновой слова неподготовленной к такому историческому повороту коммунистической власти: «У нас нет концепции, нет ничего... Мы отправились

неподпоясанными... И дали им трибуну. А они действовали организованно...» Лихорадочные попытки болгарского руководства сохранить влияние в среде интеллигенции, ожидающей больших перемен, терпят полное поражение в ноябре 1989 г., когда эти перемены наступают. Но наступают «без непосредственного участия интеллигенции».

Феномен «демократической» революции составляет особенность восточноевропейского пути развития, как и две «модернизирующие трансформации». Сегодня общественная мысль безмерно далеко ушла от наивных упрощенных представлений об этих революциях времен массового «бегства из социализма», переполнявших наши издания в те годы. Эти революции эпохи информационного общества уже не являются классовыми, а совершаются в сфере массового сознания, эмоций³⁴. Телевидение сыграло решающую роль в падении Берлинской стены, в целом коммунизма, считает Гидденс. Революции осуществлялись по правилам логики игры, политического спектакля, с помощью «поведенческих технологий». Их многообразие анализируется на конкретном материале в книгах С. Г. Кара-Мурзы «Экспорт революций»³⁵ и американского историка П. Кении «Карнавал* революции. Центральная Европа 1989»³⁶. Последняя интересна как взгляд наблюдателя, предпринявшего в 1980-е годы путешествие за «железный занавес», особенно обстоятельное в Польшу, с целью изучения общества в период революции, по его определению — «революции хеппинга». Он смотрел, «как разыгрывается история», поражаясь темпам и массовому характеру неожиданного для всех процесса. Оценки его яркие и точные. Кении пишет: «За несколько коротких лет мир перевернулся вверх ногами (без оглядки на вооруженного медведя по соседству). ...Коммунистические правители пожимали руки диссидентам, только что вышедшим из заключения». «Карнавал (по Бахтину или иной) взламывал всевозможные границы. Заставлял отказываться от привычных общественных норм, вызывал изменение существующего порядка и опрокидывал социально-политическую иерархию. ...Было уже неважно, если полиция задерживала участников демонстраций, потому что это тоже было частью игры». «На место сопротивления режиму или стремлению изменить его пришло равнодушие». «Центрально-

---

*Чех Петрусек раскрывает понятие «карнавального общества» — одного из проявлений постмодерна — как нетворческого, антиинтеллектуального, «телесного», неспособного выдвинуть альтернативных ценностей, деструктивного, стихийного, игрового, паразитирующего на доминирующей культуре, не создавая собственных культурных смыслов.

европейские народы отдали предпочтение ироническим протестам перед лозунгами истребления коммунистов». «То, что начиналось как простой карнавал, стало революцией. ...Ее герои не знаменитые диссиденты-интеллектуалы или бесцеремонные коммунисты, а сотни малоизвестных людей, большинству которых в то время не было 35 лет. ...Как оказалось, многие надежды участников тех сумбурных времен не претворились в жизнь. Однако ...Центральная Европа стремительно и бесповоротно изменилась. И этот мир хотя бы отчасти они создали сами».

Польская Солидарность интегрировала все идеологические направления и группы общества. Инструменты этого оркестра, по выражению П. Кенни, «еще не играли слаженно — в действительности было трудно интерпретировать ту какофонию, и там не было никакого дирижера, — но Солидарность явно завладела концертным залом». В главе под названием «Как в Европе» революционные события определяются как «театральное представление для международной публики — прежде всего, борцов за мир и права человека». К действующим лицам этого спектакля автор относит рабочих и интеллигентов из Солидарности, советских отказников, писателей в изгнании типа Милана Кундеры. Устроителем «хеппинга» называется «Оранжевая альтернатива» — изобретение польского студенческого движения 1981 г., исповедующего идеологию «социалистического сюрреализма». Оранжевый цвет (за четверть века до киевского Майдана) символизировал отрицание и красного коммунистического, и желтого католического цветов одновременно, т. е. двух «несущих конструкций» восточноевропейской современности — Церкви и Партии. Улица стала местом самовыражения «Оранжевой альтернативы», а впоследствии главного актора бархатной революции — «толпы».

У чешского студенчества, инициировавшего «самую бархатную» революцию («нежный коллапс») традиция сопротивления особенно богатая, достаточно вспомнить протесты 1939 и 1968 годов. На этот раз предусмотрительные чехи явно не спешили с демократическими переменами. После казавшегося всем неправдоподобным падения Берлинской стены, когда воцарилось ожидание крушения самого коммунистического режима, «центральноевропейцы обратили свои взоры к Чехословакии» (глава «Возьмите в руки цветы! Бархатная революция»). С описания того же настроения томительного ожидания присоединения чехов к революционному движению в регионе начинается книга И. Можны «Почему так легко... Семейные предпосылки бархатной революции»³⁷. Запоздавшая чешская революция оказалась и самой короткой.

Понятие «капитализм» для чехов традиционно отягощено негативным социальным и моральным содержанием, не позволявшим широко употреблять его в период «расставания с социализмом». Говорили о переходе к рыночной экономике, трансформации, структурных реформах. Чехословакия (как Болгария и Румыния) не хотела новых социальных экспериментов, предлагавшихся ей советской перестройкой³⁸. Эпиграфом к вышеупомянутой книге И. Можны выбрал цитату из произведения 1982 г. Л. Вацулика — автора манифеста Пражской весны «2000 слов» — с описанием природы, ход которой свершается «без нас, лишь исходя из ее сущности или просто в силу порядка вращения земного шара». Другой эпиграф первой по времени книги о бархатной революции, вышедшей спустя два года после нее, содержит размышления самого автора о том, что социология в отличие от истории обязана пытаться объяснять происходящие события раньше, чем они теряют актуальность. Сам он уже тогда дал объяснение произошедшего: элита истеблишмента стремилась сбросить зависимость от символического социального капитала и перевести свои активы в капитал экономический. Об этом особенно мечтало потомство коммунистической номенклатуры. Передача реальной основы власти следующему поколению составляла «семейный интерес» политической элиты³⁹. Отцы, принадлежавшие к партноменклатуре, открывали перед потомством невозможную при социализме перспективу. Что в Чехии, что в Сербии, что в России, произошел описанный М. Лазичем всплеск доли потомства высшего класса, выходцы из которого преуспели в «наследовании» на вершине социальной иерархии. Одновременно произошло падение доли детей физических рабочих среди представителей элиты⁴⁰.

«Семейный интерес» простого человека, в Чехии или Восточной Германии не спешившего с переменами, был совсем иным. Чешский человек, по И. Можны, дистанцировался от «диссидентских кругов», видя среди них слишком много тех, кто участвовал в разрушении его традиционного мира в начале 1950-х. И еще больше тех, кто своим новым экспериментом в 1968 г. опять нарушил его привычную повседневность.

Польша, таким образом, начала революционное движение на восточноевропейском пространстве, а Чехия закончила его. В первой революция продолжалась 10 лет, во второй — 10 дней, но смысл один. Игровой, карнавальский, захватывающий народы без разделения на классы и партии, перестроечный сценарий многократно повторился в странах региона. Его «оранжевое пламя» спустя много времени вновь вспыхнуло в постсоветских республиках — Грузии, Украине... «Фестиваль оппози-

ции» всегда имеет характер «гигантского пикника»⁴¹, «шоково-терапевтическое» отрезвление после которого не заставляет себя ждать.

В динамике польского и в целом восточноевропейского общественного сознания, действительно пребывавшем в период смены систем в состоянии мировоззренческого хаоса, прослеживалась определенная последовательность. Изменения в ментальной плоскости, получившие название «революции сознания», имели выраженную стадийность. Ее можно проследить на материале Польши, где существует прекрасная эмпирическая основа для выводов (ежегодные с 1980 г. социологические исследования «Поляки»), а сам революционный процесс настолько растянут во времени, что видны его ступени. Сначала происходила политизация сознания под влиянием всплеска героико-романтических, социально-преобразовательных настроений, а затем — экономизация сознания, т. е. утверждение массового стремления к смене общественной системы уже не ради идеалов «морального обновления», а в ожидании скачка в материальном потреблении⁴².

Перестроечный, или скорее кризисный период последовал сразу вслед за созданием к началу 1980-х годов в восточной части Европы общества современного типа, формированием здесь альтернативы развитию Западу. И трудно сейчас судить, насколько «альтернативный проект» действительно состоялся. Во всяком случае, оглядываясь из «капиталистического настоящего» в «социалистическое прошлое» именно начало 1980-х годов, болгары и россияне воспринимали как «золотой век материального благосостояния их семей»⁴³. Социологи отмечали «огромное единообразие в оценках настоящего и прошлого», прежде всего, в России, Болгарии, Румынии.

Внутренними предпосылками восточноевропейского кризиса, приведшего на рубеже 1980—1990-х годов к краху соцсодружества, по М. Лазичу, послужила стагнация социалистической экономики и рост социальных неравенств, когда восходящая социальная мобильность резко замедлилась. В период либеральной трансформации (не только в Югославии, где она сопровождалась и гражданской войной, экономической изоляцией) во всех странах региона произошел резкий экономический спад и классовая поляризация. То есть фактически усилились начавшиеся на предшествующем этапе негативные процессы. Произошло падение параметров потребления и наступление на социальный статус широкого круга людей⁴⁴. В общерегиональном масштабе оба класса социалистического общества — рабочие и крестьяне — потеряли от перехода к капитализму и «потерялись» сами, то есть фактически прекратили свое существование

в прежнем виде. В Польше в те годы даже возникал вопрос: «А есть ли жизнь после перехода?»

Тем более, для Балкан, исторический путь которых во второй половине XX века, по выражению И. Берендта, пролегал «из периферии околным путем опять в периферию», характерно кризисное состояние⁴⁵. Распространение зависимой колониальной культуры, безработицы, деклассирования и обеднения рабочих, разрушения среднего класса, разочарования новых поколений, рост криминала, конфликтов и терроризма особенно характерны для большинства стран Юго-Восточной Европы. Их пятнадцатилетний переход к конфликтному обществу риска действительно непредсказуем по своим последствиям для будущего народов.

Процесс восточноевропейского развития периодов «строительства» социализма и капитализма, особенно 1970—1980—1990-х годов, предстает как единый, а не разделенный на два противоположных по содержанию отрезка. Эта истина, кажется, еще не признана нашим научным сообществом. Как и то, что процесс един в смысле не только хронологическом, но и пространственном. Поскольку характерен для всех стран данной группы.

Вместе с тем, сложившаяся в условиях предшествующей политики всеобъемлющего «выравнивания» общность распалась на отдельные страны и субрегионы Центральной Европы (Венгрия, Чешская республика, Словакия, Польша) и Европы Юго-Восточной, а также постсоветский регион. Первый тип условно назвали «капитализмом без капиталистов», второй и третий попадают под определение «капиталисты без капитализма». Это разделение особенно проявляется на более низких уровнях социальной иерархии и обусловлено национальными традициями, идущими от досоциалистических времен.

Прокладываемые национальные пути, утверждавшиеся социальные субъекты — рабочий класс и интеллигенция — два главных фактора самоликвидации соцсистемы.

Националистическое движение появилось на востоке Европы, особенно в многонациональных государствах в конце 1980-х годов, позже демократического и на его завершающей фазе, одновременно с крушением социалистического строя и отходом от принципов коллективизма. Гражданские войны явились основным фактором подъема национализма⁴⁶, а не наоборот.

На протяжении всего периода с 1930-х годов в восточноевропейских государствах происходили процессы денационализации. В 1950-е, но меньше — в 1960—1970-е в регионе шли процессы советизации, сменяв-

шиеся ренационализацией, возвращением к старым национальным символам и героям в период перестройки⁴⁷. Тогда «национальные коммунизмы» и возглавлявшие их новые национальные элиты покончили с системой. Вскоре, однако, начавшиеся процессы европейской интеграции, по сути вестернизации, стали другой программой денационализации Восточной Европы. «Национализм украсил личное жертвоприношение и продлил временной горизонт «долины слез» — пишут западные специалисты по Восточной Европе. То, что получило название второй трансформации, А. Данилов называет «пока единственным в истории случаем, когда большая группа стран пытается воспроизвести на своих территориях социально-культурный опыт других стран»⁴⁸.

Переориентация с Востока на Запад и членство в ЕС и НАТО явились важнейшей частью новой национальной идентичности в странах региона, тотальной по характеру. Принципы государственности и гражданственности менялись в соответствии с директивами ЕС, установившейся «диктатурой Брюсселя». Новые национальные государства — бывшие члены СЭВ не попытались даже перестроить в изменившихся условиях прежнее интенсивное региональное или субрегиональное сотрудничество⁴⁹. Низкая явка избирателей на референдум о вхождении в Евросоюз, по мнению экспертов, была результатом не националистического сопротивления, а апатии и цинизма. Лишь с течением времени возрождается приглушенное трансформацией сознание, что «жизненно важные национальные силы производны от выраженного сознания собственной истории, особенностей религии или уникальной культуры, в том числе языка»⁵⁰.

Даже в бывшей Югославии национализм сейчас квалифицируется как феномен, направленный главным образом на отношения индивидуальные и «оборонительные» по характеру, то есть не связан с агрессией по отношению к другим этническим группам. Согласие с утверждением о возможности сотрудничества и межнационального доверия выражалось большинством респондентов во всех социальных классах⁵¹. Воспроизводство национализма является результатом прежде всего процессов этнополитической мобилизации и манипуляции сознанием, как и в случае с мобилизацией демократической рубежа 1980—1990-х годов.

Переход к рынку и политическому плюрализму востока Европы, по данным социологов, не вызвал, вопреки ожиданиям, предполагавшегося глубокого и повсеместного распространения ценностей либерализма. Сторонников и противников государственного вмешательства в экономику оказалось в 2003 г. примерно поровну. Амбивалентное отношение к либеральным ценностям характерно как для начального периода

трансформации, так и спустя полтора десятилетия. Безоглядное принятие либерализма восточноевропейцами на старте реформ определялось отношением к нему как, главным образом, альтернативе коммунистической идеологии. Обещание грандиозных экономических сдвигов и всеобщего роста уровня жизни с переходом к рынку люди приняли с огромным воодушевлением. Большинство доверчиво выступило против государственного вмешательства в экономику, даже в самый тяжелый период резкого падения уровня жизни начала 1990-х. Лишь жизненный опыт привел к тому, что реформы везде с середины прошедшего десятилетия потеряли свою привлекательность⁵². Приватизация стала квалифицироваться скорее как перевод госимущества в собственность заранее определенных лиц, обычно самих представителей бывшей коммунистической госвласти.

Л. Митрович называет происходившее в 1990-е годы в Сербии и Черногории неоконсервативной моделью авторитарной, зависимой от внешних факторов модернизации как разновидности номенклатурного политического капитализма, основанной на преемственности стратегических элит⁵³. Номенклатура (не только в Сербии, как по М. Лазичу) реализовала свои интересы в три шага: она не препятствовала революции 1989 г. (и узакониванию рыночной экономики и частной собственности), блокировала углубление изменений в первые годы реформ (используя свое положение ради роста собственного благосостояния) и позже разблокировала трансформацию (чтобы использовать полученную собственность в рыночных условиях)⁵⁴. Идеологическое «заглушение государства» при этом преследовало цель не только реструктурирования экономики, но, главное, реорганизации общественного строя.

Со временем в странах региона равновесие между рынком и государственным вмешательством стало восприниматься как одна из главных потребностей экономического и социально-политического развития⁵⁵. Нарушение этого равновесия привело к недооценке общих интересов, росту социальной напряженности, снижению жизненного уровня большей части населения. Ныне институт государства вновь воспринимается большинством россиян как сверхценность и высшая инстанция⁵⁶. Не сразу пришло понимание, что рынок может стать только «дополняющим механизмом», обращаться с которым следует крайне осторожно. Беларусь, осознавшая необходимость самого активного регулирования государством рыночного процесса, пошла на создание собственной модели развития, основанной на менталитете, традициях и жизненном укладе ее народа, обеспечении государством сильной и эффективной социальной политики⁵⁷.

К числу негативных последствий реформ в Словакии Ш. Сурманек относит безработицу, рост бедности, причем целых групп населения, в том числе в прошлом относительно благополучного среднего класса, появление «трудящихся бедных» или «новых бедных». А. Лулева пишет о процессах деклассирования, вынужденном переходе к неквалифицированным видам труда, а также феминизации бедности, профессиональной дискриминации женщин. Все это ведет к социальной апатии и потере веры в будущее, даже молодежи.

Существенное изменение способов выживания и успеха, произошедшее в 1990-е годы, привело к формированию огромных поколенческих расколов. Они разделили старшие поколения и молодежь, освоившую «новые правила игры», тогда как «пограничное» между двумя системами «среднее поколение» — те, кто совершил бархатную революцию, фактически ушли с общественно авансены, не только не осуществив своего исторического предназначения «строителей коммунизма», но и растратив значительный генерационный потенциал. Вместе с тем, ситуация восточноевропейской молодежи далеко не так безоблачна в отношении возможностей самореализации, как ее защищенных государством, хотя и «сдерживавшихся» им в социальном и материальном плане отцов в том же возрасте. Выход молодежи региона, особенно квалифицированная, видит в массовом выезде за рубеж. В Словакии 38% выпускников университетов уезжают из страны сразу после окончания учебы, еще 12% — в течение следующего года⁵⁸. В результате теряется неоспоримый ресурс, наработанный в период социализма, делавшего одну из главных ставок на рост уровня образования населения.

«Эффекты макроэкономических успехов сконцентрированы на верхних этажах общества», как считают восточноевропейские авторы. Соответственно, везде, как и в России, срабатывало нехитрое правило: кто лучше живет, тот и лучше оценивает произошедшие революционные сдвиги⁵⁹. Отношение к новой политической системе и ее ценностям в сильной мере взаимосвязано в посткоммунистических странах с экономическим благополучием⁶⁰.

Свыше двух третей поляков не удовлетворены нынешними экономическими условиями в стране. Недовольных состоянием демократии 40,2%, доверяют другим людям 47,3%⁶¹. В этой ситуации возрастает частота ментальных расстройств. У «проигравших» — тех, кто негативно оценивают перспективы страны и ее нынешнюю ситуацию, кто не находит для себя места в новой реальности и шансов на будущее, кого от «вы-

игравших» отделяет целая пропасть, произошел спад в психологическом состоянии.

В этой ситуации неувидительны результаты упоминавшегося выше исследования словацких обществоведов середины 2000-х годов. Оценивая различные периоды современной истории, опрошенные отдали приоритет периодам 1970-х и 1980-х годов, с небольшой разницей — даже 1960-х. Время все расставило по своим местам. Позднесоциалистический период относительного благополучия Восточной Европы, не предвещавший революционных перемен 1989 года, спустя полтора десятилетия признан как лучший. Одновременно самую отрицательную оценку получило настоящее время — переживаемый период либеральной посттрансформации⁶² (!).

История прошедших полутора десятилетий убеждает, что народы «западной периферии бывшего восточного блока» после его стремительного распада продемонстрировали национально-культурную устойчивость и верность традиции в быстро изменяющемся мире. Для западного восточноевропейца, точнее для центральноевропейца, понятие «адаптация», которое остается ключевым для отечественных общественных наук, неотделимо от понятия «сопротивление». Оно проявляется скорее в сфере нравственной, семейной, в сохраняющем специфику консерватизме демографического поведения.

Негативные представления, беспокойства поляков основываются на оценках положения в стране и собственного социального статуса, тогда как позитивный опыт формируется в отношениях с родственниками, в ближайшем круге общения, в «микроструктурах»⁶³.

Социокультурный «стержень» неолиберальной модернизации, можно повторить, образует демографическая революция (второй демографический переход), как социалистической модернизации — промышленная революция (индустриализация). Из сферы экономики центр тяжести перемен переместился в сферу культуры, поскольку демографическая революция в Восточной Европе явилась по сути революцией моральной. Она — прямое следствие революции демократической.

В условиях глобализации, резкой смены геополитических ориентиров и норм поведения развитие в бывших соцстранах пошло по пути имитации западных моральных стандартов. Семья с ее неизменной функцией «восточноевропейской крепости», консервирующей традиционные нравы и ценности жителей этого региона, и нация — две безусловно доминирующие социальные категории, с которыми самоидентифицируется «западный восточноевропейец». Больше, чем россиянин. Но именно эти

две группы стали мишенью нового этапа модернизации. Второй демографический переход составил главное содержание общественной либерализации, исправляющей «недоработки» предшествующего консервативного этапа догоняющей Запад модернизации.

Первый демографический переход периода индустриализации 1950-х годов проявился в восточноевропейском обществе в послевоенном всплеске рождаемости и падении показателей смертности. С завершением бурных социальных перемещений воцаряется «домашний», детоцентричный социализм: практически все население вступает в брак и у большинства семей двое детей. Уже в 1960-е годы расходятся пути демографической эволюции запада и востока Европы, соответственно — их нравы и базовые ценности.

Восточноевропейский режим естественного воспроизводства объединил бывшие соцстраны не меньше, чем режим политический. Он действительно «диаметрально противоположен западноевропейскому»⁶⁴, со своей системой ценностей, не противоречащей традиционным ценностям народов данного региона. Не противоречил им и путь эволюции способа воспроизводства — через высокий уровень образования, квалификации и практически полную экономическую занятость женщин, сочетающуюся с их традиционными семейными функциями. Сложился своеобразный тип женской эмансипации, равноправия, которому не близки идеи западного феминизма. Семья и семейный капитал взаимосвязей в период социализма сохраняли свое значение: традиционализация сочеталась с модернизацией положения женщины, гендерных отношений.

На четверть века позже Западной вступает Восточная Европа на путь второго демографического перехода, в ускоренном виде — демографической революции. Она влечет за собой изменения уже не социального облика общества, как первая трансформация, а культурного. На протяжении 1950—1980-х годов наблюдалась явная диспропорция социальной и культурной, особенно демокультурной динамики: повседневный жизненный уклад, нравы людей, система ценностей оставались посттрадиционными. Они трансформируются только в 1990-е годы, когда отношение к браку и семье радикально, «парадигмально» (Л. Рабушиц) меняется; резко падают показатели брачности и рождаемости. В цепи восточноевропейских революций второй половины XX века — социальных и демографических, индустриальных и урбанистических, образовательных и информационных — доходит очередь до революций культурных.

«Если второй демографический переход является неизбежным результатом роста индивидуальной свободы..., то ни одно современное демократическое общество не может «уберечься». Даже чешское» — написано в книге «Где все эти дети?»⁶⁵.

Чехи известны как народ, способный на экономическое и культурное достижение, в то же время коллективистски и эгалитарно ориентированный⁶⁶.

Вторая половина прошедшего десятилетия поставила и их перед необходимостью адаптации к западной модели развития, отказа от специфического «чешского пути», или традиции⁶⁷.

Еще в конце 1980-х годов восточная часть Европы отличалась от западной высокой рождаемостью (примерно 2 детей на 1 женщину). Но в 1990-е годы из стран с максимальными в Европе показателями рождаемости восточноевропейские страны превратились в регион с одним из самых низких значений этого показателя в мире⁶⁸. У женщин, родившихся со второй половины 1960-х годов, возросла бездетность и частота рождения только одного ребенка. В Чехии обеспокоены перспективой формирования «культуры низкой рождаемости» как в Германии, где бездетность женщин одна из самых высоких в Европе. Доля бездетных чешских женщин по прогнозам специалистов превысит 10% в поколении.

В отличие от предыдущего поколения, находившегося в репродуктивном возрасте в 1970—1980-е годы, современная молодежь придает большее значение экономической ситуации при создании семьи и обзаведении потомством. В результате разделение Европы на западноевропейский и восточноевропейский (раннее заключение брака, супружеская семья, традиционное разделение труда, высокая рождаемость) тип демографического и семейного поведения, появившееся с 1950-х годов, постепенно уходит в прошлое. Характерное для периода социализма совпадение начала брачной, родительской и профессиональной жизни также разрушается под воздействием индивидуализма и распада (даже) семейной солидарности эпохи рыночных реформ и постмодерна.

М. Писцова приводит следующие впечатляющие данные⁶⁹. В Словакии, где брачность традиционно одна из самых низких в Европе, 1990 год был переломным. Тогда было заключено максимальное число браков, но затем оно непрерывно снижалось, а в 2001 г. достигло исторического минимума. То же характерно для рождаемости, тогда как разводимость в Словакии, всегда одна из самых низких, — демонстрирует свой исторический максимум. Если в середине 1990-х годов до 50 лет не заключали брак 15% мужчин и 9% женщин, то в 2003 г. эта доля и у тех, и у других возросла почти до трети. Относительно новое явление — гражданские браки. В Сло-

вакии они чаще всего встречаются среди людей с низкими уровнями образования. Однако этот феномен при появлении его в конце 1960-х годов считался показателем женской эмансипации и существовал прежде всего в среде высокообразованных и экономически самостоятельных женщин. Теперь это — удел, наоборот, малоуспешных, как и внебрачная рождаемость, вторые и последующие порядки которой имеют тенденцию роста. Количество неполных семей с детьми в Словакии за период 1991—2001 гг. возросло на 40%, причем среднее количество детей в таких семьях не снижается в такой степени, как в полных семьях. Число индивидуальных домохозяйств увеличилось в стране втрое.

В результате «эпидемии» разводов в католической Польше их число возросло с 1990 по 2006 гг. на 70%. Эта страна переживает серьезную демографическую депрессию, признаки завершения которой отсутствуют⁷⁰. Польские демографы задаются вопросом: способно ли недавно появившееся «поколение Иоанна Павла II» вернуться к традиционной гомогенной семье, противостоя воздействию проводников идеи дезинтеграции семьи и безбрачного сожительства — СМИ, а также массовых миграций на Запад?

Все это внешние проявления глубинных ценностных сдвигов в обществе, отхода от традиционных отношений между супругами. В особенности, как показали исследования, снизилась доля тех, для кого традиционные ценности были *очень важны*. Распространение альтернативных семейных порядков К. Сланы считает одним из следствий формирования либерального гражданского общества с характерными для него надсемейными институциями и организациями, ориентированными на индивида вне рамок домохозяйства⁷¹.

В таком случае можно было бы предположить, что гражданский потенциал болгарского общества особенно высок. Громадный рост числа внебрачных связей и рождений, неполных семей в Болгарии Э. Куздова называет «брачным переходом», покончившим с «золотым веком супружества». Он и составляет сущность второго демографического перехода — главного смысла второй трансформации.

Брачный переход — результат изменения семейных ориентации и ухудшения социально-экономических условий, потери безопасности, считает болгарская исследовательница⁷². В любом случае, обрушение демографических показателей можно считать еще одним проявлением восточноевропейского единства, синхронного развития, общности судеб народа региона. Даже если это результат глобализации, ускорившейся после падения коммунизма, или разновидности европейской интеграции — демографической⁷³.

В Болгарии, как и других странах региона, показатели воспроизводства достигли минимально низкого уровня. Шокируют уровни внебрачных рождений: в 1990 г. доля детей, рожденных вне брака составляла 12,4%, а в 2003 г. — 46,1%. Спустя еще два десятилетия, когда эти дети будут определять облик и пути развития болгарского, как и польского и другого восточноевропейского общества, природа этих обществ будет уже совсем иной, чем в наши дни и ранее. И это результат либеральной модернизации 1990-х.

И все же в период посттрансформации, когда по формальным показателям брачности и рождаемости второй демографический переход завершается, отношение восточноевропейцев к семье и супружеству по-прежнему исключительное. Семья не теряет своего смысла и доминирующей ценности, несравненно большей, чем всех остальных ценностей. По данным исследования ценностей 1999 г. семья в Словакии была очень важной для 87,3%, тогда как в 1991 г. — для 87,4%!⁷⁴.

Для более половины опрошенных в Болгарии, Венгрии, Польше и свыше 40% в Словении, бывшей ГДР и ЧР супружество остается важным фактором удовлетворенности жизнью, что гораздо больше, чем в странах Западной Европы, особенно Швеции или Норвегии. Даже при стабильно толерантном отношении чехов к разводам каждый пятый из них соглашался, что лучше плохой брак, чем никакого (в Польше — каждый десятый, в Нидерландах — всего 2 из 100). Отрицание незарегистрированных брачных союзов (де-институализация частной жизни) особенно велико в Словакии, даже среди молодежи. Однако высокая нетерпимость к ним характерна и для Чехии, которая немногим отличается в этом отношении от католических Польши и Ирландии. Для всех центрально- и восточноевропейских посткоммунистических стран все еще характерен высокий уровень поддержки консервативного устройства гендерных отношений в семье. Особенно это относится к Словакии и Чехии, где соглашаются с семейной дискриминацией свыше 40% (2002 г.) и среди молодого поколения (в Польше, Болгарии, Венгрии — около 30%), при традиционно высокой, близкой к предельной со времен социализма экономической занятости чешских женщин. Западные авторы считают, что восточноевропейский традиционализм лишь меняет свое обличье, не уступая своих позиций⁷⁵.

Интересно сравнение консервативной социалистической и либеральной капиталистической модернизаций с точки зрения гендерной проблематики, или изменений в положении женского населения «при существовании Берлинской стены и после ее разрушения».

Отличительной чертой модернизации по советскому образцу были опережающие темпы феминизации студенческого контингента Восточной Европы. Во всех, кроме Чехословакии, странах региона женщины доминировали в составе учащихся вузов. Даже в таких странах как Югославия, где еще в 1971 г. насчитывалось 28,8% неграмотных⁷⁶. Достижения женщин в высшем образовании были обратно пропорциональны уровню экономического и культурного развития страны региона.

О. В. Петровская пишет, что еще в межвоенный период в семьях интеллигенции этих стран «утвердилась традиция компенсировать отсутствие собственности образовательным продвижением детей». Причем получение образования девушками не имело связи с профессиональной реализацией и заработком. В социалистический период эта традиция получила максимальное проявление. Именно девушки больше преуспели в межпоколенческой образовательной мобильности, и шансы на получение высшего образования дочерей рабочих и крестьян были больше, чем сыновей. Рост образования стал прежде всего женским вариантом переселения в город при том, что перспективы женской занятости оставались более ограниченными. Женщинам Юго-Восточной Европы удалось осуществить наибольший прорыв к высшей школе в 1960-е годы, и в 1970-е они везде в регионе достигли половины учащихся вузов. Но и 50-процентный барьер не соответствовал ценностным установкам восточноевропейских женщин, ориентированным в тот период на образовательный путь самореализации. Не что иное, как образование, особенно высшее, служило им инструментом и социальной защиты, и обеспечения самостоятельности, и даже своеобразным приданым.

Вместе с тем брак и семья оставались основной формой женской активности на протяжении всего периода сохранявшей патриархальные, пуританские нравы консервативной модернизации, особенно на поздне-социалистическом этапе. Практически все работающие женщины соцстран находились в браке и имели детей. Восточноевропейский фамилиоцентризм пережил в период «домашнего социализма» и «нормализации» 1970-х время наивысшего, запредельного подъема, приблизив «эмоциональную разрядку» разрушительных перестроечных лет. Как назревшее состояние пресыщения безмятежным счастьем, трактовавшемся «в классическом ключе семейного покоя»⁷⁷. Что же пришло на смену?

Восточноевропейские женщины первыми теряли работу в ходе посткоммунистического переструктурирования и, в частности, пополняли ряды зарубежных мигрантов. Однако на Западе их уделом была главным образом неофициальная занятость в обслуживающем секторе, преиму-

щественно на дому, если не хуже. В трансграничных маятниковых перемещениях, ставших наиболее распространенным видом миграционной активности после 1989 г., теперь не доминируют мужчины, как обычно в миграциях. Постоянная мобильность для многих женщин стала специфическим стилем жизни и ресурсом, доходы от которого значительно превышают их заработки на родине. Двигатель этой активности чисто материальный, созданный не только необходимостью выживания, но и открывшимися безграничными потребительскими возможностями. Однако «восходящая экономическая мобильность часто неотделима от нисходящей социальной мобильности», потери статуса и квалификации. Безмерно велики нравственные потери, связанные с полным разрушением традиционных для стран, особенно балканских, норм жизни после превращения Берлинской стены в дверь, то есть открытием востока Европы Западу⁷⁸.

Другим проявлением вестернизации и либерализации стран региона после 1989 г. стала сексуальная революция, разделившая традиционное единство секса, брака и воспроизводства. Хотя А. Островская и не считает эти привнесенные потребительским обществом перемены в польском обществе настолько радикальными, как это было в 1960—1970-е годы в евроамериканской культуре⁷⁹. Важнейшей детерминантой сексуального поведения, показали польские исследования, является религиозность и влияние религиозных норм, регулирующих жизнь человека. Социальное положение в данном случае — гораздо менее значимый фактор.

Изменение отношения к браку и семье сопровождается отходом от духа христианской этики (как и взявшего ее на вооружение «морального кодекса строителя коммунизма») в соответствии с неопределенными нормами либерализма и постмодерна⁸⁰. Восточноевропейская семья останется в ближайшие годы главным местом столкновения «традиционного» и «нового», от результата которого зависит будущее региона — далеко не только численность населения стран.

Именно семья традиционно создает чувство уверенности и поддержки для фамилиоцентричного европейского востока. Однако, польские социологи с удивлением обнаружили, что психоментальные ресурсы семьи оказались, возможно, недостаточными в ситуации либерализации. Семья и брак, хотя и остаются важным источником поддержки, но значение их оценивается людьми несколько ниже по сравнению с друзьями, которые, как выяснилось, теперь играют самую значительную роль в формировании внутреннего ощущения благополучия, и Божественным провидением⁸¹.

3. Восточноевропейское общество на новом цивилизационном перекрестке

Политическая трансформация была важнейшей, если не главной целью смены систем на востоке Европы. Речь шла о демократизации общества, называвшегося тоталитарным. Результатом же стала низкая и продолжающаяся снижаться общественно-политическая активность граждан. Так, участвовали в голосовании в Словакии на выборах в парламент 1998 г. 84,2%, 2002 г. — 70,1%, на выборах Президента 2004 г. — 47,9%, в Европарламент 2004 г. — всего 17%⁸².

Такие явления, как связь организованной преступности с властью — государственными чиновниками и представителями политической элиты, институализация коррупции и возможность движения к системе криминалократии прочно вошли в восточноевропейскую, не только российскую, действительность. В свою очередь, массовое разочарование противоречием между официальными заявлениями и реальной действительностью характерно для периода «демократизации», как и для периода «социалистического»⁸³.

Процессы демократизации и глобализации явились двумя всеобъемлющими процессами современной действительности. Они переплелись и практически совпали — «Третья Волна Демократии» с середины 1970-х и рыночная либерализация с конца 1980-х. Постсуверенный и постнациональный проект осуществляется через мультикультурные и гибридные идентичности, ценности и нормы. Они во многих отношениях нестабильны, как и сами экономические и политические системы стран. Некоторые ценности принадлежат к числу традиционных национальных, другие — сформировались в социалистические десятилетия, третьи — в период либеральных преобразований. В восточноевропейском обществе после 1989 г. — даже в Чехии с ее наиболее исторически стабильными культурными реалиями — произошло резкое изменение всей системы ценностей, смена идеологий. М. Тучек пишет: «Речь идет о настолько разительном сдвиге для всех без исключения обследованных стран переходного типа (глубина его, очевидно, связана с экономическим упадком той или иной переживающей переменy страны), что о воздействии перемен не может быть сомнений»⁸⁴. В результате у многих появилась неуверенность в отношении действительности, неукорененность, вновь расцвел известный со времен первой трансформации феномен «маргинальности» (рассогласованности социальных и культурных характеристик личности в изменяющемся мире). Рассогласованность и раздроблен-

ность — общая черта всех стран региона, переживающих «переходный период» с середины XX столетия. Поэтому стремление к единству и сплоченности — национальной, государственной как ничто другое объединяет восточноевропейское пространство, представляя собой стержень стратегии общественного развития периода посттрансформации. В целом, с постепенным ослаблением конъюнктурности и разбалансированности отношений и взглядов возникает более или менее устойчивая структура сознания, соответствующая культурной идентичности народов региона.

Чешские социологи исследовали факторы, формирующие сплоченное общество. Оказалось, что среди чехов, задумывающихся над общественной сплоченностью, доминирует социально-демократическое убеждение, акцентирующее прежде всего социальную справедливость и равенство в уровне жизни. Но есть и немалая группа людей с консервативным восприятием сплоченности — на основе общепризнанных ценностей и представления о будущем, принадлежности к одному народу, а также восприятием либеральным — на основе свободы для каждого, самореализации для большинства населения, поддержки демократической системы и сознания принадлежности к Европе. Обнаружено, что степень общественного согласия в вопросе о том, что является, а что не является (социально) справедливым, способствует сплоченности общества.

Системные сдвиги первых лет трансформации посеяли в сознании людей неопределенность относительно того, что действительно справедливо, а значит правильно, а что нет. Неуверенность — результат не только переходного периода, но также и ситуации постмодерна. На такого рода влияние новой эпохи указывали исследования в западных странах еще 1991 г. Спустя полтора десятилетия аналогичные явления очевидны и для Чешской республики. «Восточноевропейская неуверенность» — питательная почва девиации общественного сознания, его сдвигов под влиянием нестабильного положения в этих странах. Близкое традиционному левому востоку Европы чувство справедливости, как и чувство солидарности, уже сыгравшие свою решающую роль и в 1989, и в 1968 гг., вновь могут стать объектом политических манипуляций. Те, кто оценивают прошедшие рыночные реформы скорее как несправедливые, имеют в виду их результат — появление значительных неоправданных неравенств и реальной напряженности. И хотя согласно данным проведенного в 2005 г. опроса в Чехии не выявлено полярного деления на победителей и проигравших, преобладают менее категоричные оценки, тема социальной справедливости наиболее «политически уязвима». Чешские исследователи также обнаружили, что часть людей, которые оценивают степень сплю-

ценности общества негативно, видят выход в обращении к консервативным ценностям и традиционным институциям. На мой взгляд, дихотомия социал-демократических и консервативных ценностей для всего восточноевропейского пространства выдвинулась на передний план в период, последовавший сразу за либеральными реформами, то есть посттрансформационный, уже в начале второй половины 1990-х годов, приобретя выраженный политический смысл.

Действительно, можно говорить о завершении в самом начале 2000-х годов не только в России, но и в регионе в целом большого трансформационного цикла, стартовавшего еще в 1960—1970-е годы, когда ценностные ориентации общества советского типа претерпели существенные изменения⁸⁵. Формирование тогда массовых высокообразованных городских слоев, а также восточноевропейской версии общества потребления привело к усилению индивидуалистических наклонностей, достигших предельного проявления в «материалистическом сверхиндивидуализме» 1990-х. Материальное потребление повсеместно превратилось в смысл жизни и предмет всеобщего поклонения на фоне обвальная деполитизации после завершения массовой эйфории бархатной революции. Сравнительные исследования отношения к труду демонстрируют большую ориентацию восточноевропейцев на величину заработка и карьеру и меньшую — на самостоятельность и заинтересованность результатами труда по сравнению с западноевропейцами. Причем различия в экономическом поведении в зависимости от образования, профессии, отрасли, характера собственности, места жительства несомненно больше, чем между отдельными странами региона. В духовно-нравственной сфере, таким образом, произошло «отступление» по сравнению с социализмом, особенно поздним, о чем свидетельствует динамика всей системы ценностей населения в странах бывшего восточного блока.

Процессы перераспределения госсобственности после 1989 г. и открывшиеся в результате возможности и ожидания резкого роста материального потребления (по З. Краснодубскому — состояние «ожидания супермаркетов») явились гигантским искушением для восточноевропейцев. Для ее властных структур, для культурных элит — маргинальной и секуляризированной «новой интеллигенции», забывшей о романтических идеалах и аристократических предшественниках. Но и для простого человека с его миром тесных связей в ближайшем окружении.

Подчиняющая себе «экономического или рыночного человека» религия или мифология денег — метафоры всех ценностей — отчуждает смыслы и порождает моральную и духовную пустоту, в которой нет места

таким гуманистическим ценностям, как смелость, преданность, тем более бескорыстие⁸⁶. Рефреном повторяется в статье Э. Костоланского и С. Крагулцовой, открывающей один из номеров «Восточноевропейских исследований» фраза: «люди становятся умнее, но не лучше»⁸⁷. Входящей гуманитарной культуре и понятии «добра», то есть в нравственной сфере, а уже не в абстрактном понятии «демократии» и материальном потреблении видят восточноевропейцы будущее европейского и Востока, и Запада. Диктат технической культуры и примитивно понимаемого права, сведенного к власти денег, проявился в усилении беспощадной и безграничной культурной экспансии, невиданной в предшествующие исторические периоды.

Как и вторая демографическая революция, ведущая к старению и вымиранию популяций, сокращению их витального потенциала, рыночная религия денег утверждается с 1960-х годов на Западе и с 1990-х — на европейском востоке, составляя два параллельных и взаимодополняющих процесса, две составные части всеобщего процесса глобализации/постмодернизации. Восток Европы, «закрывшись» от переворота, произошедшего на Западе, «чехословацкой общественной нормализацией» 1970-х годов, не удержался при следующей смене поколений, в начале 1980-х, в первом массовом высокообразованном поколении молодых горожан. Это было первое поколение, сформированное социализмом, — общественной системой, неявно содержащей христианские ценности, сочетая их с ценностями «прогресса». Детям и внукам «строителей социализма», преодолевающим их атеистическое наследие, предстоит повернуть восточноевропейское общество к «новой нормальности», одухотворив его творческим началом.

Католическая церковь, сохранявшая и при коммунистическом режиме свои позиции и роль в обществе, связывала в то время большие надежды именно с восточноевропейским регионом, где традиционные нормы и ценности система социализма «законсервировала». Нравственный переход, совершавшийся в 1990-е годы на фоне интенсивной материализации сознания, сочетался с санкционированным властью возвращением церкви в жизнь народов региона. В этом проявилось одно из главных отличий современной ситуации Запада от Востока. Если в западном мире активно продолжается секуляризация и дехристианизация, то в России и других посткоммунистических странах на волне преодоления атеизма предшествующей эпохи шла десекуляризация⁸⁸.

После 70-летнего периода форсированной атеизации большинство наших людей вновь относит себя к верующим. Причем среди русских вера практически сливается с церковно-институциональной принадлежностью,

как установили социологи, сделав и следующий важный вывод: «русский — человек православный, а поляк — человек скорее верующий, чем католик»⁸⁹. Церковь принимает православного «секулярного верующего». Последствие коммунизма — острый дефицит знания основ религиозной жизни. Его преодоление стало новым полем особенно ожесточенной политической борьбы на нашем пространстве.

Вместе с тем, приверженность, например, белорусской «демократической оппозиции» униатской или римско-католической религии в условиях доминирования православной ориентации населения страны заставляет лидеров этой оппозиции менять ориентацию, тоже позиционируя себя как православных⁹⁰.

Потребность национальной эмансипации, обращения народов к историческим корням не ушла со сменой столетий, оставаясь актуальной. Проведенное в Словакии в 2003 и 2005 гг. исследование показало, что большинство ее граждан интересуется национальной историей, которая воспринимается как одна из главных ценностей в духовной жизни людей. Историческая память общества проявляется в высоком уровне принадлежности к своей нации и оценке ее суверенной государственности⁹¹.

Утверждение «нового консерватизма», основанного на живых национальных традициях, разрушавшихся обеими модернизациями второй половины XX века, — можно рассматривать как ответ народов региона на вызов глобализации. Отход от навязанной Западом в 1980-е годы фасадной модели демократии, консервирующей нередко лишь хаос и поражение, станет основой стратегии развития и взаимности народов обширного региона в ближайшие годы. А оппозиция консервативных и социал-демократических ценностей, обозначившаяся в период крушения либеральных реформ по западным образцам уже во второй половине 1990-х годов, предопределяет судьбу региона в XXI столетии. Революционной смуте XX века, сотрясающей восточную часть Европы на ее пути из отсталости к имитации западных материальных стандартов и идеологических моделей будет положен предел. Однако предсказать результат противостояния на сегодня невозможно, прежде всего в силу состояния российского общества. Параметры его гражданственности и государственности, как и способность к постановке и попыткам осуществления «великих целей» и самопожертвованию — главной особенности русской культуры — деградированы за годы чуждого ей рыночного прагматизма.

Парадоксально, но в результате преобразований в восточноевропейском регионе, начавшихся с революции Солидарности, по данным российских опросов, «под вопросом оказались не только коллективизм, но

и солидаристские ценности, скрепляющие гражданское общество». Почти две трети людей теперь ставят свои личные интересы выше общественных, 78% не готовы жертвовать личным благополучием даже ради спасения страны⁹². Наиболее высокие моральные стандарты характерны у нас для малообеспеченных жителей маленьких городков. Нынешние 30—40-летние, которым в начале 1990-х годов — в период рыночных реформ, требовавших от человека нравственной «гибкости», — было 16—20 лет, имеют заметно более низкий нравственный порог по сравнению с остальным населением⁹³. Предпринятый Х. Доманьским сравнительный анализ гражданской активности по четырем видам организаций и пяти группам стран, или «режимам благосостояния», обозначенным как скандинавский (Дания, Финляндия, Норвегия, Швеция), средиземноморский (Греция, Португалия, Испания), консервативный (Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Италия, Люксембург), посткоммунистический (Венгрия, Польша, Словения) и либеральный (Великобритания, Ирландия), показали место европейского востока на шкале общественного участия в современном мире. Самое низкое участие в организациях по гражданским интересам, по общественной включенности выявлено в Польше, даже ниже среднего уровня средиземноморского и посткоммунистического «режимов», где индикаторы участия в целом минимальные. Польша и Венгрия продемонстрировали к тому же одни из самых низких показателей участия в профессиональных организациях, а также гуманитарных, практически полная невключенность характерна для этих двух стран в организации потребителей⁹⁴. Вместе с тем, население этих стран с мощными традициями дворянской культуры, начиная уже с 1956 г., демонстрировало очень высокий, хотя и политизированный, уровень общественной активности, сопротивления власти при режиме коммунистическом. По сути это — результат общей тенденции «понижения» психоментального состояния народов региона в условиях жесткого материализма, ослабляющего душевное здоровье и духовную силу. Обвальное падение интереса к политике и гражданским инициативам стало расплатой восточноевропейцев за поглотившую их невиданную гонку потребления и наживы.

Вторая трансформация, потрясая восточноевропейскую цивилизацию, изменила ее ценностный фундамент, но не уничтожила его. Базовые ценности, укорененные в наших национальных культурах, их связи сохраняются и еще выступают в качестве «духовных ферментов» преодоления глобальных противостояний, как и тенденций роста периферийности, стремительно нарастающей внутренней конфликтности, «развития

неразвитости» (Л. Митрович) восточноевропейского региона «на его пути в неизвестность». Процесс трансформации постсоветского мира приведет к преобразованию основ самого западного мира (А. Н. Данилов). XXI столетие создаст качественно новую реальность и новые понятия для объяснения и изменения действительности, отличные от принятых пока понятий XIX столетия⁹⁵. И бывшие социалистические страны, вытесненные на периферию мирового развития и остро ощутившие свою замкнутость, изолированность от внешнего мира, сыграют в этом процессе не последнюю роль. Так же как и в истории «их XX столетия», когда эти страны бросили вызов Западу созданием уникальной «советской цивилизации». Освободившись от коммунизма как западной идеологии, и затем пережив «прощание с Востоком» (И. Марчева) они, возможно, пойдут гораздо дальше.

Степень укорененности капиталистической или демократической традиции, как и близость культуре западного типа некоторых стран региона, прежде всего Чехии («самого девиантного» восточноевропейского случая) не стали решающим дифференцирующим фактором на пространстве региона мира, сформировавшегося во второй половине XX века. Как история его не завершилась с крушением коммунистического режима.

Особенно важная миссия — в осознании и преобразовании действительности — выпадает на долю национальных культурных элит, этой традиционно ведущей движущей силы восточноевропейского общества, в отличие от западного. Везде в регионе либеральная трансформация привела к тому, что общественная роль культурной элиты и ее влияние, самостоятельность, ориентированность на интересы своего народа и национальные пути развития, даже в таких постаристократических странах, как Польша или Венгрия, конечно и в России, значительно ослабли. Напротив, усилилась нехарактерная для нашего региона роль элиты политической и особенно экономической⁹⁶. Это прямые наследники правившей коммунистической элиты и органически взаимосвязанной с ней диссидентской контрэлиты, приведших сообщество восточноевропейских народов к распаду в 1980-е. На смену трансформации «новой» интеллигенции, созданной коммунистическим режимом, в средний класс придет процесс формирования восточноевропейской элиты нового поколения — носительницы национального духовного наследия. Важнейший фактор становления этой группы общества находится в сфере сознания⁹⁷. Несомненно, что процесс культурного возрождения, возвращения «цветущей сложности» культур, образов жизни и хозяйственных укладов остановит технократическую утопию глобализации и вновь сблизит Россию и ее ближайших западных соседей, приведет к восстановлению их положения в мире.

Период с начала бархатных революций, после завершения соцмодернизации качественно, парадигмально отличался от менее сложного для интерпретации и лучше изученного (хотя бы в силу иного положения науки в то время) периода формирования общества промышленного и городского, рабочего класса и интеллигенции. Вторая трансформация создала в регионе условия сокращения как классово-ориентированного поведения, так и декомпозиции лево-правого спектра. Межгрупповые социальные связи, характерные для времени завершения соцмодернизации 1980-х годов, больше не существуют⁹⁸. Напротив, появляются альтернативные структуры замещения классов, «смерть» которых является результатом не только смены систем, но глобальным феноменом эпохи постмодерна. Возникают новые, например гендерные, идентичности, формы дифференциации общества, относящиеся к способам и стилям потребления. Выдвигается на передний план осознание польским, а все больше и российским обществом себя как религиозных наций, где принадлежность к церкви создает особое национальное сообщество, вытесняющее классовую определенность. Как выяснилось, в Польше намного меньше, чем в западных странах, проявляется зависимость характера голосования на выборах от классовой принадлежности⁹⁹. Новые социальные измерения и деления, привнесенные второй трансформацией и поворотом к рыночной экономике, как и постсовременными веяниями, привели к формированию на востоке Европы нового, совершенно непознанного пока социокультурного ландшафта как результата формационных и цивилизационных сдвигов конца XX века.

Характеристике цивилизации, определяемой совокупностью понятий с приставкой «пост», посвящен упоминавшийся выше энциклопедический труд чешского социолога М. Петрусека «Общества позднего времени». На фоне множественности объяснений современного мира отсутствует генеральная дефиниция наступившей эпохи для стран региона — еще и постсоциалистической, пережившей форсированную деиндустриализацию. Полная смена социального облика европейского востока, сложившегося в 1950—1980-е годы (в СССР — с 1920-х), осуществлена в чрезвычайно короткий период рыночных реформ. Содержание и итоги перемен требуют глубокого осмысления.

Изучение цивилизационной специфики рассматриваемого региона в контексте глобального взаимодействия Запада и незападных культур, то есть восточноевропейские исследования, в ближайшей перспективе выдвинется на передний план постдисциплинарных социогуманитарных наук в России и странах бывшего социалистического блока. «Лабора-

тория социальных перемен», которую являет собой живая восточноевропейская реальность второй половины XX — начала XXI столетий, открывает перспективу творческого преодоления «кризиса понимания» новой реальности.

Устремившийся после 1989—1991 гг. к потребительским параметрам Запада восток Европы двигался в направлении, отличном от магистрального для современного мира рубежа веков — к созданию общества постэкономического типа, основанного на постматериалистических ценностях, на идеях преодоления «тирании благосостояния» и «тирании СМИ» как инструментов превращения гражданского общества в массовое. На пространстве рассматриваемого региона в конце XX века завоевала господствующие позиции *материалистическая культура посткоммунистического типа*. Этот тип культуры, рожденный соцмодернизацией, многократно усилен постсоциалистическим развитием. Не была использована уникальная, дарованная нам историей прошлого столетия, возможность скачка от доэкономического общества к постэкономическому. Преодоление «духовного понижения», принесенного, прежде всего, второй фазой модернизации — либеральной, — единственная возможность возрождения народов региона, радикального изменения их положения в современном мире.

Ускоренная модернизация, сменившаяся постмодернизацией, привела к созданию общественной системы, сочетающей в себе совокупность социокультурных элементов, — от досовременных до постсовременных. Возникло неповторимое многообразие стилей и ценностей, относящихся к разным эпохам. В этом, как и в дошедшей до наших дней «живой» традиции, — одновременно преимущества восточноевропейской, славянской цивилизации, ее духовный потенциал, но и большая уязвимость перед вызовами постмодерна по сравнению с «нормально» формировавшейся западной цивилизацией.

И. Можно уже во времена бархатной революции поставил вопрос, который сейчас во всем мире выдвигается на передний план: существует разработанная теория модернизации, однако нет теории де-модернизации. Сегодня всем очевидно, что цивилизационный рост, прогресс материальной культуры не распространяется на культуру духовную, нравы людей, переживающие, напротив, деградацию. В контексте неолиберальной модернизации общества восточноевропейского типа эта проблематика, связанная с процессами трансформации семьи, приобрела особую остроту.

После «модернизирующей трансформации» 1990-х, нашедшей особенно яркое проявление в гонке материального потребления и погружении в парадигму поражения, народы региона — каждый в отдельности, но все вместе — на страницах Международного журнала по социальным и гуманитарным наукам «Восточноевропейские исследования» подводят итоги пути развития в наше *Новое и Позднее время*, чтобы двигаться дальше, не расставаясь, однако, со своими *Традициями*. Задача сохранения их ложится на плечи новых, национально ориентированных интеллектуальных элит стран региона, которым, в отличие от предшественников, не безразлично будущее своих народов.

Примечания

¹ Лулева А. Тендерный аспект постсоциалистической трансформации в Болгарии // Восточноевропейские исследования. Международный журнал по социальным и гуманитарным наукам (далее — ВЕИ). 2006. № 37.

² Мюллер К. «Европа» — по определению Брюсселя? Размышления о состоянии восточноевропейских исследований в связи с VII Всемирным конгрессом МСЦВИ (Берлин, 25—30 июля 2005 г.) // ВЕИ. 2005. №2. С. 172.

³ Марчева И. История и идентичность. Болгарский случай конца двадцатого века // ВЕИ. 2006. № 3. С. 117.

⁴ См.: Мюллер К. «Европа» — по определению Брюсселя?

⁵ Гнилов Б. Г. Восточноевропейское культурное пространство и фортепианно-оркестровая композиция // ВЕИ. 2006. № 4. с. 87.

⁶ Коровицына Н. С Россией и без нее. Восточноевропейский путь развития. М.: Эксмо; Алгоритм, 2003; Коровицына Н. В. От изучения социальных трансформаций к обновленным восточноевропейским исследованиям // Социологические исследования. 2004. № 11.

⁷ Лондак М, Сикора С. Международная научная конференция к 40-летию попытки реформы социализма советского типа в Чехословакии // ВЕИ. 2007. № 5.

⁸ Доманьский Х. II Средний класс при переходе от коммунизма к капиталистическому обществу // ВЕИ. 2005. № 1. С. 83.

⁹ Rupnik J. Jiná Europa. Pr.: Prostor, 1992. S. 123—124.

¹⁰ Petrusek M. Společnosti pozdni doby. Pr.: SLON, 2006. S. 290.

¹¹ Danglová O. Etnologický pohľad na studium hodnot (hodnoty predmoderneho sveta slovenskej dediny) // Slovenský národopis. 2005. S. 363.

¹² Мюллер К. «Европа» — по определению Брюсселя? С. 166.

¹³ См.: <http://www.vei-21.ru>.

¹⁴ Никифоров К. В. Сербия и Черногория: общее и особенное на путях трансформации // ВЕИ. 1995. № 1.

- ¹⁵ *Лазич М.* Постсоциалистическая трансформация в Сербии: изменения в процессах пополнения экономической элиты // ВЕИ. 2005. № 1. С. 114.
- ¹⁶ *Лазич М., Цвеич С.* Социокультурная динамика в Сербии после 1989 года // ВЕИ. 2006. № 4. С. 75.
- ¹⁷ *Горлах К.* Конец крестьянства // ВЕИ. 2005. № 1. С. 98.
- ¹⁸ *Баева И.* Социалистическая модернизация в Болгарии: плюсы и минусы // ВЕИ. 2007. № 6.
- ¹⁹ Там же. С. 16.
- ²⁰ *Дондак М., Лондакова Е.* Шестидесятые годы XX века в Словакии // ВЕИ. 2007. № 6. С. 25.
- ²¹ *Барновский М.* Коммунистический режим и словацкое общество в свете изучения общественного мнения в 1948—1949 гг. // ВЕИ. 2005. № 2. С. 16.
- ²² *Пекник М., Плавкова О.* Особенности формирования исторического сознания граждан Словакии // ВЕИ. 2007. № 6. С. 95.
- ²³ Там же. С. 98.
- ²⁴ *Рошко Р.* Гражданское общество: попытка историко-социологической рефлексии // ВЕИ. 2005. № 1. С. 65.
- ²⁵ *Гавин Д.* Возрождение дискурса гражданского общества: Польша в 1968—1976 годы // ВЕИ. 2007. № 6.
- ²⁶ *Мюллер К, Пикель А.* Многообразие национализма в посткоммунистической Восточной Европе // ВЕИ. 2007. № 6. С. 84.
- ²⁷ *Гавин Д.* Возрождение дискурса гражданского общества: С. 45.
- ²⁸ *Адамский В.* Государственный социализм и системное изменение: Польша в сравнительной перспективе // ВЕИ. 2006. № 4.
- ²⁹ Там же. С. 17.
- ³⁰ *Зарицкий Т.* Идеалы польской «Солидарности» через четверть века // ВЕИ. 2006. № 4. С. 65.
- ³¹ Там же. С. 70.
- ³² *Калинова Е.* Интеллигенция и власть в Болгарии перед вызовом перестройки второй половины 1980-х годов // ВЕИ. 2006. № 4. С. 53.
- ³³ Там же. С. 61.
- ³⁴ *Коровицына Н. В.* Самая «бархатная» революция: «чешский человек» на фоне общественных перемен // Славяноведение. 2000. № 3.
- ³⁵ *Кара-Мурза С. Г.* Экспорт революций. Ющенко, Саакашвили... М.: Алгоритм, 2005.
- ³⁶ *Kenney P.* Karneval revoluce. Středni Evropa 1989. Pr., 2005.
- ³⁷ *Možný I.* Proč tak snadno... Některé rodinné důvody sametové revoluce. Pr., 1991.
- ³⁸ *Barnovsky M.* Pokus o periodizáciu povojnových dejín Slovenska // Historické štúdie. 42. Br., 2002.

- ³⁹ *Možný I.* Proč tak snadno... S. 61.
- ⁴⁰ *Лазич М., Цвеич С.* Социокультурная динамика в Сербии после 1989 года. С. 122.
- ⁴¹ *Кеннеу Р.* Kameval revoluce. S. 347.
- ⁴² *Коровицына Н.* С Россией и без нее. С. 162.
- ⁴³ *Тилкиджиев К.* Новые посткоммунистические иерархии: группы стран и социальные группы // ВЕИ. 2005. № 2. С. 80.
- ⁴⁴ *Лулева А.* Гендерный аспект постсоциалистической трансформации в Болгарии. С. 37.
- ⁴⁵ *Митрович Л.* Стратегия зависимой модернизации и формирование общества полупериферийного капитализма на Балканах // ВЕИ. 2005. № 2. С. 60.
- ⁴⁶ *Лазич М., Цвеич С.* Социокультурная динамика в Сербии после 1989 года. С. 81.
- ⁴⁷ *Мюллер К, Пикель А.* Многообразие национализма в посткоммунистической Восточной Европе. С. 77.
- ⁴⁸ *Данилов А. Н.* Постсоветская трансформация — выбор будущего для всего мира // ВЕИ. 2005. № 1. С. 55.
- ⁴⁹ *Мюллер К, Пикель А.* Многообразие национализма в посткоммунистической Восточной Европе. С. 83.
- ⁵⁰ *Пекник М., Плавкова О.* Особенности формирования исторического сознания граждан Словакии. С. 90.
- ⁵¹ *Лазич М., Цвеич С.* Социокультурная динамика в Сербии после 1989 года. С. 82.
- ⁵² Там же. С. 84.
- ⁵³ *Митрович Л.* Стратегия зависимой модернизации. С. 61.
- ⁵⁴ *Лазич М.* Постсоциалистическая трансформация в Сербии. С. 122.
- ⁵⁵ *Сурманек Ш.* Условия развития и характер демографической консолидации в Словакии // ВЕИ. 1996. №3. С. 84.
- ⁵⁶ *Горшков М. К. и кол.* Бюрократия и власть в оценках россиян // ВЕИ. 2006. № 4. С. 132.
- ⁵⁷ *Данилов А. Н.* Постсоветская трансформация — выбор будущего для всего мира. С. 53.
- ⁵⁸ *Сурманек Ш.* Условия развития и характер демографической консолидации в Словакии. С. 85.
- ⁵⁹ *Горшков М. К. и кол.* Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя // ВЕИ. 2005. № 2. С. 22.
- ⁶⁰ *Тилкиджиев К.* Новые посткоммунистические иерархии. С. 58.
- ⁶¹ *Островская А.* Ментальное здоровье в макросоциальном контексте // ВЕИ. 2006. № 3. С. 52.

- ⁶² Пекник М., Плавкова О. Особенности формирования исторического сознания граждан Словакии. С. 104.
- ⁶³ Островская А. Ментальное здоровье в макросоциальном контексте. С. 49.
- ⁶⁴ Rabušic L. Kde ty všechny děti jsou? Porodnost v sociologické perspektivě. Pr.: SLON, 2001.
- ⁶⁵ Ibidem.
- ⁶⁶ Socioekonomické hodnoty, politiky a inštituce v období vstupu České republiky do Evropské unie / Ed.: Z. R. Nespov, J. Vecernik. Pr., 2006. S. 139.
- ⁶⁷ Ротиček М. а kol. Putování českou budoucností. P., 2003. S. 30.
- ⁶⁸ Гашкова Г. Структурные и ценностные факторы создания семьи в чешском обществе С. 19 // ВЕИ. 2007. № 5. С. 19.
- ⁶⁹ Писцова М. О некоторых чертах демографического поведения и формирования семьи в Словакии в контексте модернизации общества // ВЕИ. 2007. № 5.
- ⁷⁰ Сланы К. Плюрализация форм брака и семьи в Польше // ВЕИ. 2007. № 5. С. 48.
- ⁷¹ Там же. С. 46.
- ⁷² Куздова Э. Изменение норм и ценностей супружества и семьи в постсоциалистической Болгарии: новый брачный переход // ВЕИ. 2007. № 5. С. 55.
- ⁷³ Там же. С. 63.
- ⁷⁴ Писцова М. О некоторых чертах демографического поведения и формирования семьи в Словакии С. 34.
- ⁷⁵ Van der Lippe T., Fodor E. Changes in gender inequality in six Eastern European countries // Acta sociologica. 1998. Vol. 41. № 2. P. 146.
- ⁷⁶ Петровская О. Между семьей и работой: высшее образование в стратегии женской активности в Восточной Европе (1944—1989) // ВЕИ. 2007. № 5. С. 95.
- ⁷⁷ Бетя Л. «План задач» румынской семьи // ВЕИ. 2007. № 5. С. 114.
- ⁷⁸ Мороквасич М. Пересечение границ и преодоление разделительных рубежей в «post-wall» Европе: гендерный аспект миграция // ВЕИ. 2007. № 5.
- ⁷⁹ Островская А. Сексуальное поведение польских мужчин и женщин: социокультурные детерминанты // ВЕИ. 2007. № 5. С. 120.
- ⁸⁰ Rabušic L. Kde ty všechny děti jsou? С. 238.
- ⁸¹ Островская А. Ментальное здоровье в макросоциальном контексте. С. 54.
- ⁸² Сурманек Ш. Условия развития и характер демографической консолидации в Словакии. С. 83.
- ⁸³ Кралева Л. Политический клиентизм в общественной практике Словакии // ВЕИ. 2006. № 4. С. 142.
- ⁸⁴ Тучек М. Сплоченность общества в чешском восприятии // ВЕИ. 2006. № 3. С. 65.

⁸⁵ *Бызов Л. Г.* Российское общество в поисках неоконсервативного синтеза // ВЕИ. 2005. № 2. С. 117.

⁸⁶ *Зарубина Н. Н.* Миф денег в современной русской культуре: по материалам произведений В. Пелевина // ВЕИ. 2006. № 4. С. 166; *Михайлов В. В.* Религия денег Д. Неведимова // Там же. С. 184.

⁸⁷ *Костоланский Э., Крагулцова С.* Европейское образование: понятие, реальность, перспективы // ВЕИ. 2006. № 3. С. 6.

⁸⁸ *Синелина Ю. Ю.* Динамика религиозности населения России // ВЕИ. 2005. № 2. С. 101.

⁸⁹ *Данилова Е. Н.* Россияне и поляки в зеркале этнических и гражданских идентификаций // ВЕИ. 2005. № 1. С. 153.

⁹⁰ *Безнюк Д. К.* Религиозная ситуация в Беларуси // ВЕИ. 2007. № 6. С. 69.

⁹¹ *Пекник М., Плавкова О.* Особенности формирования исторического сознания граждан Словакии. С. 93.

⁹² *Горшков М. К.* Городской средний класс современной России // ВЕИ. 2007. № 6. С. 54.

⁹³ Там же. С. 57.

⁹⁴ *Доманьский Х.* Участие в гражданских организациях и социальных стратификациях в 19 странах // ВЕИ. 2007. № 6. С. 113—114.

⁹⁵ *Данилов А. Н.* Постсоветская трансформация — выбор будущего для всего мира. С. 47.

⁹⁶ *Ковач И., Чурго Б.* Венгерская культурная элита: социальный портрет и политические предпочтения // ВЕИ. 2005. № 2. С. 138.

⁹⁷ Там же. С. 153.

⁹⁸ *Адамский В.* Государственный социализм и системное изменение. С. 35.

⁹⁹ *Доманьский Х.* Новое измерение социальной стратификации в Польше (электоральное поведение классов в 1991—2001 гг.) // ВЕИ. 2006. № 4. С. 112.

Оглавление

Введение	3
Глава I	
Системная трансформация в Болгарии: от смены власти до вступления в Европейский Союз (1991—2007)	22
Глава II	
Венгрия на старте демократических преобразований государственно-политической и экономической системы (1989—1994).....	86
Глава III	
Вторая волна социально-политической трансформации в Польше: начало реформ в социальной сфере (1999—2007)	151
Глава IV	
Чехия и Словакия в начале нового тысячелетия: разнонаправленные поиски приоритетов политического развития.....	204
Глава V	
Историк и историческая наука в трансформационный период общественной жизни (по материалам пражского журнала "Soudobe dejiny" («Современная история», 90-е годы XX века)	255
Глава VI	
Вторая модернизирующая трансформация в «Восточноевропейских исследованиях».....	301
Оглавление.....	351

Научное издание

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
(90-е годы XX века —
начало XXI столетия)

Коллективная монография

Сборник подготовлен к печати
в отделе редакционной подготовки рукописей
Института славяноведения РАН

Подписано в печать 16.12.2008. Печ. л. 22,0.
Тираж 300 экз. Цена договорная.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СТРАНАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ